

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

ДЛАНЬ ГОСПОДНЯ

Путь инквизитора

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ
ДЛАНЬ ГОСПОДНЯ
Путь инквизитора

Annotation

Он – Длань Господня. Рыцарь, который не приемлет пустых правил традиционного кодекса, но действует в соответствии с внутренним понятием о чести и справедливости. Его беззаветно любят сторонники, боятся и отчаянно ненавидят враги. Он тот, кто способен преломить ход истории.

Ярослав Волков, бывший простой солдат, теперь владелец Эшбахта, готов защищать свою честь и своих людей, он не умеет подставлять правую щеку, и под его знамена готовы встать те, кто гораздо выше его по положению.

- Борис Конофальский
  -
  -

Борис Конофальский
Длань Господня

© Конофальский Б., 2022
© ООО "Издательство "АСТ", 2022
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*** * ***

«Это фэнтези, но в то же время глубочайшая психологическая, очень четкая и ясная проза, написанная великолепным языком… Не чтиво. Оторваться невозможно, но заставляет думать. Очень богатый исторический и культурный материал. Для меня Борис Конофальский – открытие».

Максим Шевченко, журналист, политический и общественный деятель, публицист, радиоведущий, видеоблогер

«Несколько раз натыкался на рекомендации почитать «Инквизитора» Бориса Конофальского. Прочитал. Рекомендую»,

Павел Корнев, писатель

Глава 1

Монах долго осматривал его затылок и шею, просил поворачивать голову, наклонять и задирать ее, трогал, трогал отек, выдавливая из раны кровь, и после этого сказал:

– Думаю, слава богу, кость в шее цела и зашивать рану не нужно… Вдруг начнет гнить, оставлю гною выход. Волосы вокруг выбрею, так рана будет чище. Смажу серной мазью с шалфеем. Болит?

– Терпеть можно, – отвечал кавалер, разминая шею.

– Какая была необходимость в вашей храбрости? – спросил Рене, вертя его помятый шлем в руках. – Я у Бертье спросил, так он говорит, что вы пошли вперед сами.

Рене, Роха и Бертье стояли тут же, молчали, смотрели и слушали монаха, и Максимилиан присутствовал, и еще сержанты. Поэтому разговор, который начал Рене, был Волкову особенно неприятен.

– Туман стоял, – сухо ответил Волков.

– Туман? А может, ты храбрость свою показывал? Так и без того все знают, что ты храбр до безрассудства, – на правах старого знакомца фамильярно «тыкал» ему Игнасио Роха. Он взял из рук Рене шлем Волкова и попытался пальцами вытащить застрявший в затылочной части обломанный шип моргенштерна. У него не вышло, шип сидел намертво.

– Вся наша блестящая победа ничего бы не стоила, если бы вы сейчас были мертвы, – продолжал Рене.

Эти нравоучения раздражали кавалера, а еще монах так противно выскребал рану бритвой, что хотелось заорать на него. Волков едва сдерживался, чтобы не послать офицеров к черту. Только Бертье встал на его сторону:

– Да будет вам, господа, ничего же не произошло, иной раз мне самому хочется встать в первый рад, взять топор да позабавиться немного, тем более что кавалер пошел вперед из-за тумана. Я ему сказал, что его место под знаменем, а он ответил, мол, в таком тумане у стяга никто его не увидит и что нужно поглядеть, что впереди.

– Кавалер, – продолжил Рене, – в другом случае мы не смели бы вас упрекать, ваше право, где вам быть во время сражения, но вы наш вождь, а еще наш сеньор. Вы дали нам место для домов на вашей земле, дали нам землю для пахоты, и нам не хочется это терять. Если вас убьют, а вы не оставите наследника, на Эшбахт сядет другой господин. Он может привести своих людей, а нас попросит вон. Так что ваша жизнь – не только ваша.

– Он прав, Фолькоф, – сказал Роха все так же фамильярно. – Ты уж либо заведи наследника, либо не лезь на рожон.

Кавалер молчал. Будь его люди хоть трижды правы, слушать их надоело. Волков оттолкнул руку монаха, который, кажется, закончил брить ему затылок, встал и пошел прочь. Последовать за ним отважились только Максимилиан да монах.

– Господин, дозвольте смазать рану! – Брат Ипполит бежал за рыцарем с вонючей склянкой.

Кавалер остановился, дал монаху закончить работу. И тут к нему пришел немолодой сержант из людей Брюнхвальда. Волков помнил его еще по Ференбургу:

– Господин, эти сволочи машут тряпками с того берега.

– Машут? – Волков повернулся, принялся приглядываться.

Солнце уже встало, тумана на реке почти не осталось, дымка легкая, да и только. Другой берег уже можно рассмотреть. Да, с того берега кто-то размахивал белым полотном. И еще один был, махал большой зеленой веткой.

– Вы бы не стояли так, господин, – заметил сержант и сделал шаг вперед, прикрывая Волкова. – Не дай бог, найдется у них хороший арбалетчик, а вы без шлема.

– Нет, – отвечал кавалер, – они стрелять не будут, они хотят мертвяков забрать.

– И что? Отдадим? – спросил сержант.

– Пусть забирают, но ты спроси, чего хотят.

Сержант быстрым шагом направился к реке.

– Эй вы, безбожники, чего вам? – заорал он, подходя к воде.

– Парламентер к вам. Примете? – отозвались с того берега.

– Господин, – обернулся к Волкову сержант, – они спрашивают…

– Пусть едет, – сразу согласился кавалер, он все слышал.

– Господин Эшбахта дозволяет вам, безбожники, ступить на его землю! – прокричал сержант.

На лодке с двумя гребцами приплыли с того берега немолодой офицер и горнист. У обоих белые ленты на левых руках. Волков принимал их сидя, Рене, Бертье, Роха стояли за его спиной.

Трубач протрубил «внимание», офицер поклонился и сказал:

– Я ротмистр Майлинг из Перенгира.

– И что вам надобно, ротмистр Майлинг из Перенгира? – спросил Волков и был с ним невежлив, не стал представляться.

– Жены наших людей хотят знать, есть ли такие из наших людей, что остались живы и что сейчас находятся в вашем плену.

– Жены? – злорадно хмыкнул Роха.

– Ваши жены, наверное, знают, что их мужья всегда вели «плохую войну», никого в плен не брали. Отчего же они думают, что с вами будут вести «войну честную»? – ответил Волков.

– Значит, пленных наших у вас нет? – уточнил прибывший офицер.

– Ни единого.

Офицер помолчал, вздохнул и задал новый вопрос:

– Дозволите ли вы забрать тело капитана Пювера? И других павших.

Сначала кавалер не понял, о чем просит приехавший, а когда сообразил, так едва сдержался, чтобы не выказать радость. Неужели и капитан их тут погиб? Какая это радостная новость была. Но при горце Волков радоваться не стал, сдержавшись, он только кивнул великодушно:

– Забирайте всех.

– Вы излишне добры к этим еретикам, кавалер, – заявил Роха, весьма недружелюбно глядя на парламентера и трубача. – Нужно было послать их к черту. Он их папаша, кажется. А вот этих вот двоих повесить.

Волков только махнул рукой. Нет, он не собирался усугублять неприязнь. Он подумывал о том, что впоследствии, если не придется бежать из Эшбахта, с горцами лучше жить в мире. Ни к чему делать из них кровных врагов. Одно дело – война, и совсем другое дело – ненависть.

– Забирайте, но я не знаю, где ваш капитан, – сказал он. – Может, он в реке.

Когда бой закончился, весь берег у воды оказался усыпан оружием и доспехами, которые горцы сбрасывали с себя, прежде чем кинуться в воду. Доспехи и оружие уже собрали. Мертвяки были уже не нужны, солдаты стащили с них доспехи и годную одежду.

На берегу валялось девятнадцать трупов. Еще семеро были изрублены в трех лодках, и были еще мертвые в воде, но тех никто не считал, может, капитан оказался среди них.

– Я позову сюда людей, – предложил парламентер, – мы поищем капитана.

– Шестерых будет довольно, – ответил кавалер, – и чтобы все пришли без железа.

– Как пожелаете, господин фон Эшбахт. – Офицер горцев поклонился и пошел к лодке.

– Так мы что, и капитана их зарезали? – тихо спросил Бертье, когда парламентер еще не отошел далеко.

– Кажется, что так, – кивнул Волков.

– Ах, какое славное вышло дело, – скалился Роха. – Ни одного убитого у нас, а мы их целую кучу набили, да еще и капитана прикончили. Будут теперь знать, чертовы безбожники, как к нам соваться.

– И то верно, – заметил брат Семион, неожиданно для всех появившийся среди офицеров. – Подумают теперь дети сатаны, как оспаривать волю Божью, как противиться Длани Господней.

Все с ним согласились. Все улыбались, может быть, и иронически, но спорить со святым отцом никто не собирался. И Волков, не боли у него шея, тоже улыбался бы. А сейчас он только морщился от боли, пытаясь крутить головой.

* * *

Люди Волкова занялись приготовлением завтрака: после дела все ощущали голод. Горцы приплыли, стали собирать мертвых. Помимо тех, что были убиты на берегу и в лодках, нашли еще одиннадцать мертвых в реке. Перед тем как отдать этих, Роха потребовал, чтобы с найденных в реке сняли доспехи.

– Моим ребятам не хватает доспехов. Ваши придутся нам кстати. – Скарафаджо словно специально злил приплывших горцев, еще и смеялся при этом.

Горцы с мрачными лицами беспрекословно выполнили требование, хотя он был с ними не только насмешлив, но и груб.

Трижды они плавали на свой берег, отвозили полную лодку трупов, но капитана так и не нашли.

– Многие потонули в реке, там, где глубже, – заметил Бертье, глядя на последнюю уплывающую лодку с мертвецами, – как мы их смяли и загнали в воду, так многие стали уплывать. Видно, не все успели доспех снять или не все плавали хорошо. Вот и капитан их там же, на дне, наверное.

– Лишь бы не выплыл, – отозвался Роха.

– Да, – согласился с ним Рене, – лучше он пусть там лежит, чем здесь ходит.

* * *

Когда солдаты и офицеры стали есть, Волков не присоединился к трапезе. Во-первых, болела шея, голову не повернуть, во-вторых, он не знал, что будут делать горцы дальше. Где они? Часть их все еще топталась на берегу. Лодок у них теперь, конечно, мало, но, черт их знает, может, еще пригонят от Милликона. Там, у пирсов, этих лодок и барж десятки. А вдруг сунутся опять, только не в этом месте. Вряд ли, конечно, такое случится. В этот раз им дали так крепко, что теперь только самый сильный командир осмелится еще раз пробовать высадиться. Интересно, вправду ли капитан погиб, или горцы врут, задумав что-то.

– Черта с два они теперь сунутся, – убедительно говорил Роха.

– Да, – соглашался с ним Бертье, – разбредутся по своим домам, станут раны зализывать.

– Хорошо бы, если бы так, – поддерживал разговор Рене, – если действительно их капитан погиб, точно разбредутся, пока нового не выберут.

Волков ушел от своих людей, встал на берегу и оттуда смотрел на веселых обедающих солдат. Которым, кстати, нужно было платить за этот поход. Офицерам он платить не собирался, они все понимали, знали, что воюют за свои домишки и наделы земли, что им пожаловали. А вот с солдатами такое не прошло бы. Двести пятьдесят монет, а то и триста, будь добр, приготовь. И чем дольше он будет держать их на берегу, тем больше придется заплатить. Вместо радости от победы одолевали рыцаря все эти мысли да боль в шее.

Но Господь милостив, прибежал дозорный солдат с западного холма и сказал, что кавалера спрашивают господа, но дозорные их задержали.

– Представились? – насторожился Волков.

– Ага, говорят, что они соседи ваши, зовут их Гренеры.

– Пусти.

– Идите, идите и кланяйтесь, Карл! – говорил сосед своему молодому спутнику, слезая с лошади. – Кланяйтесь этому рыцарю. И я ему поклонюсь.

Оба они кланялись немного обескураженному Волкову. Тот поклонился в ответ.

– Надеюсь, вы помните меня, сосед, – говорил пожилой мужчина, – я был у вас по весне с двумя моими младшими сыновьями.

– Помню, помню, – отвечал кавалер, хотя припоминал этого господина с трудом, – только имя ваше позабыл.

– Гренер, Иоахим Гренер, а это мой сын Карл, мы из поместья Гренер, что в десяти милях отсюда вниз по реке, – говорил пожилой помещик.

– И что же вас привело сюда, друг мой? – спросил его кавалер. – Может, какая нужда?

– Да какая же нужда, наоборот, счастье, добрый мой сосед, счастье, которого я ждал многие годы, и виновник этого счастья – вы.

– Неужели? – не понимал Волков.

– Мужики мои ставят сети прямо сразу за вашей границей, пошли сегодня проверять их, а там мертвяк! Даже два! И по одежке совсем не наши, не лодочники, мы их по исподнему опознали, собаки горные, чтоб им пусто было. Я как раз недалеко был, дети меня и позвали. А пока ехали, так еще нашли двоих, их течением вынесло к траве, к берегу прибило утопленников. Плавают притопленные. Я уже думал, что баржа или лодка перевернулась, может, от жадности ее перегрузили дураки, а она и потони. Но нет. Вижу, порубленные двое. Видно, резали их перед тем, как в реку бросить.

Волков молчал, только чуть улыбался, глядя на соседа. И Максимилиан молчал, стоял за его спиной. И сын соседа в беседе не участвовал, слушал отца почтительно.

А Гренер все говорил:

– Гляжу, как туман с реки сошел, так плывет лодка у моего берега, там эти псы горные, мертвяков своих ищут. Кричат нам, не видали ли мы людей, не спасся ли кто. Ну, мы и говорим: вон, дохлые плавают, забирайте, на кой нам ваша дохлятина. Ну, стали они вылавливать мертвых своих. И тут мы из их слов поняли, что крепко они получили. Говорили они, что много потонуло их, говорили, что всех не выловить. Я сразу на вас подумал. Думаю, никак, это мой сосед их проучил. Все же слышали, что вы их ярмарку пограбили, думаю, решили эти дураки сдачи дать, сунулись, а сосед-то мой не промах, опять их умыл. Вот я и крикнул сыну: «Седлай, Карл, коней, поедем, узнаем, как дело было». Всего час езды, и мы тут. Вот и приехали узнать подробности и поздравить вас. Уж расскажите, как тут вышло, я тоже в седле не один год провел под знаменами нашего герцога.

Вся эта речь была полна восхищения и очень радовала кавалера. Правда, последние слова Гренер произнес без должного почтения. Волкову показалось, что не очень-то сосед жалует курфюрста.

– Рассказывать особо нечего, – отвечал он соседу. – Узнал я, что горцы лодки пригнали сюда, решил поглядеть, к чему это, пришел, а они тут высаживаются. Ну, мы им высадиться не дали. Скинули в реку тех, кто вылез. Вон, три лодки от них тут остались.

– Ах, какой же вы молодец, нам такого тут и надо было, – опять заговорил Гренер. – Не было от них, от задир, житья, разбойники и воры, и сколько на них мы ни жаловались и графу, и герцогу, те отмахивались. Велели мириться с ними. А как мириться с вором? Разве что еще больше ему отдать? А тут вы их и побили.

– Боюсь, дело еще не кончено, – произнес кавалер.

– Не кончено, не кончено, – тут же согласился Гренер, – они злобу затаят, но вот что я вам скажу. Теперь-то вы не один, если они еще надумают, так мы, все местные сеньоры, ну, кроме графа конечно, на помощь вам придем без всякого промедления. Только позовите. Раньше, когда горцы озорничали, так все ждали, что граф позовет в ополчение, а граф и не звал. А других таких, кто позвал бы, не находилось, хотя многие пришли бы. Да, все мои соседи пришли бы, если бы кто их позвал. Вот так они нам опротивели, воры эти горные.

– Что ж, рад я, что вам угодил, коли будет нужда, так уж не сомневайтесь, позову теперь воевать, – отвечал соседу Волков.

– Уж угодили, угодили, – улыбался Гренер, хватая руку кавалера и пожимая ее с жаром. – И зовите нас, придем, уж больно радостно было нам видеть, как они из воды своего дохлого капитана вылавливали.

– Капитана? – оживился кавалер. – Вы точно знаете, что капитан их утонул?

– Точно, – впервые заговорил молодой Гренер. – Я сам слышал, как они в лодке говорили, что нашли капитана, кажется, звали его… – Юноша замолчал, вспоминая.

– Пювер, – напомнил кавалер.

– Точно, точно! – обрадовался Карл Гренер. – Пювер. Один на лодке так и сказал: «Это Пювер, наш капитан».

Вот только теперь Волкову стало спокойно. Можно было уже не волноваться, уже стало ясно, что горцы разойдутся по домам, пока не выберут нового командира.

– Господа, – произнес кавалер, – я еще не обедал, прошу вас к столу. Но еда у меня самая простая, солдатская.

– С удовольствием принимаем ваше приглашение, – сказал сосед. – Ничего, что еда солдатская, я полжизни такую ем. И сыну моему не привыкать.

Волков повел гостей к господам офицерам, настроение у него изменилось, тревога покинула его, он уже проголодался и был не против поесть.

Глава 2

Сидеть на берегу больше не было смысла, если капитан горцев погиб, значит, как сказал Бертье, «разбредутся они по домам раны зализывать».

И держать в готовности столько народа не было нужды, да и дорого. Волков решил вернуться в Эшбахт. Оставил только дозоры на реке да сержанта Жанзуана в рыбачьей деревне, чтобы плоты по его воде бесплатно не плавали.

А затем, когда уже садился на коня, впервые, кажется, за день заметил, что рядом нет здоровяка Александра Гроссшвулле.

– А где Увалень? – спросил кавалер у Максимилиана.

– Так он ранен, – отвечал тот. – Сначала вроде крепился-крепился, а потом как кирасу снял – а у него вся стеганка кровью пропиталась. Ипполит дыры в нем зашивал, велел в телеге ехать.

– А ну поехали, посмотрим, что с ним, – сказал Волков и подумал, что и сам не прочь на обратном пути в телеге устроиться.

Но ему этого делать было нельзя. Нет, он должен ехать впереди своего оруженосца, под своим знаменем. Он же теперь, с легкой руки болтливого монаха, Длань Господня.

Увальню в телеге нравилось, других раненых в ней не было, лежа на соломе всяк приятнее ехать, чем сидя в седле. Рядом лежали его доспех и оружие. Только вот на сей раз этот щекастый и краснолицый парень оказался бледен, хотя и улыбался. Голова его была перевязана, но больше всего тряпок ушло на его плечо.

– Это кто же вас? – спросил Волков.

– Так тот же, что и вас ударил, он, он, скотина, – сообщил Увалень со слабой улыбкой. – Он как вас по голове приложил, вы на колени присели, а этот негодяй для нового удара замахнулся. Вы же мне сказали всех бить, кто на вас замахивается, я его алебардой и ткнул. Вот он на меня и обозлился, вас бросил. Алебарду мою левой рукой схватил, да так крепко, что я и выдернуть ее не мог, а сам меня бьет и бьет своею колючкой! – С этими словами парень полез в солому и достал из нее моргенштерн, показал его Волкову и Максимилиану: – Вот этой вот. Слава богу, что вы ему ногу изрубили, я уж думал, он меня забьет насмерть.

Волков не очень хорошо помнил все это, он тогда задыхался, кажется, и плохо видел в перекошенном шлеме и сбившемся под ним подшлемнике.

– А как вы ему всю ногу изрубили, так он кинулся бежать, – продолжал Увалень. – Но куда на разрубленной ноге-то убежишь! Я его догнал и убил.

– Твой первый убитый противник, – сказал Волков.

– Да, – ответил Увалень не без гордости.

Он вроде даже этим кичился, красовался перед Максимилианом.

Оруженосец молчал, хмурил брови и слушал. Он всегда и во всем превосходил Увальня: по знаниям, по опыту, – хотя и был младше него. И тут на тебе: Увалень убил в бою горца. И, чтобы еще потешить самолюбие здоровяка, Волков добавил:

– Гордись, ты убил очень сильного врага. Очень сильного.

Увалень буквально расцвел и с вызовом глянул на Максимилиана: мол, слыхал?

Максимилиан даже отвернулся.

* * *

К вечеру того же дня Волков оставил солдат, что еще тащились по оврагам и кустам, на попечение офицеров, а сам к сумеркам был уже дома.

И не только желание побыстрее лечь в нормальную постель двигало им. К вечеру начала болеть шея. Чертов горец со своим моргенштерном, будь он проклят. Еще и нога напомнила о себе. В общем, когда доехали, Максимилиану и брату Ипполиту пришлось помогать кавалеру слезать с коня.

Дом, полный женщин, ждал его: сестра, госпожа Ланге, племянницы и даже служанка Мария – все ему были рады. Госпожа Ланге и сестра так и вовсе прослезились. А племянницы прыгали и лезли к нему, даже старшая. Только жена едва обронила:

– Вернулись, господин мой?

Сказала, лицо скривила, словно господин ее в нужник на двор ходил. И больше ничего, взяла вышивку свою и стала дальше рукодельничать.

Да и черт бы с ней, но, как ни странно, Волкову почему-то хотелось, чтобы она узнала о его победе, посочувствовала его страданиям от ран и тягот. Но этой женщине, что являлась его женой перед людьми и Богом, было все равно.

– Мария, вели мне воду греть! – крикнул кавалер и, тяжко хромая после долгой дороги, пошел наверх. – Да одежду приготовь.

– Господин, ужин еще теплый.

– Сначала мыться.

После мытья и мазей монаха Волкову немного полегчало. Сел он есть, племянницы стали его расспрашивать про злых горцев, про то, как его ранили. Все слушали, даже дворовые пришли и толпились в проходе, желая хоть краем уха услышать, как дело было. Но Волков

больше шутил, смешил племянниц, пока не припомнил, что ему какой-то святой помог горцев победить.

Как про святого он заговорил, так сестра Тереза вспомнила:

– Брат мой, так к нам тоже святой приходил сегодня поутру.

– Ах да! – воскликнула госпожа Ланге. – Конечно, был у нас утром святой человек, отшельник местный, вас спрашивал. Но мы сказали ему, что вы на войну пошли, так он за вас молился.

– А он сказал, зачем приходил?

– Говорил, что дело ваше знает, – вспоминала сестра. – А про то, что это за дело, ни слова.

– Да, так и сказал, – добавила Бригитт. – Говорил, что дело ваше знает, говорил, что Бога молил, и Тот послал ему откровение.

Это была хорошая новость. Да, хорошая. Если бы удалось после победы над горцами еще и зверя изловить, то герцогу пришлось бы подумать, прежде чем проявлять свою немилость к господину Эшбахта.

– Не сказал, куда ушел или когда придет опять? – спросил Волков после некоторого раздумья.

– Ничего не говорил, – ответила сестра.

– Ничего, – подтвердила госпожа Ланге.

– Максимилиан, завтра, если силы будут, съездим к нему, и шлем мой возьмите, завезем его кузнецу, он хвастался, что все может починить. Посмотрим, не врал ли.

– Да, кавалер, – ответил оруженосец.

Волков отодвинул тарелку и взглянул на жену. Она сидела за столом, далеко ото всех, уткнувшись в свою вышивку, вид у нее был такой, будто все, что происходит, ее совсем не касается, ей неинтересно.

Не хотелось кавалеру ее трогать, опять начинать домашнюю склоку с воем и руганью, но ему был нужен наследник. Очень нужен, и он сказал:

– Госпожа моя, не соблаговолите проводить меня в спальню?

Элеонора Августа подняла на мужа глаза, и он подумал, что она вот-вот закричит, браниться начнет, так яростен был ее взгляд, но она встала, кинула свое рукоделие на стол, еще раз поглядела на господина своего с явным презрением и пошла по лестнице в спальню, подобрав юбки.

И хоть болела у него нога, и хоть в затылке как шилом ворошили, дело он свое сделал. Ну, слава богу, хоть обошлось без слез и ругани. Только со злостью и брезгливостью на лице жены. Ничего, ради наследника он готов был терпеть.

* * *

Еще не рассвело, еще Мария завтрак не подавала, как пришел Ёган. Сел за стол, ждал, когда кавалер помоется. Болтал с его племянницами.

– Ну? – спросил его Волков, видя, что управляющий не просто так пожаловал.

– Купчишки волнуются, – заговорил Ёган, – все знать хотят, когда мы им зерно возить начнем.

Волков задумался, вытер лицо большим полотенцем. Дворовая девка помогла ему надеть сапоги, брат Ипполит осматривал его рану, смазывал ее какой-то вонючей мазью. Как он закончил и сапоги были обуты, кавалер спросил:

– Думаешь, что к Рождеству цена будет вполовину больше от нынешней?

– А тут и думать нечего, вполовину, а то и вдвое. Так завсегда было, если урожай не шибко большой вышел.

– А сколько ты с купцов денег собрал?

– Сто девять монет.

Волков помолчал, а после сказал с уверенностью:

– Возвращай им деньги.

– Возвращать деньгу? – удивился управляющий.

– Будем цену ждать, – ответил кавалер и пояснил: – Траты у меня большие, очень большие, мне сейчас каждый талер дорог.

– Обозлятся, боюсь. Прождали ячменя да ржи четыре дня, а зря, – раздумывал Ёган.

– Ничего, если кто особо злиться начнет, так позови кого-нибудь из ротмистров, чтобы усмирил.

– Хорошо, так и сделаю. – Ёган встал. – Побегу.

– Может, поешь? – предложил кавалер.

– Так я еще до петухов завтракал, – сообщил управляющий, – побегу, нужно поле посмотреть, кажется, уже пора озимые пахать.

Зато Сыч поесть не отказался, уселся за стол и, шмыгая носом, сказал:

– Экселенц, вы вроде обещали мне долю с ярмарки, говорили, что доля моя будет как у сержанта, если я про горцев все выведаю. – Он улыбался, весь сиял, мол, я все выведал, деньгу давайте.

«Хорошо, что зерно не отдал за бросовую цену», – подумал кавалер и со вздохом полез в кошель.

Он молча отсчитал Сычу шестьдесят талеров, конечно, это намного меньше, чем получил старший сержант, но Фриц Ламме был и этому несказанно рад.

– Вы мои дорогие! – сгребал он со стола талеры. – Идите к своему старику. Давненько у меня столько серебра не было.

– Ты их все-то не пропивай и на баб не спускай. А то оставишь все в новом трактире.

– Да разве столько можно пропить, – говорил Сыч, пряча деньги за пазуху, – нет, все не пропью, спрячу. А пропью немного, малость самую. – Он, кажется, уже предвкушал веселье с вином и кабацкими девками.

– Ты ешь, разулыбался он! – хмыкнул Волков. – Со мной поедешь.

– Куда? – сразу перестал улыбаться Фриц Ламме, видно, планы его рушились.

– К монаху, к отшельнику, был он вечера тут, меня ждал, говорил, что дело решил. Думаю, это он про зверя.

– Ну ладно, поедем, поговорим со святым человеком, – согласился Сыч нехотя и полез в кашу ложкой.

* * *

Не успели они уехать: приехал Рене, стал говорить насчет свадьбы. Старому дурню не терпелось взять замуж сестру Волкова. Он спрашивал, не слишком ли будет торопливо играть свадьбу в субботу. Это все по-прежнему не нравилось кавалеру, но раз уж дал согласие, то теперь не мешать же делу.

– Идите к брату Семиону, – сказал Волков, лишь бы Рене отстал от него. – Договоритесь с ним о дне.

Рене, чертов жених, начал бубнить ему о благодарности своей.

– Не задерживайте меня, Арчибальдус, – хмурился кавалер, желая избавиться от него, – у меня и без вас много дел.

Он собирался ехать к монаху, путь был неблизкий, а нога еще от вчерашней езды не отошла.

– Да-да, конечно, кавалер, – поклонился Рене.

– Вот неймется ему! – шептал Волков, садясь на коня.

– Надеюсь, вы будете на свадьбе? – не отставал от него ротмистр, даже когда кавалер уже сидел в седле.

– Да, буду, конечно, как мне не быть на свадьбе сестры? – отвечал Волков, думая о том, что раньше Рене казался ему умным и трезвым человеком.

Глава 3

– Зараза, опять его нет дома! – еще издали заметил замок на двери Сыч. – Который уже раз ездим дверь его целовать.

Волков тоже злился, путь-то неблизкий, а с больной ногой и вовсе нелегкий.

Сыч спрыгнул с коня и подошел к двери, подергал замок:

– Крепкий. – Привстав на цыпочки, он заглянул в щель, смотрел, смотрел: – Темень, ни хрена не видать. – Он принюхался. – Хотя был недавно, кашу просяную с толченым салом жрал, святой человек. – Он достал нож, вырезал на старой двери белую зарубку и пояснил: – Чтобы знал, что мы тут были. Может, смекнет опять к нам прийти.

– Ладно, – согласился Волков, – поехали, доберемся до кузнеца, на обратном пути опять сюда заглянем.

* * *

Ганс Волинг обрадовался, когда увидел кавалера. А еще больше обрадовался, когда Максимилиан достал из мешка мятый шлем и протянул его кузнецу.

– Ишь ты, вот так да, вот так невидаль! – говорил Волинг, вертя в руках великолепный шлем. – Даже у наших баронов такой красоты нет. – Он осматривал шлем со всех сторон и продолжал бормотать: – Ты погляди, какое железо хорошее, глянь, и его пробили, видать, в лихом деле шлем побывал. Господа, спешивайтесь и посидите в доме, я только погляжу на эту работу, велю коней ваших напоить.

Волков спешился, решил походить по двору, ногу размять. Дошел до ворот, встал, повертел головой, прислушиваясь к ощущениям в шее, но не очень рьяно, так, чтобы кровь опять не пошла из раны. Потрогал отек на затылке рядом с ухом. Было больно, но не так, как вчера, кровь из раны не пошла. Он посмотрел на дорогу и увидал вдалеке четырех всадников.

Даже издали Волков понял, что это местный сеньор или какой-нибудь важный господин, что тут проездом. Конечно, это был не выезд барона фон Фезенклевера из десятка рыцарей. Но тем не менее четверо господ на хороших конях и в приличной одежде быстро приближались к кузнице с запада.

Как подъехали, так Волков уже узнал прибывших. Это был сам хозяин местной земли, господин поместья Баль, молодой и красивый Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц. Элеонора Августа познакомила их на балу у графа. Фон Дениц тогда Волкову не понравился. Обыкновенный заносчивый молодой сеньор. Хотя какой он молодой? Лет тридцать ему уже исполнилось. Волкову не хотелось с ним говорить, но делать нечего.

Барон подъехал, без посторонней помощи слез с лошади, коротко кивнул кавалеру, подошел ближе, протянул ему руку и без всякой шутливости в голосе сказал:

– Большая честь для меня и для моих рыцарей видеть вас, кавалер, на моей земле. Господа, это кавалер Фолькоф, господин Эшбахта.

Рыцари подходили к Волкову, жали ему руку, представлялись, последним был самый из них старший кавалер Редль, он, не выпуская руки Волкова, произнес:

– Для нас, как и для барона, честь видеть вас и жать вашу руку. Мы восхищены вашей победой на реке.

Уж чего-чего, а такого Волков никак не ожидал услышать от заносчивого барона и его рыцарей. В общем-то, он был не из тех

людей, что лезут в карман за словом, и всегда знал, что ответить, но подобное благорасположение заставило его немного смутиться, и вместо ответной любезности кавалер пробормотал лишь:

– Вот, заехал к вашему кузнецу шлем починить. У меня-то кузнеца нет.

– Вам повредили шлем? – воскликнул фон Дениц и пошел во двор кузни прямо к кузнецу. – Тот ваш великолепный шлем, в котором вы были на смотре?

Волков направился за ним, и приехавшие рыцари тоже пошли в кузню.

– А ну-ка, Ганс, дай взглянуть? – Барон дошел до кузнеца, который ему низко кланялся, и взял из его рук шлем. Стал рассматривать его. – Ах, бог ты мой, какая прелесть. Кавалер, откуда у вас деньги на такое роскошество?

– Это… – Волков хотел сказать «награда», но почему-то сказал: – Подарок.

– Если подарок от женщины… Даже не знаю, как вам удалось заслужить его, – засмеялся барон, рыцари его тоже улыбались.

Кавалера так и подмывало сообщить, что подарил ему доспех сам архиепископ Ланна, но это выглядело бы как бахвальство высокими связями, и он не стал распространяться о дарителе.

– И это повреждение вы получили вчера на реке? – продолжал рассматривать шлем барон.

– Да, вчера на рассвете.

– Поймали горцев на высадке? – спросил один из рыцарей.

– Именно, как раз они высадились на мой берег первой партией.

– И вы как следует им врезали? Причем убили их капитана? – говорил барон, передавая шлем кузнецу и ожидая ответа Волкова.

– Я смотрю, новости здесь распространяются быстро, – заметил тот.

– Самое интересное в нашей глуши – это новости, – усмехнулся фон Дениц. – Ну, расскажите, как было, хотя бы вкратце. Как вы узнали, что они готовят набег?

Волков не стал говорить, что у него на том берегу есть свои люди. Это ему показалось излишним.

– Мои дозорные сообщили, что напротив леса собрано много лодок. Я их после ярмарки все время ждал. Поспешил туда. Так и есть,

за рекой был их лагерь. – Волков рассказывал так просто и буднично, словно описывал обед, и обед отнюдь не праздничный. – Мы подошли к реке тихо, там было всего одно удобное место для высадки. Я разбил мои отряды на три части, затем дал горцам слезть с лодок и ударил по ним с трех сторон. Сбросил в воду. Они послали помощь, но мои стрелки расстреляли лодки, что плыли на наш берег. Наш с вами сосед Гренер сказал, что горцы потом выловили своего капитана из реки. Вот, в общем, и все.

Волкову казалось, что барон пару раз бросал внимательный взгляд на Максимилиана, что был тут же и слушал их разговор. Сначала думал, мало ли, но потом понял, что юноша заинтересовал барона.

– А вы, мой юный друг, – заговорил фон Дениц, обращаясь к молодому человеку, – вы тоже были при деле на реке?

– Да, господин барон, – ответил молодой Брюнхвальд.

– Вы оруженосец господина Эшбахта?

– Имею честь им быть, – не без гордости отвечал Максимилиан.

– Да, кажется, это и вправду честь – состоять при таком славном воине, – без всякой иронии согласился барон, подходя к юноше и глядя на него пристально. – Ваш рыцарь, я вижу, был ранен, он сражался, а вам, мой юный друг, удалось обнажить меч?

– Нет, – с обидой в голосе отвечал Максимилиан. – Кавалер отослал меня к стрелкам, а они запоздали к атаке, я не видел, как его ранили.

– А позвольте взглянуть на ваш меч, – вдруг произнес барон и протянул руку.

Юноша растерялся, он не знал, как поступить, и покосился на Волкова, тот едва заметно кивнул. Тогда Максимилиан достал из ножен свой меч, протянул его фон Деницу. Это, конечно, был не простой солдатский тесак, но и не выдающееся оружие. Хорошо заточенный меч с простой гардой и незамысловатым эфесом. Странно, что барон заинтересовался таким оружием. А барон рассмотрел меч как следует, что он в нем находил – для всех было непонятно.

– Не расстраивайтесь, мой юный друг, – произнес фон Дениц, возвращая Максимилиану оружие, – уверен, что вам еще представится случай проявить себя в бою.

При этих словах он вдруг похлопал юношу по щеке. Вроде и по-отечески, но как-то уж очень… ласково. Максимилиан спрятал оружие

в ножны и даже растерялся от прикосновения барона, он уставился на кавалера, думая, что тот ему что-то объяснит. Но взгляд Волкова был невыразителен, он словно не видел, как барон прикоснулся к юноше.

– Ганс, – заговорил барон, обращаясь к кузнецу, – с господина Эшбахта плату за ремонт шлема не брать.

– Как изволите, господин барон, – сразу ответил кузнец.

– В этом нет необходимости, – заявил Волков достаточно твердо.

Ему не нужны были красивые жесты и милости местных сеньоров.

– Позвольте мне хоть как-то поучаствовать, – заговорил барон проникновенно. – Быть хоть самую незначительную малость причастным к вашему славному делу у реки. Тем более что мы с Гансом старые приятели, у нас много общих дел. Мы с ним посчитаемся как нужно. Ганс, я запрещаю тебе брать деньги за ремонт этого прекрасного шлема.

– Не возьму ни пфеннига, – заверил кузнец.

Волкову было неудобно настаивать, теперь его желание заплатить выглядело бы невежливым.

– Я благодарен вам, барон, – поклонился он.

– Нет, это я благодарен вам, кавалер, за то, что вы проучили этих хамов из-за реки, на что никак не отваживался наш герцог. И не только я, все мы натерпелись от них обид. Я очень надеюсь, что вы примете мое приглашение на обед. Я и мои рыцари мечтаем услышать о вчерашнем деле во всех подробностях.

– Именно так, – поддержал сеньора кавалер Редль, – мы стоим и гадаем: чем вам пробили шлем?

– Никогда не отгадаете, господа! – Волков даже засмеялся.

– Так пробить можно было только клевцом, – предположил один из рыцарей. – Дыра совсем маленькая. Били справа, прицельно.

– Не угадали, – смеялся Волков. – Клевец я бы остановил рукой.

– Молот? Топор? Хотя нет, вмятина вышла бы больше, – гадали рыцари.

– Вы не поверите, господа, но это был моргенштерн, – улыбался кавалер.

– Неужели эти хамы еще ими пользуются? – удивился барон.

– Я тоже думал, что они в прошлом, – сказал Волков. – И не будь со мной моего второго оруженосца, так и умер бы, полагая, что это

оружие уже ушло в прошлое. Уж очень ловким оказался этот горец.

Все засмеялись, а барон сказал:

– Все, собираемся, Эшбахт, прошу вас быть гостем в моем замке. Обещаю вам хороший обед и отличное вино.

Волков стал серьезен, хоть и изменилось его отношение к барону, хоть и нравились ему его рыцари, но он ответил:

– Господа, барон, не сочтите за невежливость, но я вынужден отказаться, обстоятельства требуют от меня быть все время дома. Да еще я хотел обязательно посетить отшельника на обратном пути.

– Вот как, – сказал барон с заметным разочарованием, – очень жаль.

– А святого человека вы хотите просить о чем-то? – поинтересовался Редль. – Я так всегда прошу его, чтобы молился за мою победу на турнирах.

Рыцари опять засмеялись.

Волков задумался на мгновение, но решил сказать. Эти господа могли оказаться даже полезны.

– Епископ Маленский просил меня о деле, он считает, что здешние места изводит оборотень. И хочу я того оборотня изловить.

– Оборотень? – спросил Редль удивленно. – Мы думали, это волки так расплодились в ваших пустошах, пока там не было хозяина.

– Думаю, что вы ошибаетесь, господа, – ответил Волков серьезно.

– Да ну, не может быть, – отмахнулся барон, ухмыляясь, – заведись у нас тут оборотень, так разогнали бы как раз скуку. Уж мы бы устроили на него хорошую охоту и нашли бы его.

– К сожалению, оборотень где-то рядом, вот господин Брюнхвальд так дважды с ним сталкивался. – Волков указал на Максимилиана.

Все с удивлением смотрели на юношу, и тот опять смутился.

– Вы видели зверя? – все с тем же удивлением спросил Редль.

– Кажется, да, – неуверенно отвечал юноша. – Два раза.

– Два раза? – Редль уже не скрывал улыбки. – Два раза видели вервольфа и все еще живы?

– Да, – опять неуверенно подтвердил Максимилиан.

– Но говорят, что такой зверь необыкновенно свиреп, – заговорил другой рыцарь. – Как же вам удалось уцелеть?

– Ну, в первый раз я залез на дерево, – рассказывал Максимилиан, – а во второй раз его сильно лягнул мой конь.

Тут рыцари и барон принялись откровенно смеяться. Они, кажется, не верили ни единому слову юноши.

– Значит, ваш конь лягнул оборотня? – успокоившись после смеха, поинтересовался барон. Он опять подошел к Максимилиану и положил руку ему на плечо. – Видно, это был какой-то слабый оборотень. Ну да и бог с ним, вы скажите, кавалер, а зачем вам к отшельнику?

– Я просил его помочь с поисками, он знает все окрестности и всех людей лучше кого бы то ни было. Он обещал подумать. Вчера, пока я был на реке, он приходил ко мне и передал, что разобрался с делом. Думаю, что он вызнал про зверя, вот и хочу с ним поговорить.

– Ну что ж, желаю вам удачи, прошу вас пообещать, что, как только вы соберетесь ловить зверя, позовете меня и моих рыцарей. Мы с удовольствием поохотимся, – сказал барон.

– Да, – вмешался Редль, как только барон закончил, – а еще я прошу вас звать нас обязательно, когда соберетесь бить горцев.

– Я обязательно позову вас, – поклонился Волков.

– Да-да-да! – поддержал барон своего рыцаря. – Всякие оборотни и лешие – это, конечно, интересно, но тут уж как получится, но вот если дело коснется горцев, настоятельно просим приглашать нас. Это не бахвальство, кавалер, мы действительно просим вас звать нас, если понадобимся. Мы сочтем за честь встать под ваше знамя.

– Я обязательно позову вас, господа, – пообещал Волков, – и вы будете драться под своим знаменем.

Они друг другу поклонились.

Глава 4

Когда поехали обратно, Сыч, который весь разговор с бароном и рыцарями молчал, заговорил:

– А ну, дай-ка, Максимилиан, твой меч глянуть.

Максимилиан молча протянул Сычу меч, ему было интересно, что Сыч с мечом делать станет, Волкову тоже было интересно. А Фриц Ламме ничего и не делал, осмотрел его, как барон осматривал, и вернул Максимилиану.

– Ну, и что ты там увидал? – спросил юноша.

– В том-то и дело, что ничего, – отвечал Сыч. – Пара мелких зазубрин. И все понять не могу, чего его барон нюхал.

– Нюхал? – удивился Максимилиан.

– Ну, рассматривал, – ответил Сыч, поморщившись от такого непонимания. – Вон у кавалера какой меч, сплошное золото, а фон Дениц твой взялся смотреть. К чему бы это?

– Что ты имеешь в виду? – Волков внимательно взглянул на Сыча.

– Да ничего, – отвечал Фриц Ламме. – Просто думаю.

– Думаешь… – Волков сделал паузу. – Думаешь, барон…

– Да нет… – Сыч сомневался. – Хотя всякое может быть. Если так, то все складывается. Но уж больно легко он про то говорил, не сильно его этот вопрос заинтересовал.

– О чем вы? – произнес Максимилиан. – Считаете, что барон и есть оборотень?

Волков не ответил, Сыч тоже молчал.

– Ну, Фриц, скажи, что ты думаешь? – не отставал Максимилиан.

Фриц вдруг оскалился с противным ехидством, так он скалился, когда что-то сальное сказать собирался:

– Думаю, что барон из этих.

– Из каких из этих? – не понял юноша.

– Из тех, что не любят бабьи передки, да любят мальчишечьи задки, – ответил Фриц Ламме и засмеялся.

– Чего? – не понял Максимилиан. Сначала не понял. Потом посмотрел на Сыча и сказал: – Да не может быть.

– А ты что, не увидал этого? Он едва тебя целовать не стал, – ехидничал Сыч.

– Кавалер! – Юноша обернулся к Волкову.

– Всякое случается, – серьезно ответил Волков, ему сейчас было не до того, он думал о том, может ли барон являться оборотнем.

А Сыч все скалился и цеплялся к Максимилиану:

– А ты, Максимилиан, скажи, тебе бабенки-то милы бывают? Я что-то не припомню, чтобы ты бабенок тискал, хотя возраст у тебя подходящий. Может, ты сам такой же, как барон?

Максимилиан покраснел, не много у него было опыта. Самый яркий случай произошел с ним в Ференбурге. Да, две девицы были очень хороши, их он вспоминал, особенно черноглазую, жаль, что они

оказались ведьмами и обеих казнили. А про сумасшедшую Агнес и ее звериные ласки так вспоминать не хотелось. Ему нравилась и еще одна женщина, он о ней думал и даже мечтал о ней. Но она была много старше его, лет на десять, наверное. А еще она часто украдкой шепталась о чем-то с господином, когда думала, что их никто не видит. Он специально приходил в дом господина рано утром. Женщина спала внизу на лавках, иногда она еще не успевала одеться, пару раз Максимилиан видел ее в одной нижней рубахе.

Он садился на лавку к стене и делал вид, что не смотрит на нее, пока она быстро надевала платье. Иной раз успевал увидеть ее ключицы и большой ворот рубахи или даже темные пятна сосков или низа живота, что просвечивали через тонкую дорогую ткань.

Надев платье, она быстро и не без труда прятала под чепец свои пышные и непослушные волосы. И если ненароком ловила взгляд оруженосца, то едва заметно улыбалась ему. Он для этого и вставал ни свет ни заря. Мылся и чистил одежду в темноте, причесывался. Все только для того, чтобы увидеть ее в нижней сорочке и поймать улыбку на веснушчатом лице.

– Ну так что, Максимилиан? – не отставал от него Сыч. – Есть бабенки, что тебе нравятся? Или ты как этот барон?

– Дурак ты, Сыч, – беззлобно ответил юноша, он больше не собирался говорить на эту тему.

Кавалер никогда такие темы не обсуждал, значит, и ему не следует. Он во всем хотел походить на своего господина.

Сделали крюк, снова заехали к монаху, но дверь опять оказалась на замке. Сыч поглядел следы и сказал, что как они тут утром были, так больше здесь никто не появлялся. После поехали домой.

Как приехали, нога разболелась. Но к этому Волков уже привык. А вот то, что он к вечеру почувствовал озноб, хоть дома было даже жарко, так это монаха напугало. Брат Ипполит долго осматривал рану на шее, молчал, ничего не объяснял. Принес инструмент свой врачебный, достал специальный нож. Но, подумав, резать не стал. Дал Волкову настойку сонную и отправил спать. Госпожа Эшбахта была рада, что господин Эшбахта в тот вечер не искал ее благосклонности.

* * *

Утром чувствовал Волков себя все еще не слишком хорошо. Есть ему не очень хотелось, что было странно, едва заставил себя проглотить два вареных яйца да две ложки проса на молоке и меде. Тогда пришла госпожа Ланге со двора и сказала, что к нему прибыл гонец от графа.

Волкову и сургуч на письме ломать не требовалось, чтобы знать, о чем там писано. Конечно, граф в письме был зол и требовал его к себе в замок для объяснений. Конечно, никуда кавалер ехать не собирался. Отписал графу, что болен. А когда начал писать, так тут же брат Ипполит пришел опять осмотреть ему рану. И гонец это видел, поэтому графу подтвердит его хворь.

Монах опять был недоволен. Потрогал лоб кавалера, не горячий ли. Снова смешал в стакане снадобья, поставил кипятиться воду для отваров. А Волкову впервые, кажется, за многие дни не было нужды никуда ехать и ни о чем печалиться. Первоочередные заботы он разрешил, а те, что были еще не разрешены, не требовали немедленных действий. Где там еще гнев герцога, где злоба горцев? Пока можно обо всем этом не думать. Пока госпожа Эшбахта и ее подруга госпожа Ланге были на дворе и отчитывали дворовых девок за лень и нерадивость, он сидел за столом, маялся от скуки и неприятного озноба в теле. Всегда так: как нога не болит, так еще что-то прихватит. Вот озноб какой-то, неужто от раны в шее?

– Монах, – позвал он, запрокидывая голову, проверяя, не заболит ли, – а нет ли у нас каких книг?

Брат Ипполит в это время толок в чашке какой-то корень. Он даже остановился от удивления, так давно господин не говорил с ним о книгах.

– Так у меня только одна книга, что вам интересна, остальные все по медицине, – ответил он.

– Хочешь, поедем в Мален да купим книг каких, – предложил Волков.

– Каких книг? – сразу оживился брат Ипполит.

– Да каких хочешь. И мне какую-нибудь интересную.

– Нет, – чуть подумав, отвечал брат Ипполит. Конечно, книг ему очень хотелось, но здоровье господина поважнее будет. – Вам сейчас лучше в седло не садиться.

– А я карету жены возьму, – сказал Волков, – брошу туда перин, да поедем.

– Нет, завтра поедем, если лучше будет ваша шея, – твердо ответил молодой монах.

Пришел брат Семион, чуть послушав, о чем они говорят, сразу сказал:

– Завтра свадьба у ротмистра Рене, а вот послезавтра вы и отправляйтесь. Сейчас, если вы, кавалер, телегу мне дадите, я съезжу к епископу.

– Зачем это ты к нему поедешь? – спросил Волков, хотя и так знал, зачем хитрому монаху нужно к доброму епископу.

– Поговорить о церковной утвари, никак без нее невозможно службы справлять, – отвечал брат Семион смиренно. – Может, епископ даст мне что-нибудь, что ему в приходе его не нужно.

– Так епископ дал тебе, кажется, две тысячи двести талеров, – изобразил притворное удивление кавалер, – деньги большие, неужто ты даже церковной утвари не купил?

– Так все на стройку уходит, как в прорву: то кирпич, то балки… – начал монах.

– Ну да, ну да, – кивал ему Волков понимающе, – а то и печи, которые в храме не нужны, надобно дорогими изразцами отделать.

– Так вы, господин, телегу-то дадите мне? – решил закончить этот неприятный разговор настоятель недостроенного храма.

– Бери-бери, – дозволил кавалер, с удовлетворением понимая, что он еще на шаг ближе становится к неплохому дому, что уже почти построил поп. – Езжай к епископу, может, даст он тебе утварь.

Знал Волков, что помимо утвари хитрый поп попробует выклянчить у епископа еще денег. И надеялся, что епископ не даст.

И то ли от снадобий брата Ипполита, то ли от любопытства, но Волкову вдруг полегчало. Озноб прошел, и шея, кажется, престала гореть. Он позвал Максимилиана и пошел на улицу. Коней седлать не стали, идти было недалеко. Пошел он смотреть дом, что строил брат Семион. Дом, который Волков уже считал своим.

И дом, и двор, и все дворовые пристройки ему понравились. То ли монах был так сведущ, то ли молодой архитектор так искусен, в общем, строение показалось кавалеру весьма пристойным и уже почти готовым к проживанию. Волков понадеялся, что епископ денег брату

Семиону больше не даст. А еще он, ходя с Максимилианом по красивому и светлому дому среди работников, уже заканчивающих дело, думал, что этот дом нельзя отдавать горцам. Никак нельзя. Больно он хорош.

К вечеру вернулся жар в шее, наверное, от кислого лица жены, что сиднем сидела за столом с рукоделием. А еще приехал брат Семион из города и привез старую утварь церковную. Но вид его был невесел. Это немного порадовало Волкова.

– Отчего же ты печален? – спросил он монаха, едва скрывая улыбку. – Тебе же епископ дал утварь.

Брат Семион только вздохнул в ответ.

– Утварь дал, а денег, видно, не дал, – смеялся кавалер.

– Не дал, – признался монах.

– Так на что будешь церковь строить? Твоих денег у меня осталось сто семьдесят талеров. Или, может, службы во дворце твоем служить будем?

– Авось Бог не выдаст, – вздохнул монах. – Как-нибудь да сложится.

– Ну-ну, – кивал Волков, он уже даже знал, как все сложится.

– А, чуть не забыл, – вспомнил брат Семион. – Епископ просил вас быть к воскресной мессе в Малене.

– К утренней? – удивился Волков.

– К утренней, к утренней, – говорил монах, – просил вас приехать под знаменем и при лучшем своем доспехе, с сотней лучших своих людей и офицерами. Быть всем у южных ворот. Говорил, что вам от этого польза большая выйдет.

– Это еще зачем? Какая еще польза? – продолжал удивляться Волков.

– Мне он не сказал. Велел, чтобы были обязательно.

– Ну хорошо, – медленно произнес кавалер, раздумывая о затее епископа. – Раз нужно, так буду.

Глава 5

Ах, как чудесна была эта книга! Даже название в ней было чудесным: «Метаморфозы». Его так и хотелось повторять и повторять.

Метаморфозы. Прелесть. А уж от содержания так и вовсе нельзя было оторваться. И очень кстати книга эта Агнес пришлась, словно подарок того, кто угадал… или знал ее чаяния.

Она читала страницу за страницей, забывая поесть: да как же тут оторваться, если этот Корнелиус Крон словно про нее писал. Все ее чувства описывал и желания. И говорил, что делать дальше.

Он писал о том, что она совсем недавно сама в себе обнаружила, о том, как сама может менять себя. Писал о том, что она без красок, подкладок, румян и других женских ухищрений, а лишь волею своею может себя изменить до неузнаваемости. Лишь одним желанием неистовым своим поменять себя на другую – на такую, какой захочет себя видеть.

И с радостью узнавала Агнес, что менять она может и лицо, и руки, и ноги, и зад. И это не все! И рост, и ширину бедер, даже волосы! Волосы! Как можно изменить свои волосы? А этот великий чародей и магистр писал, что умному человеку или даровитой жене, что ощутили в себе дар, все подвластно. И коли дар их велик, а не скуден, то не только плоть грубую могут они менять, не только становиться выше и толще, но и глаза и волосы по желанию своему изменить. И цвет волос? И длину? И густоту? Ах, как захотелось ей знать, даровитая она жена или дар в ней слаб.

Агнес вскочила с постели.

– Ута! – закричала она, скидывая с себя дорогую нижнюю рубаху небрежно. – Ута, сюда иди!

Сама стала к зеркалу нагая и разглядывала себя. И все, что видела она, не нравилось ей. Ноги худы, дыра промеж них – кулак проходит, лобок едва порос редкими волосами, груди тверды и не висят, но малы, а еще ребра, а еще ключицы, а еще таза кости острые торчат, как у дохлой лошади, что лежит неделю в придорожной канаве.

Девушка хоть и молода была, а понимала: нет, не желанна она, чего же удивляться, что господин на нее не смотрел, когда рядом Брунхильда. У той-то силы и красоты как у кобылицы молодой. Все у этой дуры беззубой было: и зад, и грудь, и ноги красивые, и рост, и лицо, и лобок черен от волос.

– Ута! – заорала Агнес. – Бегом сюда беги, корова ты дебелая, иначе морду разобью!

– Госпожа, звали? Что, ужин подавать? – заглянула в дверь запыхавшаяся служанка. Видно, что бежала по лестнице.

– Свечи неси! – рявкнула Агнес.

– Сколько?

– Много. Дюжину неси!

Расставила свечи вокруг, зажгла их. Стала к зеркалу, постояла: да, теперь все хорошо видно. Взяла книгу, раскрыла на том месте, где остановилась. Стала опять читать, читала про себя, лишь губы от волнения шевелились.

– Волосы, волосы, волосы, – шептала она, подняв глаза от книги в зеркало. – «Не глупой силой рук, а лишь дерзновением души, все презирающей, и волей неуклонной», – повторила она последние строки абзаца. – «Дерзновением души».

Девушка смотрела и смотрела в зеркало, ничего не делая, не шевелилась. Едва дышала, стояла и просто смотрела на себя исподлобья, чуть наклонив вперед голову. Повторяя про себя: «Лишь дерзновением души. Лишь дерзновением души».

Свечи помалу оплывать стали, капать воском. За дверью ходила на цыпочках тяжелая Ута. Прислушивалась, что там у хозяйки. А она все смотрела и смотрела на себя в зеркало, пока ломить глаза не стало. Кажется… Кажется…

– Ута! – закричала она.

– Да, госпожа, – тут же отозвалась Ута, отворяя дверь.

– Сюда иди, – велела Агнес и наклонила голову, словно собиралась боднуть служанку. – Смотри!

– Куда? – с испугом спросила глупая служанка.

– На волосы смотри, дура!

– А что там? – подвывала Ута.

Агнес захотелось ее убить.

– Смотри, дура, потемнели ли волосы? – еле сдерживаясь, произнесла Агнес.

– Ах! Да! Потемнели, стали темны в корнях возле пробора!

– Потемнели или почернели?

– Ох, дайте разглядеть. Потемнели.

Ах, как ей стало хорошо, хоть и устала она отчего-то, словно целый день в карете ехала, но все равно хорошо ей было сейчас. Значит, не ошиблась она. И не соврал Корнелиус Корн. Девушка снова

стала разглядывать себя в зеркале, разгребая волосы пальцами. Нет, не ошиблась, ее русые, сероватые волосы немного изменились. У корней волосы стали заметно темнее.

– Госпожа, да как вы так смогли? – бубнила Ута, все еще приглядываясь к ее волосам.

– Вон пошла! – сказала счастливая Агнес и поплелась к кровати. Упала на нее, прямо на перину. Так устала, что укрыться сил не было, все, что она смогла, так это крикнуть уходящей служанке: – Куда пошла? Свечи-то потуши, скудоумная.

Утром, когда еще темно на дворе было, она, не поев, не помывшись, не одевшись даже, опять к зеркалу, опять за книгу. Как была голая, стала перед зеркалом, даже служанку не позвала: сама лампы и свечи зажгла. И снова принялась читать книгу. Запоминать слова и делать то, что там писано. И теперь ей все легче давалось. Лицо как по взмаху руки меняла. Пока одно научилась быстро делать. Посмотрит на себя в зеркало и так, и эдак, и справа, и слева, а потом рукой перед глазами проведет – раз! И иная девица стоит в зеркале. Как это удивительно и прекрасно было. Перед ней другая, с лицом не таким, как у нее, с лицом красивым. И Агнес нипочем не узнать, разве что по глазу, который косит немного. Да, прекрасно, прекрасно, но этого мало. Она хотела плечи иные. Чтобы как у Брунхильды, чтобы ключицы не торчали. И грудь больше, и живот красивый, и бедра! Ну что у нее за бедра? Костлявые, угловатые. И ноги! Книга, конечно, книга ей поможет. Девушка снова раскрывала книгу, читала и читала. И тут же пыталась сделать, как сказано. Но не все получалось, как ей хотелось. Уже за окнами посветлело, уже за дверью шебуршала служанка, пахло из кухни завтраком давно, а она все пыталась так себя выгнуть изнутри, так растянуть, чтобы стать новой, саму себя удивить. Выгибалась, напрягалась, старалась, пока силы ее не покинули. Даже книга из рук выпала. Мало что сегодня получилось у нее, мало. Пошла Агнес и повалилась на кровать разочарованная.

В дверь поскреблась Ута:

– Госпожа, мыться желаете?

– Прочь! – крикнула она зло, хотя злиться на служанку глупо. Ну не она же в неудачах виновата. Да и можно ли сегодняшние старания считать неудачными? Кое-что у нее получалось.

Как была без одежды и простоволосая, так босиком пошла вниз к завтраку. Ее дурное расположение духа все сразу почувствовали.

Зельда Горбунья так от плиты не отворачивалась, жарила колбасу. Ута старательно чистила подолы ее нижних юбок, головы не поднимала. А Игнатий как увидал, что госпожа спустилась из спальни нагая, так уже уйти в людскую собирался от греха подальше, уже встал. Но Агнес не дала ему уйти, окрикнула:

– Стой, Игнатий. Ко мне иди.

Он замер поначалу, а потом пошел к госпоже неуклюже боком, и так шел, чтобы не дай бог глаз на нее не поднять.

А Агнес мостилась на твердом стуле: голой сидеть на нем неудобно. Тощим задом ерзала, да все без толку, и тогда крикнула:

– Ута, подушек мне принеси.

Служанка бегом кинулась, по голосу госпожи знала, что сейчас ее лучше не гневить.

Агнес же после подняла глаза на кучера своего:

– Расскажи мне, Игнатий, зачем ты баб убивал? К чему это? Другие мужики баб не убивают, пользуют их, и все. А ты зачем душегубствовал?

– Что? Баб? – растерялся конюх.

– Не думай врать мне! – взвизгнула Агнес. И так на него уставилась, что он щекой своею небритой, через бороду густую взгляд ее чувствовал. – Говори, зачем баб убивал?

– Ну так… Это от мужской немощи… – заговорил конюх явно нехотя и поглядывая при этом на Зельду, что стояла к нему спиной у плиты. – Ну… Там… Когда бабу я хотел… А у меня силы мужской не было… Пока я ее…

– Что? – продолжала за него Агнес, привставая со стула, чтобы Ута уложила на него подушки. – Душить не начинал? Или бить?

– И бить, и душить, – признался кучер, – в общем, пока она скулить не начнет.

– А дальше? – усевшись удобно, продолжала расспросы девушка.

– Ну а дальше… Ну, душил их или бил, пока они чувства не теряли.

– Зачем?

– Так по-другому разрешиться не мог, – бубнил здоровенный конюх. – А как она с синей мордой хрипеть начинала или кровью

давиться, так у меня все и разрешалось. Только так и получалось.

– Да ты зверь, Игнатий, – засмеялась Агнес. – Скольких же ты баб убил вот так?

– Да не то чтобы много, обычно все без душегубства было, редко не сдержусь и распалюсь совсем… Тогда и выходило… А так обычно бабы сами еще… Уползали потихоньку живыми. Да и были почти все они гулящие.

– А что, и негулящих баб ты убивал?

– Ну, случалось пару раз… – отвечал Игнатий.

– А как же ты горбунью нашу берешь, если не душишь? – удивлялась Агнес.

– Сам не пойму, иной раз такой чес у меня, что горит все, как ее охота. Никогда с другими бабами такого не было, – искренне отвечал конюх.

Ну, эту тайну Агнес и сама могла раскрыть. Когда она была довольна Зельдой или ей просто становилось скучно, так она звала к себе горбунью, откапывала заветный ларец, брала нужную склянку с зельем, что мужей привлекает, мазала ей шею и за ушами. И тут же счастливая Зельда шла к конюху, ходила рядом или садилась с ним, и тут же Игнатий интерес к ней являл нешуточный, тащил горбунью в людскую. А та сразу становилась румяна и не сильно-то противилась грубым ласкам конюха. А за ними, чуть погодя, и сама Агнес шла поглазеть да посмеяться над уродами. И Ута тоже ходила постоять в уголке да позаглядывать.

Так что Агнес, как, впрочем, и Зельда, знала, почему Игнатий больше баб не бьет.

– А ну подойди ко мне! – велела девушка.

Он подошел к ней ближе, но все еще стоял боком, старался не смотреть на госпожу.

– Ближе, говорю, – продолжала Агнес.

Он подошел совсем близко, уже у стула ее стоял.

– Глянь-ка на меня, – говорит ему девушка.

Он послушно стал смотреть ей в лицо, стараясь не глядеть ниже, и наклонился даже, чтобы ей удобнее было его видеть.

– А может, ты и меня хочешь измордовать и убить? – спросила Агнес с опасной вкрадчивостью.

– Что вы, госпожа, что вы, – тряс головой конюх. – Даже в мыслях такого не было.

И девушка аж с наслаждением почувствовала, как могучее тело конюха наполняется страхом. Да, этот человек, чьи плечи были в два раза шире, чем ее, чьи руки напоминали могучие корни деревьев, боялся Агнес. Он стоял рядом и вонял лошадьми, чесноком и самым постыдным бабским страхом. Таким едким… что Агнес вдыхала его с удовольствием. Она видела его заросшее черной бородой лицо, его телячьи глаза, его дыру в щеке. В эту дыру она запустила палец и, не почувствовав и капли брезгливости, притянула его голову к себе еще ближе:

– А не думал ли ты, Игнатий, сбежать от меня?

– Госпожа, да куда же! Не было у меня такой сытной и спокойной жизни никогда, я с вами на веки вечные.

– Смотри мне! – произнесла Агнес, с удовлетворением отмечая, что он ей не врет. – Если вдруг бежать надумаешь, так имей в виду – отыщу. Найду и кожу по кускам срезать буду. – Она отпустила его и добавила громко: – Это всех касается.

И Ута, и Зельда обернулись и кивали.

Игнатий, кланяясь и все еще стараясь на нее не смотреть, отошел в сторону. А настроение у Агнес заметно улучшилось. Она чуть подумала и велела:

– Ута, мыться и одеваться. Зельда, завтрак подавай. Игнатий, карету запрягай.

– Как запрягать? На долгую езду? – спросил кучер.

– Нет, по городу поедем, с одним душегубом я сегодня уже поговорила, теперь хочу с другим побеседовать.

Глава 6

Теперь ублюдок Уддо Люббель с ней плохо говорить не осмеливался. У него до сих пор ляжки не зажили, и при виде Агнес едва снова кровотечение не открылось. Теперь он кланялся, лебезил, но девушка чувствовала, что этот человек опасен. Много он хуже и подлее, чем даже душегуб Игнатий. Для этого ей и выспрашивать у него что-либо не было нужды. Она видела его насквозь. Хитрый и коварный, лживый в каждом слове, он затаился и сейчас кланялся, но без размышлений или даже с наслаждением предал бы ее, отправил бы на костер, если бы смог. Агнес почти не сомневалась, что этот выродок узнавал насчет нее и кавалера Фолькофа у своих знакомых. И видно, услышал то, что ему не понравилось, поэтому затаился и кланялся ей, и кланялся на каждом шагу, хоть ноги Уддо Люббеля, замотанные грязными тряпками, слушались его еще плохо.

Агнес смотрела на него, разглядывала его улыбающийся беззубый рот, обветренные и облезлые губы. Наверное, детям было не только страшно, когда он их ловил, но еще и мерзко, когда он их трогал, целовал. Агнес заглядывала в холодные рыбьи глаза и думала о том, что этот человек ее ненавидит. И все-таки не хочет она ему брюхо резать, мерзко ей второй раз его вонючей кровью пачкаться. Когда он ей не нужен станет, так она велит Игнатию его убить. Самой противно.

Торговец освободил стул от всякого хлама, скинул все на пол и с поклоном предложил госпоже сесть. Стул был грязен, запылен, и Агнес сделала жест Уте, указала ей. Та сразу все поняла, быстро подошла и передником своим протерла сиденье. Только после этого девушка с гримасой брезгливости села.

– Я все вызнал для вас, – шепелявил Игнаас ван Боттерен, или Уддо Люббель. – Желаете заказать посуду аптекарскую, большой набор, со всеми колбами, ретортами и печами малыми, со всем, со всем, что может понадобиться, – это будет вам стоить пятьдесят два талера. – Он помолчал и добавил: – Это без моих услуг и доставки.

Агнес посмотрела на него, как на какое-то насекомое мерзкое, и заговорила не о деле, заговорила совсем о другом:

– Отчего у тебя так воняет на первом этаже? Такая там вонь, аж глаза разъедает. Ты что, подлец, не можешь горшок в окно выплеснуть, гадишь прямо в дому у себя? Я и сама теперь воняю, словно в нужнике побывала.

Девушка скорчила гримасу отвращения.

И Уддо Люббель скорчил гримасу, правда, не понять было, что он хотел выразить ею, то ли тоже отвращение, то ли веселости вопросу придать хотел. Он стоял и скалился, а потом с неловкостью продолжил:

– А еще я разослал письма всем известным мне букинистам насчет редких книг, что вам потребны.

Но девушка почти не слышала его, за его гримасой, за его тоном она разглядела то, что чувствовала в людях лучше всего. Мерзавец был не из робкого десятка, а тут как заговорили про нужник, что он устроил у себя на первом этаже, так в нем страх ожил. Да-да, это был именно страх. Хоть и глубоко Уддо его прятал, хоть и заговаривал он его словами, но страх в нем присутствовал. А чего же он боялся? Ну кроме нее, конечно. И чем больше Агнес на него смотрела пристально, тем сильнее его страх становился.

– Просил указать, какие редкие книги у них есть и сколько они за них хотят, – продолжал книготорговец. Он говорил и говорил, а она не сводила с него глаз. Ловила каждое движение, каждую его гримасу. – И когда они ответят, у вас, госпожа, будет возможность выбрать то, что вам нужно, и посмотреть… – Он не закончил, замолчал, съежился под ее взглядом.

Так и стоял, как смирившийся с участью осужденный на эшафоте перед палачом.

– У тебя что, мертвяк там? – спросила Агнес, не отводя от него глаз своих страшных.

От слов ее он и вовсе оцепенел и теперь смотрел на нее с ужасом, словно смерть свою видел. Точно так же и на эшафоте себя бы чувствовал.

– Ты и гадишь там потому, что завонял мертвяк у тебя, чтобы запах мертвечины перебить, – догадалась Агнес.

Девушка смотрела на старика, а тот на нее не глядел, взгляд отводил.

– Отчего же ты его не вынесешь? – медленно продолжала Агнес. – Убил опять ребенка? Так зачем ты его труп в доме держишь, недоумок ты старый?

В ее голосе показались нотки злости, от этого он, кажется, в себя пришел.

– Так два месяца назад… – начал, запинаясь, Уддо Люббель. – Два месяца, как я уже одного ребенка, мальчонку одного, в проулке выбросил. Так его нашли, родители буйствовали, коммуна местная тоже в ярости была, сержантам стражи велено за проулком смотреть, они так и рыскают по нему ночью. Боязно мне теперь выносить его. Случая удобного жду.

Теперь она смотрела на него, не скрывая злобы, так и горели ее глаза яростью. Ублюдок этот стал для нее опасность представлять, без всякого сомнения. Схватят его рано или поздно, а как палач начнет с него кожу сдирать на дыбе, так Уддо про нее обязательно вспомнит. Из подлости души своей поганой. Чтобы не одному на колесе лежать на площади.

– Не жди случая, – произнесла Агнес, голоса не повышая. Говорила она ровно, но от говора ее даже у Уты мурашки по спине побежали, не то что у книготорговца. – Не жди. Мертвяка порежь на куски сегодня же. Куски заворачивай в тряпки, камни туда клади. И начинай ночью выносить, все в ручьи и канавы с водой бросай, и не рядом с домом, подальше относи. Только без одежды, одежду и обувь сожги. Этаж первый вычисти, сам мой или баб каких найми, но чтобы вони в нем не было. Но прежде убедись, что бабы ничего страшного не найдут. На все тебе три дня даю. Не исполнишь, так лучше беги из города. Хотя куда ты от меня убежишь?

– Я все сделаю, госпожа, как вы велите, – промямлил книготорговец.

Только вот все это Агнес говорила ему, чтобы он не волновался. Она уже все решила. Она собиралась наведаться к нему сегодня же вечером. Или, вернее, ночью.

Она встала. Пошла к двери. Идя к торговцу, девушка хотела с ним поговорить о деле деликатном. О том, что ее волновало сильно, как молодую женщину. Хотела она говорить об отростке своем, что уже на два мизинца вырос из ее крестца и который уже никак было не спрятать, если снимать с себя одежду. Хотела девушка, чтобы Уддо

помог ей от знака этого избавиться. Он вроде хвастался в прошлый раз, что такое уже делал. Но теперь, когда она думала, что этот грязный и вонючий выродок к ней хоть пальцем прикоснется, ее начинало тошнить.

– Госпожа! – окликнул Уддо Люббель. Она остановилась у двери, даже головы к нему не повернув. – Госпожа, я написал мастерам, что могут сделать хрустальный шар.

А вот тут она повернула к нему голову, это было ей очень, очень интересно. И книготорговец, видя ее интерес, сразу продолжил:

– Стеклодув Шварц, что известен своим мастерством среди алхимиков, отписался мне, что готов такой шар сделать.

– Говори.

– Сказал, что изготовит такой шар за неделю, просит за него всего сорок талеров.

– А хорошо ли ты его знаешь? – спросила девушка. – Поручишься ли ты за него? Сорок монет – деньги немалые.

– Нет-нет, госпожа, – отвечал Люббель, – я его знаю только понаслышке, ручаться за него не могу.

– Тогда отпиши ему, что денег вперед слать не будем, пусть товар привезет. Тогда я ему и пятьдесят дам. Только пусть наперед напишет, что везет то, что надобно.

– Так и напишу, госпожа, – кивал книготорговец, он даже вздохнул с облегчением, словно чувствовал что-то. – Так и напишу.

– А есть ли в Ланне хорошие хирурги? – спросила у него Агнес, словно вспомнила внезапно.

– Конечно, тут живет знаменитый хирург Отто Лейбус, я его книг продал немало.

– Где его можно найти?

– На улице Святой Магдалины. Прямо напротив околотка стражи, на котором изображение святой. Не перепутаете.

Агнес пошла на выход, но, остановившись у двери, сказала:

– Ты стеклодуву про стекло напиши, конечно, но не забывай: три дня у тебя. – Она показала ему три пальца. – Три дня.

– Я помню, госпожа. – Уддо Люббель низко поклонился ей. – Я все сделаю, как вы велели.

* * *

Отто Лейбус смотрел на посетительницу внимательно, взгляд его был хуже десятка вопросов, он ждал, что госпожа еще скажет.

– Агнес, – повторила она. – Я племянница кавалера Фолькофа. Может быть, вы о нем слыхали?

– Как же не слыхать? Конечно, я слыхал о нем, это он привез серебряную раку из Ференбурга, я даже знал его немного, он был как-то у меня перед поездкой в чумной город, – спокойно говорил знаменитый врачеватель, все еще внимательно разглядывая девушку.

Вот как? Старик хирург знал ее господина? Это все меняло, теперь Агнес уже расхотелось разговаривать с ним на ту тему, ради которой она к нему пришла. Она встала.

– Спасибо, что приняли, думаю, что зря вас побеспокоила. Интерес мой пустой был, пойду я.

– Стойте, – строго сказал он. – Вижу я, что вы взволнованы, думаю, что интерес ваш был не пустой.

Девушка остановилась в нерешительности. Кажется, врачеватель внушал ей доверие. Да и дом у него был интересен: большие окна, лампы красивые, стол со столешницей из белого камня, книги, книги, книги повсюду, исписанные бумаги, странные инструменты, человеческий скелет в углу.

– Коли вы пришли с тайной хворью, – продолжал Отто Лейбус, его явно заинтриговала эта умная девушка, – клянусь распятием, что тайна ваша останется тут.

– А если тайная хворь такова, что удивит вас и вы откажетесь мне помогать, так вы тоже тайну сохраните? – в нерешительности спросила Агнес.

– Клянусь, ваша тайна останется со мной. – Он улыбался. – Да и нет таких хворей, ни у мужей, ни у жен, что я еще не видал. Уж вы мне поверьте.

– Нет таких хворей? – переспросила Агнес.

– Все болезни людские, что описаны, все я видел, – не без гордости говорил хирург. – А те, что не описаны… Ну, таких я не знаю…

– Раз вы хирург, – сказала девушка, – то, видимо, удаляли…

– Что? Опухоли, родинки, бородавки, жировики, вросшие ногти, костные наросты?

– Ну… – Она не решалась ему сказать.

– Говорите, не стесняйтесь, – продолжал Отто Лейбус, – я делал разные операции. Если бы вы знали, сколько я отрезал рук и ног. Говорите, что вас беспокоит.

– Меня беспокоит одна вещь… Которой быть не должно.

– Покажите.

– Она в таком месте…

– Понимаю, в таком месте, которое видеть должно только мужу.

– Да, – вздохнула Агнес с каким-то даже облечением. – Именно.

– И доктору. Понимаю, для девицы перед замужеством очень важно, чтобы все было красиво, чтобы жених не отвернулся на брачном ложе от нее.

– Да, – согласилась девушка.

– Показывайте, я сейчас зажгу лампы, – велел он, вставая.

– Но это… В таком месте… – Агнес опять говорила нерешительно, даже стесняясь, что было совсем не в ее нраве.

– Ах, дитя мое, вряд ли вы меня чем-нибудь удивите, – отвечал старый хирург, зажигая необычные лампы одну за другой и ставя их на стол. – Я все уже видел и у мужей, и у жен тысячу раз. Где то, что надобно удалить?

– Тут… – Она вздохнула. – На крестце.

– Влезайте на стол, становитесь на колени, я взгляну и скажу, можно ли ее удалить. Прошу вас, вот скамеечка, вставайте и влезайте на стол.

Агнес делала то, что он велит. И очень при этом волновалась, она даже поискала глазами Уту, кажется, нуждаясь в поддержке, но служанку врачеватель не впустил. Наконец, девушка залезла на стол и встала на колени. А врач подошел к ней сзади и поставил рядом лампы.

– Давненько, давненько я не задирал девицам юбок, – сказал хирург, копаясь в ее одежде, – уж и забыл, как это делается.

Тон его был спокоен, а вот Агнес волновалась. Наконец, он поднял ее юбки и… застыл! Девушка вдруг улыбнулась, хоть ее поза и не располагала к улыбкам. Она не видела лица Отто Лейбуса, но буквально чувствовала растерянность. Девушка одернула юбки, слезла со стола, уставилась теперь уже в серьезное лицо старого врачевателя.

– Так что, доктор? Видали вы такое? Сможете мне помочь? – Агнес едва не смеялась, хотя смеяться ей не следовало бы. Дело-то не

очень и смешное выйдет, донеси он на нее. – Ну, господин Лейбус, сможете?

Он молчал. Тогда Агнес полезла в кошель и достала из него маленький красивый флакончик:

– Коли поможете мне, расплачусь с вами вот этим.

– А что это? – растерянно спросил старик.

– Это снадобье. Если намазать его на шею женщины, то оно рождает в ближних к ней мужчинах страсть неуемную и придает им мужских сил. Впрочем, могу заплатить и серебром.

– Приходите завтра, госпожа, утром, пока света много и глаза мои еще видят, – сказал врачеватель, немного подумав. – С собой возьмите тряпок побольше.

– Так какую плату вы пожелаете? – спросила девушка, улыбаясь. – Снадобье или серебро?

– Хочу испытать снадобье. Хочу знать, неужели такое возможно.

Выходя от хирурга, Агнес думала о том, что все у нее, кажется, получилось. И можно было радоваться успехам сегодняшним, вот только поняла она, что денег у нее осталось мало. Сто талеров да один золотой! Что это? Этого ни на что не хватит. Ведь ей и посуда аптекарская, и шар хрустальный, и, может, услуги хирурга потребуются. И на все это деньги надобны. А жить еще, людишек своих содержать, лошадям корм, они жрут как не в себя, за дом платить, платьев новых хочется, книг. Всего. И на все деньги, деньги, деньги потребны. Серебро хотя бы. А лучше золото. Да, денег ей нужно много, очень много. Так и садилась она в карету с лицом задумчивым. И дума у нее была лишь одна.

Глава 7

Странным был брат Семион. Смотрел на него Волков и удивлялся: как будто два разных человека жили в этом немолодом, начинающем уже лысеть монахе тридцати с лишним лет. Иной раз так удивлял он кавалера умениями своими, знаниями и продуманностью. О чем бы ни шла речь – про все знал, а чего не знал, так про то и не заикался. Во всем продуманность чувствовалась, обо всем, кажется, уже размыслил наперед. Писание знал едва ли не наизусть. При таком бы уме ему

епископом быть, но нет. В жадности своей пределов не знал, до глупости скатывался. Дом тому пример. Взял и почти все деньги, что епископ ему на церковь выделил, на дом для себя потратил. Да еще не ведая наперед, не придется ли отсюда бежать, бросив все под факелы горцев. Не дурак ли? А еще запойный он был. Как начинал вино пить, так одним стаканом не обходился – пил допьяна. Мог не пить месяц, а как пригубит, так его как прорывало. И еще одна беда у него была – даже трезвый не мог он мимо баб спокойно ходить. Всякую, что молодая и что старая, он желал причастить да исповедать. Да еще «в шутку», коли муж не видит, за грудь приласкать, а то и за зад ущипнуть. И это если трезв. А уж если пьян, то совсем дураком становился. Кабак едва-едва открылся в деревне, а кабатчик уже приходил жаловаться, что поп ходит часто. И ладно, если бы просто пил. Так он девок местных, стращая геенной огненной за блуд, тут же к блуду склоняет. И за дело их не давал им ничего, ни крейцера. Обещал только молиться за них и причащать их, исповедовать, грехи им отпускать.

Да и черт бы с ними, и с девками, и кабатчиком, но что это за поп, что за святой отец, если он по кабацким девкам ходит? В чем тогда святость его, если он в кабаке не пойми с кем якшается? Пришлось Волкову делать попу выговор.

Как всегда, брат Семион с легкостью дал ему обещание с непотребствами покончить, да вот только кавалер уже знал цену его обещаниям и пригрозил, что, если тот не образумится, попросит у епископа другого попа на приход Эшбахта. Тут уже монах призадумался. Знал, что кавалер слов на ветер не бросает.

Но, когда было нужно, дело свое брат Семион знал. Со свадьбой Рене он опростоволоситься не хотел и начал приготовления загодя. Так как церкви не было, он испросил разрешения провести церемонию во дворе господского дома. Двор-то немаленький, сколько бы людей ни пришло – все бы влезли. Господин Эшбахта хоть не рад оказался тому, да отказать не мог, никак сестра родная замуж выходит. Двор подмели, лишнее убрали, соорудили амвон, тряпкой накрыли, алтарь воздвигли. Все еще вечером было сделано. Волков сестре в приданое дал четыреста монет. Жалко, конечно, но не мог же он своей сестре выделить меньше. А еще отписал ей в приданое одну девку дворовую, самую визгливую и суматошную, что его вечно раздражала нытьем и

препирательствами. И болван Рене, как о том узнал, пришел благодарить, пришел с Бертье. Старый дурак шляпу от неловкости мял, в глазах у него слезы стояли, говорил, что благодарит Бога, что встретил Волкова на склоне лет. А кавалер только раздражался от этого. Он и так не очень рад был тому, что отдает сестру за Рене.

– Будет вам, хватит, Арчибальдус, – морщился кавалер, отмахиваясь. – Прекратите вы это.

– Он просто благодарен вам, брат, – заступалась за жениха Тереза. – Он говорил мне, что я сама большая драгоценность, а тут еще и деньги вы за меня дали, и холопку. Вот он и расчувствовался.

– Вот так вот! – удивлялся Бертье, слушая это все. – Это же какой вы, оказывается, ловкач, Рене. Жену приятную себе отхватили, так еще и приданое с холопкой взяли. Ну, вы ловки как угорь, Рене.

– Да не ловкач я, о чем вы, друг мой? – отвечал ротмистр, прикладывая руку к сердцу. – Я только на сестру господина Эшбахта претендовал, а приданое он сам выписал. От щедрот своих.

– Как же вам повезло, Рене, – не успокаивался Бертье и тут же оживился: – Кавалер, а сколько лет вашей старшей племяннице? Может, вы за меня ее отдадите?

Говорил он это, кажется, серьезно, и притом обе племянницы стояли тут же и слушали разговоры взрослых.

– Идите вы к черту, Бертье! – зло сказал Волков, которого все сильнее раздражала эта ситуация.

– Господи, Гаэтан, – махала на Бертье рукой Тереза, мать девочки, – что вы, у нее еще и кровь не пошла.

– Ну, через год-другой пойдет, – беззаботно заявил Бертье, – пока же можно и обручиться, а я подожду, когда невеста станет для свадьбы пригодна.

– К черту, Бертье, – только и мог ответить Волков.

А Тереза так и вовсе не нашлась, что сказать веселому ротмистру, только смотрела на него ошарашенно.

– Мама, так я не поняла, дядя меня отдает замуж или нет? – спрашивала девочка у матери то ли со страхом, то ли с восторгом, как только офицеры покинули дом.

– Нет, – за мать отвечал ей Волков, – молода еще. Учи грамоту пока.

На том дело не кончилось. Когда вроде все успокоилось, так госпожа Эшбахта, кривя губы, стала господину Эшбахта выговаривать:

– Что это вы моих холопок раздаете?

Это все Тереза слышала, которой та девка в приданое полагалась. Волков ответил жене едва ли не грубо:

– Не ваша она. Всех холопов ваш отец дал за вами в приданое мне. – И добавил, подчеркивая: – Дал мне! Все холопы дворовые – мои. Хочу – отдаю, хочу – продаю. И вас о том спрашивать мне не надобно.

Госпожа Эшбахта не ответила, но осталась сидеть злая. Делала вид, будто рукоделием занимается. Волков же сидел за столом и слушал, как девочки с братом Ипполитом учат слова, которыми писана святая книга. И кажется, он опять ненавидел эту женщину.

* * *

Господский двор был велик, а все равно все желающие поглазеть на свадьбу ротмистра Рене и сестры господина Эшбахта во двор не влезали. Одних солдат из рот Рене и Бертье пришло человек сто пятьдесят. Волков велел вперед баб пускать. Прибыли местные бабы и те, которых силком из-за речки привезли. Многие уже пузатые. Женщины и дети стояли в первых рядах.

А самыми первыми теснились блудные девки из трактира, им-то своей свадьбы даже во снах не увидать было, так хоть чужую хотели посмотреть. Позавидовать. А еще народ шел, так как знал, что ротмистр заказал из города угощения, и их уже привезли. В общем, для всех получился праздник.

Перед алтарем поставили два кресла: для господина Эшбахта и для госпожи; еще был стул для Карла Брюнхвальда, тот еще не совсем окреп после ран. Все остальные стояли. Брату Семиону помогали, конечно же, брат Ипполит да еще двое мальчишек из местных, а также особо верующий солдат из людей Бертье.

Брат Семион был великолепен и торжественен, когда это требовалось, и остроумен, когда возможно. Невеста была прекрасна, румяна и свежа, как и положено невесте, несмотря на ее немолодые

годы. И жених казался особенно торжественен и серьезен. И счастлив. И на невесту смотрел совсем как молодой.

Поп закончил дело быстро, всем не терпелось перейти к угощениям, кажется, и сам брат Семион был к этому расположен. А вот Волкова к концу церемонии стал опять бить озноб. И шея запылала, будь она неладна. Поэтому со всеми за столы он не пошел, напомнил офицерам, чтобы изрядно не пили, так как завтра им надобно быть к утренней службе в Малене в лучшем виде и с лучшими людьми. Их там ждут, поэтому придется выйти затемно. Офицеры пообещали прибыть вовремя, и тогда кавалер с братом Ипполитом пошел к себе в дом, где монах стал снова его лечить.

Глава 8

Уже рассвело, хмурые, наверное, от утренней прохлады, стражники с трудом разводили огромные скрипящие створки южных ворот в разные стороны, уже поехали в город первые телеги, на которых мужики везли всякие товары: от дров до гусей. Телеги начали было выстраиваться в очередь на въезд, мужики и купцы собачились из-за места поближе к воротам, грозились, хватались за кнуты. Но стражник, что стоял на башне, вдруг прокричал что-то. И сержант, который должен был осматривать телеги, заорал на мужиков и купчишек, чтобы они побыстрее дорогу освободили.

Люди думали, не граф ли едет, отчего спешка такая. И тут на южной дороге появились добрые люди. Шли они колонной по четыре, все в хорошем доспехе, все при добром железе, с пиками и алебардами, а последние двадцать при мушкетах на плечах. По краям колонны и впереди сержанты, их сразу видно, они с белыми лентами на локтях. А главный сержант, прапорщик, нес ротный баннер бело-голубой. Перед ними ехали офицеры. Их трое, все на хороших лошадях. Все тоже при железе, в шляпах, бело-голубые ленты поверх кирас. А уже перед офицерами два оруженосца, люди молодые и видные, один велик, другой красив. Тот, что красив, держал большой штандарт бело-голубой, а на нем черный ворон со злым глазом и факелом в лапах. А уже перед ними на коне-красавце ехал рыцарь. Сам он в доспехе, что покрыт узором диковинным, но доспеха не видно,

только руки да ноги выглядывают, так как поверх доспеха надет бело-голубой халат, что зовется фальтрок. На голове у рыцаря берет черного бархата с пером белым. Сам он важен, строг. А пред ним на простой лошадке едет неприятного вида мужичок со злыми глазами, сам в хорошем платье, едет и орет, людей пугая:

– Прочь! Прочь с дороги! Кавалер Фолькоф едет! Кавалер, которого кличут Инквизитором.

– Кто таков? – спрашивали друг у друга мужики и купцы.

– Да как же, – отвечали им те, кто знает, – то Инквизитор, говорят, он в Хоккенхайме всех ведьм пожег. Вы что, не слыхали? Этой весной же случилось. Все о том говорили.

– Да нет, это тот, что на Марте горцев побил крепко, – говорили другие.

– Горцев? Из кантонов? Из-за реки? – не верили люди.

– Их, их.

– Да когда же такое было? – все сомневались мужики и купчишки. – Что-то не помнится такое.

– Да неделю как… – смеялись над теми, кто не знал эту новость. – Вы что же, не слыхали, все на рынке только о том и говорили всю неделю. Видно, вы из глуши приехали.

Дальше не успели люди поговорить.

Наверное, все, кто был на дороге и у ворот, вздрогнули, когда с башен вдруг резко и пронзительно завыли трубы. А потом глашатай хорошо поставленным голосом закричал сверху, чтобы всем было слышно:

– Город Мален, все коммуны его, святые отцы и епископ, консулат и нобили, гильдии и свободные мастера, торговцы и черный люд – все приветствуют славного кавалера Фолькофа и его людей, что побили еретиков, воров и собак из кантона Брегген, которые надумали вылезти на землю графства Мален!

– Вот. Ясно вам теперь, кто это? – говорили люди друг другу. – Тот самый рыцарь, что побил еретиков на Марте.

Ну, теперь-то всем было ясно.

Снова завыли трубы, а за воротами ударили барабаны. Когда Волков въехал в ворота, его встретили двенадцать барабанщиков и толпы народа. Тут же на ближайшей церкви ударили колокола. Барабанщики шли впереди, выбивая «походный шаг», который время

от времени прерывался какими-то замысловатыми барабанными фокусами. Это было красиво, барабанщики дело свое знали. Били колокола, люди выходили к улице, по которой ехал Волков, все его приветствовали, а он всем кивал, но не очень уж милостиво. Только людям видным, что попадались по пути, кавалер кивал вежливо. А некоторым, лица которых помнил, даже махал рукой. Все это напоминало ему тот день, когда он привез раку в Ланн. Только вот Ланн раза в два больше Малена, поэтому доехал Волков до главного собора города в два раза быстрее.

Как в Ланне встречал его на ступенях собора архиепископ, так и в Малене на ступенях собора стоял епископ. Как и в Ланне, площадь окружало не менее тысячи зевак. Барабаны били, трубы ревели, колокола звонили, зеваки кричали кавалеру славу. Нечасто им в Малене доводилось встречать тех, кто побил злобных горцев. А Роха от озорства велел стрелкам зарядить мушкеты порохом, но без пуль, и дать залп в воздух. К шуму добавились еще и клубы серого дыма.

Волков спешился, подошел к епископу, встал перед ним на колено и, сняв берет, склонил голову. Старый епископ, отец Теодор, благословил его святым знамением, а потом поднял с колена, стал целовать троекратно и говорил при этом:

– Не знаю, выпадали ли мне дни радостнее, чем этот. Может, и случалось такое, да их я не помню уже. Пойдемте, пойдемте, сын мой, буду читать мессу я в честь вас, все лучшие люди города уже собрались, ждут.

Они так и вошли в храм рука об руку. Шли медленно и торжественно по проходу меж лавок. Волкову и епископу все кланялись. В храме черни не было, даже в последних рядах стояли люди достойные, с женами и детьми пришли. Епископ и Волков всем отвечали. А уж те, кто находился в первых рядах, у амвона, так то всё городские нобили. Были в соборе и те, что Волкову денег занимали, были и те, кто приезжал к нему заем обратно требовать. Всем, всем кавалер улыбался и кланялся. Ему отвели место прямо между бургомистром и имперским штатгальтером. За ними сразу сидел первый городской судья и казначей городской палаты консулов, а также другие важные люди, а во втором ряду разместился барон фон Фезенклевер. Рядом с ним другие земельные сеньоры, которых Волков

видел на смотре и турнире у графа. Кавалер махал баронам и сеньорам рукой как старым знакомцам. Улыбался остальным.

Епископ был стар и мудр. Мессу затягивать не стал, ни к чему это было, говорил ярко и кратко – о тех, кто утратил веру, сошел с пути истинного, стал яриться и упрямиться в неверии своем. Епископ говорил о том, что тех, кто упорствует в ереси своей, настигнет кара Господня.

– Остерегайтесь в слепоте своей дерзостью своею гневить Господа нашего всемогущего, ибо всегда на дерзкого найдется кара. Всегда дотянется до всякого еретика длань Господня. И в то утро на реке Марте дланью Господа стал сей рыцарь Божий, – епископ указал на Волкова, – что сейчас сидит среди нас! Имя его Иероним Фолькоф фон Эшбахт. Он и есть Длань Господа, так пусть он и будет ею впредь. Аминь!

– Аминь! Аминь! Аминь! – неслось по рядам, люди вставали на колени, истово крестились.

Волков слышал похвалы не в первый раз, но сейчас все было иначе, гораздо проникновеннее. Слова епископа трогали суровое сердце кавалера. Он подумал, что нужно было сюда жену свою взять. Может, стала бы она уважать его больше после того, что о нем говорили. Не боли у него шея, так и вовсе ощущал бы счастье. Еще бы, епископ при всей знати графства звал его Дланью Господней. Было от чего возгордиться. Конечно, Волков не знал, чем все закончится, может, его убьют горцы, а может, герцог отправит в тюрьму, но ради таких минут стоило идти к реке, стоило драться в тумане на рассвете. Стоило рисковать жизнью.

Он был вместе со всеми знатными людьми графства Мален, стоял в первом ряду и молился с ними вместе. Только вот не болела бы шея, и все вообще стало бы прекрасно.

Когда епископ закончил и подошло время причащаться, первым к причастию был позван Волков. И никто не думал оспаривать этого, ни один из городских нобилей не посмел стать первый к вину и хлебу. Все признали его первенство, во всяком случае, в этот день.

– Не уезжайте сразу, – сказал епископ тихо, давая кавалеру «кровь и плоть» Господню. – Я велел приготовить обед, на него соберутся все достойные люди графства. Разве что графа самого не будет. Офицеры пусть с вами придут, и для людей всех ваших тоже накроют столы.

Это было бы прекрасно, да вот все та же шея не давала ему покоя.

– Да, я буду, – отвечал кавалер. – Если недуг не заставит меня искать уединения.

– Неужто так силен ваш недуг? – участливо спрашивал епископ.

– Рана совсем мелкая, а докучает словно большая, – отвечал Волков, разглаживая ноющую шею.

– Страдайте, страдайте, сын мой, в страдании сила ваша, как жар рождает хороший меч, так страдание рождает сильного человека, – сказал мудрый поп.

Волков взглянул на него нехорошо и едва не спросил, не хочет ли старик прийти и пострадать вместе с ним хоть немного, когда горцы опять переплывут реку, но промолчал, ума хватило, только вздохнул.

Пир был ранний и не такой богатый, как давали власти Хоккенхайма после сожжения ведьм. Но тоже проходил в городской ратуше и тоже был многолюдный. Волкова посадили между епископом и бургомистром. Все славили победителя горцев, поднимали за его здоровье кубки, негромко играла музыка, важные господа интересовались подробностями речного дела, внимательно слушали рассказ, хоть и был он немногословен. Все спрашивали про рану, желали выздоровления. Ближайшие госпожи, жены и дочери лучших людей Малена, дважды спрашивали, отчего кавалер без жены, может, беременна она. И когда узнавали, что нет, то желали ей скорейшего бремени, а ему здорового наследника. Он благодарил женщин вполне искренне: они желали ему как раз того, чего и он сам себе желал всем сердцем.

А тут после второй перемены блюд какая-то суета прошла в дверях ратуши, даже музыка прервалась на несколько секунд. Стало в огромном зале вдруг тихо, и полетели слова негромкие:

– Графиня.

– Там графиня?

А Волков суете значения не придавал, говорил он с важным господином, имени которого даже не помнил, о всякой ерунде, что касалась вооружения городской стражи. А епископ, похлопав его по руке, говорил:

– Вот так гости. Не к вам ли, кавалер?

Волков поднял глаза и увидел ее. Это была графиня. Брунхильда шла по залу среди столов и лавок в сопровождении двух молодых

женщин. Шла уверенная в себе красавица, румяная, улыбающаяся, чуть располневшая, шагала бодро, чуть подбирая дорогущие юбки. Настоящая графиня фон Мален. Все мужи вставали, когда она проходила мимо, кланялись ей, а она кивала и милостиво улыбалась, а глазами искала его. Конечно, его. А увидав, направилась прямиком к кавалеру. Волков едва успел вылезти из-за стола, встать из кресла, как она, не стесняясь сотен глаз, кинулась ему на шею, обняла крепко, как умела, и как раз на рану пришлись объятия ее. Ох и крепки были ее руки, больно стало, но он терпел боль, только приговаривал негромко:

– Ну, довольно уже, хватит, весь город смотрит.

А сам так и стоял бы с ней и стоял.

Она оторвалась, наконец, от него и заговорила громко, словно тут никого не было, с укором:

– Опять вы за свое, братец? Опять войну затеяли? Граф просил вас с горцами мириться, а вы их опять били? Господи, немолоды ведь уже, другие господа, вон, охотой развлекаются, а у вас другой забавы, кроме войны, и нет.

– Да что ты, глупая, – улыбался Волков, не выпуская ее рук из своих и глядя ей в лицо, – порадовалась бы за меня, а ты упрекаешь! Победил же я!

– Хватит уже побед с вас, сколько можно? За славой своею гонитесь все, говорят, вас опять ранили, опять вы в самую свалку лезли. А ведь мало ли что на войне может приключиться! – Она взяла его руку и положила себе на живот. – И племянник своего дядю даже не увидит никогда.

Он стоял и боялся пошевелиться, чувствуя под рукой своею ее живот.

Все, кто слышал их разговор, улыбались и смеялись, так хорошо сестра отчитывала старшего и влиятельного брата, словно он ребенок был неразумный. И женщины, видя такую сестринскую любовь, тоже улыбались. Молодец графиня. Так его, пусть оправдывается.

– Так не я же к ним пришел, дорогая моя, они ко мне, – говорил Волков, не отводя руки от живота Брунхильды.

А тем временем епископ просил гостей пересесть на одно место от себя, чтобы освободить графине кресло. Лакеи стали переставлять тарелки и кубки, а гости беспрекословно просьбу епископа выполнили. Старый поп предложил свое место графине.

Снова зазвучала музыка, Брунхильда села подле «брата» и смотрела на него, взгляда не отрывая, говорила негромко:

– А граф на вас зол, и молодой граф зол, все думают, как быть с вами, давно бы уже вас к герцогу отправили, да все в графстве за вас: и сеньоры, и чернь, и купцы. Вот они и не решаются.

– Да черт с ними, – махнул рукой Волков, он и так об этом догадывался. – Ты скажи, как ты, как чрево твое?

– Повитухи говорят, что я крепка, как кобыла, чрево доброе, плод растет как надобно. Только плачу все время да тошнит часто.

– Плачешь? – удивился кавалер. – Отчего же графине плакать?

– Плачу, плачу. Все время глаза на мокром месте, – говорила она, и вдруг в голосе ее слезы послышались. – Как про вас услышу, так плачу. Слух пришел, что вы воевали, муж в злобе, я рыдаю, думаю, не убили бы вас.

– Глупая, – вздохнул кавалер. Ему захотелось успокоить ее, прикоснуться к щеке рукой, да люди вокруг. – Хорошо все со мной, рана небольшая. Ты, вон, меня сильнее, чем горцы, сейчас душила.

– Так отчего же не пишете мне? – заговорила Брунхильда, платок доставая и вытирая глаза. – От купчишки виноторговца узнала, что сегодня в Малене обед в честь вас давать будут.

– Буду писать, – обещал Волков.

– Пишите, – говорила она чуть не с мольбой, – а не то плохо мне в замке, оттого и рыдаю целыми днями, столько рыдала за месяц, сколько за всю жизнь не рыдала.

– Так отчего ты же рыдаешь? – не понимал Волков.

Она придвинулась совсем близко и заговорила:

– Живу во злобе, смотрят на меня все в замке и ненавидят.

– Да кто же?

– Да все! Все, кроме супруга. Сыновья его не любят меня, жены их гримасы корчат, особенно молодой граф не любит. Он говорит со мной как сквозь зубы цедит. Рыцари графа и двор его тоже, родственники-приживалы тоже, даже лакеи и холопы мне свое пренебрежение показывают. Перины мои мокры были, просила просушить, так бросили их в угол, весь день там пролежали, я видела, а к вечеру положили их в кровать, говорят – высохли. И морды заносчивые, с ухмылочками. Живу среди змей.

Волков от всех этих слов наливался злостью, темнел лицом на глазах. Уже не рад был, что отдал ее за графа.

– Семейку графа – терпи, зубы стисни и терпи, – произнес он уже тем тоном, которым всегда говорил, когда решения принимал, тоном тяжким и холодным, – а для холопов хлыст заведи, рука у тебя тяжелая, мало им не будет, не жалей скотов. Одного прикорми, который поразумнее, побалуй серебром, чтобы был у тебя человек хоть один верный. Но так дело веди, чтобы все остальные о том не знали. Деньги есть у тебя?

– Есть, есть, – говорила она, – у супруга денег столько, сколько и у вас не видала, мне ни в чем не отказывает. Любит. Он хороший человек, единственный хороший во всем доме.

– Так заведи себе друзей среди холопов, кроме мужа пусть еще друзья будут. И терпи, главное – роди наследника графу, и поместье Грюнефельде на века твоим станет. Ничьим больше, только твоим!

– Да, да, – говорила Брунхильда и кивала, – рожу, коли Бог даст. А завтра к герцогу уедем, зовет к себе в Вильбург. Хоть неделю этих родственников видеть не буду.

– К герцогу? – насторожился Волков. – А знаешь, зачем он графа зовет?

– Так все из-за вас, зачем же еще. Как в замке проведали, что вы горцев побили, так там суматоха два дня стояла. Не знали, что делать. Боялись, что война начнется. Герцог мужу каждый день письма присылает, спрашивает, не пришли ли люди от горцев войну объявлять, муж ему отвечает, что нет пока.

Волков полез в кошель, нащупал там маленький флакончик, достал и вложил его в руку красавицы:

– Это редкий эликсир, от него любой муж к жене, что им помазала шею, страстью воспылает.

– И где же вы взяли такое? – едко поинтересовалась графиня.

– Агнес сварила, – ответил кавалер.

– Ах, конечно, без этой ведьмищи не обойдется! – Брунхильда привычно поджала губы.

– Я тебя им мазал, когда к графу ездили.

– Да помню я, – отвечала графиня, тайком разглядывая флакон. – Вот отчего он на меня слюной-то исходил.

– Он бы и так изошел, это просто дело ускорило, – улыбнулся Волков. – Теперь поедешь к герцогу, так тоже помажься, околдуй и его, чтобы был помилостивее.

– Спать мне с ним? – удивилась Брунхильда. – С герцогом? Да вы рехнулись, братец. Меня тошнит все время и без мужчин старых.

Она поморщилась и отпила вина из кубка.

– Да не спать, очаруй его, ты же умеешь.

– Ладно, – кивнула она, пряча флакон за лиф платья, – лишь бы муженек мой от зелья этого не зверел. Я его от себя отвадила на время бремени, говорю, что тяжко и так, тошнит все время. А он все равно лезет, хоть раз за день, да под юбку полезет пощупать, как там все. Старый, а неугомонный.

Она говорила как будто специально, еще и улыбалась при этом, хотя по лицу кавалера видела, что не нравились ему такие слова. А ей нравились как будто.

– Ладно уж, возьмусь за герцога, – сказала графиня благосклонно.

Она была довольна, и он был доволен, кажется, встречей. Хотя оба немного грустили и под столом они держали друг друга за руки.

Глава 9

Долго Брунхильда просидеть не смогла, поела кое-чего поначалу с аппетитом, но вскоре ей стало душно, и она, поцеловав кавалера по-сестрински, откланялась. Господа снова вставали, когда она уходила. Уехала к себе в поместье. Завтра далеко им с мужем ехать.

То ли от радости видеть ее, то ли от вина шея у него прошла. Но настроение не улучшилось. А тут еще к нему пришли просители, причем такие, что сразу и не откажешь.

– Кавалер, не соблаговолите ли выслушать просьбу достойного человека? – шептал ему на ухо бургомистр.

Волков тут же понял, что просьба окажется обременительна, но разве скажешь «нет» бургомистру?

– Отчего же, конечно, выслушаю, – отвечал кавалер.

Бургомистр сделал кому-то знак и снова заговорил:

– Добрейший господин Фейлинг, важный горожанин, дважды был в консулате, вы его знаете, вот он идет, он будет просить вас о чести.

И действительно, к столу, за которым сидел кавалер, шел дородный и высокий господин, а с ним два молодых человека, явно не из простых. И да, Волков помнил этого господина, он был одним из тех, кто ссужал ему золото. Все трое, встав с другой стороны стола, поклонились кавалеру и бургомистру. Старший, тот, что занимал Волкову денег, заговорил после поклона:

– Славный рыцарь, смею ли я надеяться на высокую честь, что вы окажете моему четвертому и моему пятому сыну и возьмете их в обучение?

В зале стояла тишина, музыка смолкла, разговоры затихли, женщины тянули шеи, пытаясь расслышать слова, а некоторые из мужей так и вовсе вставали с мест и шли поближе к разговору.

Волков даже растерялся немного от такой неожиданной просьбы и ответил слегка удивленно:

– Друг мой, а какому же ремеслу я их обучу? Пекарь или гончар из меня никудышный.

По залу покатился смех, люди стали передавать его слова тем, кто не расслышал.

Господин Фейлинг тоже улыбался, он, как и все вокруг, ответ воспринял как шутку. И продолжал с улыбкой:

– Не пекарскому ремеслу прошу я учить моих сыновей, а искусству, которым вы владеете в совершенстве. Прошу учить их делу воинскому.

– Прямо так и в совершенстве? – поморщился кавалер. Он повнимательнее оглядел молодых людей, что стояли пред ним, и брать в услужение не захотел. – Отчего же вы так думаете? По делу одному обо мне судите. А может, то случай удачный был?

– Так мы про вас все узнали, – заверил его бургомистр. – Мы про ваши дела в Ференбурге вызнали. Вы и там еретиков крепко били, знаменитого рыцаря Ливенбаха убили, шатер его забрали. Будьте уверены, кавалер, господин Фейлинг кому попало своих чад в обучение не доверит.

Волков посмотрел на бургомистра, потом еще раз на молодых господ Фейлингов. Одному лет шестнадцать – стар уже учиться-то. Второму лет четырнадцать. Типичные городские барчуки. Бархат да кружева. Какое им дело воинское?

– Если думаете, что пойдут они к вам пустые и станут обузой, – продолжал господин Фейлинг-отец, поймав его взгляд, – то не думайте так, пойдут они к вам в полном доспехе и при полном оружии, на хороших конях. А при них еще и по два послуживца, тоже конные. Тоже при доспехе и оружии.

Шесть человек да шесть коней? И все на его счет? Нет уж, точно не хотел он брать никаких людей к себе в учение. В бою от этих юных господ, что всю жизнь жили в сытости и достатке, прока, скорее всего, не выйдет, а расходы на них ежедневные обязательны. Все в зале ждали его ответа.

– Живу я бедно, замка у меня нет, – наконец начал он после раздумий, – оруженосцы мои спят в людской, вместе с холопами. Ходят за моими лошадьми вместо конюхов, едят то же, что и холопы: и бобы, и горох, и даже просо. Не будет вам, юные господа, отдельных покоев и изысканных кушаний. И ласки от меня не ждите, люди мои меня добрым не считают, сами мне о том говорили.

– Дозвольте мне сказать, отец, – произнес негромко старший из сыновей.

Отец кивнул ему в ответ.

– Господин рыцарь, – заговорил юноша, – вы в наших краях человек новый и о том не знаете, что род Фейлингов уже три сотни лет служит городу и гербу Маленов. Среди наших предков были известные воины. Я, Эрнст Фейлинг, говорю вам: фамилию Фейлинг не напугают лишения и тяготы, для нас станет честью жить при вас там, где вы укажете.

– Друг мой, – зашептал в левое ухо кавалеру бургомистр, – не отказывайте Фейлингу, он человек влиятельный, да и в самом деле, нашему городу нужны толковые офицеры. Пусть молодежь у вас поживет, пусть среди ваших людей побудет, поучится, вам сие зачтется, зачтется, не сомневайтесь.

В словах бургомистра был смысл, кавалер задумался.

И тут же… Волков даже вздрогнул от неожиданности, когда за спинкой его стула появился брат Семион и зашептал ему настойчиво в ухо правое:

– Берите, берите их, господин. Берите всех, кто попросится. Чем больше у вас соберется знатных людей графства, тем тяжелее будет герцогу вас сгрызть. Поживут у вас до весны, авось прокормите, не

пригодятся – так попросите до дома ехать, а если горцы опять сунутся, так шесть всадников лишними не станут. И горожан порадуете, что не брезговали ими.

С этим монахом спорить было невозможно, всегда продуманна речь его, всегда логична. Да, несомненно, кавалер прокормит шесть людей и шесть лошадей. И они окажутся полезны, когда… Когда придут горцы. И в другом монах опять прав: кавалеру нужно крепить узы с городом – кажется, в графстве по своему влиянию город был значительнее самого графа. Крепить узы…

– Господин Фейлинг, – заговорил Волков после паузы, – думаю, нет нужды говорить вам, что не берусь обещать, что сыновья ваши и живы, и здоровы будут при мне. Сами знаете, что смерть и увечья к воинскому ремеслу прилагаются.

– Знаю, кавалер, я-то знаю, – отвечал Фейлинг, оглядывая зал и обводя его рукой. – И про то все знают, что в деле у реки вы сами получили рану. О том все говорят, что шли вы в первом ряду людей своих. А раз вы сами получили рану, то и другие могут и рану получить, и смерть принять.

– Ну что ж, я предупредил вас, и коли с сыновьями вашими случится что, то ни от вас, ни от женщин рода вашего я укора не приму.

– Да будет так! – воскликнул Фейлинг-старший.

– А вы, вы, – Волков указал пальцем на самого молодого из Фейгелей, – не боитесь смерти? Не испугаетесь сражения?

– Не боюсь, кавалер, – отвечал юноша. – Совсем не боюсь.

– Молодость никогда не боится смерти, – с улыбкой заметил епископ и вздохнул. – Ах, молодость! Прекрасная пора.

Все стали улыбаться вместе со старым попом. А юноша вдруг опять заговорил – звонко, на весь зал, чтобы перекричать гул:

– Кавалер, если вы меня возьмете, то для меня это будет тройная честь, я клянусь, что не испугаюсь, будь против меня хоть дюжина горцев.

– Тройная? – улыбаясь, спросил бургомистр. – Расскажите же про три ваши чести.

Все притихли в зале, всем было интересно узнать.

– Первая честь – служить своему роду, – гордо начал юноша, – вторая – служить своему городу, а третья – встать под ваши знамена,

кавалер.

Тут все начали ему аплодировать, хлопали и улыбались, кто-то поднимал бокал за здоровье юноши, а Волков смотрел на него серьезно и только качал головой, словно соглашался с кем-то.

– Как вас зовут, молодой человек? – спросил он, перекрикивая шум в зале.

– Меня зовут Курт Фейлинг, – отвечал юноша.

– Я беру вас и вашего брата в учение, – произнес кавалер.

И зал еще больше оживился. Виночерпиям и лакеям пришлось пошевелиться, все требовали вина.

* * *

У выхода столпились важные горожане, прохода кавалеру не давали, многие желали засвидетельствовать свое почтение. А кое-кто и нет. То были его кредиторы. Эти господа желали говорить о своих вложениях. Говорили, что деньги давали не на войны, а на строительство замка. И знай они, что кавалер затеет войну, так не дали бы. Но с ними Волков был лаконичен и на попытку их заговорить с ним о возврате золота отвечал так, как шептал ему брат Семион из-за спины:

– Все свершится так, как писано в договоре. Ждите свои проценты. По времени прописанному будет вам ваше золото.

– А пока молитесь, господа, за кавалера, и уповайте на Господа нашего, – смиренно говорил, закатывая глазки к небу, брат Семион.

Господа пытались еще что-то говорить, но кавалер больше их не слушал, шел к выходу, где его остановили другие важные горожане. Кредиторов оттеснили от него его офицеры: нахальный Бертье и мрачный Роха. К дьяволу кредиторов.

Тех, что подошли к нему, было семеро. Стали представляться, все из мастеровых гильдий, не купцы, не банкиры, но тоже люди не последние – из городского нобилитета. Все в золоте и мехах. Имен их Волков потом и не вспомнил бы, но все остальное про них запоминал хорошо. Когда-то купцы, а тем более банкиры на цеха мастеровых смотрели свысока, но не теперь, не в Малене. Теперь главы

промышленных цехов и гильдий играли в городе едва ли скромную роль. И вот они стояли перед Волковым.

– Бейцель, – говорил один. – Цех литейщиков и рудников города Малена, шестьдесят два члена мастеров и подмастерий. С коммуной Литейной улицы даем городу шестнадцать добрых людей.

– Роппербах, – кланялся другой. – Цех оружейников Южных ворот, сорок два члена, даем городу двадцать восемь добрых людей.

– Биллен, – говорил третий. – Гильдия оружейников Малена и коммуна Нозельнауф, даем городу сорок добрых людей, шесть из которых конные.

Всего глав гильдий было семь.

– Кавалер Фолькоф, – скромно отвечал Волков каждому и жал руки.

– Рад, что познакомился с вами. – Кавалер пожал руку последнего – сухого господина в отличной шубе, что звался Шонер и занимался свинцом.

Затем Волков хотел было уже откланяться, но они, видно, не просто так его остановили.

– Господин фон Эшбахт, – заговорил оружейник Биллен, – купчишки наши болтали, что на реке вы ставили амбары и причал, так ли это?

– Да, ровно на восток от Эшбахта пришлось поставить амбары для зерна и небольшую пристань. Уж больно купцы нашего графства, что приезжают ко мне за зерном, скупы. Пришлые купцы пощедрее будут, – отвечал Волков.

– Нам, людям, что дело имеют с металлами, очень интересна ваша затея, – заговорил свинцовых дел мастер. – Я делаю пули и картечь, трубы и листы, а также прочую всячину из свинца. А возить все приходится в Хоккенхайм, четыре дня до Вильбурга, а потом еще четыре дня до Хоккенхайма. А товары мои, – он обвел рукой всех присутствующих, – да и у всех у нас, тяжелы. Подводы нужны крепкие, по две лошади в каждой, возницы за наш товар просят цену большую. Едут долго, еще и дорого. Нам накладно выходит.

Волков начал понимать, куда клонят господа цеховые головы. И этот разговор ему нравился:

– Что ж, я буду рад видеть ваши товары у себя на пристани.

– Да, но купцы говорят, что дороги у вас плохи, – заметил господин Бейцель. – Они уверяют, что по таким дорогам только телеги ломать да лошадей надрывать.

Они были правы: дороги от Эшбахта до амбаров почти не было. Тянулись две разъезжие колеи с холма на холм, с холма на холм да в овраг. Когда дожди пойдут, а они вот-вот пойдут уже, так никакая коняга по грязи телегу из оврага не вытянет, на холм не затащит.

– Не думали ли вы о том, господин фон Эшбахт, чтобы дорогу свою улучшить? – продолжал глава гильдии свинцовых дел Шонер.

И пока кавалер раздумывал над ответом, брат Семион был тут как тут, он все слышал, все понимал, всегда знал, что сказать:

– Господа, так дорога, что тянется от Эшбахта до реки, вдесятеро короче, чем та дорога, что тянется от Эшбахта до Малена. И дорога до Малена тоже нехороша. Какой в том резон, чтобы делать малую дорогу хорошей, когда большая дорога, что ведет к малой, плоха?

Речь монаха удивила господ промышленников, они стали переглядываться. Волков был доволен, что монах об этом вспомнил, он удовлетворенно глядел на господ, пока господин Бейцель не сказал:

– Мы как раз думали об этом. Полагаем, что до ваших владений можем проложить дорогу сами, а уж от границ ваших владений – то забота ваша, господин кавалер.

– Господа, видно, забыли, – смиренно продолжал монах, не давая Волкову рта раскрыть и этим уже, кажется, раздражая господ-промышленников, – что господин Эшбахта войну ведет с еретиками и что в средствах ограничен весьма. Думаю, справедливо было бы, чтобы до границ Эшбахта дорогу строил славный город Мален, город богат весьма, серебра у него в достатке, что для него дорогу построить! А уж от границ поместья и до самого Эшбахта могли бы взяться и вы, господа, а уже от Эшбахта до амбаров дорогу делал бы сам хозяин поместья. Так, мне кажется, вышло бы справедливо.

Ему кажется! Господа промышленники смотрели на монаха неодобрительно, не так они собирались строить беседу, не к таким выводам о справедливости должна она была привести.

Зато Волков остался доволен: монах правильно мыслил, он сам бы не вывернул дело так и взялся бы, наверное, все строить, только предложи ему это промышленники. А брат Семион продолжал, пока господа не опомнились:

– И думается мне, что те господа, что решат участвовать в строительстве дороги по поместью, будут за свои траты вознаграждены всяческими преференциями. Уж в этом пусть никто не сомневается, доброта и щедрость господина Эшбахта всем известны.

– Что ж, хорошо, что мы поговорили и все выяснили, – задумчиво произнес за всех глава гильдии свинцовых дел Шонер.

На том они и раскланялись. Как Волков и монах отошли, так господа принялись живо обсуждать предложения монаха. А Волков шел и косился на брата Семиона:

– Не откажутся ли?

– Куда им деться? – злорадно хмыкнул монах. – Придут с согласием, только поначалу торг затеют. Надобно будет все цены на подобные работы вызнать у архитектора.

– Думаешь, не откажутся?

– Нипочем не откажутся. Цена на извоз посуху раз в пять дороже извоза по воде, – заявил монах.

Да, тут он был прав.

Глава 10

Прямо на главной площади, не успел Волков сесть на коня, к нему подошли люди, среди них находился старый его знакомец землемер Куртц. Их было шестеро. Волков, увидав новых посетителей, на коня садиться не стал, подошел к ним. Те стали кавалера поздравлять. Принесли кубок из серебра, говорили, что это подарок от всей Южной роты имперских ландскнехтов земли Ребенрее. Волков брал приз и жал всем руки, говорил с ними, ласково называя каждого не иначе, как брат-солдат. А чуть подумав, сказал им:

– Господа ландскнехты, а не собрать ли нам пир, зовите всех своих однополчан сейчас в лучшую харчевню, что есть в городе. Пир будет за мой счет, пусть все придут.

Не то чтобы он хотел есть, да и вино в нем еще бродило, но дружить с имперскими служащими, которые некогда являлись лучшими солдатами императора, необходимо. Куртц и его товарищи с радостью согласились, стали рассылать мальчишек за другими ландскнехтами и выбирать место для гуляний.

К ним с радостью присоединились и офицеры Волкова, которые, посовещавшись, решили взять на пир еще и сержантов, что пришли с ними в город. Так впервые Хельмут и Вильгельм, что служили сержантами в стрелковой роте господина Рохи, попали на настоящий пир старых воинов.

Трактир выбрали не самый лучший, но самый в городе большой. Звался он «Юбки толстой вдовы». И уже через пару часов эти «юбки» оказались битком набиты бывшими ландскнехтами и блудными девками со всего города, прознавшими про славный пир, что дает известный кавалер. В кабаке стоял гомон, слышались заздравные речи, пьяные крики и виваты. Было жарко. Бегали лакеи, нося и нося бесконечные подносы с пивом, в больших очагах жарились свиньи целиком на вертелах, на столы вываливались ливерные, кровяные, свиные колбасы с чесноком и резанный большими кусками хлеб из лучшей пшеницы, и все целыми тазами. Волков велел хозяину готовить соусы и не жалеть специй. Тот улыбался и радовался такому прибыльному дню, и вскоре целые чашки острых соусов стояли на столах. Вино выносили, ну, для тех, кто любил вино. Женщины, раскрасневшись от вина, пива, острой еды и распутства, уже скидывали чепцы и распускали волосы, приспускали лифы платьев, оголяя плечи, а некоторые и вовсе так сидели, подобрав юбки, что стало видно чулки. Смех, пиво, еда, женщины, корзины яиц вареных, сыры молодые и старые, жареные курицы, тем, кто не мог дождаться свинины с вертелов, дорогая селедка, лук, чеснок, горчица и оливковое масло – всего сколько хочешь. Все было как положено.

А потом и музыканты пришли.

Ландскнехты, которые всегда были заклятыми врагами горцев (императоры и создали эти войска, собрали этих людей, так как никто, кроме ландскнехтов, не мог противостоять горцам в открытом поле), стали петь свои грубые и сальные песни, прославлять Волкова и его офицеров, радуясь тому, что эти «свиньи» горцы разбиты на реке Марте. Офицеры и сержанты кавалера радовались веселью и хорошему приему. А сам он был доволен тем, что случись сбор городского ополчения против него, так не пойдут эти сильные люди, что пьют сейчас за его здоровье, и дюжины желающих не найдется.

В общем, все складывалось прекрасно, все были довольны. И даже рана почти не беспокоила кавалера.

И тут увидал он молодого человека лет двадцати в хорошем, но недорогом платье, при железе. Тот человек подошел к столу, за которым сидел кавалер, и поклонился. Волков ему кивнул, ожидая, что человек скажет, кто он и зачем пришел.

– Меня Клаузевиц зовут, – представился молодой человек. – Кавалер Георг фон Клаузевиц.

– Меня зовут Фолькоф, – ответил Волков, – я слышал вашу фамилию, у вас известные родственники. Прошу вас, господин фон Клаузевиц, садитесь пировать с нами.

Незваный гость не походил на тех, кто ищет бесплатные застолья. Он держался с достоинством, меч у него, судя по эфесу, был не из плохих. И человек не поспешил сесть за стол, хотя один из сержантов Волкова подвинулся на лавке, давая ему место.

– Уж простите меня, кавалер, – продолжал фон Клаузевиц, – что в столь веселый час пришел я. Может, мне подождать с делом моим. Оно потерпит до утра.

Но Волкову стало интересно, что за дело к нему у этого рыцаря:

– Говорите сейчас о деле своем, я еще не пьян.

– Хорошо, скажу. – Юноша подошел ближе, уж очень шумно было в трактире, и произнес: – Прошу вас принять меня на службу к себе. Я неплохо управляюсь с копьем и конем, имею призы со многих турниров, в том числе и с тех, что учреждал сам курфюрст. Я приучен к любому оружию, в том числе и пехотному. Готов в случае нужды быть вашим чемпионом и принимать на себя вызовы, что осмелятся вам бросить.

Наверное, он не хвастался. На вид молодой человек был крепок, хоть и не так высок, как сам Волков.

– Готов доказать делом свои умения и на ристалище, и в битве, – продолжал фон Клаузевиц. – Я воевал в двух кампаниях под знаменами господина фон Бока и знаменами самого курфюрста. Одна кампания была здесь, против горских псов, против этих поганых еретиков из-за реки.

Последние слова рыцаря были очень горячи.

– Не любите горцев? – поинтересовался Волков.

– Они убили моего названого брата, когда он, израненный, попал к ним в плен.

– Да, они такие, законы доброй войны им неизвестны.

– Думаю, что от вас они просто так не отстанут, раз вы дважды их побили, они еще раз придут, в упрямстве им равных нет.

Конечно, это было правдой, и Волков это знал, но он не мог взять этого рыцаря к себе.

– Друг мой, – чуть подумав, отвечал господин Эшбахта, – для меня честь, что такой человек, как вы, просится на службу ко мне, но я не так богат, чтобы содержать рыцарский выезд и чемпионов. Земля моя убога, а мужиков на ней почти нет. Все, что имею я, брал я мечом, и если войны не будет или если эта война не принесет серебра, то мне, моим офицерам и прочим людям моим придется есть просо.

– Я знаю, что земля ваша бедна, – продолжал рыцарь, – но я знаю, что вы офицерам своим даете тысячу десятин в прокорм.

– Без мужиков, – заметил Волков, поднимая палец. – Без мужиков.

– Да-да, – кивал фон Клаузевиц, – я знаю, все знают, что мужиков у вас очень мало. Но я попрошу вас все равно взять меня к себе, дать мне земли и еще долю в добыче… Даже не офицерскую, поначалу, пока не проявлю себя, я согласен на сержантскую. Вам все равно придется воевать, а лучше иметь таких людей, как я, при себе, чем нанимать второпях, когда нужда будет.

Кавалер молчал, смотрел на молодого человека и думал.

И тут же, тут же за спинкой его стула замаячила фигура монаха. Он зашептал на ухо Волкову:

– Брать его надобно, раз ничего, кроме земли, не просит. Земли-то у вас нераспаханной много, чего ее жалеть, а не придется он вам по вкусу, так всегда можно будет погнать.

– Дурак, это холопа можно погнать, а с рыцарем еще объясняться придется, – сказал кавалер раздраженно, – да и откуда ты все знаешь, откуда ты знаешь, что у меня земли непаханой много?

– Так Ёган мне жалуется все время, что рук у него свободных нет, земля, мол, простаивает непаханая.

Волков отмахнулся от него и сказал рыцарю:

– Сегодня решения принимать не буду, садитесь за стол пока, завтра все решу.

Кавалер Георг фон Клаузевиц поклонился ему и сел за стол.

Глава 11

Утром Волков, конечно же, дал согласие. Брат Семион проклевал ему всю голову, что нужно брать рыцаря на службу. Причем голова у Волкова и без того болела, а чертов монах был бодр, здоров и свежевыбрит.

Рыцарь оказался не один, пришел с ним послуживец, или, может быть, оруженосец, с конем, и еще у него имелся вьючный конь, на котором возился доспех и прочий рыцарский скарб. А помимо рыцаря к Волкову приехали братья Курт и Эрнст Фейлинги, тоже с людьми, с ними четверо хорошо вооруженных конных послуживцев, а также телега с возницей. Все они стали ждать господина Эшбахта на улице, почти перекрыв на ней движение, а он, как назло, когда мылся, дернул шеей, да так, что боль пронзила его опять чуть не до поясницы. Кое-как брат Ипполит привел его в чувство обезболивающей вонючей мазью.

Волков думал, что неплохо бы поехать домой в карете. Жаль, нельзя: за старика начнут почитать. Даже на телеге хорошо: кинул бы перину да лег – и лежи себе, пока не приехал. И шея не шевелится лишний раз, и ногу не крутит через час езды. Но нет, нельзя. Скажут, что стар. Старик за собой людей повести не может. И дело тут не в праве и не в уважении. Старик не может напугать. Крикнет он: «Стой на месте и сражайся, иначе убью!» Кто будет сражаться и не побежит, кто послушается? Кто старика испугается? А командира должны не только уважать, но и бояться. Поэтому кавалер и ездил на коне, хотя так хотелось на перине в телеге хотя бы, раз кареты нет.

Урожай давно был собран, даже уже частично продан, мужики в Эшбахте вместе с солдатами ждали от господина фестиваля. Но на рынок Волкову за пивом и съестным самому ехать было невмоготу. Послал туда Рене: пусть престарелый муженек его сестры помогает по-родственному. Не зря же он в приданое за сестрой холопа дал.

Домой шли с целым обозом из телег. Одного пива двадцать две двадцативедерные бочки, не считая больших корзин с колбасами и сырами, мяса в полутушах, хлебов, пирогов и пряников для девок и детей и даже бочонка меда. Волков дал Рене тридцать монет, так тот все и потратил. Кавалер не хотел экономить в мелочах, ему хотелось, чтобы мужики и солдаты, все солдаты всех офицеров, были довольны жизнью на его земле. Не думали разбегаться, искать лучшей жизни, замерзая по ночам в своих жалких домишках. Господин должен быть и

строг, и добр; должен и спрашивать, и награждать. Причем без крайностей: без жадной лютости, но и без попустительства.

Никто этому Волкова не учил, не был он сеньором в пятом поколении, просто кавалер понимал эти правила так же, как понимал, где искать выгоду и стоять на своем, а где и не жадничать. Пусть, пусть людишки порадуются напоследок. Пусть пожируют за счет господина Эшбахта. Октябрь на дворе, уже октябрь, вот-вот с севера дожди придут, а с юга, с гор, холодные туманы с ледяными ветрами. Волков вздохнул. А за холодными туманами могут и горцы пожаловать. Солдаты должны быть счастливы, иначе начнут разбегаться.

Приехал домой. Как всегда, ногу крутит, сил нет самому слезть с коня. Теперь еще новые люди все это видели. Все: и фон Клаузевиц, и братья Курт и Эрнст Фейлинги, и все их люди тоже. Волков на них глянул так зло, что те, кто был во дворе и смотрел на него, сразу глаза отвели. А он, скалясь от боли и разминая ногу, пошел в дом, крикнув перед этим:

– Монах, за мной ступай!

За ним кинулся брат Ипполит, кавалер поморщился:

– Да не ты, мошенника этого, брата Семиона, позови, – и, подумав, добавил: – Хотя ты тоже понадобишься.

– Шея? – спросил брат Ипполит.

– Нет, шея не болит, нога донимает.

Жена едва голову подняла, когда он вошел, не встала даже:

– Здравы будьте, господин мой.

И снова уткнулась в шитье. Сама бледная, еще к бледности своей надела платье черного бархата, холодная, словно рыба дохлая. Некрасивая.

Зато Бригитт вскочила, присела низко, голову склонила, так в кавалера глазами стрельнула, что понял Волков: есть у нее, что ему сказать. Но до ночи вряд ли представится случай с ней поговорить.

Он велел греть себе воду – мыться. Воды греть много. А сам с Ёганом заговорил о делах. Тот намеревался, пока дожди не пришли, отправить мужиков рубить куст на дрова. Дров на зиму было совсем мало. Еще о всякой мелочи поговорил, говорил бы еще час, да Волков прервал его. Ему было не до того. Хозяин думал, где ему восьмерых людей разместить, трое из которых господа. Ну не в людской же с холопами, в самом деле. Пока они на улице были, он их в дом не звал.

Не звал из-за того, что говорить собирался с братом Семионом, и разговор мог выйти неприятный.

Тот, как чувствовал это, пришел, присел на край лавки и, пока господину дворовый мужик стягивал сапоги, а брат Ипполит осматривал шею, молился, перебирая четки и закатывая к потолку глаза в легком, но праведном исступлении.

– Знаешь, о чем меня спрашивал епископ? – начал Волков, когда брат Ипполит наконец перестал разглядывать рану на его шее.

– Так чего же тут гадать, загадка тут небольшая, – сказал смиренно брат Семион. – Видно, спрашивал он вас про костел, построен ли.

– Именно, – сказал Волков. Он врал: епископ и речи о том не заводил. – И знаешь, что я ему сказал?

– Наверное, сказали, что строится, – отвечал монах.

– Опять угадал, – продолжал врать кавалер. – А сколько денег у тебя на храм осталось, помнишь?

– Сотни две, – произнес брат Семион, чуть подумав.

– Сто шестьдесят семь монет, – напомнил Волков и повторил серьезно, делая на этом ударение: – Сто шестьдесят семь монет от двух тысяч и двух сотен.

Монах только вздохнул в ответ. Он посмотрел на Волкова, кажется, понимая, куда тот клонит.

– Завтра позовешь сюда ко мне архитектора. Он, кажется, дом доделал? – продолжал кавалер. – Поговорим о храме, денег я на него дам. Две тысячи монет, думаю, будет достаточно. Но считать стану сам, тебе, дураку, веры больше нет. Твой дом я забираю…

Брат Семион сидел понурый, а тут вскинул на Волкова глаза, тот даже подумал, что сейчас он спорить начнет или даже просить будет, но нет, монах лишь пожал плечами и опять опустил голову.

– Забираю твой, но тебе свой отдаю, – продолжил кавалер.

Монах снова ожил, уставился на Волкова, обрадовался, кажется:

– Ваш дом мне пойдет?

– Только дом. Амбары, овины, хлева и конюшни мои будут, но и ты можешь ими пользоваться. Телеги я тоже тут на дворе стану держать, колодец мой останется, мне скот поить надобно, а огород твой. Холопы будут тут же жить, в людской, одну девку тебе в прислугу дам. Но в прислугу, – Волков поднял палец

предостерегающе, – пользовать ее не будешь, а начнешь – и она пожалуется, – так я ее у тебя заберу.

Кажется, все пока устраивало хитрого попа. Он понимающе кивал, на все соглашался.

– А еще тут у тебя будут господа кавалеры жить, сам мне их насоветовал брать, тут внизу и поселятся, твои покои наверху, послуживцы их будут с холопами в людской.

Вот это, кажется, брата Семиона не устраивало, скривился едва заметно, видно, один хотел жить в огромном доме. Но кавалера его недовольство мало заботило, тем более что он кое-чем готов был монаха успокоить:

– Сто шестьдесят монет, что остались от денег на церковь, оставишь себе на обустройство. – Волков замолчал и потом добавил серьезно: – И займись уже костелом, займись уже. Дождешься, попрошу у епископа другого попа на приход.

На том разговор был закончен. Все, включая дворню и жену, весь этот разговор слышали. Госпожа Бригитт не удержалась, встала и начала выходить из-за стола. Рука у Волкова лежала на подлокотнике кресла, так она как бы невзначай руки его коснулась бедром. Стала извиняться и говорить:

– Господин, так мы что, переезжаем в тот красивый дом, что у края деревни стоит?

Этот вопрос интересовал всех присутствующих, включая госпожу Эшбахта, которая тоже хотела это знать, да от спеси не желала сама спрашивать.

– Да, – сказал Волков, – теперь вы, госпожа Ланге, на лавках спать не будете, у вас появятся свои покои.

– Правда? – обрадовалась та, едва не запрыгала. – А можно мне узнать, какие мне покои положены?

– Выберете сами после того, как госпожа Эшбахта выберет нам спальню.

– Ах, Господи, как это хорошо! – Никого не стесняясь, вроде как в благодарность госпожа Ланге склонилась в грациозном реверансе и поцеловала руку Волкова. – Спасибо вам, господин! Можно ли нам с госпожой Эшбахта уже посмотреть дом?

– Идите, – махнул рукой кавалер, – посмотрите, решите, чего в доме не хватает. Потом скажете.

Жена хоть и не благодарила его, но сразу бросила рукоделие и пошла с Бригитт смотреть новый дом. Даже Мария, отодвинув сковороды с огня, отправилась очаг и печи смотреть, а все дворовые за ней побежали.

Он и сам пошел. С ним шли все: и Максимилиан, и Увалень, и Сыч, и оба монаха. Забор высок, ворота крепки, двор огромен, хоть тридцать телег сюда ставь. Амбары, конюшни, хлева большие – и все это крепкое, новое. Двор настоящего хозяина. И колодец, и привязь, и поилка для коней. Курятник таков, что сто кур тут уместятся, тесноты не зная.

Дом уже почти готов был, мастера правили кое-что уже по мелочи, мыли да собирали все, что лишнее осталось. Молодой архитектор ходил по дому, показывая его госпоже Эшбахта и ее подруге. Как Волкова увидал, так стал ему кланяться. Взволновался. Стал ему показывать дом.

Дом и вправду оказался хорош. Был он на вид не меньше старого, но в два настоящих этажа с чердаком и подвалами большими под вино и прочее съестное. Полы из хороших досок вощеных, стены чисты, белены. Окна огромны. Двери в две створки, хоть свадьбу выводи через них, крепки и широки, с красивыми бронзовыми ручками. Печи с плитами удобны, другие печи, что с дымоходами для обогрева дома, и вовсе в изразцовой плитке с замысловатыми рисунками. Камин большой, в него войдет даже сам хозяин, головы не склонив, кабана целиком можно зажарить. Максимилиан в удивлении вытащил меч, поднял его, потянулся им вверх и до потолка не достал. Все посмотрели на это и увидали на балке красивую люстру под двенадцать свечей. А стропил не увидели: потолок был ровен и побелен, как и стены.

Две тысячи талеров! Две тысячи. Теперь ясно стало кавалеру, на что этот чокнутый монах потратил столько денег. Столько, что на эти деньги можно было выстроить небольшой костел на пятьсот прихожан.

Дальше пошли по широкой лестнице с красивыми перилами наверх, а там еще один зал, да еще какой. Вдоль всего зала высокие окна, свет просто льется в залу, его так много, что ламп не придется зажигать до самой густой темени. Там обедать можно, только мебель купи. Там же двери в покои и опочивальни.

– Здесь будут мои покои, – сказала госпожа Эшбахта таким тоном, что вряд ли бы кто решился ей перечить.

А вот кавалер решился:

– Покои ваши будут там же, где и мои, те, самые большие, – он указал на большую пустую комнату, – нам с вами подойдут.

Жена его только фыркнула как злобная кошка, все видом своим выражая пренебрежение и даже, может быть, презрение к словам супруга своего, вздохнула, кривя рот и с апломбом:

– За что же мне кары-то такие?

При всех людях его оскорбив господина Эшбахта, она пошла дальше, заглядывая в комнаты.

Повисла нехорошая тишина, все, кто присутствовал при этом, почувствовали себя неловко, архитектор, что заливался соловьем, рассказывая про свое детище, замолчал, стоял с виноватой улыбкой. Госпожа Ланге искоса бросила многозначительный взгляд на Волкова. И был в этом взгляде смысл и общая тайна. А потом она пошла вслед за подругой. Она все правильно делала.

Волков, не проронив ни слова, повернулся и направился к лестнице, за ним все его люди, архитектор же, в растерянности постояв немного, пошел за госпожой Эшбахта. Ну а что ему еще делать было?

Вечером, когда Мария собирала посуду со стола сразу после ужина, госпожа Эшбахта встала и, сделав лицо высокомерное, сказала едва не сквозь зубы:

– Спокойных всем снов. И прошу вас, господин, меня сегодня не тревожить. Не будет в том вам резону. – И пошла наверх.

Волков посмотрел ей вслед, а затем взглянул на госпожу Ланге, ожидая пояснений. И та проговорила, не смотря ему в глаза и тоном таким, каким сообщают плохие вести:

– Госпожа не обременена.

– Что? – не понял Волков.

– Элеонора Августа не беременна, – тихо повторила Бригитт, все не поднимая глаз. – У нее нынче кровь пошла.

Как будто ударили его. Не сразу даже слова эти в голове его улеглись, так, чтобы понял он их. Хуже новости сегодня быть не могло. У Волкова плечи опустились, он сгорбился и стал смотреть на стол, растирая больное место на ноге. Никому он того бы не сказал, но

каждый день, каждый божий день пред тем, как заснуть, молил он Господа о том, чтобы даровал Он Элеоноре бремя. Редко кавалер молился, обычно он обращался к Богу перед делом и просил у Него только две вещи: простить его грехи да быстрой смерти, уж если смерть его достанет. Ну а что еще может просить солдат? А тут изо дня в день молил о том, чтобы Господь послал ему чадо. Сына, конечно, но можно и дочь, в крайнем случае. Пусть дочь для начала, кавалер согласен и на дочь, лишь бы была. Но ничего на этот раз не вышло.

Словно смеялся Бог над ним. И славу, и почет, и деньги, и жену родовитую, и землю – все дал! Все! А наследника не дает. Издевка, смеется над ним лукавый старик, не иначе. Или, может, в том жена его виновата. Брунхильде, молодой кобылице, одного раза было достаточно, чтобы понести. Захотела и понесла. И госпожа Анна фон Деррингхофф из Рютте писала ему, что тоже понесла. А эта квелая да рыхлая не может. Видно, нездоровая она. Всучили ему ее распутную, так еще и больную. У Волкова лицо потемнело, кулаки сжались.

Как называют тех, кто наследника произвести не может, как называют тех, кто без чужой помощи с коня слезть не может? Нет, их называют вовсе не стариками. Есть у таких название похуже, злое и насмешливое прозвище, такое, которое в лицо никто не скажет, зовут таких Мягкий Меч.

Стариков еще можно уважать, а если ты Мягкий Меч, то уважения не жди. Никто не пойдет за тобой в бой. Никто не станет уважать твое право. А зачем, все равно новый господин будет на месте твоем, наследников-то нет. Иначе не скажешь – Мягкий Меч. И как ни будь ты силен и славен, все одно – ты временный человек, человек не на своем месте. Чтобы место стало твоим, ты должен в него корни пустить. А корни – это сыновья, такие же суровые и сильные, как и отец. С которыми, как и с отцом, никто не захочет связываться.

Да разве заведешь их при такой жене?

Было тихо в доме. Сестра Тереза с племянницами переехала к мужу. Мария понесла с кухни кадку на улицу, других дворовых тоже не было, даже Увалень, что обычно валялся на лавке возле входа, и тот куда-то ушел, видно, спать. Никого не оказалось вокруг. Такое случалось крайне редко. Только кавалер да госпожа Ланге. Она тут встала, подошла и села ближе, совсем близко к нему. И положила свою

руку ему на руку, а он сжал ее пальцы. Тогда она поднялась и обняла его за шею, поцеловала в висок. А он гладил ее по спине и заду, пока в сенях не послышался шум. То возвращалась со двора Мария.

Когда служанка пришла и стала греметь у печи чистой уже посудой, Волков сказал Бригитт негромко, но твердо:

– Пока жена не способна, буду вас брать.

– Как пожелаете, господин, – отвечала та сразу, согласно кивнув, явно не испугавшись и не тяготясь этим его желанием.

– Жалею, что не вы моя жена, – произнес Волков, не отводя от нее глаз.

Она изумленно уставилась на него и не нашлась, что ответить.

Глава 12

На следующий день уже начали переезжать потихоньку. И, как ни странно, самым рьяным в деле переезда оказался брат Семион. Торопился заселиться в старое жилище господина Эшбахта, которое теперь считал своим.

У Волкова же забот прибавилось: в дом нужно было мебель покупать, та, что он приобрел для старого дома, в новый совсем не подходила. Стол на всю залу из толстенных досок, даже из бруса, тяжеленные лавки, что ночью становились кроватями, да и сами тяжелые кровати не шли никак к новому дому. А посуда, а гобелены на стены, шкуры или ковры на полы, подсвечники, лампы – разве все вспомнишь сразу. Он пошел к себе в спальню и отпер сундуки.

Достал деньги и обомлел. Вдруг понял, что серебра-то у него осталось совсем немного. Да, были две тысячи монет в двух больших мешках. Так они на постройку церкви должны пойти. Еще оставались деньги в маленьком мешочке, которые он обещал брату Семиону. Еще был полупустой мешок, там почти пять сотен, вот и все серебро. Остальное – золото, которое ему очень не хотелось тратить. Поначалу кавалер даже испугался. Куда деньги делись?! Потерял? Украли?

Еще недавно он получил за ограбление ярмарки в Милликоне почти три тысячи монет приза. Три тысячи! А перед этим еще от епископа четыре сотни! Куда же дел он их? Ну да, за дом придется отдать две тысячи, это главная его трата. Сестре в приданое ушла куча

монет. Половина мешка без малого. Потом солдатам дал серебра, за сражение на реке выплатил почти три сотни. За поход в город тоже дал двадцать четыре монеты серебром. Не будут солдаты таскаться туда-сюда просто так. Офицерам он не платил, те сами знали, за что воевали и для чего в город ездили, а вот солдатам пришлось платить.

Амбары строил и пристань, они в копеечку вышли. Столько пришлось леса из города везти. Лес дО́рог, перевоз дО́рог. Все дорого. А фестиваль мужикам устраивал, второй день в деревне пьяный гул стоит. Пир ландскнехтам тоже недешев был. Подлец трактирщик просил тридцать восемь монет. А когда Волков сказал, что даст двадцать пять и ни пфеннигом больше, так схватил эти деньги и ни слова не возразил. И еще радовался, вор. Видно, даже так хорошую лишку взял. А еще людям Сыча, что на том берегу сидят, и самому Сычу много денег шло.

И еще по мелочи, по мелочи, по мелочи. Нет. Не терял он денег, и никто его не обворовывал. Нет, просто текут они сквозь пальцы, как вода. Не удержать. Он засыпал серебра себе в кошель, опять даже не считал его, две полные пригоршни. Надо будет Бригитт дать пять монет на женские нужды. Бригитт – не женщина, а удовольствие. Не зря говорят про рыжих, что в них огонь дьявольский. Вчера ночью еще неизвестно, кто кого брал: он ее или она его. Словно бес в ней любовный был: и царапалась, и кусалась, словно зверек. А еще выла сквозь зубы, чтобы не кричать, дом не перебудить. Такую бы ему жену, раз Брунхильды нет. От нее получились бы хорошие дети: дочери красивые, а сыновья яростные. А ему досталась эта бледная немочь, вечно недовольная и препирающаяся. Надо будет Бригитт десять монет дать. Она ему нужна…

Он вздохнул и опять вспомнил про деньги. Война, стройки, пиры, покупки. Ох, недешевое это дело – быть господином. Захлопнул сундуки, запер их и пошел вниз смотреть, как дворовые собирают скарб для переезда.

Сел в кресло. Как и договаривались еще вчера, пришли к нему Ёган и господин фон Клаузевиц.

– Ёган, – распорядился Волков, – господину рыцарю обещана мной тысяча десятин пахоты. На солдатском поле еще есть земля, что не распахивается? Свободная там есть земля? Или солдаты все возделывают?

– О, какое там, – Ёган махнул рукой, – там много целины, бурьяна столько, что коня измордуешь, пока все поднимешь.

– Выдели господину фон Клаузевицу лучшую тысячу.

Рыцарь поклонился Волкову.

– Хорошо, – кивнул Ёган, – землицу-то найдем не самую худшую, а кто же ему пахать-то будет, мужиков-то у нас лишних нет.

– Ну, может, он солдат наймет, а ты скажешь им, как и когда лучше пахать и что сеять.

– Ну, ясно, – согласился управляющий без всякой радости. А чего ему радоваться, еще одна забота.

– Господин фон Клаузевиц, – продолжал Волков, – а думаете вы строить дом или тут у меня будете жить?

Рыцарь задумался и сказал после:

– Дом мне не по карману. Ваш этот дом вполне пригоден для жилья. Я не из тех спесивцев, что требуют личных апартаментов.

– Да, но здесь помимо вас будут жить и другие люди: и мой поп, которому теперь принадлежит дом, и молодые господа из города, и мои оруженосцы.

– Ничего, я не дерзкий человек и напрасных свар не затеваю, тем более что из всех ваших людей я буду старшим, а значит, должен служить им примером.

– Хорошо, но имейте в виду, что для дома вы можете брать все, что найдете на моей земле, бесплатно. Мои офицеры поначалу, пока не было кирпича у нас, строили свои дома из орешника и глины, хорошего леса на них уходило не много, дома получались простыми, но удобными и даже красивыми, если их побелить. А теперь у нас и кирпич свой, солдаты жгут его во множестве, он дешев.

– Вот как? – задумался фон Клаузевиц. – И где же мне будет позволено ставить дом, если надумаю?

– Да где захотите, хоть тут, в Эшбахте, хоть у сыроварни.

– У сыроварни – это…

– Это как ехать к амбарам, к реке, на восток, там дома всех моих офицеров. Впрочем, если вас не тяготит жить с другими господами тут, то живите, я просто предложил вам.

– Спасибо, – рыцарь поклонился, – я подумаю.

* * *

Пришли из нового дома госпожа Эшбахта и госпожа Ланге. Бригитт весела, радостна, вся светится от переезда и от того, что у нее будут свои покои. Даже Элеонора Августа и та не так недовольна, как обычно. Сама заговорила с Волковым. Стала рассказывать, что надобно купить в дом.

– Будет, будет вам, – морщился кавалер, слушая разговоры и причитания женщин. – Перин и простыней у нас достаточно из приданого госпожи. Посуды столько, что лишняя есть. Коли гости придут, так всем серебряных стаканов хватит.

– А кровати, – с возмущением говорила жена, – мне… нам нужна новая кровать. А Бригитт кровать? Я хочу, чтобы у Бригитт была хорошая кровать. А еще гобелены на стены.

– Хорошо-хорошо, – вздыхал кавалер, – будет госпоже Ланге хорошая кровать и хорошие перины с простынями. Все будет.

Госпожа Ланге улыбалась, довольная. А Волков подсчитывал в уме расходы. Тут пришел Максимилиан и сказал:

– Кавалер, к вам гонец.

Волков даже спрашивать не стал: что это за гонец, от кого или как выглядит. Он и так знал, от кого. И не ошибся. Опять был посланец от самого курфюрста. Гонец стоял в трех шагах от кавалера с пакетом в руке, а Волков письма не брал. Тогда Максимилиан забрал письмо и положил его перед господином.

Скажи ему кто лет этак десять назад, да какие десять – пять лет назад, что писать ему будет герцог, да не простой герцог, а настоящий курфюрст, так не поверил бы. А может, и в морду дал бы говорившему, посчитав его слова за насмешку. А вот прошло время – и вот оно, письмо от курфюрста. Лежит перед ним, и никакого трепета у него перед этой бумагой нет. Наоборот, век бы ее не видать. Да, многое в его жизни с тех пор, как он служил в гвардии, переменилось. А письмо все лежит. Гонец стоит терпеливо, кухарку Марию рассматривает. Максимилиан отошел к стене, сел на лавку.

А Волков бумагу все не брал, сторонился, как будто она с проказой или чумой. Сидел и тер глаза руками, словно спать хотел, хотя совсем недавно лишь завтракал.

Но сколько так глаза ни три, а письмо не исчезнет, и гонец не растает. Взял он, наконец, бумагу, посмотрел на ленту, на печать. Развернул ее нехотя:

«Сын мой, писали Вы мне, что недужите и так ваш недуг тяжек, что ехать ко мне не можете, оттого что немощны. А мне говорят, что недуг Ваш не тяжек и немощь Ваша сошла совсем. И так не тяжек недуг Ваш, что соседи от Вас плачут слезами горькими и пишут мне жалобы, послов-жалобщиков шлют с просьбой, чтобы унял я Вас.

Много о Вас говорят дурного, много злого. Хочу сам от Вас самого слышать, как дела у Вас в Эшбахте идут. Как с соседями Вы живете? Как мир храните?

Поэтому прошу Вас слезно быть ко мне немедля, иначе я к Вам буду.

Вильбург. Курфюрст Карл».

* * *

Перстень герцога приложен – считай приказ. Как думал Волков, так и вышло: уже не просто письмо, уже повеление сеньора. И не просто повеление, уже и угроза в нем. Попробуй, дерзкий, только ослушаться, так сам приду. Конечно, сам он не придет, но уж людишек своих точно пошлет, гадать о том не надо.

А гонец стоит над душой, ждет. Нужно ответ герцогу сочинять. А сочинять нечего, только все то же писать, что и в первый раз. Ну не ехать же к курфюрсту, в самом-то деле.

Взял бумагу, перо – монах, как увидал гонца, так принес все без напоминания. Стал писать:

«Государь мой, хотел Вам сам писать, да все еще хвор был. Живу здесь как на войне, и двух недель не прошло, как воры из-за реки, те, что из кантона Брегген, вышли на берег мой все в железе и доспехе, были они во множестве. Думали грабить, как раньше грабили. Пришлось идти на них со всеми людишками моими и гнать их обратно за реку, чтобы не дать грабежу случиться. Так еле отбился от них, так как воров оказалось премного. Сам же был ими побит, ранен в шею и снова хвор стал, в чем клянусь вам Богом. Лекарь мой, честный монах Деррингхоффского монастыря брат Ипполит, Вам подтвердит и тоже поклянется, что говорил он мне на коня не садиться много дней, так как горячка от раны может быть. И прибуду я к Вам, как только смогу по делам и здоровью. Уповаю на Бога и на Вас как на заступника.

Вассал Ваш Иероним Фолькоф, кавалер.
Милостью Бога и Вашей милостью господин Эшбахта».

* * *

Тут Волков поднял глаза на гонца:
– Ты ли мне в прошлый раз письмо доставлял от герцога?
– Я, господин, – отвечал гонец.
Волков достал талер и показал:
– Значит, знаешь, что с этим делать?
– Прогулять его в Малене, гулять два дня, – улыбался посланник.
– Молодец. – Волков кинул ему монету. – Вези письмо не спеша.

Хотя вряд ли такая задержка могла его спасти, но он готов был цепляться за любую возможность отсрочить следующее от герцога письмо, а тем более людей от него.

Гонец ушел, а кавалер остался в думах нелегких сидеть, брат Ипполит стал его смотреть, а он даже не морщился, когда лекарь давил и мял, не до раны ему сейчас было. Он бы на две такие согласился, лишь бы герцог про него забыл хотя бы на год.

Глава 13

Волков совсем позабыл про него за всеми этими делами и заботами, не появись мальчик – так неизвестно, когда бы вспомнил. А Бруно Дейснер приехал и был, кажется, горд собой. Михель Цеберинг вперед не лез, стоял чуть поодаль, хоть и являлся старшим в деле. Дал мальчику похвалиться перед дядей. Бруно подошел к столу, положил перед кавалером два талера и, немного подождав, чтобы тот все понял, стал выкладывать новые монеты. Выложил шестьдесят семь крейцеров и замер, ожидая похвалы.

– Ну, что это, объясни? – потребовал кавалер, глядя на серебро.
– Вы дали мне два талера, господин…
– Не называй меня господином, – прервал его Волков, – ты сын моей сестры, ты моя семья, зови меня дядей или кавалером.

– Да, дядя, – сказал юноша, – это два талера, что вы мне дали перед тем, как отправили с Михелем.

– Да, помню.

– А эти крейцеры – прибыток, дядя.

– Это неплохой прибыток. На чем ты его заработал?

– Сначала мы взяли кирпичи, отвезли их на другой берег реки, во Фринланд. Там удачно продали, и двух дней ждать не пришлось, могли бы сразу за новыми поехать, но встретили одного купца из Эвельрата, он сказал нам, что едет в Рюммикон за брусом и доской и что если мы сделаем заказ и подождем три дня, то он нам устроит хорошую скидку. Мы подождали, он вернулся и привез нам разного леса. Мы тут же погрузили его и привезли сюда, архитектор ваш его купил у нас сразу и сказал, что купит еще вдесятеро больше, мол, на новую церковь пойдет.

Волков во время рассказа поглядывал на молодого пронырливого солдата Михеля Цеберинга, который вдруг из солдат пошел в торговцы кирпичом. Тот слушал рассказ племянника господина и кивал, соглашаясь.

– Это хорошо, – похвалил племянника Волков, – ты молодец. А знаешь, что я переезжаю в новый дом? Тебе нужно посмотреть себе там место.

– Господин… то есть кавалер, – заговорил мальчик, – мне некогда тут обживаться, думаем мы сегодня же ехать в Мален.

– В Мален? Зачем же?

– Нужно поговорить с промышленниками и строителями, надобно цены вызнать. У нас с Михелем есть задумки.

– Это хорошо. – Волков действительно и сам был рад.

– Дядя, мы хотели просить у вас телегу с конем. За те, что мы брали в прошлый раз для перевозки кирпича, мы расплатились. А сейчас спросили, а Ёган сказал, чтобы к вам шли.

– Берите, – согласился кавалер. – И когда вы собираетесь ехать?

– Сейчас, дядя, Михель говорит, что талеры никого ждать не будут.

– Это верно, – произнес Волков, этот мальчишка ему нравился все больше. – Талеры высокомерны и заносчивы, они никого ждать не будут, за ними нужно побегать, их нужно хватать быстро, но перед дорогой вы хотя бы поешьте. Мария, покорми этих уважаемых купцов.

Племянник с товарищем поели и уехали, торопились, чтобы до ночи оказаться в Малене. А Волков не спеша пошел по своей деревне и глядел, как она приходит в себя после двухдневного праздника урожая. С ним отправились Максимилиан и Увалень, и Сыча хотел увидеть, но тот пропал еще позавчера, как только в город въехал обоз с пивом и съестным.

Мужиков на улице видно не было, наверное, Ёган угнал их на барщину. Солдат тоже не было: кто кирпич жег, кто еще чем занимался. Бабы местные да молодые солдатки уже начинали мести дворы, ковыряться в огородах, если еще что было не убрано перед осенью, кто занимался коровником своим, кто свинарником. Когда видели через заборы господина – кланялись, спасибо говорили за фестиваль. Волков отвечал кивком, поглядывая на привычную деревенскую жизнь, дошел до нового своего дома, а там суета. Дворовые и строители ходят туда-сюда, что-то делают, носят, моют, кричат, чего-то просят. В общем, приводят дом господский в порядок. Последние дела заканчивают и уже даже скарб раскладывают принесенный. Суетятся, стараются.

А Волков вдруг засмеялся, только смех невеселый это был. Про веселый смех он позабыл давно.

– Отчего смешно вам, кавалер? – спросил Александр Гроссшвулле, поглядывая на господина, кажется, Увальню тоже хотелось посмеяться.

Волков потряс только головой в ответ, мол, ничего. Не станет же он говорить, что думает о том, что суета эта может оказаться совсем пустой. Через месяц, через два или даже через три явятся сюда полтысячи горцев. И придется бежать либо в Мален, либо за реку во Фринланд. А дом этот красивый, да и старый тоже, эти псы горные пожгут к чертям собачьим. И все вокруг пожгут, с них, собак, станется. Уж не упустят они своего. Вот и смеялся кавалер над глупой суетой своих холопов и людей архитектора.

Вся работа их пустая, архитектора люди хоть деньгу получат, а его дураки напрасно стараются. А еще над собой, ведь он всей этой красоты лишится, да и денег тоже. Нет, он, конечно, сделает все, чтобы этого не вышло, но если горцев будет полтысячи, то что можно сделать? Только бежать. Только бежать.

А тут Сыч еще появился, грязный, небритый, шапка, некогда красивая, сейчас дурацкая тряпка на башке. А еще воняет.

– Чего смеетесь, экселенц? – спросил он у господина.

– Ты где был два дня?

– Да тут я был. В деревне. С народом веселился. Все видел, все слышал. Во всем участвовал.

– В чем ты участвовал?

– В веселье, экселенц, в веселье. Мужики пьют как в последний раз, когда на халяву. Так, не поверите, бабы тоже не отстают. И солдатня туда же. Даже дети, и те дармовому пиву рады. Тоже втихаря хлебают, пока мамки не видят. Пряники прячут на потом, а сами на пиво налегают да на колбасу. Правда, после лежат у заборов да блюют, но так то после.

– Пили, значит?

– Ваши дворовые от ворот до дома дойти не могли, – заметил Максимилиан, – ночь на дворе, на холоде спали. Даже наш Увалень пьян был.

Гроссшвулле покосился на Максимилиана неодобрительно, но ничего не сказал.

– Ну а как не пить, – продолжал Сыч, – если господин задарма поит. Двадцать бочек пива, кажется, было, так и все пиво крепкое. Вусмерть пьют. Потом баб своих либо бьют, либо имеют. – Он засмеялся, вспоминая. – И смех, и грех, где пили, прямо там и укладывают, едва не посреди дороги.

Волков посмотрел на него исподлобья и спросил:

– Так ты, наверное, тоже поучаствовал?

– Чего? – сразу насторожился Фриц Ламме.

– «Чего», – передразнил его Волков. – Лез, говорю, к чужим да пьяным бабам под подол?

– Чего? Кто? Я? – искренне удивлялся Сыч.

– Не ври мне, по морде вижу. Знаю тебя, подлеца, не дай бог, мне на тебя пожалуются! – Волков показал ему кулак.

– Да не пожалуются, экселенц, не пожалуются, – заверил Сыч.

– Дрались люди?

– Дрались, дрались, – кивал Фриц Ламме и рад был, что сменилась тема. – Как же с такого пьяну не драться. Но без лютости,

хотя солдаты за ножи и хватались – никого не убили. Зубы там, морды в кровище – по мелочи, в общем. Последнего били сегодня утром.

– Утром? За что? – удивился Волков: вроде праздник уже кончился.

– Так то пастух наш. Привел стадо еще вчера, а коровы одной нет. А хозяева пьяны были, про нее и не вспомнили, и не спросили. Утром только спохватились. Побежали к пастуху, а он и говорит, что она в овраг упала. Кусты жрала и скатилась. Он, подлец, тоже пьяный был, хотел народ позвать вытащить ее, да спьяну забыл. Утром мужики побежали вытаскивать, а коровы нет уже.

– Нет? Выбралась, что ли? – спросил Увалень, заинтересовавшийся историей с пастухом.

– Какое там, волки ее пожрали, размотали по всему оврагу, копыта, рога да шкура лишь остались, вот пастуха за то и били всем миром, говорят, что господин за дареную корову спросит.

Вот и еще одно дело, Волков снова стал тереть глаза и лицо ладонью. Как будто сон прогнать хотел. Волк. Про волка-то совсем забыл. Волк, будь он неладен.

– Максимилиан, Увалень, коней седлайте, Сыч, ты тоже с нами поедешь, пошлите кого-нибудь к Бертье, пусть возьмет собак, едет на место и посмотрит, что там за волки корову съели.

– Экселенц, – Сыч приложил руку к сердцу, сделал жалостливое лицо, – честное слово, я вот…

– Ты поедешь, – не дал договорить ему Волков, – только помоешься сначала.

* * *

Ганс Волинг был хоть и неплохим кузнецом, но не таким, как тот, что делал доспех. До того мастера ему оказалось далеко. Дыру он в шлеме заделал, железо вытянул хорошо, но место, где находилась дыра, осталось заметно, железо там другое, а уж от роскошного узора, что лежал на всем остальном шлеме, в том месте и следа не осталось. Кузнец стоял и ждал, что скажет кавалер, видно было, что волновался.

Волков ничего ему говорить не стал. Огорчать не хотелось, хвалить было не за что. Сунул шлем Увальню, тот положил его в мешок на седле.

– Монах к тебе не заходил? – спросил у кузнеца кавалер.

– Заходил, – кивал тот, – заходил два дня как. Просо брал, муку, масла немного взял.

– Два дня? – переспросил Сыч. Был он мрачен немного, видно, пиво, что он пил два дня, в нем свое не отгуляло. – Ничего не говорил? Может, еще что хотел, кроме еды?

– Хотел, хотел, – кивал кузнец, – новый замО́к. Я ему клетку делал железную с замком, так тот замок забился. То ли ржой, то ли грязью. Я обещал глянуть или новый сделать.

– А зверь у тебя не объявлялся? – спросил кавалер.

– Нет, после разговора с вами так и не было его ни разу.

– Не было?

– Даже следов вокруг дома не видать. И собаки потявкивать стали по ночам, раньше такого не бывало, только выли, а сейчас расхрабрились чего-то, – говорил с радостью кузнец.

Платить кузнецу было не нужно, барон в прошлый раз на том настоял, Волков простился с ним и поехал от него к монаху.

Он еще издали, как только поднялся на холм, увидал – слава богу, глаза еще не подводили, – что монах дома. В огороде, разбитом справа от дома, ближе к кладбищу, стояла лопата, воткнутая в землю, а дверь лачуги оказалась приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но замка на двери не было точно.

Подъехали – ничего. Тихо. Только октябрьский ветер качает кусты на холмах.

– Эй! – заорал Сыч. – Святой человек, ты тут?

Тишина, ветер на холмах чуть заметно теребит кусты, одна из лошадей трясет головой, узда позвякивает еле слышно.

– Святой человек! – орет Сыч. – Ты тут?

Нет. Не слышит.

Сыч понял, что все придется делать ему, подъехал ближе к двери, посмотрел на нее, слез с коня. Подошел к лачуге и вдруг остановился. Замер. Потом повернул голову, приложился щекой к двери, прислушался.

– Ну, чего? – не терпится знать Волкову. – Чего там?

Сыч повернул к нему лицо и сказал:

– Кровищей воняет, экселенц.

– Человеческой? – спросил Увалень с заметной тревогой.

– Да разве я тебе пес, чтобы разобрать, – со злым весельем ответил Фриц Ламме. – Вот дурень, а.

Увалень молчал, все молчали. А Сыч достал из рукава свой мерзкий нож, его лезвием аккуратно отворил дверь лачуги, заглянул внутрь и долго смотрел.

– Ну, видно что?

– Темень, но теперь точно скажу, кровищей оттуда несет. Из халупы его. Максимилиан, ты бы соорудил свет какой. Так ни черта не видать. Окон-то нет.

– Да как же я тебе его сооружу, нет у меня лампы, – возразил юноша.

– Ну, может, факел какой, – продолжил Сыч, все еще пытаясь разглядеть, что внутри.

– Да из чего? – все упрямился Максимилиан.

– Найдите! – сказал Волков резко и повернулся к Увальню: – И вы, Александр, помогите ему, веток сухих найдите.

Оруженосцы резво соскочили с лошадей, начали искать сухие ветки, полезли в кусты. А кавалер сидел на коне и думал, что зря он отказался от привычки носить кольчугу. Раньше повсюду был в ней, и ничего, что рубахи изнашивались быстро, зато он всегда себя спокойно чувствовал, в кольчужке-то. А один раз, в секрете когда стояли, так она ему жизнь спасла, когда враг про секрет вызнал и налетел внезапно.

А сейчас только колет надел и ездит по поместью, словно у себя по дому ходит. Волков привычно потянулся к эфесу меча. Побарабанил

по нему пальцами. Ну, хоть меч при нем.

Глава 14

Над округой висела тишина, тишина недобрая. А чему удивляться? Место дикое, пустошь, домишко меж холмов стоит в кустах колючих, при кладбище. Невеселое место и так, а тут еще Сыч говорит, что кровью воняет. Оруженосцы кусты ломают, ветки сухие ищут, и тут Увалень сказал:

– Матерь святая заступница, нога!

Негромко сказал, но вокруг так тихо было, что все услышали. Повернулись к нему, Максимилиан тоже перестал ветку ломать.

– Нога, говорю, вот она, – продолжал Увалень, глядя вниз и медленно отходя от куста.

Все замерли, как остекленели. Кроме кавалера.

– Где?! – рявкнул Волков, чтобы своих людей в чувство привести. – Где нога?

Все: и Сыч, и Максимилиан, и Увалень – вздрогнули от его окрика. А он только обозлился от их робости и сказал еще громче и еще злее:

– Покажи, где нога, ну!

– Так вот она. – Увалень стал веткой выскребать ногу из-под куста, пока не вытащил ее на открытое место.

Кавалер подъехал на пару шагов ближе. Волков не раз видел отрубленные ноги. Эта была не отрубленная. Он не мог сказать, как ее отделили от человека в районе колена, по суставу, но точно не отрубили.

– Ну, чего застыли-то? – снова заговорил он, рассмотрев ногу. – Давайте уже зайдем в дом.

Пришлось ему самому слезать с лошади. Сыч достал огниво и разжег пучок сухих веток, что собрали оруженосцы. Волков забрал у него огонь и подошел к двери лачуги. Да, острый запах, который не с чем не спутаешь, так и ударил в нос. Кровища, как сказал Сыч.

Волков поднял быстро прогорающий факел из сухих прутьев повыше. Домишко был скуден. В глаза сразу бросилась постель из глины, заваленная старыми козьими шкурами, над ней образа да

распятие. На постели Писание лежит. Еще очаг с висящим над ним котлом. Все самодельное, грубое, сделанное без искусства. А вот стол был хорош, крепок и велик, на четверть дома. Сыч, вошедший за кавалером следом, тут же нашел на нем среди посуды лампу, зажег ее и выругался, увидав то, что Волков уже видел:

– Дьявол, это что, монах наш?

– Ну а кто еще? – ответил кавалер.

На большом и крепком столе стояла огромная клетка из крепких кованых прутьев. С дверцей, с петлями для замка. Была она похожа на те клетки, в которых держат птиц, только в эту клетку легко вместился бы вставший во весь рост взрослый человек, лечь бы он в ней не смог, только стоять или сидеть.

В клетке был монах, святой человек, отшельник. Сидел, привалившись к прутьям. Голова запрокинута, лицо белее бумаги с серым оттенком. Глаза открыты, смотрят в закопченный потолок. Дверь клетки заперта. Замок висит. Но все-все вокруг залито кровью. И одежда его грубая, и стол, и пол. Кровь уже запеклась давно, стала черной.

– Не уберегла его клетушка-то, – сказал Сыч, поднося лампу поближе.

Да, не уберегла. На полу рядом со столом лежала рука, оторванная в локте. Ее, так же как и ногу, не резали, не рубили – рвали ее, отрывая от человека, рвали с хрустом, кости в локте в крошево превращая.

– Грыз его зверь. – Фриц Ламме присел на корточки и стал рассматривать руку, а затем полез под стол и достал оттуда еще один кровавый обрубок. – Вот, значит, и вторая. Он монаха за руки ловил, через клетку вытягивал и отгрызал. Не приведи Господи такой конец, вот уж натерпелся святой человек. Уж лучше четвертование, там хоть топор острый.

– А вторая нога есть у него? – из дверей спросил Увалень.

– Вы бы там свет не закрывали. Отойдите с прохода, – велел Сыч ему и Максимилиану, – и так ничего не видно.

– Максимилиан, езжайте в деревню, возьмите телегу и четверых солдат, скажите, что заплачу, но о том, что за дело, не говорите, – распорядился Волков. – И попа какого-нибудь захватите, чтобы отшельника схоронить.

– Да, кавалер, – сказал юноша и ушел.

– А вот и вторая нога, – нашел ногу Сыч. Та была в клетке, монах на ней сидел, но нога тоже оказалась почти оторвана. – И ключ вот. Да, не уберегла клетушка святого человека. Видно, тутошний зверек посильнее его святости оказался. Не совладал, значит, монашек.

Фриц Ламме говорил все это, не выпуская лампы из руки, не переставая заглядывать под стол, рассматривать клетку и убиенного. Он все высматривал и выискивал что-то.

– Ну? – спросил у него кавалер. – Чего ищешь-то?

– Думал, хоть клок шерсти оставит зверюга. Ничего нет. Надо собачек сюда.

– Не берут его след собаки. Сам же видел, хвосты поджимают и под копыта конские лезут, даже не тявкают.

– Это да, – задумчиво кивал Сыч, разглядывая мертвеца. – Это да. Боятся его, а чего же не бояться, вон каков. Интересно, сколько тут этот сидит, дня три?

Волков мертвяков на своем веку повидал достаточно.

– Да нет. День, может, два, не больше. Кровь еще воняет, а гнили нет.

– День-два? Значит, совсем немного не поспели мы, – размышлял Сыч, все еще разглядывая лачугу.

Он стал копаться в вещах монаха, рыскать по помещению, заглядывать в углы.

– Ну, и на кого думаешь?

– На того же, на кого и вы, экселенц.

– На барона?

– На него, на него. Неплохо бы в замке у него посмотреть.

– Звал он меня. Как раз в тот день я его у кузнеца встретил, тогда я и сказал ему, что к монаху собираюсь, что монах мне про зверя что-то сказать хотел.

– Вот, вот оно все и складывается, – говорил Фриц Ламме. – Может, напишете ему, что согласны в гости наведаться. Напроситесь, а я с вами. Посмотрю, что там да как.

– Потом ты там разнюхивать будешь, а тебя заметят, так нас с тобой из этого замка живыми не выпустят или, как этого монаха, по кускам разнесут, раскидают по округе.

Сыч покосился на него.

– Или ты думаешь, что барон нас выпустит, если прознает, что мы к нему шпионить приехали?

– Да, – продолжал Сыч задумчиво, – не выпустит. Монаха, святого человека, и того порвал, а уж с нами церемониться и подавно не станет. Полагаю, что и людишки его про это знают, не могут не знать, что он зверь. Ну, если мы, конечно, думаем на барона правильно.

– Может, епископу про то сказать? – предложил Волков.

– Это можно, но сказать нужно только, что думаем на него, а другого у нас ничего нет, кроме думок. Вот если бы человечишку его какого-нибудь из близких схватить да заставить его говорить… Вот это вышло бы дело. Тогда и в инквизицию можно писать.

Это была хорошая мысль. Вот только как схватить человека, что входит в ближний круг барона? Задача.

Они погасили лампу, вышли из хибары, сели на склоне холма. Стали говорить и думать. Любопытствующий Увалень устроился неподалеку. Они проговорили, пока из Эшбахта Максимилиан телегу не привел. С телегой были четверо солдат и брат Семион. Максимилиан додумался съестного взять, умный был юноша. Пока Волков, Сыч и Увалень ели, Максимилиан делом руководил. Сыч пошел в хибару помогать.

– Отшельника тут похороним? – спросил у брата Семиона кавалер.

– Да что вы, нет! – Монах даже испугался. – Неразумно это будет. Прах отшельника, невинно убиенного сатанинским детищем, – это же ценность большая, повезем в Эшбахт, похороним рядом с храмом, обязательно часовенку соорудим над могилкой. Храм его именем назовем, испросим дозволения причислить его к лику святых. Если епископ похлопочет, а архиепископ согласится, то у вас в Эшбахте свой святой будет. Пусть даже местный, но почитаемый. Кто из здешних сеньоров таким похвастается?

Волков подумал, что это мысль хорошая. Молодец монах, голова у него умная, жаль, что на вино, деньги и баб падок.

Из лачуги клетку железную вынесли. Достали из нее останки отшельника, завернули их в рогожи, гроба-то не было, собрали руки-ноги, положили туда же. Брат Семион читал молитвы над останками и рассказывал, что солдатам воздастся благодати за то, что к мощам отшельника прикасались. И так убедительно он это говорил, что даже

Увалень подержал руку на оторванной ноге, которую сам же и нашел. Посмотрев на него, и Максимилиан тоже не устоял. А вот Сыч как зашел в лачугу, так оттуда и не выходил. И, кажется, благодать его не интересовала. Волков-то знал, что он там делает. Когда клетку погрузили на телегу, Фриц Ламме как раз и вышел из дома, лицо его было подозрительным и хитрым. И при этом он делал вид, будто ничего не произошло. Волков уже к коню шел, но остановил Сыча:

– Нашел?

– Что нашел? – удивлялся Сыч, опять корча невинную морду.

– Нашел, говорю? – уже с угрозой повторил кавалер.

– Ну, нашел, – вздохнул Сыч.

– Золото есть?

– Не-ет… – Фриц Ламме достал из-за пояса тряпицу, развернул ее. – Нищий он был, и вправду святой человек.

На тряпке лежали несколько талеров и немного мелкого серебра. Не набралось бы и на десять монет.

– Расплатишься с солдатами, – велел Волков и сел на коня.

– Расплачусь, кавалер, конечно, – заверил его Фриц Ламме.

Приехали в Эшбахт поздно, когда совсем стемнело. Элеонора Августа уже ушла в новую опочивальню. Да и слава богу, все равно она не могла принимать мужа. И муж, поев на ночь как следует, пошел не в свои покои сразу, к жене, а к госпоже Ланге, которая не спала еще.

*** * ***

Уж если Господь и решает проверить у кого-то силу веры, так проверяет как следует. Мало было Волкову горцев, мало герцога, мало оборотня, что рыскает по окрестностям, и мало пустого чрева жены.

Так послал он еще ему и соперника. Претендента на лоно жены его, к которому сама жена была благосклоннее, чем к мужу. Когда кавалер сидел с монахом и диктовал тому на бумагу, что надобно купить в городе для нового дома, пришла госпожа Ланге и зашептала Волкову в ухо так, что ему тепло и приятно стало от ее дыхания:

– Снова она ему письмо отписала, снова жалуется на вас. Хочет, чтобы я в поместье папеньки ее ехала, то письмо возлюбленному передала.

Бригитт сказала «возлюбленному». Возлюбленному! Кавалера едва не вывернуло наизнанку от этого слова. Специально дрянь рыжая так говорила. Волков знал, что специально. Словно уколоть его хотела. Он даже позабыл, что диктовал монаху и что вообще делал.

А она смотрит своими зелеными, словно июльская трава, глазами как ни в чем не бывало. И ждет, что он скажет. А ему нечего сказать, он не знает, что делать. И тогда Бригитт прошептала:

– Господин, пока не убьете вы его, так и не прекратится это.

– Что? – растерянно спросил он.

– Убить его надо, иначе так и будет она его поминать, – прошептала госпожа Ланге. – И отдаваться ему, как только случай представится, как только вы отвернетесь.

«Возлюбленный», «отдаваться ему» – самые мерзкие слова для него выбирает. Да она взбесить его надумала, не иначе.

И сморит на Волкова своими красивыми глазами, как будто не о смерти человека говорит, а о каплуне, что в суп разделать собираются. И лицо ее красивое с веснушками спокойно, и локоны рыжие из-под чепца выбиваются. И весь ее вид, как у ангела, говорит о чистоте и спокойствии.

– И как же мне его убить? Вызвать на поединок? – наконец спросил Волков у Бригитт тихо.

– К чему глупости такие, – продолжила Бригитт, и тон ее такой, что она уже, кажется, все придумала. – Скажу я ему, будто вы опять войну затеваете и что Элеонора Августа будет его ждать в поместье.

Волков молча ее слушал.

– А вы его на дороге с верными людьми встретите да убьете, вот и дело с концом. Места у нас тут страшные, глухие, говорят, зверь сатанинский лютует, кто его хватится? Да никто, – говорила Бригитт все так же близко от уха господина.

– Неужто поверит он? – сомневается Волков.

– А чему он не поверит? Тому, что вы войну затеваете? Так о вас только и говорят, что вы без войны жить не можете. Или тому, что госпожа его ждет, глаза проплакала? Так он об этом из ее письма узнает. – Она показала бумагу. – Вот тут все написано. А все остальное я ему наговорю, в моих словах он не усомнится, уж поверьте.

Волков снова посмотрел в лицо ее. Нет, ничего ужасного нет, чистый ангел. Красивая женщина. И подвоха он в ее словах не

чувствует. К чему ей-то все это?

– Видно, не любите вы жену мою? – вдруг догадался Волков.

И вот тут-то лицо ангела изменилось. Глаза колючие, губы в нитку вытянулись, и отвечала она холодно:

– А с чего бы мне любить ее, с чего? Мать моя, между прочим, родная сестра отца ее. Я кузина ей, а она меня едва в горничных не держит. Бывало такое, что и горшок ночной заставляла выносить, и при людях из-за стола меня выгоняла, чтобы место мое рядом с ней другому отдать! – Волков вдруг увидал такую женщину, которую до сих пор в ней не замечал. – Ну, господин, вам решать, скажете, так я все устрою. Нет – так забудем про разговор этот.

Кавалер молчал.

– Только знайте, что не кончится ваша мука никогда, пока любовничек ее жив. Так и будете думать, чьи это дети рядом с вами. До конца дней будете о том гадать, – госпожа Ланге так выговаривала эти слова, словно щипала и проворачивала, словно вкручивала в него обиды и страхи, словно специально пыталась его разозлить обидными словами.

И пусть кавалер вида не показывал, лицо его было как камень, но слова эти его ранили не хуже арбалетных болтов. И Бригитт это видела по белым костяшкам его пальцев, которыми он вцепился в край стола. Видела и знала, что он примет ее помощь.

Глава 15

Может, и права была Бригитт в каждом слове своем, может, и стоило последовать ее совету, но кавалер не торопился соглашаться. Он не любил принимать важные решения не подумав. Сначала сомнение. Отчего вдруг Бригитт так старается? Дело затевает нешуточное. К чему это ей? Как там ни крути, а фон Шауберг придворный поэт графа. Да и знакомец ее старинный, близкий друг ее госпожи и подруги, и вдруг на тебе – убейте его, господин.

– К чему вам это? – наконец спросил он.

– При доме вашем хочу быть полезна вам и место при вас занимать достойное хочу, – твердо ответила женщина. Так твердо, что не каждый муж такую твердость имеет.

– Место достойное? – переспросил Волков. – Это место моей жены.

– Значит, второе достойное место, после вашей жены, – ничуть не смутилась Бригитт. – Дайте мне список, что вы с монахом написали, я поеду в город, все куплю, на обратном пути завезу письмо вашей жены фон Шаубергу.

– Я еще ничего не решил.

– И не нужно, раз думать хотите, так думайте, а письмо я все равно должна отвезти. Давайте список и деньги. И пусть со мной кто-либо из ваших людей поедет для надежности, – твердо говорила госпожа Ланге.

Да, сумма на покупки выходила немалая, сопровождающий требовался.

– Деньги дам, найдите Ёгана, пусть вам четыре подводы выделит с мужиками, возьмете монаха и Увальня. Езжайте в город, купите все, потом заедете к графу, отдадите… – он запнулся, не смог выговорить этого имени, – отдадите этому господину письмо. Дождетесь ответа, ответ прежде мне покажете, жене сразу не отдавайте. А уже потом я решу, как быть дальше.

Госпожа Ланге встала с лавки, чуть подобрав юбки, церемонно сделала книксен и поклонилась, потом заговорщически огляделась, не видит ли ее кто, и, пока монах смотрел в бумаги, быстро и не робея, словно она его жена, обняла за шею и поцеловала в висок. И пошла, улыбаясь, на двор.

Прибежал мальчишка – Максимилиан прозевал его, – он к господину подбежал:

– Господин, поп вас зовет.

– Это куда еще он меня зовет? – спрашивал Волков, в последний раз с братом Ипполитом проверяя список того, что надобно купить в новый дом.

– Поп на похороны зовет.

– На похороны?

Теперь и брат Ипполит смотрел на мальчишку.

– А что, хоронят его уже? – спросила Мария, прекратив хлопотать у очага. Кажется, даже как-то с испугом.

Никогда она не лезла в разговоры господина, а тут вон – вставила свое.

– Так кого хоронят-то?

– Да как же, – закричал мальчишка, – святого человека хоронят, отшельника! Невинно убиенного, которого адский зверь погрыз.

Мария тут же дела свои прекратила и, не спросив дозволения, быстро пошла из дома, поправляя на себе чепец и юбки.

– Поп вас просит быть, говорит, господин запамятовал, видно, беги, говорит, зови его, – продолжал мальчик возбужденно.

– Хорошо-хорошо, иду. – Волков встал. – Монах, позови госпожу Эшбахта. Может, хоть это ей интересно будет.

На северном въезде в Эшбахт собрался народ. Много было людей, человек двести, солдаты и местные, купцы и девки из трактира, офицеры прибыли с женами, у кого они были. На пригорке у дороги уже выкопали могилу, принесли большой крест.

Волков на коне приехал, пешком далеко было идти, хотя и не очень далеко, просто не хотелось ему хромать у всех на виду. А жена с госпожой Ланге шли пешком, пройтись им хотелось.

Брат Семион, как зачинщик, был деловит и расторопен. Вид серьезный, ряса свежевыстиранная, сам выбрит. Останки святого человека лежали на лавке, накрытой рогожей, тут же руки его и ноги, чтобы каждый сам мог убедиться, что отшельник растерзан зверем адским и никак иначе.

Мужики, солдаты, дети подходили смотреть, дивились, ужасались, крестились. Бабы и девки тоже подходили, но не задерживались, рты зажимали, слезы лили, отходили подальше. Все шло хорошо, все присутствующие проникались святостью случая. Жены офицеров, госпожа Брюнхвальд и госпожа Рене кланялись госпоже Эшбахта и госпоже Ланге, все вместе, в сопровождении брата Семиона и брата Ипполита, шли смотреть убиенного. А Волков, его оруженосцы, рыцарь фон Клаузевиц, все офицеры, все взятые в учение господа городские, а также Ёган и Сыч следовали уже за дамами.

Все было церемонно, недоставало только церкви с колоколами. Почти все женщины плакали, а мужи держались печально.

– Ах, как все хорошо идет, – шептал брат Семион Волкову, – будет в Эшбахте свой святой, я прямо сердцем чувствую, что будет.

– Да ты уж расстарайся, – шептал Волков в ответ.

– Вы тоже, господин. Без содействия архиепископа то невозможно, а вам архиепископ благоволит, так вы уж ему отпишите.

– Отпишу, ты скажи только, что писать.

Монах кивнул и пошел. Он зашел на холм и своим хорошо поставленным голосом стал говорить всем о благости и святости отшельника, рассказывать, как «благость его костию в горле зверином стояла у сатаны, не вынес святости отшельника сатана и послал пса своего к нему». Хорошо рассказывал. Уж что умел брат Семион, то умел. Говорил он так, что простой человек слушал его, рот раззявив.

Потом поп стал молитву заупокойную читать. Брат Ипполит ему вторил и переводил, чтобы простые люди тоже понятие имели, о чем молитва.

Потом стали останки в гроб класть, гроб забивать, его закапывать и водружать крест над могилой. Хорошо получилось: большой крест на пригорке издалека видно было.

После Волков, хоть и жалел денег, позвал к себе хозяина трактира и велел:

– Поминки устрой, я оплачу.

– Всем, кто пожелает? И мужикам, и солдатам?

– Да.

– Чем угощать?

– Кусок сыра или колбасы, кружку пива. Девкам и детям пряники или конфету сахарную, молоко, воду на меду.

– Только вот пряников и конфет у меня нет, – сказал трактирщик. – Все другое исполню.

– За пряниками отправь, пусть хоть завтра, но будут.

– Исполню, господин, – обещал трактирщик и уже, кажется, прибыль в уме считал. Ему хоть на поминках, хоть на свадьбах – все одно, лишь бы прибыль вышла.

– Ты на большую мзду не рассчитывай, – прервал его сладкие мысли кавалер, – цены я знаю, лишнего не дам.

– Я на этом деле мзды и не ищу, понимаю, что дело святое, – заверил трактирщик.

Когда Волков поговорил с трактирщиком, вокруг него собрались все видные люди Эшбахта.

– Кавалер, – начал Рене как самый старший, – брат Семион сказал, что вы желаете часовню святому человеку ставить.

– Думал о том, – отвечал Волков.

– Может, согласитесь вы и на наше участие, мы тоже все по мере сил хотим на строительство часовни положить денег.

– Да разве может господин Эшбахта в том кому противиться? – отвечал за Волкова вездесущий брат Семион. – Каждый пусть по силам своим внесет. Вот тут архитектор наш, он покажет картинку часовни и скажет, сколько серебра надобно будет на нее.

Молодой архитектор тут же кланялся всем и говорил:

– В святом деле ничего себе иметь не хочу, только за материалы и работы посчитаю.

Все кивали ему и улыбались, все чувствовали свою сопричастность к хорошему и доброму делу, радовались, когда и другие такое же ощущали. Кажется, первый раз за все время и госпожа Эшбахта не была недовольна, а со всеми держалась мило, даже прослезилась от жалости к бедному отшельнику.

Волков же слез не лил, не по чину. Помимо всех остальных тяжких дум теперь еще одна не будет давать ему покоя: как покарать убийцу святого человека? Но об этом он попозже подумает, а пока кавалер, оглядывая первых людей Эшбахта, говорил:

– Господа, приглашаю вас всех быть к ужину, помянем святого человека. Пока в старом доме поминки устроим: в новом еще мебели нет.

Гости собрались к ужину, и столько их всех было, что едва большого стола хватило, чтобы все уселись.

Волков смотрел на них и думал о том, что хорошие у него люди. Рене уже родственник, на него можно положиться. Брюнхвальд строгий и всегда готов на просьбу любую откликнуться, он словно ждет случая, чтобы Волкову помочь. Бертье веселый и храбрый, Максимилиан ответственный и всегда готов к походу, Увалень сильный и, скорее всего, будет очень преданным. Роха, кажется, здесь, в Эшбахте, пить меньше стал, как стал ротмистром, так трезвый ходит и много занимается своими стрелками. Порох и пули изводит бочками. Брат Семион хитроумный, ума палата, жаль, что не всегда он в этой палате проживает. Честный и тоже умный брат Ипполит вечно при книгах и при бумагах, если не лечит кого-то. И новые господа: кавалер фон Клаузевиц, юные господа Фейлинги – все они, кажется, приехали к нему воевать. И думал Волков с сожалением, что повоевать им удастся. Последними за столом сидели Ёган, Сыч и архитектор. Ну, без

первых двух вообще никуда. Сыч – глаза его, уши и палач, как без такого. Другой бы господин и близко не пустил Фрица Ламме за стол, но Волков не таков: у кавалера ума было больше, чем спеси и гордыни. Хоть и противен Сыч порой, хоть и грязен иногда или пьян, но польза от него большая. А раз так, то и за одним столом с господами сидеть достоин. Ёган… Брат Ипполит говорит, что Ёган очень старается в освоении грамоты. Когда только успевает? Целыми днями по хозяйству хлопочет. Без него кавалер не знал бы, что с имением делать. Он, впрочем, и сейчас не знает. Пропади Ёган, так зарастет все бурьяном опять. И архитектор тут же был, с Ёганом сидел рядом. Имени его Волков не помнил, но пусть тоже за столом присутствует, полезный человек.

Долго не сидели. Не будь тут женщин, так все пили бы без остановки и допьяна, орали бы тосты и песни, и Бертье, не добежав до нужника, опять мочился бы с крыльца, но в присутствии госпожи Эшбахта, госпожи Рене, госпожи Брюнхвальд и госпожи Ланге веселья из поминок не вышло, разошлись все трезвые и благочинные. Даже такие пьяницы, как Роха, Сыч и брат Семион, трезвы остались.

Глава 16

На рассвете обоз из четырех телег выдвинулся в Мален, была при нем госпожа Ланге, ехала она как старшая, деньги на покупки кавалер доверил ей. С нею монах брат Ипполит для ведения счета и записи. Часть мебели пришлось бы на заказ делать, все требовалось записать, чтобы не забыть, у кого и что купили. Охраной поехал Александр Гроссшвулле, был он своею миссией горд. А с ним еще и брат Семион, направлявшийся к епископу хлопотать о присвоении статуса святого убиенному отшельнику.

Волков вышел поглядеть, как они уезжают, и увидал свою жену там же. Госпожа Эшбахта шепталась с госпожой Ланге, лицо Элеоноры было серьезно, Бригитт ее внимательно слушала, и кавалер от них взгляда не отрывал. А потом Бригитт увидала, что Волков на них смотрит, и, кажется, сказала о том Элеоноре Августе. Жена взглянула на него нехорошо и, видно, разговор свой прекратила, стала госпожу Ланге целовать в щеки и крестить на дорогу.

Когда обоз уехал, а Элеонора Августа пошла в дом и проходила мимо мужа, Волков спросил ее:

– И что же вы пожелали госпоже Ланге в дорогу?

– Ах, то все мелочи, сказала ей, что мне в городе купить, – ответила госпожа, даже не остановившись.

Она пошла в дом, там все еще царила суете переезда. А Волков так и смотрел жене вслед, разминая больную шею. Окажись госпожа чуть поумнее, увидев его взгляд тяжелый, задумалась бы, но Элеонора Августа была не большого ума, спесь родовая весь ее ум затмевала, и шла она в дом свой, не заметив тяжелого взгляда мужа.

Так бы и стоял он, поедаемый своею злостью, не приди к нему Игнасио Роха по прозвищу Скарафаджо.

Приехал трезвый совсем, хоть вчера и пили, чистый, ну, насколько он мог быть таковым. Слез с коня, поздоровался.

– Поговорить с тобой хочу, Фолькоф, – все в той же фамильярной манере начал он, допрыгав до Волкова на своей деревяшке.

– Ну, говори, – разрешил Волков, разглядывая его.

– Разговор серьезный будет, – заверил его Скарафаджо.

– Вижу-вижу, – кавалер ухмыльнулся, – ты, кажется, тряпки свои почистил, даже бородищу грязную расчесал для разговора.

– Ты заметил, да? – Роха оскалился.

– Заметил, заметил. Ну, говори, что пришел просить.

– Да, пришел просить тебя… – Роха замолчал.

– Ну?

– Я вроде у тебя как ротмистром служу.

– Вроде как…

– А у других ротмистров вроде как земелька есть, какая-никакая. У Рене есть, у Бертье есть, а у Брюнхвальда такой выпас хороший, коровы, сыроварня. Опять же, этому кавалеру новому ты клок земли дал. Может, и я свой клочок заслужил? А?

– Землицу, значит, хочешь? – продолжал ухмыляться кавалер.

– А чего? Хочу! Не хуже других я, я тебе мушкеты сделал, я с тобой в Ференбурге был, а там очень несладко пришлось. Вспоминаю мертвяков чумных, что ходили по городу, так мороз по коже. Было же такое?

– Было, было, – кивал Волков. – Значит, землицу тебе надобно? А зачем она тебе? Ты с последнего набега на ярмарку немало серебра

получил, пить вроде стал меньше, живешь у солдатского котла либо у меня столуешься, чего тебе еще нужно?

– Да-да, так все, так, – кивал Роха. – Только вот, понимаешь, хочу сюда бабу свою из Ланна перевезти с детьми.

– Бабу? – Кавалер удивился. – Так ты, кажется, спьяну при мне ее убить обещал как-то. Говорил, что ведьма из тебя все соки выпила. И детей своих иначе как спиногрызами не звал, а тут на тебе, перевезти их сюда из Ланна надумал. С чего бы так?

– Да, говорил, грозился. – Роха стянул шляпу, разговор ему непросто давался, вытер лоб, кивнул своею кудлатой башкой. – Все так и было, но вот вчера все при женах сидели: и ты, и Брюнхвальд, и Рене… И я подумал, может, и моя так же будет сидеть. А то, понимаешь, давным-давно она меня хорошими словами не звала, только дурак да пьяница, дурак да пьяница. А она у меня из приличной семьи, из идальго.

Волков слушал его внимательно. Он уже знал, что даст землю Рохе, Ёган, когда выделял землю рыцарю фон Клаузевицу, сказал, что на солдатском поле еще есть целина. А южное поле, что в двух часах езды от Эшбахта, там земли пахать не перепахать, и вовсе все свободно.

– Будет у меня тут землица, – продолжал Скарафаджо, – дом я уже построил, хоть и плохой, но свой, хозяину за него не платить. И мужика себе куплю, лошадку, буду хоть и маленький, но сеньор. Жена уже звать меня дураком не станет.

– Хорошо, дам я тебе землю, дам тысячу десятин. Только земля вся у меня плохая.

– Да пусть хоть какая будет, – обрадовался Роха и затеребил шляпу, – какой-нибудь прокорм семье даст – и ладно. Твой Ёган и с такой худой земли урожай собрал.

– И ты за эту землю у меня еще кровью умоешься, – злорадно обещал ему Волков. – Еще послужишь за нее.

– Я согласен, – без всяких размышлений отвечал Роха. – Согласен.

– Ладно, езжай в Ланн, навести кузнеца нашего, забери у него все мушкеты, что он успел сделать. Также найди капитана Пруффа, помнишь его? Артиллериста?

– Да, помню, конечно, в Ференбурге с нами был, я тебе его отыскал. Как не помнить?

– Да, так вот, пусть своих людей берет и идет сюда, скажи, что деньги его людям платить не буду пока, за стол и кров пусть уговорит их, а ему дам пятнадцать талеров в месяц содержание.

– А пойдет ли он? – сомневался Роха. – Пойдут ли людишки?

– Уговори, – произнес Волков строго. – Скажи, что дело появится – так и серебро будет, а лежать на боку можно за стол и кров.

– Это да, – согласился Скарафаджо и задумался, а потом спросил: – Думаешь, горцы опять придут?

– А ты что, считаешь, что нет?

– Думаю, придут дьяволы, – нехотя согласился Роха.

– Уж не сомневайся, – заверил его Волков, – потому и говорю, что за мою землицу ты еще кровью умоешься.

– Поеду в Ланн прямо сейчас. – Ротмистр Роха нахлобучил шляпу и, не прощаясь, пошел к лошади своей.

– Пушки! – вспомнил кавалер. – Потом заедешь на двор ко мне, заберешь пушки. Уговоришь Пруффа, он поможет, купите лошадей и тащите пушки сюда.

– Хорошо, – кивал ротмистр, уже собираясь уходить.

– Роха, чуть не забыл, – окликнул его Волков.

– Чего?

– Набери в Ланне еще человек пятьдесят оборванцев себе в роту, мушкеты новые же будут. – Волков полез в кошель за серебром. – Сейчас на прокорм, на дорогу и на обоз дам тебе денег.

– Так не будет пятьдесят мушкетов у кузнеца, нипочем не будет, – удивился ротмистр. – Не успел бы он столько сделать.

– Ничего, арбалеты раздадим. Собери полсотни, люди потребуются, – высыпая Рохе в руку три десятка монет, сказал Волков. – Тут должно хватить. А приедешь, так пойдешь с Ёганом землю себе смотреть.

– Все сделаю, – обещал Роха, садясь на коня. – Только тогда Хилли с собой возьму сержантом, он вроде пообвыкся уже в должности. А Вилли тут за старшего оставлю, он позлее будет, его и без меня побаиваются.

Волков не стал прощаться с товарищем. Только кивнул и пошел в дом.

Он шел и думал, что и кузнеца-оружейника, который делает мушкеты, неплохо бы сюда привезти, да боязно. Все та же боязнь, что

придут и сожгут все горцы. Ладно-ладно, время покажет, может, так все сложится, что и его перевезут. Бог-то милостив к своим слугам.

До обеда еще приехал сосед с юга Иоахим Гренер с сыном Карлом. Кавалер встретил их во дворе и уже по виду гостей знал, что просить будут о чем-то, даже догадывался, о чем.

Волков не сказать, что не рад был, просто устал, шея разболелась, потому к обеду их звать не стал, хотя обед уже подали. Вернее, ничего он не устал. Не хотел хозяин Эшбахта, чтобы еще и соседи видели, что у него с супругой разлад, что сидит она за обедом и слова не проронит, взгляда в сторону мужа не бросит. Холодна и надменна, словно с чужими и низкими рядом находится, словно все ей тут не ровня. Не хотел он славы такой на всю округу, на все графство. Хотя и понимал, что все равно слава сия его не минет. Будут люди те, что сидели за его столом, говорить, что нет мира в доме его. Вот и не звал лишний раз людей к себе, чтобы позора такого не иметь. И говорил с ними во дворе, хотя перед тем соврал:

– Уж простите меня, что не зову вас в дом, у меня переезд, кутерьма, благородных людей и посадить некуда.

– Ничего-ничего. Понимаем. Я с просьбой к вам, сосед драгоценный, – заговорил Гренер-старший, как с коня слез и поздоровался.

Волков знал о том. Он поглядел на коней, на которых приехал сосед и его сын. Мерины. На таких мужики землю пашут. Значит, на коней у этих господ денег нет.

– О чем же просьба ваша будет, сосед? – спросил кавалер.

– Дорогой сосед, – начал Гренер после короткой паузы, – старшему сыну оставлю я поместье…

Точно, Волков угадал, сейчас сосед за сына будет просить. За того, что с ним приехал.

– Второй мой сын при графе состоит. Третий женился на горожанке, теперь бюргерствует, у него и лавка, и конюшни. А это мой, – отец указал на сына, – последний сын. Нет, у меня еще есть сынок, но тот пока мал, незаконный он. Так вот, приехал я просить, чтобы взяли вы моего Карла к себе в учение, уж больно не хочу я отдавать его Фезенклеверу, чему тот научить может? Разве что чванству.

Волков понимающе кивал, но молчал. Этот Иоахим Гренер ему нравился, кавалер сразу, еще в первую их встречу, почувствовал в нем старого вояку. Немолодой помещик сразу произвел на рыцаря хорошее впечатление. Честный и открытый человек, совсем иной, чем здешние заносчивые бароны.

– Кавалер, я слышал, вы уже взяли молодых людей, может, и мой ко двору придется? – спрашивал Гренер с надеждой.

– Придется, придется, – отвечал Волков, рассматривая юношу.

Невысок, но крепок, как раз все для кавалериста. Плохонькая кираса, шлем тоже убог, подшлемник под ним стар, края торчат, нитки вылезли. Рукавицы из стеганой ткани сверху войлоком обшиты. Тесак у него пехотный, короток такой для кавалериста. Копье в руке неплохое, но и то пехотное, опять для кавалериста коротко.

– Он у меня в седле сидит хорошо, – расхваливал сына Гренер, – как привязанный, и коня не мучает, видите, ростом-то не велик. И храбр, ну, это вы в деле сами увидите. Самый храбрый у нас в фамилии. Я ему даже говорю, чтобы потише был.

Волков соседа не слушал, он думал, что парень-то, может быть, и неплох, но ему нужно и оружие, и доспех покупать. С тем, что у него есть, он только позорить кавалера станет. Да кормить его и еще его коня – все это деньги. Все это деньги, будь они неладны.

– Хорошо, сосед, хорошо, – говорил кавалер, очень этим радуя старого кавалериста, – возьму я вашего Карла, пусть живет с моими оруженосцами, я посмотрю, на что он способен.

– Он способен, кавалер, способен, – радовался сосед, – уж не сомневайтесь. И раз так, то я пришлю гороха, бобов, сала, постного масла, чтобы он для вас обузой не стал. Он привычен у меня к простой еде.

А вот от этого Волков уж точно отказываться не собирался. Этому он был рад. Последнее, что он сделал, так это задал всего один вопрос юноше:

– Так желаете ли вы, Карл Гренер, состоять при мне? Или это мечты вашего батюшки?

– Нет, не мечты это батюшки, это мои мечты, я его просил, чтобы хлопотал он о том. Нет у меня других мечтаний, кроме как воинское дело знать, а уж других учителей тут в округе нет, что с вами тягались бы в знании воинском. Отец сказал, что и вовсе таких не знает.

Хороший ответ, вроде и льстивый, но сказано то было так честно, что тронуло кавалера.

Волков покивал, да, ему нравились господа Гренеры, причем настолько нравились, что он решил плюнуть на кислое лицо жены, пусть хоть помрет от своей спеси и заносчивости прямо за столом, но он пригласит соседей на обед. Подумал и сказал:

– Пойдемте-ка есть, хоть и переезд у меня, а обед уже готов должен быть.

И жена его не разочаровала, едва кивнула графская дочь бедным соседям – больше для нее их не существовало. Соседи от такого приема оробели, сидели чопорно, лишний раз сказать что-то боялись. Слава богу, госпожа Эшбахта вскоре поднялась. Пробормотала что-то сквозь зубы, когда из-за стола выходила, и ушла наверх. Такая вот радушная ему хозяйка досталась. Зато как ушла, так пришел к ним всегда голодный Увалень, и все стало по-другому. Без госпожи было лучше, и о ней больше никто не вспоминал. Говорили мужи о делах военных, и даже Увальня кавалер похвалил прилюдно за дело на реке, отчего тот краснел и важно надувал щеки перед новым оруженосцем и его отцом.

Глава 17

Агнес стояла на коленях на столе, опершись на руки. Впечатавшиеся в твердую поверхность колени болели, да еще и юбки все ее были закинуты на спину. Она дышала носом и терпела свое положение, хотя всякие злые мысли уже лезли ей в голову. Ее уже начинал злить этот старый хирург. Девушке казалось, что он держит ее в таком положении специально, для унижения. Давно уже он мог рассмотреть, как заживает рана на месте ее крестца. Давно он мог ее отпустить, а он все держал ее в таком позоре и держал. Не иначе как специально. Или, может, нравятся старому развратнику тощие зады юных дев?

– Ну, так что же видите вы там? – не скрывая ехидства и раздражения, спросила она.

Но он словно слов ее и не слыхал, встал, отошел от стола, повторяя:

– Удивительно, удивительно!

– Можно мне уже подол опустить? – произнесла Агнес еще злее, чем прежде.

– Нет! – крикнул магистр Лейбус грозно. – Стойте так! Стойте так!

Он выхватил из стопки книг и бумаг кусок толстого стекла, стал вытирать его о рукав мантии. Протер и заглянул в него. Агнес увидала огромный глаз старика через стекло. А он подошел к ней и опять стал разглядывать ее зад. Вернее, то место, где начинается ложбинка между ягодицами. И опять говорит это свое:

– Удивительно!

– Чего же там удивительного? – воскликнула Агнес, у которой от стояния такого колени уже болели.

– Вижу я у вас регенерацию.

– Что? – удивилась девушка и повернула к нему лицо. – Регенерация?

– Да, настоящая регенерация. Наверное, вы о таком не слыхали, наверное, даже слова такого не знаете, – продолжал Отто Лейбус, по-прежнему разглядывая ее зад через свое стекло.

Агнес терпеть не могла, когда ее считали дурой. И она прекрасно знала слово «регенерация», встречала его в своих книгах. Не вытерпела, зря, наверное, но все-таки сказала старику зло:

– Сиречь восстановление. Сие любой школяр знает, кто язык пращуров учит.

Хирург оторвался от ее зада, уставился на девушку озадаченно и сказал потом:

– Да нет, сие не любой школяр знает.

– Так что, опять он растет?

– Признаться, да, первый раз в моей практике такое вижу, чтобы ампутированный член продолжал свой рост.

– Зря резали, – вздохнула Агнес, спрыгивая со стола, – зря боль терпела.

Она оправила юбки наконец, ей бы успокоиться, а она все злилась: получается, напрасно страдала, напрасно такое ценное зелье отдала. Вспомнила.

Она повернулась к хирургу и спросила:

– Зелье-то мое опробовали?

Мудрец, убеленный сединами, знаменитый человек, автор трактатов стал вдруг другим. Принялся улыбаться мерзко, потирать руки, как будто в волнении. И заговорил противно, не так, как говорил до этого:

– Признаться, опробовал. Думал, вранье, решился и… Да, то хорошее зелье, настоящее.

– Значит, все получилось? – спросила Агнес, которой приятно было еще раз услышать подтверждение своего мастерства от столь видного ученого.

– Да-да, – кивал хирург, теперь уже беря себя в руки и возвращаясь к своему нормальному состоянию. – Зелье ваше всяких похвал достойно. Я даже рассказал одному человеку о нем. И этот человек спросил меня, не могу ли такое зелье и ему у вас взять… купить?

Агнес замерла, ожидая продолжения.

У нее остался один флакончик, вернее полфлакона, из него она мазала свою кухарку, когда хотела ее наградить. Тогда горбунья или предавалась страсти с кучером прямо в людской, или вовсе ходила ночами по мерзким трактирам. И всегда возвращалась оттуда счастливой.

У Агнес осталась всего половина флакона. Девушка не хотела бы продешевить и назвать цену первой.

– Мой знакомый предложил вам десять талеров, – наконец, не выдержал молчания Отто Лейбус.

Агнес закатила глаза к потолку. Точно так, как закатывала глаза Брунхильда, когда ей оказывал знаки внимания тот кавалер, у которого не было на нее никаких шансов. Более резкого отказа и придумать нельзя.

– На базар ступайте, там всякого такого полно, купите и дешевле, – чуть не с презрением ответила девушка.

– Хорошо, я понял, это цена не вашего товара. – Хирург примирительно поднял руки. – Мой знакомый велел предложить вам цехин.

Девушка молча повернулась и пошла к двери. Впрочем, она подумала, что половину флакончика, может, и стоит отдать за толстый и тяжелый цехин. Но хорошо, что она не согласилась.

– Стойте, стойте! – заговорил ей вслед Отто Лейбус. – Это просто проверял я вас, мой знакомый и я понимаем, что такое зелье сделать нелегко.

– Ну, раз понимаете, – сказала она, развернувшись к нему лицом, – так дайте правильную цену.

– Он сказал, что не пожалеет за такое зелье десяти папских флоринов.

Как хорошо, что она не согласилась на цехин. Девушка не знала точно, но, кажется, десять флоринов, отчеканенных в монетном дворе его святейшества, стоят раз этак в шесть дороже самого нового, самого непотертого и тяжелого цехина.

Но сейчас вовсе не вес золота ее интересовал. Нет, с золотом все было ясно. Агнес медленно пошла к хирургу, стараясь заглянуть ему в глаза, говоря при этом:

– А кто же сей господин, что готов платить золотом за такую безделицу?

Тут все и поменялось в мгновение, теперь не лекарь с пациентом говорили, а охотник и добыча вдруг оказались в комнате. И старый хирург хребтом своим это почувствовал.

– Этого вам знать не надобно, – произнес он чуть медленнее, чем обычно говорил, и старался он при этом не глядеть посетительнице в глаза.

– Да уж сама я решу, что мне знать надобно, а что не надобно, – проговорила девица, приближалась к нему и так и норовила его взгляд поймать. – А ну-ка, ну-ка, погляди на меня, старик, погляди. Не отводи глаза-то, и так почти слепы они, а ты еще их прячешь. – И крикнула резко, как ударила: – На меня взгляни!

– Что с вами? – Отто Лейбус решил тут ее осадить. – Не лезьте ко мне, слуг позову!

И по недоумению глаза на нее поднял, поднял и скис тут же, словно опьянел. Обмяк, хотел шаг назад сделать, да в стол свой огромный уперся. Замер и смотрел на девушку, а та вдруг заулыбалась и заговорила ласково-ласково:

– Ну, говори, кому мой эликсир понадобился, да так, что он готов за него столько золота отдать, что можно упряжку коней хороших купить.

Старик молчал, у него голова стала кружиться от глаз ее. Рот разинет и закроет, разинет и закроет.

– Ну, говори, лекарь, не то так и буду тут стоять, а скажешь, так уйду сразу.

– Это… – Он замолчал. – Это для пациента моего.

– Ну? А имя-то у пациента есть?

– Он… Святой отец, брат Бернард. – Лекарь попытался зажмуриться, да не смог, словно кто пальцами ему веки расширял.

– Богатые попы в городе Ланне. Откуда у него столько денег? – спрашивала Агнес и пальцем перед глазами старика водила. – Ты, лекарь, глаз-то не отводи, не отводи. На меня смотри. Сюда, тут я, тут.

– Он епископ, – продолжал хирург, переводя дыхание.

– Ах, епископ? – говорила Агнес. – Тогда все ясно.

– Он настоятель храма Святого Николая. – Старик пытался жмуриться.

– Не прячь глаз, не прячь! – кричала девушка. – Тот самый, что на площади Святого Николая стоит?

– Тот, тот, – кивал Отто Лейбус, готовый сказать все, лишь бы эта чертова девка больше не пялилась на него: невыносимо это было, она словно заглядывала ему прямо в голову, в мозги смотрела.

Вот он вроде все сказал, что она знать хотела, а вроде и не все, девушка видела, что не все. Да-да, он что-то недоговорил.

– Ну, старик! – Она все еще «не отпускала» его глаз. – Говори, говори дальше, что ты там прячешь.

– Ничего, – лепетал хирург, – все сказал, все, нечего мне больше рассказывать.

– Врешь! – вдруг взвизгнула она. – Врешь, старик!

Подошла совсем близко, схватила его за подбородок и стала еще пристальнее, еще злее «заглядывать» в него.

– Говори, иначе ночами буду приходить к тебе во снах. Станешь по нужде вставать по десять раз за ночь. Или сон от тебя прогоню, неделями спать не сможешь, изведу тебя… Если не скажешь мне. Ну, говори!

Она уже пальцы сложила, чтобы свое умение «Касание» на старике испробовать, но тут он сам заговорил.

– Ох, что же мне сказать, – заныл Отто Лейбус, – что же… Ну, разве то, что епископ платье женское надевает. Молодых мужчин к

себе водит, а сам для них женщиной бывает, и для этого… Для этих мужчин ему зелье ваше очень надобно. Я ему каплю дал, так он меня просьбами извел, что такое же зелье хочет.

– Откуда же ты все это знаешь, может, и сам ты из таких? – с интересом спрашивала Агнес.

– Нет-нет, он пациент мой, лечу я ему его задний проход, геморрои его и трещины… И все прочее… – говорил старик. – Вот и дал ему каплю вашего зелья на пробу, так он уже замучил меня своими просьбами.

Вот как все просто, оказывается, было. Девушка отпустила хирурга, даже похлопала его по старческой, чуть заросшей белой щетиной щеке:

– Ну вот, и стоило ли запираться. Я ж никому ничего не скажу. – Она улыбнулась. – Я тайны хранить умею, я сама почти лекарь. Да и у меня у самой тайн достаточно.

Старый хирург вздохнул так глубоко, что голова закружилась.

– И мы с вами друзьями будем, – продолжала девушка, – вы мне помогать станете, а я вам… по мере сил… – И вдруг она опять глазом своим черным заглянула ему в глаза. – Будем друзьями хорошими? А, старик?

– Будем, молодая госпожа, будем, – говорил он ей, тряся головой. Отто Лейбус сейчас ей все что угодно сказал бы, лишь бы она побыстрее ушла. – Будем друзьями, и я стану помогать вам во всем, в чем пожелаете.

– Вот и хорошо, я люблю заводить друзей. Ну, до свидания, магистр! – Она повернулась, пошла к двери и, не оборачиваясь уже, крикнула: – А епископу, отцу Бернарду, я сама зелье продам, вам беспокоиться не нужно.

Как дверь за ней прикрылась, так он оперся рукою на край стола и слабым голосом позвал слугу. Тот пришел, и старик велел ему накапать микстуру в воду, выпил все до дна и, едва переставляя ноги, прошаркал к креслу. Хотел хоть чуть-чуть посидеть и дух перевести, а то сердце из груди едва не выскакивало, в ушах шумело и уже подступала головная боль. Ох и пациентка, ох и пациентка. Будь он помоложе, так, может, и город сменил бы, чтобы от такой «подруги» подальше оказаться. Но мыслей на нее донести у него в голове не

появлялось. Об этом и думать не хотелось, уж очень страшно было даже думать о таком.

* * *

Старик оказался легкой добычей. А еще муж называется ученый, умудренный. Даже усилий не приложила, только в глаза поглядела – и раздавила его, как клопа, едва дышал от страха. С другими дольше возилась. Девушка улыбалась от осознания своей силы. Теперь будет он ей помогать, никуда не денется. Главное – не мучить, чтобы не помер раньше времени. Он полезный.

Но пройдя десяток шагов, она уже про лекаря позабыла, невелика была победа. Теперь Агнес думала о настоятеле храма Святого Николая Угодника, отце Бернарде. Вот он ее интересовал, девушка пока и сама не могла понять, зачем ей этот сановитый поп, но знала, что пойдет к нему знакомиться. Может, и не сейчас, но обязательно пойдет.

Глава 18

Вернулась она домой довольная. А внизу уже ждали ящики с посудой аптекарской. Игнатий топором вскрывал их, а там сено пахучее. А в нем… Ах, что же это за радость была – брать из соломы и смотреть все эти чудные вещи: колбы, весы, реторты, пробирки, чашки для смешивания, маленькие горелки и маленькие печи, пестики и чаши для размельчения. Она все названия знала по книгам, все знала о посуде этой. Весы! Какая прелесть! Наверное, другие девы так шелку радовались, как Агнес этим весам. Да, теперь она будет варить зелья не на глаз, а как в книгах писано, взвешивая и считая пропорции. Теперь она еще лучше зелье сварит, с такой-то посудой.

Игнатий и Ута стали все наверх носить, в ту комнату, в которой раньше Агнес с Брунхильдой жили. Эх, опять траты: пришлось столы и тумбы заказать столяру. На то остатки дня потратила. Ну, не на полу же такую прекрасную посуду держать. Так Агнес увлеклась этим, настолько сильно, что про ужин ей Ута два раза напоминала.

Поев, девушка пошла спать, едва ноги переставляя от усталости. А Ута ее раздевала, Агнес подавала ей ноги, чтобы служанка стягивала чулки. И была такая сонная, что глаза сами закрывались, но тут на кровати увидала девушка книгу, от которой неделями оторваться не могла, да, это была ее любимая книга Корнелиуса Крона «Метаморфозы». Агнес и забыла про нее! Она сегодня даже не стояла нагая у зеркала, не упражнялась в искусстве изменения себя! Вот как увлекла ее посуда. Ну а сейчас у нее просто не было ни на что сил, девица завалилась в перины, Ута накрыла ее. Потом, потом она займется изменениями себя, завтра.

Ох, как нелегко молодой девице жить. Ни на что не хватает времени. И денег…

Обычно, когда ложилась спать, Агнес думала о господине, о том случае в Хоккенхайме, когда ей удалось лечь с ним в постель. Иногда думала о красавчике Максимилиане, но в этот раз о них она вспомнить не успела, в голове мелькнуло лишь про время, которого не хватает, и про деньги… И все…

Утром, едва молочница принесла молоко, Агнес уже на ногах была. Не ждала, пока Ута принесет воду мыться, не завтракала, волос не прибирала, скинула нижнюю рубаху и встала к зеркалу. У нее уже много лучше все выходило, а главное – она поняла, как меняться так, чтобы не пыжиться и не дуться от усилий. Особенно хорошо у нее стало получаться изменять волосы.

Волосы выходили на удивление хорошо. Ей всегда хотелось волос темных, так вот они и были темны. Прямые, но не черные, они сделались цвета молодого гнедого коня, их было много. Так много, что в руку все не взять. И лицо к ним она делала красивое, чтобы щеки и губы пухлые, а глаза синие. И главное – чтобы лоб был не слишком выпуклый, не такой, как у нее на самом деле. А с остальным телом еще проще, она уже научилась делать себя высокой, не такой, конечно, дылдой, как Брунхильда, к чему такой быть, только в глаза бросаться, но на полголовы она себя «вырастила». И бедра делала красивые, грудь такую, что самой было приятно в руки взять и приподнять, подержать. И плечи широкие, чтобы ключицы из них не торчали. Такие, какие, по ее понятию, мужчины бы целовать хотели. На все она смотрела, за всем следила, не упускала мелочей. И зад делала, и волосы под мышками – они ей тоже нравились, а особенно любила

волосы на лобке себе делать. То, что росло у нее внизу живота, так и волосами назвать можно было разве что с усмешкой. Не волосы – волосинки, каждая сама по себе: редкие да серые. Мужской взгляд и не остановится, задери она подол. Там она себе сделала волосы черные, такие, что чернее не бывает, густые и кучерявые. Стояла и рассматривала свой живот в зеркале, и все ей нравилось. Красавица, да и только. Придраться не к чему.

И Ута, хоть и дура, госпоже подтверждала, смотрела на нее удивленно и всякий раз охала и ахала, а один раз так и высказалась:

– Господи, вот бы мне так!

Агнес восприняла это за настоящую похвалу, а после, днем, даже дала служанке монету, чтобы Ута купила себе чего-нибудь.

Вот только держать себя все время в новом виде было делом нелегким. Первые разы так больше десяти минут не могла, потом надо было полежать, отдышаться – так сильно начинало болеть все, словно от работы тяжелейшей. И суставы болели, и спина, и мышцы, а по лицу скользили гримасы судорог. Но с каждым днем Агнес все дольше могла держать себя в новом виде. Все легче она «входила» в него. Девушка стала ходить по дому голая, таская с собой небольшое зеркало, все время осматривая себя со всех возможных сторон. Уты и Зельды она уже не стеснялась, да и Игнатия тоже, пусть смотрит, если хочет, ей это даже нравилось. Но кучер на нее не смотрел, словно опасался чего, сразу уходил в людскую или в конюшню, едва она выходила вниз голая.

А бабы ее новым видом не переставали восхищаться. И толстая Ута, и кривобокая Зельда о теле настоящей Агнес мечтать не могли, а уж о новом теле красавицы Агнес и подавно. Девушка даже подумывала о том, что они из зависти могут и донести на нее, но гнала эти мысли. Нет, это вряд ли, будут завидовать молча. Так и ела она за столом голая и завтрак, и обед, и ужин. Привыкала к виду новому. Училась держать его как можно дольше без отдыха.

Этим утром Агнес сразу взялась за дело. Встала у зеркала и смотрела то с одного бока, то с другого, как темнеют прямо на глазах ее волосы, как из жидких серых становятся густыми темно-каштановыми. Как словно соком наливаются ее груди и бедра, темнеет от волос лобок, как она растет потихонечку, но заметно для глаза. Все было хорошо, все делалось быстро. Одно плохо – не могла она

остановиться в успехе своем, все казалось девушке, что можно еще немного улучшить что-то, то в животе, то в лице, то еще где. Все еще искала она в себе несовершенства. Не будь такого у нее желания менять хорошее на лучшее, дело пошло бы еще быстрее.

Ну, справилась она с новым видом, на этот раз чуть поправив свои глаза. Больно близко сидели они к носу. Тут Ута принесла воду, стала помогать мыться, а потом расчесывала волосы. Рассказывала:

– Зельда пироги с зайчатиной и яйцами жирные делает, как вы любите. Уж, наверное, готовы будут сейчас. Игнатий к коновалу пошел, у одной лошади брюхо раздулось. Ах, забыла сразу сказать, поутру приходил от хозяина человек, хотел просить деньгу за этот месяц. Приперся на заре, не спится ему, подлецу. Требовал вас будить, да Игнатий на него шикнул, он ушел, обещал, что позже придет.

По дому и вправду полз запах печи, топленого молока и пирогов.

Утро могло бы получиться прекрасным, не расскажи служанка, что приходил мерзавец за деньгами.

Агнес вздохнула, отвела руку Уты с гребнем от своих волос. Стала смотреть в зеркало. Хорошо, конечно, но какой смысл в такой красоте, если у тебя нет денег. Без денег и в красоте нет радости. Да, ей нужны были деньги. И не каких-то сто талеров, что удалось заработать, обворовывая купчишек по округе, а настоящие деньги. Большие деньги. Такие, что в сундуках хранят. Агнес подумала, что надоело ей за дом платить, и решила, что неплохо бы дом этот выкупить. Он уже ей как родной стал. По сути, это был первый дом в ее жизни, о котором она думала как о доме.

– Ступай, поторопи Зельду с завтраком, – сказала Агнес, все еще рассматривая себя в зеркале. – Пока есть буду, платье готовь и сама готовься, дел у меня сегодня будет много.

Как ни жалко, но с удивительной посудой, что привезли вчера, у нее сегодня времени позаниматься, наверное, не будет.

Девушка чуть посидела, а потом спустилась на первый этаж и сказала кухарке, не поздоровавшись:

– Зелье варить хочу, а корня мандрагоры у меня нет больше.

Горбунья сразу замерла, уставилась на красивую голую хозяйку, что прошла мимо нее к своему месту за столом. Зельде совсем не хотелось искать корень. Работа такая была мало того что противная – кому охота под висельниками протекшими копаться, это все равно что

руки в чрево гниющего трупа запускать, – так еще и запретная. Донесет кто – и за такое сразу потащат в стражу, а стражники, недолго думая, отправят к попам. А уж с ними не забалуешь. Зельда к тому же чувствовала, что помимо всего дело это богомерзкое. Почти колдовство, почти смертный грех, а она все-таки еще боялась Бога.

– Что? – взглянула на нее Агнес. – Чего смотришь?

– Нет, госпожа, ничего, – не осмелилась возражать Зельда.

– Возьмешь Игнатия, карету и поедешь как госпожа, висельников поищешь, я тебе скажу, что мне еще надобно для зелья будет, так найдешь мне все. И не смотри так, я и для тебя зелье варить буду.

Зельда только поклонилась, хотя лицо ее было, кажется, недовольно.

– Любишь ведь, когда я тебя зельем этим мажу, когда Игнатий тебя берет.

Кухарка опять не ответила, а Агнес это разозлило.

– Думаешь, не знаю я, как ты по ночам в трактиры самые поганые ходишь и там с мужиками грязными прямо на полу, под столами в лужах валяешься? Знаю все. И знаю, почему мужики тебя такую горбатую берут. Это из-за зелья моего только. Из-за зелья! Значит, пользоваться зельем любишь, а как делать зелье, так у тебя в носу от праведности свербит?

– Я все сделаю, госпожа, – ответила наконец кухарка, понимая, что лучше госпожу не злить. – Сыщу корень.

– Два найди! – коротко бросила Агнес. – И подавай еду уже, некогда мне. Ута! Одежду неси.

Пока Зельда быстро собирала на стол, а Ута бегом носила одежду и обувь из верхних покоев, девушка медленно меняла свой красивый облик на вид первозданный. Служанки косились на нее и дивились молча и со страхом, видя, как буквально «сдувается» ее красота и как она превращается в себя настоящую. Из яркой красавицы в блеклую девицу шестнадцати лет.

Пока одевалась, прибежал мальчишка посыльный. Принес короткое письмо от книготорговца: «Товар, что вам так надобен, доставлен, ждет вас».

Сердце ее заколотилось так, что не у каждой девы колотится пред свадьбой. «Товар» – это то, чего она жаждала больше, чем своего господина. Был бы выбор перед ней: замуж идти за него или этот

предмет вожделенный получить во владение свое, – так еще бы думала. Да нет, не думала бы, выбрала бы этот «товар». С ним она окажется так сильна, что любого мужа себе сама выберет.

Да и кто бы устоял перед ней, кто бы не возжелал ее с ее-то новым видом, с внешностью красавицы редкой, с ее головокружительными зельями, что даже таких стариков, как Отто Лейбус, взволновать могут, с ее знанием и провидением, которые даст стекло. Нет такого мужа на свете, кто не покорится ей.

Она встала, не доев, крикнула Уте:

– Корова, одевай меня, идем в поганый дом. А ты, горбунья, как конюх придет, немедля отправляйся искать мне мандрагору и все, что сказала я тебе.

* * *

Дожди в городе всем в радость: только льющие с неба потоки воды могут хоть ненадолго вымыть из улиц городских смрад, нечистоты и мусор. Даже если это не очень теплые дожди октября, лишь бы посильнее были. Чтобы поток смыл все в канавы и ручьи, а уж оттуда гнал всю грязь из города прочь, за городские стены.

Только Агнес дождю рада не была, платье надела она, и все, ни плаща, ни накидки при ней не было. Промокли со служанкой до нижних юбок. Спрятаться негде было, когда ливень холодный нагрянул, платье сразу стало тяжелым невыносимо. И дорогие туфли с шелковыми чулками вымочил поток, что нес всякую грязь в соседнюю канаву. Шла Агнес к дому книготорговца Уддо Люббеля злая, подрагивала на свежем ветерке. А вот Уте все нипочем, у коровы толстомясой от плеч и спины только пар шел, так она горяча была. Даже лужи не перепрыгивала, шлепала по ним своими огромными ножищами.

Но все раздражение, вся злость на непогоду и служанку тут же улетали от девушки, как только думала она о том, что у книготорговца стекло есть. Да какой там дождь, она бы за таким сокровищем и в метель самую яростную пошла в одном платье.

Мерзкий Уддо Люббель отворил им дверь, даже стучать не пришлось. Кланялся:

– Доброго дня вам, госпожа, доброго дня.

Он держал в руке самую тусклую лампу, что только может быть. Не хотел, чтобы Агнес видела, как он по ее велению уборку сделал на первом своем этаже. Дурак все хитрил с ней, а она очень, очень этого не любила. Ей свет не надобен был, чтобы видеть. Ей достаточно сосчитать до пяти, чтобы глаза к темноте привыкли. И видела она в темноте лучше иных кошек. А к тому же нос, нос у нее все чувствовал, все запахи различал. Как вошла девушка в дом, так поняла: порядок торговец навел, хлам и мертвечину убрал, кто-то ему тут даже помыл все. Хоть плохо, но помыл.

Она постояла пару мгновений, принюхалась и сказала:

– Чтобы впредь так же было, только купи чеснока или лаванды, чтобы запах мерзкий совсем ушел.

– Как пожелаете, госпожа, – снова кланялся Уддо Люббель.

– Пошли уже. – Девушке не терпелось скорее увидеть стекло.

– Конечно, госпожа, конечно! – Книготорговец пошел вперед, освещая путь только Уте.

Они поднялись к нему в верхние комнаты, он стал распахивать ставни на окнах, чтобы легче было госпоже рассмотреть удивительную вещь.

– Да покажи ты мне его! – прикрикнула Агнес, не в силах больше ждать.

– Да-да, госпожа, конечно. – Книготорговец кинулся к столу и из-под него достал короб небольшой. Стал раскрывать его. – Тут он, только-только привезли. Как привезли, я сразу за вами послал.

– Этот шар стеклодув Шварц сделал? – спросила Агнес, заглядывая ему под руку.

– Нет, госпожа, Шварц еще не ответил, это умный жид Вешель мне прислал, он большой мастер, у него нет половины лица и головы, а все живет, не помирает, говорят, он большой колдун и знахарь. А как иначе без половины головы прожить.

Книготорговец наконец раскрыл коробку и достал оттуда рогожу. Ту рогожу стал разворачивать, что-то приговаривая, да девица его не слушала, она глаз от рогожи не отрывала. И вот из нее на свет появился шар. Ах, небеса, что это была за красота! Шар оказался не так велик, как тот, что рыцарь хранил у себя в сундуке. Он был чуть поменьше, с голову трехлетнего ребенка, и при этом удивительного

цвета. Казалось, что он так чист, что чище самой чистой воды. Но на удивление белым стекло не было, отливало оно нежно-голубым. Чистым голубым. Дивным голубым. Трясущимися руками Агнес забрала стекло из грязных рук книготорговца, уж больно не шла такая светлая голубизна к желтым его ногтям с каймой из черной грязи. Взяла и сначала к груди его прижала, гладила, словно живого. А затем, не думая ни об Уте, что стояла в дверях, ни о Люббеле, что таращился на нее, стала в стекло смотреть, стараясь, как обычно, заглянуть внутрь, нырнуть в него. Смотрела, слегка улыбаясь, смотрела… И улыбка стала с ее лица сползать. И взгляд она от стекла оторвала, подняла глаза на книготорговца. А в них вдруг злоба, и такая, что Люббель губы свои обветренные облизнул и дышать перестал. Шар скатился с руки девушки и гулко стукнулся об пол. Замер на месте.

– Говоришь, умный жид его тебе прислал? – спросила она таким голосом, что у торговца спина похолодела.

– Я… Я клянусь, госпожа, – заблеял он, – у меня и письмо от него есть, я сейчас найду, покажу вам.

Он кинулся к столу, стал рыться в бумагах и выхватил одну из них, принялся махать ею, как флагом:

– Вот же, читайте, госпожа, читайте.

Она читать не стала, даже в руки не взяла бумагу, и так знала, что книготорговец не врет, не его это ложь, не его придумка, иначе она бы его уже убила. Девушка лишь сказала ему, отчетливо выговаривая каждую букву:

– Шар пуст, стекляшка глупая, из меня твой умный жид дуру хотел сделать. Сколько денег за него просил?

– Десять гульденов желал, – лепетал Люббель. – Тут, в письме, все писано. Вот, читайте.

– Этот шар ему отошли обратно, скажи, чтобы настоящий прислал, иначе… – Она помолчала и продолжила, смакуя: – Иначе я ему весточку пошлю, да такую, что с последней половины его головы кожа оползет.

Она не врала, казалось, что не будь у нее шара, так и не найдет она хитрого жида, не сможет без стекла ему проклятие послать, но у Агнес уже была мысль, как наказать мошенника.

– Слышишь, Люббель, напиши, что я от него настоящее стекло жду, иначе пожалеет он, – сказала она, повернулась и пошла прочь из

этого вонючего дома.

Глава 19

Волков никогда такую мебель не купил бы. И простыни такие не купил бы. Все, что привезла госпожа Ланге, оказалось красивым и дорогим. Ему было жаль денег, он бы пожадничал такие кресла и такую кровать с балдахином приобретать. Впрочем, госпожа Ланге не знала того, что все это в один день, когда сюда придут горцы, возможно, будет украдено или сгорит. Она стояла у входа в новый дом, смотрела, как дворовые заносят мебель, и всем видом показывала, что ждет похвалы. Волков уже думал похвалить ее, но тут прибежала Элеонора Августа. Дочь графская торопилась, запыхалась, волосы растрепались, как у крестьянки простой. Схватила Бригитт под руку и, хитрыми глазами поглядывая на мужа, поволокла подругу по лестнице наверх. Глупая, глупая женщина. Все в тайны играла. Он ухмыльнулся, глядя вслед своей жене.

Кавалер прекрасно знал, что это значит. Его жене не терпелось получить письмо от любовника, которое должна была привезти госпожа Ланге и о котором ее муж все знал.

Дьявол! Нужно было письмо у Бригитт брать да читать, а не стулья рассматривать красивые. Как он мог забыть про это, следовало прочесть письмо прежде, чем жена его получит. Теперь оно у нее в руках. Кавалер вздохнул. Надеялся он на то, что Бригитт передаст на словах содержание. А пока он взял один из новых ажурных стульев, поднял его, взвешивая. Стул оказался на удивление легок. Волков сел. Да, стул был удобен и красив, подлокотники хороши, жаль, что украдут его горцы. Конечно, украдут, жечь не станут такую красоту.

Кавалер недавно позавтракал, дел и просителей у него сейчас не было, вот он сидел и смотрел, как мужики и бабы дворовые таскают из телег новые вещи. Хотел уж рявкнуть на глупую бабу, что неаккуратно несла гобелен, но к нему пришла Мария и сказала:

– Опять к вам гонец, господин. Приехал в старый дом, я его сюда привела.

«Опять!» Кажется, даже кухарка уже узнавала гонцов от герцога.

– Тот же, что и всегда?

– Нет, одежа та же самая, красивая, а сам другой, – сообщила Мария. – Звать?

– Зови, – вздохнул Волков.

Он знал, что гонец от герцога мог привезти только дурные вести. Гонец и вправду оказался другой, он достал из сумки бумагу. Нет, не свиток с лентой цветов Ребенрее, просто бумага, сложенная вчетверо, даже без сургуча, развернул ее. Текст в письме был прост и понятен кавалеру:

«Граф с женой, что гостит тут, завтра отправится домой, а вслед ему пойдет гауптман Фильшнер со ста двадцатью людьми, чтобы брать Вас и вести к герцогу. Так как Вы крепки и людей у Вас достаточно, то при гауптмане будет предписание властям города Мален дать ему еще людей двести и арбалетчиков сколько выйдет. И граф должен собрать ополчение первого порядка в тридцать рыцарей или пятьдесят конных людей с послугой. Также у гауптмана будет при себе пятьдесят талеров, если нужда настанет собрать среди горожан и имперских слуг еще охотников против Вас. Наказано гауптману Фильшнеру, коли Вы сбежите в другую землю, встать у Вас на Эшбахте лагерем на постой и брать стол и кров из Вашей земли. И ждать, пока Вы не явитесь с покорностью. Сим письмом благодарность свою пред Вами полагаю исполненной».

Подписи или экслибриса не было. Но они и не требовались. Конечно, это письмо от канцлера. Он всего два письма Волкову написал.

«Сим письмом благодарность свою пред Вами полагаю исполненной».

Дорогие письма получались. Две тысячи талеров и груда отличных мехов были посланы канцлеру в подарок. Очень дорогие письма получались, но вот это письмо, то, что Волков держал в руках, было весьма ценным. Оно давало ему не только время.

Кавалер вздохнул, сегодня он думал заняться новым домом, побездельничать хоть немного. Нет, ничего не выйдет.

– Передай господину, что послал мне это письмо, – сказал Волков гонцу, – мою большую благодарность. Пусть тебя покормят, и езжай,

ответа не будет.

Гонец поклонился, а Волков крикнул, не отрывая глаз от бумаги:

– Эй, кто-нибудь, Максимилиана ко мне.

Он вчитывался в строки, прикидывая время, что у него есть. Да, суров герцог, суров. Одно письмо – просьба, второе письмо – приказ, а третьего письма… не появится. Вместо него будут у тебя, вассал, добрые люди при железе и славном капитане Фильшнере. И поволочет сей капитан тебя к герцогу на суд, хорошо, если не в кандалах. Нет-нет, не выйдет ничего у капитана. Письмо давало Волкову время. Он уже знал, что будет делать. Слава богу, не жадничал, не поскупился на подарки для канцлера.

– Кавалер, звали? – появился Максимилиан.

– Собирайте людей. Офицеров ко мне, скажите, что жду немедля, сами собирайтесь в дорогу: вы, Увалень, Сыч, кавалер фон Клаузевиц, господа Фейлинги оба, господин Гренер… – Волков на мгновение прервал перечисление. – Вы, Максимилиан, выдайте господину Гренеру из моих конюшен коня из тех, что поплоше, а мерина, на котором он приехал, отдайте в конюшню Ёгану.

Волков не хотел, чтобы кто-то из его выезда ездил с ним на мерине. Да, теперь его людей уже можно было считать настоящим выездом, хоть кавалер и не хотел его себе заводить, но раз уж есть всадники, то пусть будут похожи на кавалеров, а не на мужиков, что вздумали ездить верхом на своих меринах.

– Кавалер, – не уходил Максимилиан, пряча улыбку, – а дорога будет дальняя, едем в Мален?

– И в Мален, и в Малендорф, к графу, и во Фринланд. Дорога, в общем, будет неблизкая, пару дней проведем в отсутствии.

Максимилиан поклонился и ушел выполнять распоряжения.

А кавалер остался сидеть на удобном красивом стуле посреди красивой залы в красивом доме и не замечал всей этой красоты. Он перебирал в уме всевозможные варианты развития событий, намечал встречи, думал, какие слова и кому станет говорить. А тут в дом пришел брат Семион, и был на вид счастлив, сразу заговорил:

– Да благословит вас Бог, кавалер. Свободны ли вы, уделите мне время? У меня есть хорошие новости.

Волков оторвался от размышлений, поглядел на монаха. А тот словно этого и ждал:

– Говорил я с епископом, он принимал меня долго и ласково, очень грустил поначалу, что брат Бенедикт, блаженный наш отшельник, почил безвинно, убиенный зверем сатанинским. Но когда я сообщил его преосвященству, что надумали мы его канонизировать и сделать местным святым, поставить ему часовню, так епископ возликовал. Сказал, что мудры мы необыкновенно и что придумка наша очень хороша. Велел с утра сегодня во всех церквах на заутрене читать за упокой и славу невинно убиенного брата Бенедикта, бить траур на всех колокольнях города. Сегодня уже весь Мален знает о том. Готов поставить десять талеров против одного, что к нам пойдут людишки со всего графства на молебны к мощам. Да что там… Готов ставить талер против крейцера, что уже на следующей неделе богомольцы появятся. Дело, считайте, решенное. Я обещал описать подвиг брата Бенедикта и подать его епископу, он подпишет и пошлет архиепископу. Говорю вам, дело пошло.

Волков смотрел на сияющее лицо монаха и, когда тот замолчал, спросил у него:

– Ты опять у епископа денег выклянчил?

Монах сразу престал светиться, вздохнул и закатил глаза, блаженный в невинности своей. Вздыхал и молчал.

– Сколько взял у него? – не отставал кавалер.

– Только на часовенку маленькую, – вздохнул монах, так глаз от неба и не опуская.

– Двести монет?

– Да что вы, господин, откуда двести, дал старый скряга всего сто двадцать. Только лишь на часовенку.

– На часовенку? Это не на ту ли, которую архитектор грозился строить бесплатно? И на которую все господа Эшбахта, мои офицеры, хотели дать денег, на которую ты у солдат уже выпросил кирпич задарма? – поинтересовался Волков.

Монах опять стал рассматривать потолок и вздыхать.

– Давай восемьдесят монет мне, – без всяких церемоний заявил Волков.

– Господин мой, да побойтесь вы Бога! – возопил брат Семион. – Уж и дом забрали, и последние крохи отбираете?

– Дурак, – беззлобно ответил кавалер и протянул ему письмо от канцлера, – читай.

Монах схватил бумагу, быстро прочел ее и посмотрел на Волкова.

– Дом у него отняли, – недовольно продолжал Волков. – Дом твой сгорит к весне, как горцы сюда пожалуют, забыл, что ли, что воюем мы. И уже не только с псами горными, теперь еще враг есть у нас такой, что похлеще горцев будет.

Монах вздохнул:

– Так сколько денег заберете?

– Дай хоть восемьдесят, найму на них людей из Фринланда.

Монах вернул кавалеру письмо, достал большой кошель из-под сутаны, стал тут же считать деньги, выкладывая их на только что поставленный новый стол.

– И не уходи никуда, – говорил ему Волков, – сейчас в Мален со мной поедешь убеждать бургомистра и нобилей тамошних, чтобы этому капитану солдат не давали.

Монах кивал согласно, продолжая отсчитывать серебро. Ничего против не говорил, понимал, что дело серьезное.

Глава 20

Офицеры собрались не сразу, он хотел ехать быстрее, да пришлось их ждать, хоть день уже за полдень пошел. Приехали Брюнхвальд, Рене и Бертье. Вместо Рохи был молодой сержант Вильгельм, коего все звали Вилли. Он заметно робел, когда Максимилиан предложил ему сесть вместе с теми людьми, что собрались за столом кавалера. Тут же был и брат Семион, его Волков не погнал: умный, всегда знает, что сказать. Тянуть времени не оставалось, люди кавалера почти на конях ждали, он сразу все и объяснил собравшимся. Так и так, господа офицеры, сеньор мой посылает за мною видного гауптмана своего с людьми и при железе с приказом меня взять. Еще он людей в городе набрать хочет, и еще ему граф призыв из помещиков соберет.

Он договорил и стал ждать, кто и что ему ответит. А все офицеры молчат, думают. Одно дело – с горцами воевать, а другое дело – с законным сюзереном целой земли, которую из края в край за неделю не проехать. Не шутка, тут господам офицерам подумать захотелось.

Только молодой да глупый Вилли посмотрел на старших товарищей и, хоть не по чину то было, первый кавалеру ответил:

– Мне герцог не указ, я не с герцогом в Ференбурге Ливенбаха и мертвяков бил, не с герцогом на обоих берегах реки горцев учил. Скажу вам от всех стрелков, господин: все, когда надо будет, встанем под руку вашу.

Молодец был Вилли, но ждал Волков не его слова. И тогда сказал Брюнхвальд:

– Герцог мне милостей не оказывал, я и люди мои с вашей земли кормимся, солдаты вас Дланью Господней зовут. Вам верят, и меня не поймут, если я не встану под знамя ваше… И моих людей вы под знаменем своим увидите.

– Так все мы будем у вас, – заявил Бертье, он всегда говорил раньше, чем думал, – жаль, конечно, что с герцогом не сложилось. Так ничего тут не поделаешь. А тяжко будет – так уйдем, хотя обвыклись мы тут уже. Нам тут уже нравиться стало. Людишкам нашим тоже.

– Конечно, – заговорил Рене не очень уверенно, – раз по-другому спор с его высочеством не разрешить, придется решать железом. Но, может, еще все образуется, не придется вам с сеньором воевать?

Вот тебе и родственник, а Волков думал, что Рене первый за него будет. Лучше бы Вилли у него в родственниках был или Карл Брюнхвальд.

– Воевать не станем, – сказал кавалер, сразу всех успокаивая. – Но всех людей для того соберите, всех, кого сможете.

– Господин, а как же так, – не понимал Вилли, – воевать не будем, а людей собрать надобно?

Все остальные тоже, кажется, не понимали замысла кавалера, только умный монах понял и сказал с легкой улыбкой:

– Пращуры наши велики умом были, еще тогда говорили: «Хочешь мира – готовься к войне». И чем лучше подготовишься, тем крепче мир будет.

– Больно премудро для меня, – отвечал простодушный молодой сержант.

– Соберите всех людей, кого сможете. – Волков встал, показывая, что совет окончен. – Через четыре дня чтобы были все тут, в Эшбахте. Все до единого.

* * *

В Мален едва поспели до закрытия ворот, пришлось под конец лошадей шпорить. Легли спать в первом попавшемся трактире, трактир тот был обиталищем всех самых свирепых клопов города Малена. Волков спал так худо, как давно не спал, остальные его спутники тоже всю ночь ворочались, да они все молоды были и здоровы, не в пример ему. На заре встали голодные, он же еле поднялся, дорога измучила, а выспаться не пришлось. Они есть сели, каждый ел за двоих, даже монах разговелся на колбасу жареную, а Волков едва молоко с медом и хлебом теплым осилил.

Едва горожане пошли из церквей с утренней молитвы, как он со своими людьми уже был у ратуши. Весь свой выезд брать не стал, в ратушу пошел, взяв только Максимилиана и рыцаря фон Клаузевица, вид у них был представительный и солидный, да еще монаха. Тот не только бархатную рясу носил, но и голову на плечах. Волкова сразу заметили торговые господа и главы гильдий и банков, все оборачивались, кланялись, улыбались.

Кавалер отвечал на поклоны, но шел быстро к столу, за которым заседали бургомистр, секретарь городского совета и один из господ банкиров, что больше всех дал ему денег в долг. Все остальные смотрели удивленно, а Волков, подойдя к банкиру, заговорил негромко и серьезно:

– Господин банкир, соберите всех, кто давал мне денег, у меня для них весть.

Уж чего не любят банкиры, так это таких вот вестей, лицо у господина сразу вытянулось. Он и без подобных вестей всегда недоволен был, а тут посерел на глазах. Писари тут же побежали по ратуше собирать всех, кого надо, а Волков отошел в сторону и стал ждать. По огромной зале покатился взволнованный шепот, шарканье башмаков по дорогим паркетам, важные люди стали сбиваться в кучки и переговариваться. Все хотели знать, что случилось, но не всех пригласили на разговор. А к нему уже вылезли из-за стола и поспешили сам бургомистр и секретарь городского совета, они считали, что имеют право знать, что происходит, и бургомистр еще издали спрашивать стал:

– Кавалер, раз эта весть касается лучших людей наших, может, она коснется и города?

– Коснется, коснется, – многозначительно пообещал кавалер. – К моему глубокому сожалению, и города коснется.

– Неужто горцы высадились? – побледнел бургомистр. Он даже, кажется, покачнулся от мысли такой ужасной.

И секретарь остолбенел, и другие господа, что слышали их разговор, напряглись и побледнели от ужаса. Готовы уже были кинуться прочь, чтобы вещи собирать.

«Горцы?»

«Он сказал, горцы высадились?»

«Что, горцы опять?»

– Да какие горцы! – Волков поморщился, как от мелочи, от досадной ерунды, махнул рукой пренебрежительно. – Такой малостью я бы не осмелился вас беспокоить. Дело хуже.

Их стали окружать важные господа города, как раз те, кто к делу был причастен, да и другие любопытствовали.

– Да что же хуже может быть? – с ужасом вопрошал главный кредитор.

– Разве враги наши из-за реки – не самое страшное? – говорил секретарь.

– Враги из-за реки? Нет же! – Волков опять поморщился. – Дело вот в чем. Герцог в благодарность за то, что я бью врагов его, послал за мной добрых людей, чтобы меня в кандалах доставить к нему в Вильбург, – говорил кавалер с пафосом.

Кажется, у лучших людей города отлегло от сердца, они стали перешептываться, а некоторые даже крестились, что отвел Господь беду. А несчастья какого-то сеньора с юга для них не были бедой. Бургомистр перестал бледнеть и заметно повеселел, с вежливой улыбкой стал спрашивать у кавалера:

– А та весть правдива ли? А точно ли посланы за вами люди?

И только банкиры, главы гильдий городских, главы коммун и купцы, что ссужали Волкову деньги, оставались взволнованы. Они-то беду чувствовали. Вот они и были его главными союзниками в городе. Молодец брат Семион, надоумил денег занять, хитер монах, вперед умеет видеть. Теперь нужно было тех, кто ему денег в долг давал, напугать посильнее.

– Правда, весть верная, – говорил Волков. – Идет к вам гауптман Фильшнер.

– Фильшнер? – спрашивали его господа, кажется, это имя было им прекрасно известно. – Это хороший офицер.

– И что же вы, господин фон Эшбахт, от нас хотите? – интересовался бургомистр, уже волнуясь, как бы город не оказался втянут в ненужные хлопоты и распри.

– Может, иммунитета городского вы ищете? – предположил секретарь. – Ну так это невозможно, иммунитет от власти герцога имеют только избранные члены городского совета и члены консулата города.

– Да нет же! – сказал Волков. – Это мне ни к чему.

– А может, вы думаете, что город даст вам людей против герцога? – удивился бургомистр.

– Как раз наоборот, – покачал головой Волков. – У капитана Фильшнера есть предписание для города, чтобы выделили ему добрых людей двести человек и арбалетчиков. Так вот, если вы дадите ему людей, так я стану с капитаном Фильшнером биться и людей ваших побью во множестве. Нужно ли такое городу?

– Ну а что же мы можем поделать, дорогой наш господин фон Эшбахт? – улыбался бургомистр. – Наш город не входит в лигу свободных городов, в союз городов Имперской Короны, увы, тоже не входит. Город Мален – такой же вассал нашего курфюрста, как и вы. И мы не можем ослушаться веления его высочества.

Вот и все. Еще и двух недель не прошло, как все эти господа устраивали молебны и пиры в его честь, лезли к нему в знакомство, а как дошло до дела, все только улыбались вежливо да руками разводили. Мол, что же мы можем сделать?

И тут заговорил монах, сделал лицо скорбное и заговорил:

– Не знаю уж, нужна ли городу такая распря, но вот те господа, кто ссужал деньги господину фон Эшбахту, точно от распри этой пострадают. Господин фон Эшбахт нравом обладает пылким, в войне всегда ведет своих людей вперед сам, сам среди первых. Он и рану у реки получил, идя впереди своих людей, то все знают. И капитана Фильшнера кавалер побьет, скорее всего, а значит, побьет и людей городских. А если не побьет, то погибнет или попадет в плен к герцогу. И коли так будет, кто господам заемщикам вернет золото?

Он сделал паузу, надеясь, что кто-то ему возразит, но банкиры и главы гильдий молчали, лица их были мрачны. Они начинали понимать, куда тот клонит.

– Может, герцог возместит господам тысячу двести золотых монет? – продолжал монах. – Или, может, они взыщут собственность господина Эшбахта? Но в его роскошном поместье они вряд ли соберут даже и на пять десятков золотых. Или господа думают, что взыщут деньги со вдовы? С дочери графа?

– Так чего же вы от нас хотите? – спросил бургомистр, когда брат Семион закончил.

– Не давайте капитану Фильшнеру людей, – четко выговаривая слова, произнес кавалер. – Не давайте ему арбалетчиков. Не давайте ничего.

– Так как же мы ему не дадим людей? Если герцог распорядился дать, мы не можем ослушаться, – улыбался бургомистр.

– Скажите, что отправили часть людей ловить разбойников.

– Разбойников? Каких разбойников? – начал бургомистр, но не договорил…

Его за рукав богатой шубы схватил тот самый банкир, который ссудил Волкову больше всех денег, он бесцеремонно потянул бургомистра к себе и начал что-то ему втолковывать тихо, но с раздражением. Бургомистр сделал вид скорбный, при этом покосился на Волкова.

На мгновение кавалеру показалось, что они замышляют что-то против него, может, и схватить его надумают, но это было не так.

Наконец, бургомистр покивал согласно и произнес:

– Город не даст капитану герцога всех нужных тому людей. Город даст сотню человек.

Волков вздохнул:

– Что ж, и на том спасибо, я знал, что в городе у меня есть друзья.

Он улыбнулся и пошел из ратуши прочь. Важные городские господа расступались перед ним и кланялись ему.

На улице, когда Волков уже садился на коня, к нему подошел кавалер фон Клаузевиц, взял стремя, чтобы придержать его. Это был знак уважения. Сказал искренне:

– Я восхищен вами, кавалер, я знаю суть, слышал обрывки разговоров. И, кажется, начинаю понимать, что вы задумали.

– Спасибо вам, фон Клаузевиц, ваше восхищение мне льстит, – ответил Волков, – но дело еще не сделано. Нужно спешить.

– Да-да, конечно… Куда теперь? – спросил молодой рыцарь.

– Теперь мне нужно перекинуться парой слов с господами ландскнехтами города Малена. Нам нужен землемер Куртц.

Куртца пришлось поискать, на месте его не было, но кавалеру сказали, что землемер с его закадычным другом почтмейстером пошли в тихий кабачок. Звонко стуча копытами по мостовой, кавалькада всадников во главе с Волковым поехала туда, куда им указали. И в этом кабаке кавалер и нашел бывших ландскнехтов его императорского величества. Он хорошо уже знал обоих, пировал с ними не раз, и они, увидев его, обрадовались, как старому другу, с уважением звали к себе за стол. Но рыцарь отказался и сказал:

– Спасибо, братья-солдаты, некогда выпивать, я к вам по делу.

– Ну так говорите, кавалер.

Он уселся к ним за стол и начал:

– Герцог капитана Фильшнера послал за мной, с ним люди будут.

– Знаем этого капитана, хороший капитан, – кивнул Куртц серьезно.

– За вами?! – изумился почтмейстер. – За что же вы в немилость попали?

– За то, что горцев побил, – отвечал Волков. – Герцог сразу не велел мне их трогать, говорил мир с ними держать, а как их не трогать, если они на моей земле разбойничали и офицера моего чуть до смерти не убили?

– Да псы они поганые, – сплюнул почтмейстер. – Воры и всегда ворами были.

– Сволочь безбожная, – добавил землемер. – Хуже еретиков свет не видывал. Один их людоед Кальвин чего стоит.

– Кальвин – да, сын сатаны, – соглашались и почтмейстер, и Волков.

– Ну а чем же нам помочь вам, кавалер? – спрашивал Куртц.

– У Фильшнера людишек против меня будет немного, он тут в городе хочет взять, да ополчение граф ему собрать должен, а еще ему деньги выданы, чтобы в городе охотников найти.

– Вон оно как, охотников, значит, – задумчиво протянул Куртц и усмехнулся, в его этой задумчивости и в ухмылке было много

сомнения в том, что гауптман Фильшнер отыщет добровольцев.

– Из ландскнехтов никто не пойдет против вас, кавалер, – заверил Волкова почтмейстер. – Мы под знаменами императора всю жизнь бились с еретиками да горными свиньями, а теперь что? Вас, обидчика горцев, бить пойдем? Не бывать такому! Сегодня же людей соберем и примем решение, чтобы ни один ландскнехт Южной роты Ребенрее, пусть даже от самой жестокой нужды, не пошел против вас. Это я говорю вам как заместитель председателя коммуны ветеранов города Малена.

– Это я и хотел от вас услышать, братья-солдаты, – произнес Волков, доставая немалый кошель с серебром и кидая его небрежно на стол. – Тут двадцать монет. Самым нуждающимся ветеранам купите хлеба, мяса или дров для дома. Но в городе есть еще и добрые люди, что не были в ландскнехтах, вы про них тоже не забывайте. Пусть каждый, кто не пойдет против меня, получит кружку пива, половину свиной ноги с кислой капустой и ломоть хлеба за мой счет.

– Мы сделаем все, брат-солдат, – пообещал почтмейстер, – чтобы никто из города не пошел против вас.

Волков встал и пожимал старым солдатам руки, они тоже поднялись с лавок, этим людям больше слов говорить нужды не было, уже все сказано.

Когда кавалер садился на коня, Максимилиан спросил:

– Кавалер, а теперь куда?

– К графу, придется нам поторопиться, чтобы быть дотемна.

Но, когда они ехали по одной из улиц уже к восточным воротам города, кавалер увидал вывеску портного и остановился.

– Брат Семион, – окликнул он не очень-то веселого от скачки и спешки монаха.

– Да, господин, что могу сделать для вас? – спрашивал тот.

– Вижу, езда верхом тебе не очень нравится. Ступай к портному, пусть сошьет четыре штандарта для моих рот.

– Сшить четыре бело-голубых знамени? – уточнил монах.

– Да, дождись, пока он закончит, и отвези их в Эшбахт.

– Слава богу, что вы меня тут оставляете. Только денег дайте на знамена.

– Свои заплати, – велел кавалер и пришпорил коня. – Я потом тебе верну.

Его люди поскакали за господином по узким улицам города, монах же хоть и поджимал губы, глядя ему вслед, а все-таки слез с лошади и постучал в дверь портного.

Глава 21

Конечно, до ночи не успели они доехать до Малендорфа. В замке мост подняли, когда они еще въезжали в поместье. Быстро поужинав, легли спать опять в таверне. Ну, хоть тут клопы не свирепствовали, зато трактирщик, мерзавец, экономил на дровах, а ночь уже прохладная была. Но ничего, терпеть холод старому солдату не впервой, если бы нога не разболелась к ночи. А потом и шея стала ныть. Еле-еле уснул на кровати жесткой, на тощей перине, накрывшись другой тощей периной.

Утром, как только открыли ворота замка, пока люди его сели завтракать, Волков надел колет со вшитой кольчугой, который оплатил ему епископ, перчатки такие же надел. Меч, заряженный пистолет, дорогой кинжал, стилет в сапоге. Да, так он и собирался идти в дом родственника своего, своего зятя и своего тестя, графа фон Малена.

И чтобы чувствовать себя спокойнее, взял кавалер с собой всех этих юных господ, что были при нем в свите. Если граф захочет по воле герцога схватить гостя в доме своем, Волков возьмется за оружие, так что людям графа придется убивать всех его людей, а молодые господа, приехавшие с кавалером, не так просты, чтобы убивать их всех безнаказанно. Убивая по своей воле, без суда, молодых дворян, граф рисковал навлечь на себя неприязнь всех дворян графства. А ведь в свите кавалера были и знатные горожане. Тут еще и горожан обозлишь. Нет, не решится граф хватать его в замке своем не только потому, что поступком таким свой дом опозорит, а еще и потому, что не захочет крови благородных юношей, убитых в его доме.

– Ешьте, наедайтесь как следует, – сказал Волков, присаживаясь на край лавки и накладывая куски еды себе в тарелку. Он уже был готов. – Мы сегодня весь день в дороге проведем.

– Куда мы едем, кавалер? – спросил Максимилиан на правах старшего оруженосца.

– Далеко-далеко, господа.

Теодор Иоганн, девятый граф фон Мален, молодой граф, встретил кавалера и его людей с лицом, не выражающим ничего. В лице его читалась скука, а может, даже и брезгливость, но ее молодой граф все же старался прятать. Впрочем, Волкову было понятно еще с первых встреч с ним – граф терпеть не может своего нового родственника. Но пока кавалера это не волновало. Сейчас его волновал только гауптман Фильшнер.

– О, да вы обзавелись свитой, дорогой родственник? – без поклона, не скрывая язвительности, спросил молодой граф, встретив Волкова и его людей в одном из коридоров замка.

– Да, господин граф. – Волков поклонился фон Малену, все его люди тоже стали кланяться. – Времена нынче тяжелы, враги лютуют, сеньоры раздражены. Приходится окружать себя смелыми юношами.

– Сеньоры раздражены? – молодой Теодор Иоганн улыбнулся. – Так не пренебрегай вассалы своим долгом повиновения, может, и сеньоры не злились бы? Как вы считаете, брат?

– Может быть. Может, вы и правы, – отвечал Волков, желая прекратить этот разговор. – Извините, брат, спешу повидать свою сестру перед дорогой.

– Отъезжаете, брат? – уже вслед ему спрашивал родственник.

– Совсем ненадолго, совсем ненадолго, брат, – на ходу отвечал кавалер.

Брунхильда еще, кажется, пополнела, но, как ни странно, полнота ее не портила, лицо молодой женщины, и так красивое, стало еще более выразительным. А когда она увидала кавалера, так и еще вспыхнула краской и красотой, кинулась к нему на шею, не стесняясь сидевшего у камина супруга. Обняла так крепко, словно у нее были руки мужа, а не прекрасной женщины. Обняла прямо за рану на шее, Волкову пришлось зубы стиснуть, чтобы не зарычать от острой боли, но ничего, стерпел, а она вдруг заплакала ему в ухо.

– Сестра моя, да что с тобой? – заговорил он, пытаясь освободиться от ее рук и заглянуть в глаза. – Отчего ты плачешь?

– Ничего-ничего, – говорила она, выпуская его, – сон видала дурной про вас, а тут и вы приехали. Значит, не сбудется, значит, все хорошо будет.

А граф уже встал от камина и шел к ним.

– Моя красавица слезлива стала очень, – говорил он с виноватой улыбкой, – но врачи уверяют, что сие бывает у молодых женщин, обремененных в первый раз. А за здоровье сестры не волнуйтесь, кавалер, врачи в один голос твердят, что не видели еще такой крепкой здоровьем женщины.

Брунхильда уже вытирала слезы, кажется, успокаиваясь:

– Как хорошо, что вы приехали, брат, завтрак вот-вот подавать будут.

– Не до завтрака мне, – Волков повернулся к хозяину замка, – я по делу к вам, граф.

– Чем же могу вам помочь? – Тон старого графа тут же поменялся. Уже не было в нем теплоты и заботы, пред кавалером стоял сеньор и вельможа.

Волков подумал немного и решил действовать без всякой хитрости, без витиеватых намеков и разговоров вокруг да около, он решил говорить по-солдатски прямо:

– Узнал я, что герцог послал за мной капитана, чтобы доставить меня в Вильбург.

– И почему меня это не удивляет? – улыбался фон Мален. – Чего же вы хотите от меня, крова и убежища? Моего заступничества или посредничества?

– Ничего такого. Идет сюда капитан Фильшнер…

– О, Фильшнер, это хороший капитан, видно, его высочество высокого о вас мнения.

– И у него есть предписание, чтобы вы, граф, собрали первый призыв ополчения ему в помощь и…

Волков не договорил, граф резко перебил его, сделал к нему шаг и, заглядывая в глаза, спросил:

– Откуда вам сие известно?

– Об этом я вам не скажу, – твердо отвечал кавалер, не отводя глаз.

Граф помолчал немного, потом посмотрел на жену, она, кажется, была взволнована тоном, которым разговаривали мужчины. Он отошел от Волкова, подошел к ней и проговорил, беря ее за руку:

– Не волнуйтесь, мой ангел, это просто беседа. Мне вообще нравится ваш прямолинейный брат. Ни притворства в нем нет, ни хитрости, да и царедворец он никудышный, грубиян, солдафон.

– Он очень добрый, – сказала Брунхильда искренне, чем, признаться, удивила кавалера. – И вы должны, супруг мой, ему помочь.

– Должен? – удивился хозяин замка.

– Должны, – настояла его жена.

– А вы и вправду считаете добрым своего брата, мой ангел?

– Вы его не знаете, господин мой, он очень добрый.

– Добрый? – Граф с большим сомнением покосился на Волкова. – Думаю, что добрый он далеко не ко всем. – Фон Мален, не выпуская рук жены, повернулся к кавалеру и спросил: – Так чем же я должен помочь своему горячо любимому родственнику?

– Вам просто нужно уехать, – произнес Волков твердо, – просто уехать. Тогда Фильшнер не соберет нужных людей.

– Ему даст город людей, – возразил граф, нисколько в этом не сомневаясь.

– Даст, но мало, ему не хватит.

Граф, кажется, удивился уверенности Волкова, но продолжал:

– У него должны быть деньги. Сержанты хорошие при нем, а людей он в городе наберет, сколько ему угодно будет.

– Не наберет, – все так же твердо говорил кавалер.

– Откуда вы знаете?

– Ниоткуда. – Кавалер поглядел на графа пристально. – Ничего я не знаю, просто прошу вас уехать.

– Да я только что вернулся из Вильбурга, куда мне ехать?

– В Ланн, – вдруг предложила Брунхильда.

Мужчины удивленно уставились на нее.

– Ангел мой, – произнес граф, – так зачем же нам ехать в Ланн? Мы только что вернулись, да и герцог будет злиться, если я не выполню его предписания.

– Ничего, герцог ко мне был весьма расположен, я за вас заступлюсь, муж мой. А ехать нам в Ланн нужно на богомолье, – сразу ответила красавица. – В церкви Святого Марка есть икона святой Агафьи Лиарийской, блаженной чадоносицы, так она благостна для всех жен, страждущих понести и уже понесших материнское бремя, все обремененные к ней спешат для счастливого избавления от бремени.

– Душа моя, до Ланна три дня езды, – поморщился граф. – Неужто у нас в Малене нет какой-нибудь иконы для беременных?

– Не хотите, так не езжайте, – отвечала Брунхильда твердо, – коли плод мой вам безразличен, сидите дома, я одна поеду.

– Ангел мой, конечно, я поеду с вами! – засуетился граф и недружелюбно поглядел на Волкова. – Но Ланн этот так далеко.

– Велите собираться! – прикрикнула на него Брунхильда. – Пусть запрягают карету, после завтрака хочу отъехать.

Граф только вздохнул в ответ. А Волков, не скрывая радости, подошел к красавице, обнял ее, прошептал ей на ухо:

– Спасибо тебе.

– Да нет, то вам спасибо. Не могу тут быть, куда угодно поеду, лишь бы не сидеть здесь. Страшно мне, боюсь, изведут меня тут, – тихо и быстро говорила Брунхильда.

– Молодой граф?

– Все, все они тут меня ненавидят, кроме мужа, он меня любит. Все, ступайте, брат мой. – Она оторвалась от него, в глазах ее были слезы. – Идите, делайте свои дела.

Волков поклонился недовольному графу и пошел из покоев. Кажется, и с графом у капитана Фильшнера ничего не выйдет. Не видать капитану дворянского ополчения.

Но, как ни странно, теперь кавалер думал уже не о капитане. Теперь он думал о ней, об этой красивой женщине, что оставалась со стариком в большом замке, в котором ее сильно не любили.

Глава 22

Так и думая о Брунхильде, он двинулся на восток. Ехал быстро.

Можно было, конечно, отправиться на юг, через Эшбахт, а уже оттуда к амбарам и переправиться там через реку. Но на кружной путь времени не оставалось. Совсем. Волков прикидывал, что капитан Фильшнер сейчас на подходе к Малену, а может, уже и в городе, и пишет сейчас письмо графу с просьбой собрать ополчение. Поэтому кавалер торопился. Нога заныла еще вчера в дороге, к утру вроде успокоилась, но опять принялась болеть, стоило только выдвинуться в путь, снова выворачивало колено от быстрой скачки. Волков знал, что

это только начало. Уже и шея его не так беспокоила, как нога проклятущая, чем дальше ехал, тем сильнее донимала. Но он не останавливался, пока не добрались до реки. Уже к полудню поглаживания и растирания не помогали, да и много ли разомнешь, коли из седла не вылезаешь? Тяжелая бесконечная судорога сводила и корежила ногу, и бог бы с ней, так она еще доставляла боль. Боль эту терпеть получалось, но не целый же день. Когда ближе к вечеру они подъехали к реке, Волков был бледен как полотно, а его лицо блестело от холодного пота, что выступал не от усталости, а от бесконечной и раздражающей ноющей боли в выворачиваемой судорогой ноге.

Брод, который им указали, оказался непроходимым из-за дождей, пришлось проскакать еще три мили вверх по реке, к мосту, и только там они переправились во Фринланд. Там же, рядом с мостом, был и трактир.

Кавалер улыбался, хоть ему и было тяжело. Очень, очень ему не нравилось то, как выглядели молодые господа, что являлись теперь его выездом. И Максимилиан, и Увалень, и городские господа братья Фейлинги, и даже бравый рыцарь фон Клаузевиц вид имели весьма непарадный. Даже фон Клаузевиц казался уставшим, запыленным и хмурым. Трехдневные скачки нелегко, совсем нелегко им всем давались. И ноги они уже стерли, и седалища, и спины болели, и руки. Волков даже про свою боль позабыл, с удовольствием подмечал, что молодые господа, любому из которых он годится в отцы, его, старика, ни в чем не превосходят. Ему через пять лет уже сорок исполнится, но он им не уступал ни в силе, ни в выносливости. Единственный, кто из них еще оставался бодр, так это сын соседа, Карл Гренер. Это от бедности, наверное Гренеры были бедны, мальчишка рос почти как крестьянин и стал таким же неприхотливым, может, поэтому. А может, пошел в папашу, в вояку. В общем, когда кавалер слезал с лошади, хоть приходилось ему скалить зубы от боли, но вид у него был не самый худший из всех тех, кто заехал в тот вечер в трактир.

Хоть и устал он сильно, но спал плохо, из-за ноги и плохого места для сна. Заказал себе покои над кухней, чтобы не мерзнуть, так еще хуже получилось. Пока тепло было – нога спать не давала, как нога к утру успокоилась, так на кухне что-то жарить стали, не спалось мерзавцам, ни свет ни заря. Весь чад, вся кухонная вонь, вся утренняя ругань у него в покоях была. Особенно донимал злобный повар с

визгливым голосом, распекавший поваренка. Кавалер уже подумывал встать да пойти убить урода, но сил не было. Заснул кое-как, а уже вставать скоро.

* * *

Седой капитан фон Финк вовсе гостям рад не был. Старый вояка смотрел на Волкова как на источник досады и хлопот. Ему и так было хорошо, а тут под вечер в Эвельрате появляется человек, которого капитан и знать не хочет, весь грязный и пропахший конем, да еще злой и невежливый. И начинает чего-то требовать.

Конечно, капитан знал его, кто ж в верховьях Марты не знал этого господина. Уже заявил этот новый фон Эшбахт о себе. Только и разговоров по всей реке, что о нем, о суматошном. То ярмарку ограбит, то побьет кого. Капитан знал его, и еще в первую встречу этот господин ему не понравился. А тут мало того что сам создает на реке суету, раздор и войну, так теперь еще и его в это дело тащит. Нет, не хотел капитан ни сам в кутерьму лезть, ни людей своих давать.

А фон Эшбахт настаивал, перед носом старого капитана бумагой тряс:

– Вот письмо от архиепископа, читайте, капитан, вот оттиск его кольца, вот печать его канцелярии на сургуче, или и печати не верите?

Капитан вздыхал, все это он читал, еще когда этот фон Эшбахт каких-то бродяг вел в свои земли через его края. Все он в этой бумаге помнил, только не хотел лезть в неприятное дело.

– И сколько же вам людей надобно? – нехотя спрашивал фон Финк.

– Да сколько есть, дайте хоть двести человек.

– О! – Фон Финк сделал горестное лицо. – Где же их столько взять? У меня столько по всем гарнизонам не наберется.

– Архиепископ говорил мне, что у вас три сотни людей, не считая арбалетчиков, – врал Волков. – А вы уверяете, будто и двух сотен нет.

– Да когда же такое было? Не было такого никогда, – искренне удивлялся капитан. – Слыханное ли дело, триста человек! Да еще арбалетчики. Нет у меня столько людей, а те, что есть, все по гарнизонам стоят, по всему Фринланду, их собирать – так неделя понадобится.

– Так собирайте тех, что рядом, хоть пару сотен людей.

– Да и то у меня не получится: ни телег сейчас для обоза нет, ни лошадей.

– Я напишу архиепископу, что помощи от вас в нужный момент не дождался.

– Да уже пишите, что же делать, видно, пора мне на покой, – смиренно отвечал старый капитан.

Оставался последний способ убедить капитана. Волков еле сдержался, чтобы не дать ему в морду, но выдохнул и сказал:

– Двадцать талеров вам, по десять вашим офицерам, по пять сержантам, и всем людям, что пойдут, по талеру. И все только за то, чтобы постоять да покрасоваться. Вам и меча обнажать не придется.

По пять монет сержантам – это было очень щедро, но по-другому тут, видно, никак не получалось. Мало того, кавалер говорил это громко, так как в приемной капитана сидели два сержанта, они должны были слышать то, что предлагал Волков. И офицер, сидевший тут же, тоже не пропустил мимо ушей речи про десять талеров.

Двести пятьдесят монет могли сыграть свою роль. Да, столько серебра у него не имелось, и кавалеру пришлось бы уже залезать в свое золото, чтобы расплатиться, но по-другому с этим капитаном никак не получалось и своего сеньора архиепископа он, кажется, не очень боялся. Денег было очень жалко, но люди требовались позарез.

Тут офицер, сидевший у стены и молчавший до сих пор, встал, подошел к капитану и сказал тому что-то на ухо. Капитан сначала поморщился, потом махнул на офицера рукой и поинтересовался:

– Так с кем вы затеяли кутерьму, не с горцами ли?

– Нет, придет человек от герцога меня брать, вы просто постоите рядом под моими флагами, и все.

– И все? – переспросил фон Финк.

– И все! – ответил ему Волков.

И тут вместо капитана сказал его офицер:

– Триста пятьдесят монет, и двести солдат и тридцать арбалетчиков будут у вас под вашими знаменами. И мы готовы будем даже подраться за вас немного, если речь идет не о горцах, конечно.

– Триста пятьдесят? – переспросил кавалер задумчиво. Эти мерзавцы его просто грабили. Но делать было нечего. – Ладно, но я хочу, чтобы уже завтра утром ваши люди вышли из Эвельрата.

– Нет, – сказал офицер, – выйдем в полдень, быстрее не собраться. Но уже к утру будем в Лейденице, а к обеду окажемся на вашей стороне реки, у ваших амбаров.

– Хорошо, – согласился кавалер.

– Да, но мы хотели бы половину получить вперед, – продолжал офицер, и капитан, слыша его требование, согласно кивал.

– Хорошо. – Кавалер полез в кошель.

Удачно вышло, что помимо серебра, что он забрал у брата Семиона, Волков прихватил еще и своего золота, иначе ему бы не хватило.

* * *

Соврал этот офицер, немного, но соврал: к обеду не вышли солдаты из Эвельрата, а только стали собираться у западных его ворот. И то не в полном составе, всего лишь сто семьдесят семь человек. Волков ждать не мог больше, офицера оставил дожидаться остальных, а сам с капитаном фон Финком и с теми, что собрались, двинулся на запад, к Лейденицу, к переправе. Солдаты были не очень, даже похуже, чем у Бертье и Рене, и уж совсем не чета людям Брюнхвальда, но приходилось с этим мириться. Доспех у них был так себе, оружие так себе, к тому же ленивые: как ни понукал их капитан, плелись они шагом неторопливым, словно не боялись совсем своего командира. И, конечно же, до ночи к Лейденицу не попали. А дошли туда только к обеду следующего дня. Волкову опять пришлось платить: он уже оплатил всем солдатам обед и ужин, так еще за переправу людей лодочники взяли с него шесть талеров! Чертова война, никаких денег на нее не хватит. К вечеру этого же дня они пришли в Эшбахт, где уже ждали Брюнхвальд, Рене, Бертье и сержант стрелков, Вильгельм из Ланна. Все были при людях. Лагерь, который пришлось разбить на холмах, что лежали восточнее Эшбахта, получился весьма внушительным. В этот же вечер Волков позвал к себе Карла Гренера и Увальня, у этих двоих еще были силы, сказал им:

– Господа, вы оказались выносливее иных, еще и места вокруг хорошо знаете, поэтому вас пошлю. Поедете на север, в сторону Малена, туда, где кончается моя земля и начинаются холмы. Надобно

мне знать, что из Малена ко мне вышел отряд. Как увидите его у моих границ, так скачите ко мне. Лошадей возьмите новых, ваши уже ноги едва переставляют, припасов соберите на два дня, более не потребуется, думаю. Езжайте немедля.

Хоть и устали оба молодых человека, но от задания никто не отказывался, даже и не попросили ничего, сказали:

– Выполним.

И ушли. Только после этого кавалер поехал домой, в новый дом. С коня едва слезть смог, Максимилиан помогал, как всегда. На ногу не ступить было. Приходилось останавливаться, от боли зубы стискивал и сопел носом, чтобы дух перевести. Так и шел к дому, поддерживаемый Максимилианом. Было уже поздно, дворня вся спала уже, жена не вышла его встречать, лишь Мария хлопотала у очага, стряпая ему ужин, да госпожа Ланге помогала девушке покормить господина. Волков с трудом, опираясь на Максимилиана и госпожу Ланге, дошел до кресла, что во главе стола стояло. И ничего, он помощью женщины не брезговал, не до того ему было. Украдкой, когда Мария не видела, она обняла Волкова и, как уже делала, поцеловала его в висок и в небритую щеку. Провела рукой по волосам его. И, кажется, все равно ей было, что на нем слой дорожной грязи толщиной в ноготь и что дурной запах от него, резкий запах нестираной одежды, запах его пота и коня. Все равно целовала она его. И не по просьбе, не по велению, а по желанию своему.

Он ел, а Бригитт сидела рядом, подливала вино и смотрела на господина, хоть и знала, что он этого не любит.

От еды, а скорее всего от вина, усталость на мгновение ушла, и ногу больше не крутило, видно, от покоя. Кавалер поймал госпожу Ланге за руку, оглянулся, не видит ли Мария – та возилась у бадьи с посудой, не смотрела на них. Он потянул девушку к себе, она послушно встала рядом, а Волков обнял ее за талию, потом и к заду руку опустил. Бригитт покраснела, как умеют краснеть только рыжие (и шеей, и ушами, и лицом), улыбалась виновато да поглядывала в сторону кухарки. А он нагнулся, зацепил подол ее платья и стал его задирать вверх, ведя туда же и руку, и, как поднял руку выше ее колен, в том месте, где кончались ее чулки, так она встрепенулась, как будто вспомнила что. Руку его оттолкнула, подол одернула и, расправив юбки, сказала негромко:

– У супруги вашей сейчас дни для зачатия лучшие, к ней ступайте.

– Да к дьяволу ее, даже не вышла встретить мужа, спит пусть, – отмахнулся он и снова попытался схватить за юбки.

Но Бригитт не далась, стала вдруг строга с ним:

– Нет, все только и говорят, что наследника у вас нет, что наследник нужен, так идите и делайте его.

– И кто же это говорит? – поинтересовался Волков.

– Все! И офицеры ваши первые так говорят. Идите к жене, а как у нее лучшие дни пройдут, так ко мне будете ходить. Я подожду вас.

При этом госпожа Ланге сама, не брезгуя черной работой, стала убирать со стола посуду за ним, демонстрируя этим, что разговор закончен.

Она была права, конечно. Кавалер поймал ее руку, милую, тонкую руку в редких светлых веснушках, и поцеловал ее. А Бригитт потом руку отняла и понесла посуду к Марии. Он же поднялся и, тяжко хромая, пошел по лестнице наверх, в опочивальню. Комната была не заперта. На тумбе у стены тонкой желтой ниточкой горел ночник. Волков подошел к кровати и стал глядеть на жену. Только голова видна из перин. Нет, не Брунхильда и не Бригитт: курносая, щечки пухлые, волосы сальные из-под чепца торчат, рот открыт, храпит еще. Нет, не Бригитт и не Брунхильда. Но поместью требуется наследник. Кавалер сел на свою половину кровати, стиснув зубы, стянул сапог с больной ноги, отдышался, затем взялся за второй, снял шоссы, панталоны и, кинув все это на пол, полез к жене под перину. Только он прикоснулся к ней, едва взял ее за грудь, так она проснулась и сразу стала недовольна. Сразу голос у нее звучал обиженно:

– Да что же вы будите опять меня!

– Потому что вы мне жена, а я только что приехал, вот и бужу я вас, – отвечал он, стараясь задрать ей ночную рубаху, – и не будь у меня нужды, так я бы вас и не будил.

А она, придерживая свою ночную рубаху и крепко сдвигая ноги, отвечала ему раздраженно:

– Господи, да когда же вы меня оставите в покое?

– Извольте исполнять свой долг, – зло сказал кавалер.

– Оставьте же меня, от вас смердит конюшней, словно с конем лежу в кровати, – хныкала Элеонора Августа.

Она стала сопротивляться ему, вырываться, словно он был ей не муж, а чужой мужчина.

Волков устал, не мыться же ему идти сейчас, сил у него больше не осталось. Он оторвался от жены и лег на спину. Значит, конем он смердит? Ну а чем еще должен пахнуть рыцарь, как не конем и кровью? Вы, госпожа Эшбахта, не за царедворца выходили замуж. Уж не помадами муж ваш пахнуть может!

Да и черт с ней, с этой дурой. Пусть спит. Завтра он помоется, и пусть она хоть что-нибудь попробует ему возразить на его законные требования.

Он закрыл глаза и сразу уснул. Первый раз за последние четыре ночи по-настоящему крепко.

Глава 23

Завтрак Волков проспал, приходили будить его к столу, да он гнал всех прочь, так не высыпался за последние дни, что сейчас встать не мог.

Насилу к десяти часам утра вылез из перин, не обуваясь и не одеваясь толком, похромал вниз. Пить хотел. Там, за столом, жена и Бригитт сидели, к ним Тереза, с недавних пор носившая фамилию Рене, приехала, говорили о чем-то своем, о женском. Следовало, конечно, в чистое одеться, как подобает, да лень, сел за стол в недельной рубахе, как был, женщины стали ему предлагать еду. Он был голоден, всего хотел, но перед этим приказал:

– Мария, вели дворовым воду греть, мыться стану.

Жена сидела, губы поджав, смотрела на него неодобрительно, сестра так и старалась хоть что-то для него сделать сама, а госпожа Ланге следила за всем этим внимательно: то на госпожу Эшбахта поглядит, то на господина Эшбахта глянет многозначительно.

По взгляду ее Волков понял, что Бригитт есть, что ему сказать. Но, пока тут же жена сидит с видом недовольным, она будет молчать.

Тереза забрала у Марии миску с вареными яйцами, сама стала брату чистить их, пока он ел очень вкусную фасоль в хлебной подливе с жареным салом и луком. Мария уже поставила на стол чашку с

топленым молоком и мед в маленьком горшочке, хлеб еще теплый положила на стол, прикрыв его полотенцем.

Отличная домашняя еда, теплая вода в огромной кадке, хороший дом, заботливые женщины – это было бы прекрасное утро для стареющего отставного солдата тридцати пяти лет. Если бы не кислый вид жены и мысли о непростом будущем, так можно считать себя счастливым. Кавалер с удовольствием взял очищенное сестрой яйцо, оно было еще теплым.

– Сестра, а почему вы пришли без моих племянниц?

– Приведу, когда пожелаете, – отвечала Тереза, пододвигая масленку, чтобы он мог бросить масла на яйцо.

– Приводите, я скучаю по ним, – сказал он и уже хотел откусить яйцо, как дверь в обеденную залу отворилась, на пороге показался Максимилиан.

Волков так и замер с этим аппетитным яйцом. Он уставился на своего оруженосца с укоризной, видя, что тот пришел по делу:

– Ну?

– Увалень с Гренером приехали, торопятся вас видеть.

Кавалер отложил яйцо, вздохнул и сказал:

– Зови.

Хорошие были эти молодые господа, и Увалень был хорош по-своему, и Карл Гренер тоже, но толком говорить они не умели. Говорили сбивчиво, бестолково и по-разному.

Волков понял из их слов, что они сторожили дорогу на холмах, как и велел кавалер, и поутру встретили купчишку, что вез в Эшбахт соль и всякое другое, а этот купчишка сказал им, что следом за ним из Малена по южной дороге пошли добрые люди при доспехе и железе. При них обоз и два господина верхом, было их три сотни.

– Три сотни их? – перепросил Волков.

– Купчишка так сказал, – говорил Гренер.

– Он их утром видел?

– На рассвете, – ответил Увалень.

– Вот проворный этот черт Фильшнер, уже бежит, дьявол, – ругался Волков, забыв про присутствие женщин. – Максимилиан, доспех! Господа, идите к офицерам, скажите, чтобы строили людей, через полчаса выходим.

Он встал.

– Господин, а колбаса жареная? – удивлялась Мария, стоя со сковородой, в которой шипела на масле кровяная колбаса. – А ванна как же?

– После, все после, – отвечал ей Волков, вылезая из-за стола. – Увалень, бегите к господам кавалеристам, скажите, чтобы немедля коней поили и седлали. Гренер, вы мне коня готовьте, я поеду на вороном, седло возьмите лучшее, то, что серебром подбито.

– Да, кавалер, – сказал Гренер.

И все сразу ожило и в доме, и в селе.

– Что там опять у господина? Отчего беготня по всей деревне? Верховые скачут, солдаты с пиками уходят на дорогу. Чего случилось? – крикнул проезжавший по улице мимо господского дома мужик. Он даже остановил у ворот телегу.

– А то, что и обычно, – весело отвечал один из дворовых мужиков. – У господина занятие завсегда одно и то же.

– И что же? – не отставал от дворовых мужик.

– Так война, что же еще? – смеялись дворовые.

– Война? Опять? – уважительно говорил мужик.

– А у господ других занятий и нет: война да охота, все. Да ты не бойся, мужик, тебя-то это не коснется.

– И слава богу, – сказал мужик и поехал по своим делам.

* * *

Графство Мален не было ни большим ни маленьким, ни бедным ни богатым. Стояло оно особняком, на южном краю земли Ребенрее, торговые пути шли мимо него, хотя и проходили совсем рядом. В общем, давало оно кое-какой доход графу, да и герцогу перепадало серебра. А когда было нужно, графство могло собрать ополчение из земель местных сеньоров. Бог весть сколько хороших рыцарей и кавалеристов проживало тут, впрочем, рыцари были здесь не хуже, чем у многих других. И неплохую пехоту могло собрать графство со своих городов, крепкую, ведь в Малене имелось много оружейных мастерских. И все оружие здесь было свое.

Казалось, что в таком графстве легко собрать тридцать всадников по первому сбору, стоит герцогу попросить. Да вот только

отсутствовал граф дома. Оказывается, за день до прибытия капитана отъехал он с молодой женой на богомолье куда-то, а когда приедет – не сказал. Молодой граф и рад бы помочь капитану, да как же он сеньоров позовет на войну, когда отец его еще жив, так и отца прогневить можно не на шутку. Да и кто из сеньоров откликнулся бы на зов молодого графа, когда никто ему присяги не приносил. Вот и уехал капитан из поместья Малендорф ни с чем и в дурном расположении духа. А оно еще ухудшилось, когда власти города Малена вместо трех сотен людей, что он просил, дали ему сто тридцать человек. Сто тридцать вместо трех сотен с арбалетчиками и аркебузирами. Да еще когда увидел капитан этих солдат, так обозлился даже. Те солдаты были молодые и в плохом доспехе и железе. Сброд, что даже строя не знает. Пустое место, а не солдаты. Сержанты с ними и те оказались пьяны. Обозлился гауптман, пошел к начальнику городской стражи ругаться. А тот плечами пожимает: город денег не выдал, солдаты по кабакам сидят да разбойников по округе ловят. Если капитан подождет недельку-другую, так к концу октября народишко, может быть, и соберется.

– Недельку-другую?! – орал капитан в возмущении. – Вот как вы герцогу служите, мошенники!

– Знаете что, капитан, а не пойти ли вам… к казначею, – еле сдерживался начальник стражи. – Или к секретарю городского совета, спросить у них, почему не дают денег вам на солдат.

Про это Фильшнер и слушать не хотел. Как ненавистны ему, солдату, были эти председатели всякие да эти хитрые крысы из городских советов, из магистратов и канцелярий дурацких. Они его злили до бешенства прижимистостью своей и жадностью, знанием законов глупых и изворотливостью, лицемерием и хитростью. Злили они его даже больше, чем дезертиры или трусы. Поэтому ни к какому председателю он не пошел, а отправился к своим людям, собрал сержантов, достал все серебро, что у него было, и велел:

– Вот вам деньги. Соберите всех, кого сможете, надобно человек сто, пусть любой сброд будет, сулите полталера за три дня каждому, даже если у него из доспеха будут одни штаны драные, а из оружия палка. – Конечно, он так говорил для красного словца, но все понимали правильно: брать можно любых солдат. – Больше нам не

потребуется. Я выйду наутро, встану в пяти часах пути на юг, а вы как соберете кого, так догоняйте, но выходите не позже полудня.

Сержанты брали деньги и расходились по городу: собирать по кабакам людей – нелегкое дело.

* * *

Сначала Волков торопился, гнал солдат вперед, чтобы встретить капитана подальше от дома. Шли люди быстро, даже солдаты капитана фон Финка двигались бодро, не так, как до реки. Старый капитан был хитер, еще на марше догнал Волкова и стал говорить с ним о том, что надо бы еще до дела ему деньги выдать, все, что кавалер ему обещал.

Волков косился на него и думал. Триста пятьдесят монет обещал он за дело, причем уже выдал фон Финку и его офицеру сто восемьдесят. И вот этот седой хитрец завел речь про остальные деньги. И это при том, что офицер должен был привести еще как минимум пятьдесят людей, из которых тридцать арбалетчиков, и до сих пор не привел их.

Можно было и послать капитана фон Финка к дьяволу, да, можно, но кто бы тогда мог гарантировать, что он не повернет своих людей обратно. Никто не мог.

Волков стянул перчатку и полез в кошель, под фальтрок, достал оттуда восемь монет, восемь золотых гульденов. Протянул их капитану.

– Теперь мы в расчете? – спросил он, зная, что получается даже больше.

– Да-да, – радостно отвечал тот, пряча деньги. – Теперь мы в полном расчете, кавалер! В полном! Кстати, хотел сказать, что у вас прекрасный доспех, кажется, я где-то такой же уже видел.

– Вы видели его на архиепископе, наверное.

– Может быть, может быть, – начинал вспоминать фон Финк.

– Кстати, капитан, если вы надумаете меня теперь предать… – начал Волков таким тоном, что любой призадумался бы, услышав его.

– Ну что вы, кавалер… – стал успокаивать Волкова капитан. – Успокойтесь.

Но кавалер не собирался успокаиваться:

– Эти глиняные холмы и эти уродливые кусты – все это будет последним, что вы и ваши люди увидите перед смертью.

– Вам абсолютно не о чем беспокоиться, кавалер, – отвечал спокойно фон Финк. – Абсолютно не о чем.

Глава 24

Чуть не дойдя до границы своих владений, Волков велел ставить лагерь. Место было удобное, дорога как раз шла между двух холмов. Кавалер вместе с фон Клаузевицем и Брюнхвальдом заехал на один из холмов и посмотрел на север. Оттуда, из Малена, должен был идти Фильшнер. Моросил дождь. Мелкий, холодный дождь конца октября.

– Отличное место, – сказал Брюнхвальд, вытирая ладонью мокрые усы. – Если кто осмелится, так легко его тут остановим. Велю рубить рогатки для лагеря, на частокол тут леса не найдем.

Волкову даже добавить было нечего. Хорошо, что у него есть Брюнхвальд.

– Прикажите шатер мой разбить на этом холме.

– Тут? – удивился ротмистр.

– Да, хочу, чтобы его было видно. Пусть люди Фильшнера заметят меня издали. И знают, с кем будут иметь дело.

– Как пожелаете, кавалер, – отвечал Карл Брюнхвальд.

*** * ***

Они прождали весь остаток дня, но до наступления темноты отряд Фильшнера не появился. Дождь усилился, стало холодно. Уже в сумерках Волков со всеми офицерами обходили лагерь и окрестности. Дорога покрылась лужами, глина на холмах раскисла, склоны стали скользки. Было нехорошо вокруг, даже солдатские костры толком не горели, все больше дымили.

– Наверное, уже не придут, – заметил Брюнхвальд, когда опять они лезли на холм. – Может, дозволим солдатам снять доспехи и ложиться отдыхать?

– Да, вряд ли уже придут, – соглашался кавалер, он не без труда взобрался по мокрой глине на вершину холма, всматривался вдаль. – Рене, поставьте заставы из десяти человек на каждый холм и на дорогу, дорогу перегородите рогатками. На каждую заставу по сержанту.

– Будет исполнено, кавалер, – отвечал родственник.

– Вильгельм!

– Я тут, господин, – откликнулся молодой сержант роты стрелков.

– На каждую заставу по пять стрелков. Пусть идут аркебузиры в первую очередь, накажите, чтобы порох сухим был всю ночь, после полуночи сходите проверьте, – распорядился Волков.

– Будет исполнено, господин, – заверил сержант.

И кавалер отправился к себе в шатер. Там Максимилиан разжег огонь в жаровне, горели лампы. Было сухо, светло и тепло. На импровизированном столе, получившемся из перевернутой бочки, стояла еда: в большой тарелке телятина, лук, чеснок, хлеб, оливковое масло и вино в большом стакане из стекла.

Волков по-солдатски быстро поел и завалился на кровать, не снимая ни сапог, ни доспеха. Ничего, ему не привыкать, он далеко не первый раз так спал. Бывало, что и голодный спал, и мокрый насквозь.

Меч под левой рукой, шлем и подшлемник под правой – все в порядке. Кони стоят нерасседланными. Дежурный по лагерю Бертье, ему можно доверять, спать страже и дозорам не даст. А значит, можно самому поспать спокойно, ну, если, конечно, у него получится заснуть.

По полотну шатра шелестели капли, хороший шатер он отобрал у Ливенбаха. Где-то совсем рядом переговаривались солдаты из роты Брюнхвальда, теперь они были его охраной; пахло влажным дымом плохо горящего костра; конь стряхивал воду с гривы, звенела узда. Все было как когда-то в молодости, точно так же. Только тогда не болели нога и шея… А теперь приходилось ворочаться и искать для членов своих неспокойных удобное положение, а попробуй его найди, если на тебе столько железа. Волков уже подумывать начал, что неплохо бы позвать Увальня или Максимилиана, чтобы снять доспех, да заснул под шорох дождя.

* * *

Гауптман Фильшнер негодовал. Все это на первый взгляд простое дело шло наперекосяк. Все словно сговорились ему вредить или хотя бы не помогать. Он вышел из города, при нем насчитывалось едва ли двести пятьдесят человек, хотя он намеревался иметь четыре сотни вместе с дворянским ополчением. Пройдя не спеша половину пути и не дойдя до границ Эшбахта, капитан поставил лагерь, чтобы дождаться сержантов, что остались в Малене нанять еще людишек.

Все сержанты, кроме одного, вернулись с очень плохим уловом. Приехали поздно, намного позже полудня. Привели они тридцать нищих и бродяг, которые согласились идти куда-то за полталера.

Фильшнер начал ругать своих сержантов, хотя знал, что те вовсе не виноваты. А сержанты ему отвечали, что других людей в городе нет. К ним вообще никто не хотел идти из добрых людей, даже если предлагали целый талер за три дня, особенно когда узнавали, что идти придется против фон Эшбахта.

Фильшнер плюнул и пошел к себе. Он стал ждать последнего сержанта, который еще не пришел. А его все не было. Что там с ним произошло – капитан мог только гадать. Может, запил с горячими кабацкими девками. А может, его обворовали. Или проигрался. Всякое бывает. А может, дезертировал с денежками, хотя в это гауптман не верил, его сержанты были люди проверенные, семейные, все из Вильбурга.

Но сержант так и не объявился до вечера, его роте пришлось ночевать на дороге, под дождем. И утром его не было, что удивило капитана еще больше.

Солдаты Фильшнера на рассвете встали, рубили мокрые кусты и хотели готовить еду, но гауптман решил не ждать, чтобы поберечь свой провиант и пообедать в Эшбахте, за счет хозяина и его мужиков. Тем более что хода туда было всего четыре часа. Ну, учитывая, что дорога стала от дождя плоха, – шесть. Недовольные, голодные и промокшие солдаты, ворча, пошли дальше на юг. И если его солдаты ворчали тихо, то те мерзавцы, что дал бургомистр Малена, выражали недовольство, рыл своих не пряча. Одного пришлось успокаивать плетью.

Впрочем, ни плохая погода, ни плохая дорога, ни недовольные солдаты решимости и уверенности Фильшнера не колебали. Капитан видел людей этого фон Эшбахта на смотринах у графа. Да, солдаты у того неплохи, да уж чего там – хороши его солдаты. Но их было всего

около сотни, может, чуть больше. А гауптман вел к нему не таких хороших солдат, но в два – два с половиной раза больше, так что этот фон Эшбахт никуда от него не денется.

Они часа не шли еще, как приехал из авангарда офицер и сказал капитану:

– Кажется, ждут нас, гауптман.

– Кто? Что? – не понял тот поначалу. – Нас ждут?

– Точно так, дальше на холме шатер. – Офицер указал на юг плетью: – Видите?

Сквозь пелену дождя немолодой глаз Фильшнера разглядеть шатер не смог, офицер отправился вперед, обгоняя колонну.

Да как проехал немного, так увидал на холме отличный алый шатер, а еще людей под холмом, их было много.

Капитан стал приглядываться, а после, кажется, и злиться начал, он погнал коня дальше, вперед, вперед. И чем дальше ехал, тем мрачнее становился. Как проехал еще сто шагов, так рассмотрел за дождем не только шатер роскошный, не только людишек конных вокруг него, а еще и стройные ряды людей пеших, людей добрых, что были при латах хороших. Увидал пики длинные и алебарды. Одна рота у подножия правого холма в двести человек и одна рота на невысоком левом холме, тоже двести человек. Да еще полсотни людей прямо за рогатками на дороге. А на самом холме, рядом с шатром – рыцари. Дюжина, не меньше. И знаменосец там же, стоит с большим стягом. Чуть наклонил его, чтобы намокшее от дождя полотнище к древку не липло, чтобы его хорошо видели недруги и друзья. И все остальные люди стояли под штандартами бело-голубыми.

Хоть и дождь шел, люди оказались построены, флаги – развернуты, все издали видны.

И те, кому нужно было видеть, это увидали. Солдаты капитана Фильшнера и так не очень веселы были, а тут вовсе стали шаг замедлять. И неудивительно. Они отлично различали железные ряды, считать они умели. И считали сквозь дождь. Мало того что людей у этого Эшбахта больше в два раза, так еще и стояли они на холмах. Кроме того, и кавалерия при них.

Капитан продолжал ехать вперед, не зная еще, что же ему теперь делать. Как брать наглеца и упрямца фон Эшбахта, когда солдат у того

намного больше? А к нему, разбрызгивая воду из луж, скакал его помощник.

«Вот тебе и пообедал в Эшбахте», – подумал капитан Фильшнер и, стряхнув воду с полей шляпы, сказал подъехавшему офицеру:

– Остановите колонну.

– Шесть знамен, капитан: главный штандарт, штандарт кавалерии и еще четыре. Дьявол, как же так, – начал ротмистр, вглядываясь вперед. – Мы же думали, что у него сто человек!

– Остановите колонну, ротмистр, – повторил капитан, который и сам умел считать флаги. – Остановите колонну и будьте тут. – Он тяжело вздохнул и поехал вперед.

– …Никак не будет их три сотни, – сразу сказал Брюнхвальд, глазом опытного офицера оценив колонну гауптмана Фильшнера.

Они все увидали, как от отряда противника отделился всадник.

– Едва двести восемьдесят, – сказал Волков.

Может, нога, шея и все остальное его и мучили, но глаза бывшего арбалетчика были все еще остры.

– Максимилиан, останетесь при знамени. Фон Клаузевиц и Увалень, едете со мной. Брюнхвальд, вы за старшего.

Волков тронул коня, и тот, умный, осторожно стал спускаться с холма, передними ногами тормозя и оставляя в скользкой глине борозды от копыт.

За ним так же осторожно принялись спускаться фон Клаузевиц и Гроссшвулле. Они ехали навстречу капитану. Тот остановился на краю дороги и стал ждать их у длинной лужи.

– Какая встреча! – Волков из вежливости снял шлем, но так как капитан был в шляпе, подшлемник снимать не стал. – Я вас видел, кажется, на смотре у графа, вы были в свите маршала?

– Да-да, – отвечал ему гауптман не очень вежливо, словно хотел закончить этот пустой разговор побыстрее. – А еще на балу у графа. Меня зовут Фильшнер, я капитан его высочества герцога Ребенрее, да продлит Господь его дни.

– Воистину! – со всей возможной любезностью отвечал кавалер. – А меня – Фолькоф. Это мои владения, добрый капитан… Фильшнер.

– Я знаю, что это ваши владения… – сказал капитан. – И мне кажется, вы знаете, зачем я здесь.

– Может, и знаю, какая разница, раз уж вы пришли, то я приглашаю вас быть моим гостем. – Волков поклонился капитану, насколько это позволял сделать доспех.

– Гостем? – чуть ли не с удивлением переспросил Фильшнер.

– Гостем, – подтвердил Волков.

– Это так вы встречаете гостей, Эшбахт? – Капитан указал на стройные ряды солдат кавалера. – Четырьмя сотнями людей при добром железе?

– Вообще-то пятью сотнями, одной сотни вы не видите, – соврал кавалер. – А гостей я встречаю так, как они заслуживают. Недавно тут были одни гости… Из-за реки приплывали, не очень-то желанные… Так их капитан, кажется, в реке потонул, говорят, так и не нашли беднягу.

Увалень, дурак, не сдержал смеха, едва не засмеялся в голос, слава богу, хоть фон Клаузевиц ограничился сдержанной улыбкой.

– Никак вы осмелитесь поднять оружие на посланника сеньора своего? – насупился капитан. Ему очень не нравился этот разговор. Он недобрым взглядом смотрел на молодых людей, что сопровождали кавалера и позволяли себе ухмылочки при серьезном деле. И он продолжил: – Неужто дерзнете?

– Никогда не осмелюсь, если посланник этот ко мне в гости пойдет.

– Я не в гости к вам иду, у меня есть приказ арестовать вас и доставить в Вильбург, на суд его высочества. И вы как его верный вассал должны повиноваться его воле. Значит, и мне как носителю его воли.

– Я как его вассал готов повиноваться, но вот в чем препятствие: мои офицеры ему вовсе не вассалы, они злы и своенравны, не хотят, чтобы меня куда-то увозили, когда я воюю с горными безбожниками, – вежливо улыбаясь, объяснял Волков.

– Значит, ваши офицеры не дозволят? – недружелюбно спросил капитан.

Волков тронул коня и знаком попросил Фильшнера отъехать. Тот подумал немного и согласился.

Они отъехали и сблизились, чтобы никто их не мог ни слышать, ни видеть из-за кустов.

– Хватит, Фильшнер, – теперь Волков говорил с капитаном без всякого лукавства и глупой деликатности, – вам меня не взять, а попробуете, так… – он сжал свою великолепную перчатку из отличного железа и показал кулак капитану, – раздавлю ваших людей за час. Половина ваших солдат – дрянь, будь вас даже больше, я бы не испугался. Так вас еще почти в два раза меньше.

– Могли бы и миром поехать, герцог милостив, простил бы вас. А так только сеньора своего злите.

– Куда? Куда мне ехать, если жду горцев со дня на день? Знаете ведь сами: с ними шутки плохи. – Тут кавалер достал из-под одежды небольшой кошелек и высыпал часть его содержимого себе в перчатку, это были золотые гульдены. – Берите, это вам.

– Да вы с ума сошли?! – больше удивился, чем возмутился капитан.

Он даже отстранился от кошелька, словно тот был из нечистот.

– Берите и уезжайте, – настаивал кавалер. – Не затевайте ссору, в которой только и сможете сделать, как людей погубить. Вы же не из тех, что в прихоти своей готовы солдат десятками класть в могилы?

– Но у меня же приказ герцога, – опять отказывался брать золото капитан. – Что я ему скажу?

– Скажите правду: что у меня было пять сотен людей, а у вас всего две, что город хороших людей дать отказался. У вас сто причин есть, – говорил кавалер, буквально запихивая кошелек в руку Фильшнера.

– И что вам это даст? – Капитан так и держал кошелек, не сжимая руки и не пряча золота. Он смотрел на Волкова и не понимал его. – Через месяц или через два герцог пошлет к вам уже полковника с семью сотнями людей.

– Месяц? А еще лучше два! Хорошо бы, если так, хорошо бы два месяца получить отсрочки, – говорил кавалер мечтательно.

– И что же изменится за два месяца? – спросил его капитан. – Думаете, герцог за два месяца забудет про вас? Он не таков, он злопамятен, нипочем не простит отступника или упрямца.

– Нет, не думаю, что простит, но, может, я уже уеду отсюда к тому времени или меня уже убьют. – Кавалер пожал плечами. – В общем, два месяца – для меня это очень много.

– Вы безумец, как вы только уговариваете людей идти за вами, если так спокойно говорите о смерти? Им-то с вами зачем погибать? –

не понимал Фильшнер, возвращая золото Волкову.

– Они верят, что я удачлив и что Бог со мной. Говорят, что я – Длань Господня. – Волков не убирал золота, снова протягивал его капитану. – Берите, вам говорю, кто без страха и упрека, тот всегда не при деньгах. А с монетами вам легче будет придумывать, что сказать курфюрсту.

– Вот как? С вами, говорите, Бог? Хорошо, возьму, но знайте, я и без этого вашего золота нашел бы, что сказать герцогу.

Капитан хмурился, стеснялся, даже поглядывал по сторонам, словно делал что-то постыдное. Движения его были неловки, когда он брал и прятал кошелек. И спрятав его, Фильшнер сказал:

– Эшбахт, вы мне нравитесь, говорят, вы храбрец, солдаты вас любят, но, когда в следующий раз я за вами приду, вы уже не взыщите.

Он протянул Волкову руку.

– Вы мне тоже нравитесь, капитан, и в следующий раз, когда придете, делайте, что должно.

Он пожал Фильшнеру руку, это было рукопожатие двух старых солдат, что уважают друг друга.

Глава 25

Волков наблюдал за тем, как мокрые и замерзшие солдаты, что шли его арестовывать, дождавшись командира, начинали разворачиваться. И они вовсе не выглядели разочарованными. Кажется, обратно в город они пошли даже веселее, чем из него. Кавалер улыбался, он готов был биться об заклад, что эти бродяги благодарят Господа, что им не пришлось иметь дело с его людьми.

Колонна Фильшнера развернулась и потянулась по размокшей и скользкой дороге обратно в Мален. И капитан ушел тоже не злой, с тяжелым кошельком под кирасой.

А у подножия холма перед железными рядами солдат в большой шляпе, что по рангу носить епископу, уже шлепал по мокрой глине дорогими туфлями брат Семион и кричал вслед уходящим солдатам Фильшнера, кричал так, чтобы слышали люди Волкова:

– Поглядите на них, дети мои, поглядите на этих дураков! Эти глупцы шли сюда бросить вызов нашему господину, кавалеру

Фолькофу, что прозван Инквизитором и Дланью Господней. Поглядите на этих детей безмозглых отцов и безумных мамаш!

Солдаты улюлюкали и свистели вслед уходящей колонне.

– Много ли мозгов в их бараньих головах, – продолжал монах громко, – если решились они на дерзость такую, что возомнили одолеть нашего господина, кавалера Фолькофа? Человека, которого святая матерь Церковь считает опорою своею и хранителем веры. Это все равно что осмелиться противиться Богу, ведь господин наш есть Длань Господня, рука Господа. Вижу я, что Бог покинул этих болванов, ибо головы их пусты, как старые бочки.

Солдаты от души смеялись, слушая его, и ничего, что были они мокры и что дождь не прекращался.

Еще одно дело было решено, решено хорошо, решено так, как кавалер и задумывал, он не довел всё до крови, не поднял оружие на людей герцога, значит, и герцог не станет свирепеть. Ну не получилось вассала вразумить, но и вассал не оказался злобен, до железа не дошло же.

Не дошло. Значит, пять дней тяжкой, непрерывной езды и трудных переговоров не напрасны, серебро с золотом не брошено на ветер. Он прикупил себе еще времени, так нужного ему времени. Когда теперь опять соберется герцог послать за ним людей? Может, через месяц, а может, и через два, а может, ему повезет, Бог окажется милостив, курфюрст лишь к весне соберется. Да, к весне – было бы очень хорошо.

– Кавалер, – обратился к нему фон Клаузевиц.

– Да, – ответил Волков, все еще глядя на хвост колонны солдат, что растворялся в мелком осеннем дожде.

– Поначалу я не понимал, что вы затеваете, я думал, что нам придется драться с людьми герцога, – продолжал молодой рыцарь. – Но сейчас я понял, вы хотели сделать все, чтобы не поднимать оружия на людей своего сеньора и в то же время победить. Это было великолепно!

– Ну что ж, рад, что вы поняли, кавалер, – улыбнулся Волков. Это признание молодого рыцаря было ему, признаться, приятно. И он продолжил: – Запомните, фон Клаузевиц, победа без железа и крови – тоже победа.

– Я слышал, о вас говорили, что вы смелый и искусный воин, а теперь сам вижу, что вы умелый и хитрый дипломат.

– Да, кавалер, очень все вышло хорошо, – добавил Увалень, слушавший их разговор, – я-то думал, что драки не избежать.

Волков кивнул ему и фон Клаузевицу в ответ, принимая восхищение юных господ с благодарностью и достоинством.

Настроение у него было прекрасным, давно он не ощущал такого довольства. Порадоваться победой на реке не довелось из-за раны в шее и тревоги, что все еще не кончено. А теперь радовался: шлем отдал Увальню, подшлемник стянул, жарко ему было, с открытой головой под дождем ехал.

И все бы хорошо, только вопрос денег тревожил кавалера. Ведь он еще своим солдатам не платил, а им нужно было хоть немного денег дать, хоть пятьдесят монет на всех. На реке он хоть доспехов и оружия собрал немало, солдатам раздал, так те довольны были, а тут трофеев не оказалось совсем – одни расходы. И львиную долю денег заграбастали себе хитрый фон Финк и его офицер. Мало того что цену заломили без всякого милосердия, мало того что взяли вперед дела, так еще и обманули. Обещали двести солдат и тридцать арбалетчиков, а солдаты были только те, что пришли с капитаном, офицер так и не догнал их, то есть людей оказалось на пятьдесят меньше. Бог бы с ними, с фринландцами. Ну, жадны они до серебра безмерно, а у кавалера положение безвыходное. Выкрутили ему руки, взяли втридорога, тут не поделать ничего, уговор есть уговор. Ничего бы он им не сказал, если бы только они свое слово сдержали. Но они не сдержали, обманули его, а вот этого Волков этим прохвостам из Фринланда спускать не хотел.

Когда Волков подъехал к фон Финку, тот прогуливался по лагерю, смотрел, как солдаты снимают лагерь и грузят вещи в телеги. Он не обрадовался кавалеру, как будто знал наперед, что за разговор пойдет, нахохлился, даже вид у него стал колючий.

И Волков начал сразу, без всяких церемоний:

– Фон Финк, ваш офицер не пришел и людей не привел. Не хотите ли вернуть мне лишние деньги? Вернете талеров пятьдесят? Думаю, то справедливо будет, – спросил Волков у фон Финка. Причем спрашивал он, с коня не слезая.

Может, то, что говорил он свысока, а может, от жадности, но капитан вдруг разозлился, отвечал кавалеру горячо:

– Дело сделано было и без моих других людей, хватило тех, что со мной, а вы вместо благодарности еще взялись попрекать, подобно купчишке какому, новые расчеты считать.

– Отчего же мне не считать, когда вы продавали мне одно, а я получил другое, – стараясь не злить капитана еще сильнее, продолжал Волков. – И справедливо прошу я вернуть то, что взяли вы сверху обещанного.

– Как погляжу я, считать вы мастак, каких мало. Вам бы лавку менялы открыть, у вас, думаю, дела бы хорошо пошли, – продолжал фон Финк запальчиво.

Мало того что дерзкие вещи, так он еще их и с вызовом говорил, явно оскорбить намеревался.

Такой ярости на пустом месте и подобных оскорблений Волков не ожидал, нет бы сдержаться ему, но по глупости не сдержался и потерял хладнокровие. Стал выговаривать в ответ слова для капитана обидные:

– Зато у вас с лавкой бы ничего не вышло, обещаете вы одно, плату за то берете, а делаете мало из того, что обещали. И такие люди, как вы, называются… Знаете как?

– И как же? – зло спросил капитан.

– Не буду говорить вам, чтобы не прослыть грубияном таким, как вы, – отвечал кавалер.

– Грубияном? Да? – заорал капитан. – Я вам сказал, что вы похожи на менялу, считаетесь не хуже, чем они. Так воины себя не ведут!

Сначала солдаты перестали снимать лагерь, стали собираться вокруг ругающихся офицеров, слушать их, что было совсем недопустимо. Но Волкову уже гнев заливал глаза, он ничего вокруг не видел, сравнение его с менялой или купцом сильно задело рыцаря, и он уже орал на капитана.

– А как ведут себя воины Фринланда, расскажите мне! – кричал Волков. – Как мошенники, что обманывают доверчивых людей?

– Мошенники? – в ответ орал фон Финк. – Кто мошенник? Я? Я?! Человек, что пришел вам на помощь?

– Помощь? Хороша помощь! Чертов благодетель, на помощь он пришел, оказывается! Триста пятьдесят талеров, чтобы нанять двести тридцать солдат на три дня! Да еще и обмануть при этом! Привести

всего сто восемьдесят. Это что, помощь? Это не помощь, это называется мошенничеством!

К ним, скользя по мокрой глине, спешили Брюнхвальд и Бертье.

– Господа, господа! – говорил им Бертье, подбежавший первым. – Недопустимо сие при подчиненных.

Но Волков очень хотел, чтобы солдаты и сержанты фон Финка слышали о сумме, которую взял их капитан за этот короткий поход.

– Триста пятьдесят монет – это не помощь! Это грабеж! И вместо двухсот тридцати солдат вы привели всего сто восемьдесят! Было бы честно, если бы вы вернули хотя бы пятьдесят талеров! Иначе вы не имеете права называть себя честным человеком!

– Господа, лучше бы вам поговорить о том в шатре, – предложил Брюнхвальд. – Солдатам не пристало слышать распри командиров.

– Я спас вас! – заорал фон Финк, багровея, не слушая других офицеров. – А вы меня теперь оскорбляете? Оскорбляете? Ничего вы не получите! Ни пфеннига!

– Вы отдадите мне пятьдесят монет или…

– Кавалер, кавалер, не надо, – уговаривал Волкова Брюнхвальд, – на вас смотрят солдаты.

– Или что? Вы что, хотите меня вызвать? Что? Хотите? Я готов принять ваш вызов! – кипятился капитан, хватаясь за меч.

– Ах, вызов, значит? Значит, вы заговорили о вызове? – бледнел Волков. Теперь, кажется, хладнокровие начало возвращаться к нему. – Хотите драться, значит? Хорошо, старый вы болван. Видит Бог, я этого не желал!

Кавалер смотрел на престарелого капитана, тот, может, и высок ростом, может, он и был когда-то силен, но сейчас ему уже далеко за пятьдесят перевалило. Даже при равных возможностях, даже не будь у Волкова такого хорошего доспеха, у капитана не оказалось бы против него ни единого шанса. Зря капитан завел этот разговор. В голосе кавалера послышался металл, и всем, кто его слышал, стало не по себе.

– Стойте! Да вы с ума сошли, господа! – закричал Бертье. – Неужто вы станете драться из-за пятидесяти монет?

– Дело не в деньгах! – кричал фон Финк. – Этот господин называл меня мошенником!

– После того как вы обозвали меня купчишкой и менялой!

– Стойте, остановитесь, господа! – вдруг заговорил ранее молчавший фон Клаузевиц. – Стойте! Пока не поздно, остановитесь!

Он не постеснялся вступить в распрю, хоть по возрасту не имел на это права. Любой из спорящих годился ему в отцы. Все уставились на молодого рыцаря.

– Кавалер, вы не можете драться с капитаном, – продолжал фон Клаузевиц спокойно, хоть и понимал свою дерзость, вставая между ним и фон Финком.

– Это еще почему? – зло спросил Волков, уже слезая с лошади.

– Вы пригласили капитана на свою землю, значит, он ваш гость. – Молодой рыцарь даже не дрогнул. – Не должно вам скрещивать оружие с гостем.

– Откуда ему знать о законах гостеприимства, – ехидно заметил капитан. – Он все больше в счете практикуется.

Волков положил руку на эфес меча. Если бы взгляд убивал, так он уже разорвал бы капитана на месте. Кавалер сжал эфес. Дальше терпеть оскорбления он не собирался, несмотря на неписаные законы, о которых говорил его рыцарь.

Но фон Клаузевиц вдруг сделал то, что делать ему бы не следовало. Он положил свою ладонь на руку Волкова, не давая тому тянуть меч из ножен. Сделав такой непочтительный жест, молодой рыцарь глянул Волкову в глаза и продолжил речь, обращаясь к фон Финку:

– Очень это самонадеянно и очень дерзко, пользуясь неприкосновенностью гостя, оскорблять хозяина земли, ведь за хозяина вызов могут принять его люди. Если, капитан, вы не прекратите оскорбления моего сеньора, я буду вынужден расценить ваши дерзости как личное оскорбление.

– Ах вот как! – с пренебрежительной усмешкой воскликнул фон Финк. – У нашего героя нашелся чемпион! Купчишкам как без охраны жить?

– Замолчите, капитан, – продолжал фон Клаузевиц очень твердо и сделал шаг к противнику. – Господин фон Эшбахт не имеет права с вами драться, но я имею. И если вы не прекратите свои оскорбления, я убью вас.

Голос и поведение молодого человека были так серьезны, что фон Финк не решился больше рассыпать оскорбления. Он посмотрел на

собравшихся офицеров, на фон Клаузевица, на Увальня, поклонился едва заметно и пошел прочь, даже не глянув на Волкова.

Солдаты, что наблюдали перепалку, тоже стали расходиться, переговариваясь. А вот Волков еще стоял и стоял, глядя в спину удаляющегося капитана. Слишком сильным было оскорбление, чтобы позабыть его так сразу. Конечно, об этом и речи идти не могло.

– Бросьте, кавалер, этот напыщенный дурак даже не понимает, что едва не лишился жизни, – начал было успокаивать его Бертье.

– Оставьте это, Бертье, – ответил Волков таким тоном, что ротмистр поклонился и быстро ушел.

Впрочем, кавалер сам не понял, почему, но очень быстро успокоился. Нет, не забыл. Как такое оскорбление, нанесенное при его людях, можно вообще забыть. Но вот уже через пару минут кровь больше не вскипала, приливая к лицу, красными пятнами, а злоба не захлестывала его волнами вместе с приходящими неприятными воспоминаниями. И он, кажется, даже был благодарен, что в распрю вмешался этот молодой наглец фон Клаузевиц, который набрался смелости касаться его руки и останавливать его меч в такой серьезный момент.

Нужно бы, конечно, поблагодарить молодого рыцаря, но то, что он осмелился остановить руку сеньора… Это перечеркивало всю его заслугу. Волков просто ничего ему не сказал. Ни упрека, ни благодарности. А Увальню и Максимилиану бросил:

– Господа, мне пора снять доспех.

*** * ***

Когда лагерь, наконец, снялся, капитан фон Финк со своими солдатами полчаса как ушел, а люди Волкова становились в походные колонны, чтобы идти домой, Волков уже почти забыл про инцидент. Уже и ругань та казалась ему вздорной, а оскорбления не выглядели столь обидными. Если не воспоминать про деньги и обман, так можно было и забыть все.

Да разве можно забыть про деньги, когда они нужны. Волков глядел на солдат, встающих в колонны за обозом, и понимал, что каждый из них ждет от него хоть немного серебра. Не зря же они

бросали свои хлипкие лачуги, тяжелую работу на обжиге кирпича, бросали своих женщин и тащились в эту даль по мокрой глине, ночевали в сырости. И стояли в неприятном ожидании, глядя на противника и думая, решится он на атаку или нет. Да, каждому следует дать хоть по четверти талера. А их тут двести сорок человек, не считая сержантов. Иначе в следующий раз, когда потребуется, когда будет очень-очень нужно, они просто не пойдут.

Волков вздохнул. Нет, про деньги он никогда не забывал. Ему такая возможность просто не представлялась.

Тем не менее садился на коня кавалер, разоблачившись от доспехов. С радостью предвкушал, как вскоре окажется у себя и примет такую долгожданную горячую ванну. Неделя в хлопотах и долгих скачках, ночи в грязных трактирах с клопами и сон в доспехах, признаться, утомили его. Но опять Волкова радовало то, что хоть и старше он всех молодых людей из его выезда, но на коня садится легче, чем они. Хоть и нога его изводила, но сил и прыти у него больше, чем у них. Что там ни говори, а если человек смог прожить двадцать лет в солдатах и гвардейцах, если не помер от тяжкой жизни, от чумы, чахотки, оспы или кровавого поноса, если не скрючил его жар от гнилых ран, если не доконали его другие болезни или увечья, то любому молодому он не уступит ни в выносливости, ни в неприхотливости. Это уж точно.

Волков ждать солдат не стал, их офицеры повели, а он поехал домой со своим выездом.

Ехал, не чувствовал боли в ноге, а о распре с капитаном и о том, что горцы придут, о том, что герцог разозлится еще больше, даже вспоминать не хотел. Был в самом хорошем расположении духа, хоть, пока доехал, весь вымок из-за непрекращающегося дождя.

Как приехал, так сразу в дом. А там жена и госпожа Ланге за столом с рукоделием. Кавалер берет кинул на комод, скинул плащ, а сам к женщинам:

– Здравствуйте, добрые госпожи.

Госпожа Ланге сразу вскочила, начала книксены делать, кланяться, румяна стала, рада его видеть:

– Ах, господин, вы! Распоряжусь обед подавать немедля.

– Воду греть велите, – говорит ей Волков.

– Распоряжусь, – снова сделала книксен Бригитт.

А жена смотрит на него как на мужика какого-то дворового, не муж приехал, а не пойми кто, сама от шитья не отрывается, только лишь сказала:

– Здравы будьте, господин.

Хорошо, что хоть помнит, кто он тут есть. Кавалер подходит к жене сзади, кладет руки на плечи ей, спрашивает у нее:

– Ну, как вы тут?

А она глаза от рукоделия поднимает, голову к нему чуть поворачивает, носик морщит и отвечает:

– Вы никак убить меня решили?

– Что? – не понимает Волков. – Убить?

– Отступитесь от меня, не то задохнусь от вони вашей, – говорит госпожа Эшбахта и все морщит носик. – Несет от вас конюшней, словно конюх какой и живете там, среди коней.

– Конюх? – удивляется Волков. – Живу, говорите, там?

– Конечно, конюх, не иначе. Отступитесь от меня, а то от духа вашего глаза режет, – высокомерно говорила жена.

Он вдруг берет ее рукоделие и вырывает его из женских рук. Бросает его на стол. И при этом снова спрашивает:

– Значит, конюх?

– Чего вам? – зло восклицает жена.

– Ничего, – говорит господин Эшбахта, крепко беря госпожу Эшбахта за локоть и вытаскивая ее из-за стола. – Просто весь день меня оскорбляют, то купчишкой зовут, то конюхом.

– Да что вам надо? – пищала Элеонора Августа.

Госпожа Ланге смотрела удивленно, как господин Эшбахта неучтиво тащит супругу свою вверх по лестнице. Без сожаления всякого, едва ли не за волосы. А та причитает:

– Не хочу я, зачем вы так грубы? Да что вам нужно от меня?

– Ничего такого, что противно было бы законам Божьим и людским, – едко посмеиваясь, отвечал ей Волков.

Он затолкал жену в опочивальню, Элеонора вырваться пыталась, да куда там. Кинул ее на кровать, лицом вниз, чтобы едкий запах конюшни не так терзал нежные ноздри графской дочери.

– Зачем вы это? – хныкала она и пыталась сопротивляться, когда он задирал ей подол. – Почему вы так злы со мной?

– Затем, что мне, фамилии вашей, моим офицерам и рыцарям… – говорил Волков, кладя могучую руку ей на голову и вдавливая ее щеку в перины, – всем требуется наследник на поместье моем. А еще чтобы знали вы, как оскорблять мужа. Хватит с меня на сегодня оскорблений, то купчишка я, то конюх. Смиритесь.

– Я вас ненавижу, – пищала из перин госпожа Эшбахта.

– Я тоже не сгораю от страсти к вам, мне просто нужен наследник, – отвечал ей господин Эшбахта. – Потерпите, сударыня.

Когда дело было кончено, он, улыбаясь, вышел из покоев и, спускаясь по лестнице, крикнул:

– Госпожа Ланге, готов ли обед?

Глава 26

– Эй, глухие, что ли? – кричала Агнес, приоткрыв дверь своей мастерской, где она занималась зельями. – Не слышите, что ли, в ворота ломятся?

– Слышим, госпожа, слышим, – отзывается снизу Зельда Кухман, ее кухарка. – Игнатий уже пошел смотреть, кого там черт принес.

Девушка ощутила раздражение. Ей хотелось продолжить дело свое, у нее не все получалось, да, видно, пришел кто-то к ней. Кто это может быть? Приказчик хозяина дома приходил недавно, денег получил. Может, посыльный от книготорговца? Так он бы так в ворота тарабанить не осмелился. Кто же за дверью?

И тут она узнала грубый, чуть хриплый голос человека, что любит выпить.

– Ну, хозяйка где? – гремел этот голос уже на кухне.

Послышался стук палки об пол. Да, так и есть, этот чертов болван с нечесаной черной бородой и деревянной ногой. Приятель ее господина, Роха по прозвищу Скарафаджо.

– А к чему вам госпожа наша? – поинтересовалась Зельда.

– Не твое собачье дело, – нагрубил мерзавец ее прислуге. – Иди и доложи, что я приехал от господина по делу.

Агнес вздохнула, она понимала, что важное варево нужно снять с огня, не то переварится, а там драгоценная мандрагора. А еще девушке требовалось одеться. Ничего на ней, кроме чулок да туфель, не было.

Она ведь стала свой вид менять, очень ей нравилось на себя новую смотреть, поэтому еще себе зеркало купила и поставила в комнате, в которой над зельями корпела.

– Ута! – позвала Агнес негромко. – Одежду неси.

– Несу, госпожа, – отвечала служанка.

Пока Ута собирала одежду ее, Агнес подошла к зеркалу, глубоко вдохнула и тут же выдохнула воздух. И на глазах стала меняться, превращаясь в себя настоящую. Из красавицы темноволосой с формами великолепными становилась девицей худощавой, бледной, серой. Обратный переход давался ей легко – как тяжкий груз на землю сбросить. Это чтобы красавицей стать, нужно силы приложить, держать себя в красоте сложно, а вернуться к настоящему облику – дело плевое.

Пока Ута несла ей одежду, так она свой вид уже приняла. Нижнюю рубаху и подъюбник надевать не стала, причесываться не стала, чепец на волосы накинула небрежно. Авось этот Роха – невелика птица, так и пошла вниз.

Пришла, встала в дверях, дождалась, пока этот дьявол колченогий вылезет из-за стола со своей деревяшкой и поклонится ей. Только после того пошла в комнату, сказав ему:

– Здрав будь, господин Роха. Зачем пожаловал?

– Здравствуйте, госпожа. Приехал я от вашего господина, во-первых, справиться о вас.

– Со мною все хорошо, не хвораю, деньги есть, слуги мои меня чтят, – отвечала девушка, думая, что Роха опять начнет денег клянчить, как было уже не раз. – Какое же второе дело у тебя ко мне?

– Второе? – Роха как будто забыл, да тут же вспомнил. – Так кавалер просил меня забрать пушки со двора.

«Пушки? Хорошо это. Пусть, конечно, он забирает эти уродливые штуки, что едва не половину двора занимают, запыленные, грязные, иной раз так они мешают карете с лошадьми развернуться. Конечно, пусть берет их».

– Господин что, опять войну затевает? – спросила девушка, садясь в свое кресло и жестом прося у горбуньи подать вино.

– Войну затевает? Хех… – Роха засмеялся. – Да разве он без войны может? Он уже воюет вовсю. Я иной раз думаю, что не будь никакой войны рядом, так он помрет от тоски.

– Ну и как он? – спросила Агнес. – Счастлив ли?

– Он-то? Да так… Все есть у него: и земля, и мужики. Дом достроил красивый. Почет, слава, солдаты и офицеры, кавалеры… Одно слово – владетель, – рассказывал Роха.

– А живет с кем? Все с этой кабацкой девкой, с Брунхильдой? – интересовалась Агнес и брала стакан с вином с подноса, что ставила перед ней Зельда.

– С девкой? – удивился Роха. – Так вы что, не слыхали? Кавалер уже женат месяца два как.

– Женат?! – воскликнула девушка, ставя стакан обратно, не отпив из него ни глотка. – Он на Брунхильде женился?

– Да на какой там Брунхильде! – Роха даже на нее рукой махнул. – Скажете тоже! На дочери графа Малена, вот на ком он женился.

Агнес так от новости такой взволновалась, что пятнами пошла красными. Ее господин женился, а она и не знала. От волнения не понимала, что с руками своими делать. Стала платок комкать. Одно лишь радовало ее – то, что и Брунхильда с носом осталась.

– И что, хороша та дочь графа? – волнуясь, спрашивала девушка.

– Да как тут скажешь, – мялся Роха, – по мне, так ничего, сойдет, да, сойдет, приятная женщина. Но Брунхильде-то, конечно, в этом деле она не ровня. Но она же дочь графа! А тут уж… Сами понимаете, госпожа Агнес.

– А Брунхильда, значит, своего не добилась, замуж за господина проползти не получилось у змеюки. Наверное, слезы льет? В петлю-то не полезла? – спрашивала девушка, кажется, даже с надеждой в голосе.

– В петлю? Брунхильда? – Роха даже встал из-за стола и стал смеяться. – А-ха-ха! Да вы, госпожа Агнес, совсем ничего не знаете?

– Так говори же, господин Роха, – зло велела девушка. – Чего я там еще не знаю?

– Так господин нашу Брунхильду выдал замуж за старого графа.

– За графа? Эту трактирную потаскуху за графа выдал? – не верила своим ушам Агнес. – За графа? Быть такого не может, неужто граф взял ее…

– Да клянусь вам, что так. Как увидал ее, так полюбил горячо, приезжал к господину свататься, просить ее руки, говорят, драгоценности ей дарил. Золото дарил. Говорят, поместье ей завещал какое-то. Но про то я точно не знаю, врать не стану.

– Поместье? – Агнес словно пьяная была и не все сразу понимала, поэтому и переспрашивала. – Брунхильде поместье и золото? Потаскухе этой?

– Да, ей, так граф-то не знает, что она потасканная, он-то думал, что она сестра кавалера Фолькофа. Господин-то ее как сестру выдавал.

– Сестру? – Агнес смотрела на гостя круглыми глазами.

– Сестру, сестру. Вот так-то, а вы говорите, в петлю ей лезть, нет, чего ей в петлю лезть, она теперь графиня.

Девушка вдруг стала серьезной, ее растерянность прошла, как рукой сняло, она спросила строго:

– Так ты за пушками приехал, господин Роха?

– Что? А, да, за пушками, за пушками, – кивал Роха.

– Так не сиди тут, иди забирай их.

– Забирать? – Он немного растерялся от такой смены настроения у хозяйки.

– Ступай, ступай, иди к пушкам, некогда мне с тобой тут сидеть, – сказала она, вставая, – дела у меня. Много дел.

Так все поменялось разом для нее, что и слов не было. Сидела Агнес задумчивая. Казалось, все идет как обычно, и вдруг вот такие перемены, к которым она и не готова была. Не захотела по глупости остаться в той глуши с господином, и вот она уже на отшибе оказалась. А жизнь мимо течет рекой стремительной. И для некоторых вон как русло ее изгибается. Брунхильда, кобыляка беззубая, дура неграмотная, девка кабацкая, которую брал, кто хотел, за десять крейцеров, вдруг графиня? Да как такое случиться могло? В сказках такого не бывало. А еще господин вдруг женился. Нет, конечно, Агнес думала, что он женится, даже иногда ей приходило в голову, что не на ней, но чтобы вот так быстро, даже ее на свадьбу не позвав. Это было… обидно. Так обидно, что Агнес стала плакать, но совсем немного.

Чего слезы-то лить, дело надо делать. Плачь не плачь, а за графа, сидючи дома в нищете, замуж не выйдешь. Обидно, обидно, но забыть надо об обидах. Думать надо. Думать. Как беззубая замуж вышла? А вышла она, во-первых, потому что мужи на нее с открытым ртом смотрели, хоть и зуба у нее не было, во-вторых, потому что господин ее своею сестрой называл, никак не иначе. Агнес посидела да решила, что и ей нужно пошевелиться. Теперь, когда она могла менять свою

внешность, ей не составило бы труда прослыть красавицей. Нет, конечно, не менять себя полностью, обращаясь в роскошную темноволосую девицу, в ту девицу, которой она по дому голая расхаживает, а придать себе чуть-чуть настоящей красоты. Чтобы изменения в глаза тем, кто ее знает, не сильно бросались. Да, это ей по силам: лоб, скулы, нос, плечи, грудь… Все, что нужно, чтобы быть привлекательной, она сделает, она даже уже прикидывала, как станет выглядеть. И уже знала, кто поможет ей попасть в высший свет города Ланна. Оставалась сущая безделица: ей требовались платья новые да украшения. Платья из парчи и шелка. Еще золото нужно на пальцы. Не может племянница рыцаря Божьего господина фон Эшбахта в оловянных перстеньках со словами из молитв в свет идти.

Она случайно взглянула на Уту и Зельду, что шушукались у плиты. Им тоже требовалась хорошая одежда. Не могут же слуги богатой госпожи ходить в обносках. В общем, ей нужны были деньги. И не та мелочь, что собрала Агнес, катаясь в карете по округе и обирая купчишек. Нет, ей требовались настоящие деньги.

Она встала. Дело решенное, но пока ей надобно было доделать зелье. То самое зелье, что вскружит голову любому мужчине.

* * *

Роха приехал с людьми и лошадьми, пушки со двора вывез, сразу много места освободилось. Игнатий вышел, подмел за ними, так чисто стало на дворе. Хорошо стало. Лошадям и карете теперь было где развернуться.

А зелье не шло, перегрела, что ли. Загустела основа, потемнела.

Агнес по дурости вылила туда выварку из мандрагоры. Так обидно стало: Зельда с Игнатием мандрагору неделю искали, а она по глупости половину такой ценности извела. Еще и три дня кропотливой работы псу под хвост. Как досадно это! Тут Ута под руку попалась, пришла, спрашивала что-то, так Агнес нахлестала ее по щекам от огорчения. Села потом, поплакала даже. После подошла к зеркалу, слезы вытерла. Успокоилась. Даже заплаканная была красива. Но сделала бедра чуть пошире. Ну и потом скулы чуть-чуть повыше.

Тут пришла зареванная Ута и сказала, что от книготорговца прибежал посыльный.

Агнес накинула платье, даже чепец на голову не надела, невелик гость, приняла свой настоящий вид и спустилась на первый этаж:

– Ну, что тебе?

– Господин Люббель просил вас быть, – говорил мальчишка, низко кланяясь перед этим.

– Хорошо, буду, – сказала Агнес, – ступай.

А мальчишка не уходил, глаза косил, стоял да кланялся опять.

– Зельда, – догадалась госпожа, – дай ему крейцер.

Видно, что мелочный мерзавец Люббель сам денег не дал, решил, что она заплатит посыльному.

– Один? – скривился мальчишка, беря монетку и пряча ее за щеку.

– Одного будет довольно, – сказала горбунья, выталкивая гонца в дверь. – Ступай.

Агнес вздохнула, нужно, конечно, было снова делать выварку из оставшейся мандрагоры, да что-то лень. Вот и решила она развеяться.

– Игнатий, карету готовь, Ута, одежду неси. Поеду по городу прокачусь до ужина.

Как всегда, Уддо Люббель был неприятен и дурно пах, новые зубы у него не выросли, а те, что еще оставались, не побелели вдруг. Но что тут поделаешь, других людишек на такую работу сыскать трудно. Не всякий отважится отыскивать такие книги и такие вещи, что были нужны Агнес. Да и не всякий знает, где такие искать. Вот и терпела она его, морщила нос, смотреть на него не могла, но терпела. Сама на его фоне гляделась ангелом во плоти. Стала девушка себе стати добавлять. В плечи, в бедра, в зад. Роста прибавила, лицу – округлости. Вся чистая была и телом, и одеждой. С кожи все прыщи, все пятна и оспины, все, что портить ее могло, убирала. Лицо чистое, ангел, да и только. И главное – теперь быть такой ей труда не составляло. Да хоть весь день она так проходить могла. До самой ночи не устала бы такую простенькую красоту держать.

– Вы ослепительны, прекрасная госпожа, – шепелявил книготорговец, низко кланяясь.

Нет, не врал ублюдок, не льстил, она щекой чувствовала, как смотрит и смотрит он на нее, словно жрет ее погаными глазами своими. Ах, как приятно красавицей быть. Только платье нужно новое,

это для такого ее роста коротко уже. Еще и старо оно, подол и манжеты уже обтрепались, да и не носят такие уже в Ланне.

– Показывай то, за чем звал, – холодно сказала Агнес.

– Вот, молодая госпожа, вот что прислал мне один мастер. – Он начал доставать дерюгу из ящика с соломой, рассказывал при этом: – То мастер хороший, хороший, госпожа. Его один раз инквизиция брала, так ему бежать пришлось.

Люббель развернул дерюгу и показал девушке шар. Это был небольшой молочно-белый шар, удивительно красивый шар. На грязной руке книготорговца он выглядел беззащитно. Черные ободки давно нестриженных ногтей гляделись на молочной поверхности стекла кощунством.

Агнес поторопилась взять этот чудесный шар из грязной лапы, так торопилась, словно спасала это волшебное стекло. Вырвав шар, она сразу принялась глядеть в него, приближая стекло к глазам и отдаляя его.

– Этот мастер прославлен своим искусством, – продолжал книготорговец, вздыхая. – Боюсь, госпожа, даже цену вам сказать, что он просит за шар.

– Да уж не стесняйся, говори, – произнесла девушка, не отрывая глаз от белого стекла.

– Хочет он сто двадцать талеров, – заискивающе проговорил Люббель.

– Он хочет или ты хочешь? – уточнила Агнес, все еще не отрываясь от шара.

– Он, госпожа, он, моей корысти тут нету.

Тут девушка наконец оторвалась от стекла, размахнулась и ударила шаром о каменную стену. Так ударила, что осколки брызнули в разные стороны, а она сказала:

– Сто двадцать талеров многовато за красивую стекляшку, в которой нет жизни.

– Госпожа моя, – Люббель растерянно осматривал пол, на котором валялись крупные и мелкие куски белого стекла, – госпожа моя, а что же я скажу… мастеру?

– Скажи, что везет ему сильно, не буду я его наказывать за обман его. – Она взяла из кошеля талер и кинула его Люббелю. – Собери стекло да отправь ему обратно. И напиши, что если он недоволен

будет, так пусть приедет сюда и скажет мне о своем недовольстве. А уж я найду, что ему ответить. – Она повернулась и пошла к двери, но на ходу, головы не оборачивая, спросила: – Книги интересные ищешь мне?

– Ищу, госпожа, ищу, – невесело отвечал ей книготорговец, глядя на куски стекла на своем полу, – кажется, нашел вам «Манипуляции» Маллера.

Агнес сразу остановилась, развернулась к нему, она знала это слово:

– «Манипуляции»? Что за книга?

– О! Это знаменитая книга, инквизиция ее воспретила, за одну эту книгу можно попасть в лапы попов, – говорил Люббель. – Там писано, как управлять людьми помимо их воли и желанием своим подчинять себе слабых.

– Хочу эту книгу, – сразу сказала Агнес. Она уже умела кое-что из этого, но делала это по женскому наитию, не зная тонкостей.

– За ту книгу отдать придется много денег, – предостерег ее книготорговец.

– Сколько?

– Не знаю, не знаю, госпожа, книга это редкая, за нее могут и пятьдесят монет попросить.

– Соглашайся, – сразу сказала Агнес.

– Госпожа… – Люббель сразу перестал грустить по поводу разбитого шара, его голос стал заискивающим.

– Что?

– Мне тоже нужно на что-то существовать, мои потребности скромны, но они есть…

– Получишь пять монет, – предложила Агнес.

Кажется, эта была не та сумма, на которую Люббель рассчитывал, но спорить он не стал.

– Хорошо, госпожа, книгу я велю везти нам, по почте ее слать неразумно будет, хозяин сам ее привезет.

– Хорошо.

– И еще меня… Меня… – мялся он.

– Что еще?

– Мастер, что делал шар, будет разгневан, боюсь, что… Как бы… Он… Не осерчал и не потребовал…

– Пусть молится, чтобы я не осерчала за то, что обмануть меня хотел, – сказала Агнес. Она снова хотела уже уходить, но остановилась. – А знаешь ли ты что-нибудь о епископе Бернарде?

– Настоятеле храма Святого Николая Угодника?

– Да, о нем знаешь что?

– Богат, из рода знатного. Карета у него великолепная.

– А еще что? – не отставала Агнес.

– Больше ничего, госпожа. Я в тот собор не хожу, далеко, – отвечал Отто Люббель. – Причащаюсь в церкви, что рядом, за углом.

– Ты еще и в церковь ходишь? – усмехнулась девушка, глядя на него.

– А как же, – улыбался книготорговец, – обязательно хожу каждое воскресенье. И по праздникам тоже.

– Зачем, ты же уже душу свою погубил? Ты же детоубийца! Зачем тебе причастие?

– Выделяться нельзя, госпожа, – помрачнел книготорговец. – Никак нельзя выделяться.

Агнес повернулась и пошла из его дома. Она шла, рассеянно поглядывая по сторонам и приподнимая подол платья, когда перешагивала через лужи. И в голове девушке так и звучали слова этого ублюдка: «Выделяться нельзя, госпожа. Никак нельзя выделяться».

А ведь он был прав.

Глава 27

Деньги. Вот что ей сейчас было нужно. И не те жалкие монеты, что выскребала она у мелких купчишек по трактирам. А настоящие, большие деньги. Такие деньги, получив которые, ей долго нуждаться не придется. Чтобы как у господина, чтобы сундуки серебра у нее стояли дома. Сейчас она сварит зелье, продаст его за золото, выгодно продаст попу, что любит в женские платья рядиться. Другому продаст, третьему. Но тогда она станет торговкой зельями. Занятие постыдное. Как и зелья, которыми она будет торговать, пока на нее не донесут в инквизицию. Даже если и не донесут, подобных торговок на порог

дома и то не всякий пустит, а ей же надо, чтобы лучшие люди ей кланялись, знались с ней, в гости ее звали.

Нет, торговку зельями никто в гости звать не будет. Позовешь такую прилюдно, так потом, случись что, и отравителем прослыть немудрено. Нет, торговать зельями она не станет. Или станет, но очень нечасто, продавая их только знакомым. Таким, как этот епископ, с которым она собиралась вскоре завести знакомство. Но для этого… Опять требовались деньги.

Агнес вернулась домой злая. Ута боялась дышать, помогая ей раздеться. Игнатий спрятался в конюшне, Зельда гремела посудой, стараясь не поворачиваться к девушке, не смотреть на нее.

А она не поспешила, как обычно, в комнату, где была ее мастерская, не занялась выварκой драгоценной мандрагоры, а разделась донага по своему последнему обыкновению и села за стол, задумалась.

Денег столько, сколько ей надобно было, просто так не найти. Купчишки с сундуками серебра не путешествуют, такие деньги у больших купцов, у нобилей городских, у банкиров. Вот у тех мерзавцев, что дом ей сдают, сундуки имеются, обязательно имеются. Жаль, что трогать их нельзя. Нет-нет, тут, в Ланне, никого трогать нельзя, тут она племянница кавалера Фолькофа. Ну а где тогда сундуки искать?

Были у Агнес, конечно, мысли на этот случай. Вспоминала она, что один купчишка перед тем, как в сон свалиться, успел перед ней похвастаться, дескать, представляет он дом Бабенбургов по всему северу Фринланда. Тех самых Бабенбургов, что из Кледенца. Говорил, что нет в тех местах дома богаче. Говорил, что и земли у них с мужиками, и пристани в Кледенце, и мастерские, и лавки, и банки. Так они могущественны, что в тяжкий момент могут двести добрых людей выставить при доспехе и железе. Кледенц. Он не так, кажется, далеко. На реке, на каком-то из притоков Эрзэ. Город небольшой, но богат торговлей своей, так как оттуда начинается русло судоходное, к которому все сухопутные дороги ведут. Все это Агнес помнила со слов того купчишки. Что ж, кажется, она готова была поехать и посмотреть, так ли влиятелен и силен этот дом.

– Ута, – позвала девушка, обдумав все как следует, – кликни Игнатия.

Служанка кинулась повеление исполнять, а Агнес продолжала сидеть за столом, сосредоточенно глядя перед собой. Она то ли не захотела, то ли забыла новый свой вид принять, и когда Игнатий пришел, так стал в дверях, взгляд потупив, чтобы ненароком на взглянуть на госпожу свою, которая сидела совсем без одежды.

– Езжай, Игнатий, в город Кленденц, слыхал о таком? – произнесла девушка задумчиво.

– Нет, госпожа, не знаю такого города, но найду, не дурак, – отвечал Игнатий.

– Верхом езжай, он тут недалеко должен быть.

– Как пожелаете, госпожа, а что мне там делать?

– Узнай, где там проживает семья Бабенбургов. Послушай, что о них говорят, посмотри жилище их. Кто в той семье глава, узнай, кто еще в нее входит.

– Про Бабенбургов, значит, узнать? – повторил конюх и повторил, чтобы не позабыть: – Бабенбурги, Бабенбурги. Поспрашиваю.

– Да, узнай да возвращайся, запомнив все. Только так спрашивай, чтобы тебя не запомнили. – Она подняла глаза. – Ута, дай Игнатию талер.

– Да, госпожа, понял я.

– Сейчас езжай, все узнай, все посмотри, – велела Агнес и, не стесняясь конюха, встала из кресла.

Ей было все равно, увидит он ее голой или нет, сейчас она уже о другом думала. Пошла к себе, только об одном помышляя, как хорошую выварку из мандрагоры сделать, чтобы не испортить, как в первый раз, не потратить драгоценность напрасно.

Да перед тем, как за деньгами отправиться, нужно было доделать зелье. Негоже начинать новое дело, не закончив начатое. А еще кое-какие зелья ей при деле понадобятся.

* * *

Денег, на которые она собиралась жить полгода, осталось всего ничего. Это все покупки и зелья, а еще требовалось платье и всякие другие вещи, что необходимы молодой женщине. Платья у нее были, но как только она принимала свой новый вид, так все они оказывались

коротки до неприличия. Любой мог ее туфли увидать. Да и узки были так, что не вздохнуть. Она опять пересчитала серебро, но считай или не считай его, больше монет не станет. До этого Агнес зашла к двум своим любимым портным и сказала им, что завтра придет от нее родственница, приехавшая из деревни, и пусть они ей платье подберут. Оба портных рады были видеть эту «родственницу».

Девушка утром встала, позавтракала, пошла к себе в спальню, где, встав перед зеркалом, приняла вид новый. Опять чуть-чуть подправила в себе кое-что. На этот раз ей не очень новый вид нравился. И волосы не такие, и живот не такой. А уж на лицо и смотреть не хотелось.

Но править дальше времени не было. Она не стала надевать чепец, незамужним девам его носить необязательно. Волосы пышные Ута ей уложила замысловато, лентами перевязала. Агнес покрутилась перед зеркалом: что ж, красиво. Платье позорно коротко, словно на вырост брали и переросла девица его. А во всем остальном… Хорошо. Она хотела проверить, как будут смотреть на нее мужчины, да и женщины тоже. Уту брать не стала, пошла одна.

Девушка открыла дверь в воротах и выглянула на улицу. Прохладный осенний день, лужи. Пешего народа на этой улице никогда много не было. И сейчас улица почти пуста. Слуги богатых домов, спешащие по делам, да два монаха, шлепающие по мостовой к своему монастырю.

Агнес вышла и закрыла за собой дверь. Монахи и не глянули в ее сторону. Прошли мимо, о чем-то разговаривая. Святые люди, что с них взять. Слугам и служанкам тоже было не до нее.

Но вот в конце улицы показалась карета. Агнес знала эту карету. На ней ездило одно богатое семейство, что имело дом в конце улицы, за монастырем. Вскоре карета подъехала к ней ближе, и девушка отошла к забору, уступая дорогу. И тут она увидала, как из кареты на нее глядит богатый господин с седой бородкой в роскошном черном берете с пером. Она с ним не зналась, хоть они и жили недалеко друг от друга. Знакома не была, но с недавних пор они раскланивались по-соседски, когда разъезжались каретами на неширокой улице. Взгляд господина был не восхищенный, нет, скорее удивленный. Он удивился, увидев ее, и улыбнулся, кажется, даже он хотел ей сделать знак рукой в перчатке, но… Тут из глубины кареты на Агнес уставились колючие глаза немолодой дамы. Неприязнь в ее взгляде читалась легко, словно

дама гада мерзкого видит, и так же, как и у господина, удивление в глазах. Взгляд ее так и кричал: «Это что такое, откуда такое здесь взялось на нашей улице? Не должно тут такого быть».

Господин, уже руку было поднявший для приветствия, сжал ее в кулак и отвернулся от Агнес, мол, неинтересно, мало ли на улицах всяких девиц. А вот госпожа так чуть шею себе не свернула, голову воротила и воротила назад, все разглядывая девушку у забора.

Агнес была довольна. Да, особенно тем, как женщина крутила головой, и ее недовольным взглядом.

Она пошла дальше по улице. До ближайшего портного идти было недалеко: сначала свернуть налево, на улицу Булочников, затем направо. Тут зарядил дождик, хоть несильный, Агнес немного прибавила шаг, не хотела, чтобы прическа мокла. На улице Булочников суета, утренние хлеба уже давно развезены, но даже теперь крепкие мужики, белые от муки, тягают мешки с тележек, торопятся, не хотят, чтобы мука мокла. Кто-то прямо на улице месит новое тесто в широкой низкой кадке, кто-то выносит гроздья горячих кренделей на шестах и тоже прячет их под рогожу от падающей с неба воды. Все это Агнес не интересовало, видела все не раз, но ей нравился запах, что царил на этой улице, и она шла, склонив голову, вдыхая аромат свежего теста – и сладкого сдобного, и простого дрожжевого. Шла и думала о своем. Она даже поначалу не услышала, как кто-то кричит ей:

– Прекрасная госпожа, возьмите кренделек!

Нет, она не обратила на это внимания, шла себе торопливо, чтобы добежать побыстрее до портного.

– Госпожа, госпожа! – донесся настойчивый голос. – Да погодите вы! Остановитесь!

Только тут Агнес поняла, что кричат это ей, подняла голову, обернулась на крик. За ней спешил молодой человек.

– Погодите, госпожа, я хочу вас угостить новыми кренделями, они не такие, как обычно. Они сверху не солены.

Агнес только потрясла головой, мол, нет нужды, спасибо.

Но человек не отставал, шел рядом и говорил:

– Добрая госпожа, это бесплатно, испекли новые кренделя, хозяин желает знать, будут они людям по вкусу или нет, попробуйте, они сладкие.

Он протягивал ей крендель, и что ей понравилось, так это что рука его была чиста, а ногти коротко стрижены.

Агнес остановилась, подняла голову и впервые взглянула ему в лицо. То был совсем молодой человек лет семнадцати, он держал крендель и улыбался. Лицо его было на удивление чистым, ни единого прыща, и главное – зубы, зубы его были почти белы и хороши. И сам крепкий и ладно сбитый. Плечи его были широки, а руки сильны. Невольно Агнес сравнила его… Нет, конечно, не с господином, куда булочнику до него, но вот с Максимилианом – да, наверное. У того тоже на лице прыщей почти не было и зубы хороши. Но вот Максимилиан повыше, а еще он носил военную одежду, пояс и меч. Конечно, Максимилиан был получше, но от него всегда пахло лошадьми, а от этого, кажется… маслом топленым. Девушка чуть подумала и взяла угощение. Сказала ему:

– Благодарю вас, добрый господин.

– Ах, как вы добры! – воскликнул юноша, – никто меня не звал еще добрым господином. Как же зовут вас, прекраснейшая из дев, что появлялись на нашей улице?

– Меня? – Агнес даже, кажется, удивилась. И поначалу не придумала, что ответить, молчала.

– Ну, назовите же имя, прекрасная молодая госпожа, – настаивал булочник, – вот меня зовут Петер Майер, я работаю у Ганса Вальдера, лучшего пирожника Ланна.

Конечно, Петер Майер: не Августом и не Карлом, не Иеронимом и не Максимилианом ему же быть. Глупо было бы ждать чего-то другого от юного мужчины, перепачканного мукой. Тем не менее он был мил и улыбался своими белыми прекрасными зубами.

– Сивилла, – негромко произнесла Агнес, спроси ее кто, зачем выдумала такое имя, так и не ответила бы она.

Наверное, стеснялась того, что платье сейчас было ей коротко и в подоле, и в рукавах, она же себя высокой делала. А может, вовсе и не от этого. Еще и узко, так узко, что груди наверх лезли нагло.

– Ах, какое удивительное у вас имя, прямо под стать вашей необыкновенной красоте, – продолжал юноша, не отрывая от ее лица взгляда, – Сивилла. Звучит как колокол на колокольне, что в монастыре на соседней улице.

Агнес подумала вдруг такую глупость, что покраснела от нее невольно. Девушка подумала о том, что, если пригласит этого пекаря, или кто он там, к себе в дом, будет ли это достойно. Она еще сильнее покраснела.

А если она… Ляжет с ним? С булочником? С булочником?! Да хоть и ляжет, вон, Брунхильда с кем только не ложилась, а теперь с графом ложится. Просто в тайне все это нужно будет держать. От мыслей этих и краснела девица, уже прикидывая, как ляжет в постель с булочником, какие условия ему скажет и что будут они перед постелью делать. Столько мыслей сразу в голове.

– Госпожа, любите ли вы пирожные? – продолжал Петер Майер, не догадываясь, что пирожные уже особо и не нужны.

– Люблю, – ответила Агнес, отрываясь от своих постыдных помыслов. – И как будет время, так зайду сюда и найду вас.

– А не смеетесь ли вы надо мной, прекрасная госпожа, – не верил пирожник, даже руки сложил как в молитве, всем видом говоря, что уже ждет ее прихода. – Когда же вы зайдете? Скажите же, до воскресенья зайдете?

– Не знаю, – улыбалась Агнес. – Но обязательно зайду к вам, Петер Майер, думаю попробовать ваши пирожные.

Она повернулась и пошла, кусая на ходу крендель.

– Я буду ждать вас каждый день, прекрасная госпожа! – кричал ей вслед пирожник.

А она шла и улыбалась, вот как, значит, работает красота. И зелий удивительных не надо, и платьев по росту, и золотых колец с сережками.

Глава 28

Госпожа Ланге, не в пример жене, кавалеру рада была, нежна, неугомонна. Улыбалась и ластилась, наготы своей не стеснялась, а наоборот, при всяком случае себя показывала.

Уже давно ночь, а она все не унималась. То погладит по щеке, то поцелует. В новом доме все удобно было: жена в опочивальне, а Волков у Бригитт. Глаза у кавалера уже закрывались, спать хотелось после стольких дней в дорогах и делах, за одну ночь не отоспался. Он на кровати сел, стал сапоги искать. Лампа тусклая, шарил в темноте, едва нашел один.

– Куда? – сразу спросила госпожа Ланге.

– К себе пойду, – ответил кавалер. – Иначе тут засну.

– Не уходите, господин! – Бригитт обняла его сзади, крепко обняла, вцепилась, хоть ручки у нее и тонкие, а обнимает сильно. – Спите. Оставайтесь тут спать.

– С ума сошли вы, что ли? – Он даже сапог выронил на пол. – Как мне тут спать, что жена подумает? Что слуги подумают?

– Холопское дело – молчать, а то, что думает холоп, никому не интересно, – сразу заговорила госпожа Ланге, она перелезла с его спины и умостилась ему на колени, голая, гибкая, изящная, зашептала жарко прямо в лицо ему: – А жена… Так благоприятные дни для обременения прошли уже, теперь стараться вам ни к чему, чего вам у нее спать, а что она говорить будет, так разве не все вам равно.

При этом поглаживала его по щеке, как горячего коня успокаивала.

– А вам? – Он удивился и посмотрел на нее. – Неужто вам все равно, что ваша подруга о вас скажет?

– Подруга? – Она засмеялась, но совсем не весело. – Какая я ей подруга. Я ей… даже не знаю, кто. Я при ней и при ее сестрах, а их еще две было, сызмальства состояла, я старшей у них была и за всех отвечала. Вместо няньки. И мамаша их, графиня покойная, не раз мне лицо перстнями в кровь разбивала. То одна упадет с качелей, то другая дорогое платье кровью месячной испоганит, то третьей молодой

дворянин в саду под подол залезет. И каждый раз за них мне или волосы дерут, или лицо бьют. Как холопке.

– Вот как, а я думал, вы ей родственница какая-то, – чуть удивленно произнес Волков.

– Родственница-родственница, – продолжала Бригитт, – я ей сестра двоюродная. Только неправильная сестра, укладочная. Мамаша моя, родная сестра старого графа, опростоволосилась. Слюбилась с низкородным, с совсем низкородным, с ним сбежать хотела, да поймали их. С папаши моего, говорят, кожу спустили на конюшне, а мамашу в монастырь сослали. Меня потом граф из великой милости в дом взял, не то родственницей, не то холопкой.

– Вот как, значит, – повторил опять кавалер.

Ну а что тут еще можно было сказать? А вот Бригитт было что добавить.

– Так и росла у них. И от Элеоноры я обид стерпела больше, чем от других ее сестер, так как те подобрее были, чем эта змея спесивая, – говорила она, беря его правую руку и кладя себе на грудь. – Так что все равно мне, что Элеонора обо мне подумает, лишь бы вы, господин, мною довольны оставались.

Грудь у нее небольшая, но формы идеальной, как раз ему под ладонь. Но нет, он легко, как дитя, поднял госпожу Ланге и рядом на кровать посадил:

– Нет, пойду я. Просыпаться я должен в постели с госпожой Эшбахта, чтобы не было кривотолков ни у холопов, ни у людей.

– С госпожой Эшбахта, значит? – вдруг со злой издевкой спросила Бригитт и улыбнулась. – Может, вы и храбрец, как о вас сказывают, может, и воин искусный, да только не видите того, что под носом у вас. Слепец вы.

– И что же под носом у меня? Чего я не вижу? – недовольно спросил кавалер.

– А то, что со змеей вы в постели просыпаться хотите.

Волков только пренебрежительно рукой махнул, этот бабий вздор слушать ему не очень-то хотелось, он снова стал сапог искать возле кровати во тьме.

Тут она вскочила, хоть и темно в покоях, а видно: волосы ее пружинами, спиралями вьются вокруг стройного стана, даже в тусклом

свете пламенеют дорогой медью. Движения ее быстрые, ловкие, стала в одежде своей копаться и достала оттуда клочок бумаги.

– Вот, хотела вам отдать, еще когда приехала, да вы заняты были со своими офицерами, не подступиться. Да и Элеонора меня от себя не отпускала. – Бригитт протянула ему бумагу.

– И что это? – Волков взял, но не разворачивал. Смотрел на красавицу, прикрытую лишь рыжими вьющимися волосами.

Бригитт схватила лампу и поднесла ее к нему, сама примостилась рядом, подбородок положив ему на плечо:

– А вы прочитайте.

Он развернул лист, исписанный самым мелким почерком почти полностью, в письме было много помарок и ошибок.

«Голубка моя сизокрылая, дня не проходит, чтобы не помнил я вас, арфа мне грустна и лютня мне немила. Не беру их в руки, а коли беру, так только печальные мелодии родятся у меня. Граф просит веселить его за обедом новыми стихами, а у меня только грустные выходят. И все из-за того, что вас, госпожа сердца моего, рядом нет. Плачу я ночами и не сплю, вспоминая те ночи, что были вы со мною рядом. Как подумаю я, что волею судеб отданы вы на чужбину, человеку свирепому и злому, который рыцарство свое вымучил лишь грубостью и жестокостью, как страдаете вы там, среди злых, грубых и низкородных людей его, так сна лишаюсь я сразу. А как вспомню я, что берет он вас в постели без любви и ласки, а только лишь грубостью и правом мужа, так я вскакиваю и от ярости и стоять не могу, хожу по покоям из угла в угол, хочу пронзить ему сердце тут же».

Волков оторвался от письма, посмотрел в темноту взглядом тяжелым и мрачным и сказал:

– Ишь какой! Прямо сердце пронзить хочет.

И продолжил чтение:

«И нет у меня мысли иной, как освободить вас от грубого человека. И освободить ценою любою. Как счастливо тогда мы зажили бы! Каждый день мог бы я ваши руки в своих руках держать, каждый день мог бы глядеть в глаза прекрасные ваши, и не было бы

счастья для меня большего. Если вы так же страдаете, если вы жить не можете без меня, как я без вас, так напишите, готовы ли вы. И буду я думать, как освободить вас от грубого мужа вашего.

Живу с помыслами только о вас, и в сердце у меня только вы.

Вечно ваш, Леопольд фон Шауберг».

Волков оторвал взгляд от бумаги и поглядел на госпожу Ланге. Она сидела рядом с ним с видом гордым, ждала похвалы, но он не торопился ее хвалить:

– Так вы не отдали Элеоноре Августе это письмо?

– Отдала, она уже сожгла его при мне, но перед тем, как отдать письмо, я распечатала его и переписала, это я писала.

– Распечатали? И она не спросила у вас, почему сургуч сломан?

– Спросила, я сказала, что неловка была, когда письмо прятала под корсет. Она мне поверила, – отвечала госпожа Ланге.

Волков отвел ее спиралями падающие волосы от лица, поцеловал в висок. Погладил по спине и по заду. Похвалил ее:

– Вы не только красивы, вы еще и умны, Бригитт.

Хотя он не был уверен, что письмо это госпожа Ланге не написала сама, не выдумала его, он ею остался доволен. Очень доволен. Кажется, она ему предана, как говорится, и душой, и прекрасным телом.

Девушка же улыбалась от удовольствия.

– И что решила госпожа Эшбахта, ответ она ему уже писала? – продолжил Волков, вновь перечитывая текст.

– Элеонора хоть и глупой кажется, да не так глупа, – сказала Бригитт. – Она знает, что если вас извести раньше, чем у вас наследник родится, так феод будет опротестован и вернется в домен герцога.

– Это она вам сказала? – спросил Волков, отрываясь от чтения и задумываясь.

– Она, – кивала госпожа Ланге. – И тогда она останется без поместья. Прежде чем вас изводить, нужно ей наследника родить. Законного. Тогда и поместье будет ее, станет принадлежать вашему сыну по праву сеньората, ваш наследник сделается вассалом герцога по наследству, а уж она может выходить замуж за кого захочет и будет госпожой Эшбахта до совершеннолетия сына.

– Вот оно, значит, как, этот шут собирается стать господином Эшбахта? – Волкова начинала заливать ярость. Он стал еще мрачнее,

голос его сделался холоден, а слова были словно тяжелые камни. – И как же он собирается меня извести? На поединок позовет? Неужели не побоится ссору затеять?

– К чему это ему, – Бригитт едва не засмеялась, – не дурак же он, все о вас знают, что сильны вы, зачем ему рисковать на поединке, ему поместье нужно ваше, а не помереть.

– А как иначе, войной пойдет? – не понимал кавалер. – Где денег на людей возьмет?

– Вы все по себе людей считаете: поединок, война! – с укором отвечала ему Бригитт. – Говорила уже вам, вы как дитя малое, когда это Малены на поединках дрались?! Вся земля Ребенрее собрана ими браками выгодными да убийствами подлыми. Отравят они вас, просто отравят. Вы и знать не будете, когда и кто вам яда в стакан кинет.

«Верно! – Волкова как осенило. – Верно-верно, и епископ про семейство Маленов говорил, что они отравители старинные».

Он поднял на нее глаза и сказал:

– Знаю я, кто яда мне в стакан кинет.

– Да, – кивнула Бригитт. – Я тоже знаю, сама она на такое не пойдет, – она обняла его за шею, – мне поручит.

– Тебе, – согласился Волков. – Больше некому.

– Я лучше ей кину, – сказала госпожа Ланге спокойно.

– Никто никому яда кидать не будет, – произнес кавалер строго. – Нет, не опущусь я до яда, не допущу, чтобы в моем доме травили кого-то, тем более мою жену. Нет, невозможно сие.

– А что же делать станем? Будем ждать, пока она сама решится?

– Нет, поступим так, как вы сначала предлагали.

– А что я предлагала? – спросила Бригитт.

– Вызовете его сюда, а тут я его убью.

– Может, так и хорошо будет, – как-то нехотя согласилась Бригитт.

– Заманите его сюда, надо придумать только, как мы это сделаем.

– Придумаю, – отвечала госпожа Ланге и заговорила быстро, с озабоченностью в голосе: – Только убейте его как пса, на поединок не зовите, недостоин он, отравитель и вор он, раздавите его как вошь. Не нужно с ним благородным быть.

– Ладно-ладно, – обещал ей кавалер, обнимая красавицу и целуя ее в губы. – А что вы за помощь и преданность хотите?

– Чего хочу я? – сразу оживилась Бригитт. – Так со мной спать ложитесь, вот чего хочу я. И пусть все о том знают.

– Нет, этого не просите, другого чего хотите?

Она сразу вроде и расхотела просить, сидела, чуть от него отвернувшись.

– Ну, неужто другого ничего нет, что вам хотелось бы? – Он продолжал гладить ее по волосам.

– Платье хотела, в городе видела, да дорого оно.

– Сколько стоит?

– Из зеленой парчи оно, с лифом из атласа зеленого, который расшит бисером и жемчугом мелким, красивое это платье очень. Мне к лицу будет.

– Сколько стоит? – повторил он.

– Просит подлец-портняжка за него семнадцать талеров. Думаю, за пятнадцать уступит, – ответила Бригитт.

Волков встал.

«Чертов портной, и вправду подлец, такие цены заламывает, слыхано ли дело, женское платье за целое стадо коров продавать».

Кавалер нашел на полу свой пояс с кошелем, достал оттуда гульден, подошел и протянул его Бригитт. Он и заметить не успел, как быстро она схватила золотой, словно кошка лапой сгребла, секунду, меньше даже, подержала его пред глазами и спрятала в кулачке, сидела теперь счастливая.

Он нагнулся и поцеловал ее, сказал:

– Вот, гульден меньше, чем за восемнадцать талеров, не отдавайте. Вы, конечно, большего стоите, но большего я вам пока дать не могу.

Бригитт, кажется, была горда. Мало когда и мало от кого слышала она такие слова, а может, и никогда в жизни не слышала.

Когда кавалер пришел в покои, жена, конечно, давно спала. Он взял лампу и подошел к ней, встал рядом, смотрел и думал, как эта женщина, которая со своим любовником замышляет его извести, может так спокойно спать.

Глава 29

Следующим утром, едва завтракать сел он, прибыл гонец из Ланна. Кто ж мог ему прислать гонца из Ланна? Простой бы человек так почтой бы послал письмо, а тут гонец. То мог быть только один человек. Конечно, письмо оказалось от архиепископа. Писано, естественно, не его рукой, но оттиск имелся от его кольца:

«Возлюбленный сын мой, ведаю я о деяниях Ваших, знаю, что преуспеваете Вы в них, так как слава Ваша и до нас доходит, и вижу я в этом промысел Божий и молюсь за Вас ежедневно. Бейте и дальше псов безбожных, что с гор своих поганых ересь несут, да укрепит Господь ту руку, что меч карающий сжимает. Храни Вас Бог, сын мой.

Жалею я лишь об одном, о том, что позабыли Вы о просьбе моей. Жаль, что о купчишках моих нерадивых Вы не вспоминаете, а пока Вы о них не помните, они и обо мне не помнят. А мне нужно, чтобы помнили они, кто их покровитель».

Видно, архиепископ опять нуждался в деньгах, а купцы юга Фринланда сверх положенного давать ему не желали. И для этого Волков должен был грабить их, чтобы они побежали к курфюрсту своему искать защиты, побежали с подарками. Только вот кавалеру сейчас не до фринландских купцов. Только их ему недоставало: с герцогом едва-едва разобрался, а уже горцев ждать надо, к ним, проклятущим, готовиться. И неизвестно, как еще на это посмотрит этот грубиян фон Финк, а то ведь и войной пойдет. И будут у Волкова не только два врага, на севере и на юге, а еще и третий на востоке появится. Случись нужда, ему и бежать тогда некуда.

Кавалер поднял глаза от письма и заметил, как на него смотрит Бригитт. Смотрела она с заметной тревогой. Рыжая красавица, видя, что письмо озадачило господина, есть перестала, сидела, замерев. И впрямь волновалась за него. Даже госпожа Эшбахта, что к его делам и к нему самому равнодушная, и та не ела, тоже смотрела на мужа.

– Мария! – крикнул он. – Тарелку человеку поставь. Гонец, садись, ешь. Увалень, монаха найди.

– Какого из них, кавалер? – отвечал Увалень, вылезая из-за стола.

– Молодого, пусть бумагу и чернила несет.

Волков отодвинул тарелку, не до еды ему стало, и госпоже Эшбахта стало не до еды. Она резко поднялась. Волков знал, из-за чего. Знал, что не будет дочь графа сидеть за столом с каким-то гонцом, в другой раз и отпустил бы ее, раз так горда, но сейчас сказал жене:

– Сядьте, госпожа моя, ешьте спокойно.

И тон его так был тверд, что перечить жена не осмелилась. Даже не возразила. Села на место. Хоть и есть уже не стала.

А он взялся дочитывать письмо от архиепископа:

«А мне нужно, чтобы помнили они, кто их покровитель. Так Вы, любимый из сынов моих, уж напомните, что без меня им ни радости, ни достатка не будет. Что дни их будут горьки, а торговля скудна. А я уж за Вас похлопочу при случае, а молиться и дальше буду ежедневно.

Архиепископ Ланна Август Вильгельм
фон Руперталь фон Филенбург,
курфюрст Ланна и Фринланда, герцог Фринланда».

Личной подписи его высокопреосвященства не было, только экслибрис – оттиск его кольца. А дальше шла приписка: «Бумагу сию по ненадобности сожгите».

Волков свернул бумагу, положил ее на стол перед собой.

Увидев это, тут же встал гонец и сказал:

– Велено мне напомнить вам, чтобы вы исполнили то, что в конце письма писано.

– Не волнуйся, ешь, все я сделаю, – обещал Волков. – Только еще раз прочту письмо.

Потом он молчал и думал. Архиепископ настаивал на грабежах, но пока кавалер не собирался затевать грабежей. Конечно, деньги ему сейчас очень нужны, очень. Но не слишком ли многого хотел от него знатный поп: и горцам докучать, и герцогу Ребенрее покоя не давать, и купчишек учить уму-разуму. И все это Волков должен делать во славу Церкви? Служение святой матери Церкви – дело, безусловно, благое, но и у кавалера свои интересы были. И уж ими-то он не собирался пренебрегать.

Если попу так надобно, чтобы Волков его купчишек потряс, то пусть и сам ему послужит. Волков смекнул, что тут у него появляется неплохая возможность…

Он собирался ею воспользоваться. Брат Ипполит поторопился и принес ему письменные принадлежности, разложил перед господином бумагу, поставил чернильницу, положил три хорошо отточенных пера и сел на другом конце стола, ожидая, вдруг что еще кавалеру понадобится. А Волков взялся писать ответ.

«Отец мой и сеньор мой по Господу, рад Вашей похвале, как ничему другому не радуюсь, уповаю на заботу Вашу и молитву Вашу, тем и живу. Все хлопоты только ради Вас и затеваю. Все труды и заботы про Святую Матерь Церковь и про Вас, отца моего.

Просьбы Ваши о врагах Матери Церкви я выполняю, дважды уже бил их и у них на земле, и на земле своей. И оба раза бил их с позором, чтобы знали они, что Господь не с ними, а с нами. И рвением своим я уже сеньора своего обозлил, обозлил так, что он за мною присылал добрых людей, насилу от них отделался. И при этом Ваш капитан фон Финк брался мне помогать, а за помощь взял с меня серебра премного больше, чем помог. И когда я просил его часть серебра вернуть, так капитан браниться стал грубо. Обиды говорил, как пьяный простолюдин, все при людях моих и при солдатах моих, все его лай слышали. Убивать я его за то хотел, да не смог, он человек Ваш, только то его и спасло. И теперь мне просьбу Вашу никак не выполнить, я уже воюю за вас и за Церковь с горскими псами и с сеньором своим. Еще одного врага мне не осилить. Может, Вы, отец мой во Господе, найдете управу на капитана своего, тогда я сразу возьмусь Ваших купчишек в разумение и уважение приводить. А иначе мне с тремя воевать, так и конец мне будет быстрый.

А еще, отец мой, я напомнить Вам осмелюсь, монах брат Семион уже писал и Вам, и архиепископу Малена о деле канонизации, прошу Вас поторопить ход сего дела, прошу Вас ускорить по возможности причисление невинно убиенного брата Бенедикта к лику святых. Сие очень важно и для меня, и для людей местных будет. Уповаю на заботы и молитвы Ваши.

Рыцарь Божий

Иероним Фолькоф фон Эшбахт».

Брат Ипполит помог ему запечатать письмо, Волков взглянул на гонца, который уже доедал то, что ему положила в тарелку Мария.

– Отдашь господину своему, – велел кавалер, когда брат Ипполит передавал гонцу конверт. – А на словах скажешь, что я тотчас исполню его просьбу, как только урезонит он человека своего. Но только я точно должен знать о том, что человек тот мне больше не помеха.

– Передам слово в слово, – обещал гонец, вставая из-за стола.

А еще Волков подумал и решил, что жечь письмо архиепископа не будет, пусть полежит пока. Он положил бумагу в сундук, не в большой сундук, где обычно хранил мешки с серебром, а в малый, заветный, к стеклянному шару и золоту. У этого сундука был хитрый и надежный замок. За него Волков был спокоен. Да, пусть письмо полежит пока… Мало ли что…

Едва гонец ушел, как Волков оглядел стол, словно ища чего-то и не находя. Потом сказал:

– У нас никогда не бывает риса.

– Риса? – с удивлением спросила Бригитт.

– Да, никогда не бывает риса. Я, когда воевал на юге, часто ел рис.

– Ну да, рис вкусен, – согласилась рыжая красавица.

– И никогда у нас не бывает кофе. Вы пили когда-нибудь кофе, госпожа Ланге?

– В доме графа подавали кофе как-то раз, но он никому не понравился, – ответила Бригитт.

Госпожа Эшбахта же смотрела на мужа с интересом, ей этот разговор был любопытен.

– А я люблю кофе, – заговорил Волков, явно вспоминая что-то приятное. – При осаде Фрего мы на полгода стали в одном городке на зимних квартирах, там был маленький порт, а в этом порту таверну держал один мавр, там сарацинские купцы все время варили кофе, у них я к нему привык. К нему и к рису, тушенному с сарацинскими специями.

– Рис еще есть можно, коли совсем голодна, – скривилась Элеонора Августа. – А кофе… так это пойло, что пить невозможно. Горькое и терпкое, словно отвар коры дуба, что в детстве лекарь от хвори в животе мне давал. Только маврам да грубым солдатам оно может прийтись по вкусу.

– Одна госпожа подавала его с сахаром и сливками, это было вкусно, – продолжал Волков, не замечая слов жены. Он уставился на Бригитт. – Госпожа Ланге, прошу вас взять на себя управление домом, так как госпожа Эшбахта сильно занята своим вечным рукоделием.

Бригитт с удивлением перевела взгляд с него на Элеонору Августу, не решаясь дать согласия. Элеонора скривила губы, она была зла и не скрывала этого.

– Госпожа Ланге, – продолжал кавалер, – Мария старается, но она не может управлять домом, она из мужиков, ей управлять благородным домом не под силу, а вам под силу. Отчего же вы не соглашаетесь?

Бригитт встала, сделал книксен с поклоном и ответила, все еще поглядывая на Элеонору Августу:

– Как пожелаете, господин фон Эшбахт. Отказаться я не смею. Для меня служить вашему дому – честь. А не соглашалась я оттого, что боялась, что не справлюсь.

– Кто ж справится, если не вы? – произнес с улыбкой Волков, он полез в кошель и достал оттуда золотой, положил его на край стола. – Приступайте немедля. Я хочу, чтобы в доме у меня были специи, рис, кофе и сахар. Хочу пить кофе по утрам, узнайте у купца, как его варят.

– Да, господин фон Эшбахт. – Бригитт снова сделала книксен и взяла со стола монету. – Отправлюсь в город сейчас же.

– Только экономьте мои деньги, госпожа Ланге.

– Буду беречь их, – обещала Бригитт.

– Кстати, езжайте не на телеге, на карете езжайте, – разрешил кавалер, когда Бригитт уже поворачивалась, чтобы идти. – Возьмите с собой Увальня.

– На карете? – возмутилась Элеонора Августа. Она не была довольна всей этой затеей, а уж то, что госпожа Ланге еще и ее карету возьмет, так это вовсе был вздор! Наглость! Она стала говорить с жаром и с гонором: – Это моя карета! Я не дозволяю ей ездить на моей карете, с моими лошадями и с моим кучером. На телеге поедет!

– Нет, – спокойно и холодно отвечал ей супруг, – она дом мой представлять будет и имя мое. И поедет на карете, а вы не будьте так жадны, не то в следующий раз сами на телеге поедете, госпожа сердца моего. – Элеонора вскочила, что-то хотела сказать, но Волков жестом прервал ее: – Хватит вам, прекратите оспаривать мои слова, я хозяин

Эшбахта, а вы жена моя. И всегда тут будет по-моему. Вы упрямством своим и дерзостью только позорите себя.

Элеонора Августа ответила невежливым, почти незаметным кивком, повернулась и пошла из обеденной залы злая. А вот госпожа Ланге сделалась оживленна и едва могла скрывать радость. Она пошла на конюшню вместе с Увальнем, чтобы отдать распоряжение запрягать карету и седлать коня, хоть тот и один мог управиться.

Волков остался сидеть за столом. Мария с помощницей взялись за уборку, а к господину пришел Ёган говорить о делах и о том овсе, что у них остался, что до следующего урожая его может и не хватить с такими расходами.

А когда госпожа Ланге спускалась сверху, уже облачившись в дорожный плащ, она украдкой показала кавалеру бумагу. Всего на мгновение мелькнула в ее руке бумага и тут же исчезла под плащом, но кавалер знал, что это.

Конечно, он не мог разглядеть ни почерка, ни слов, что были на конверте, но без того понимал, кем и для кого написано это письмо.

Да, это письмо его жены к своему любовнику. И ничего другого и быть не могло. Он едва заметно кивнул Бригитт, и та пошла на двор, пряча бумагу в одежды. Увалень следовал за ней.

Глава 30

Торговое дело, дело купеческое, быстро затягивает тех, кому оно пришлось по душе. Деньги есть деньги, мало кому удается избегнуть их чар. Еще недавно хрупкий, худой мальчишка-недокормыш стоял перед Волковым и едва не рыдал, когда кавалер сказал, что военное дело ему не надобно, что дело мальчику он хочет дать торговое. А теперь… Нет, мальчик почти не потолстел, хотя заметно подрос, колет короток в рукавах был. Но теперь это сделался другой юноша. Все теперь в нем иное, и говорил не так, как прежде, уверенно говорил:

– Дядя, я опять к вам телег просить, телеги с лошадьми сейчас не заняты, хлеба с полей давно свезли, они без дела стоят. Дозвольте взять пять телег, тех, что покрепче, тех, что из вашего военного обоза, меринов тоже.

Ловкий, по лицу видно, пройдоха Михель Цеберинг в разговор дяди и племянника не лез, позади стоял, сжимая в руках берет.

Волков молчал, решение принимать не торопился. Конечно, он даст телеги, но нужно знать, что затевают эти двое. А Бруно Дейснер, его племянник, продолжал говорить:

– Дело вышло удачное, господин де Йонг сразу у нас весь брус и доски купил, что мы привезли. Прямо здесь, нам даже не пришлось отправлять товар в Мален.

– А кто такой этот господин де Йонг? – поинтересовался Волков, ему было интересно, кто это у него в его земле стал торговать по-крупному строительными материалами.

– Да как же, дядя, это же ваш архитектор, что сейчас церковь у вас строит, – удивлялся племянник.

– Ах, вот кто это! – Кавалер, признаться, никак имя архитектора запомнить не мог, хотя отвечал на его поклоны.

– Да, и господин де Йонг сказал, что нужно ему будет леса втрое больше того, что мы ему продали, и готов у нас все купить, так как цену мы ему дали лучшую, – сообщал Бруно Дейснер по-мальчишески радостно.

Тут у кавалера мелькнула одна мыслишка, опасение одно, он решил дальше спрашивать:

– Лес вы продали, а зачем же вам телеги с меринами?

– А мы кроме леса еще взяли шестьдесят корзин угля. Стоят они сейчас в амбарах, прямо на пирсах, – с радостью и не без гордости рассказывал племянник, – а от дождя древесный уголь портится, мы, конечно, его накрыли рогожами, но нужно быстрее груз в Мален везти, там отличную цену за него дают, будем иметь по двенадцать крейцеров дохода с корзины!

Волков помнил эти корзины, такие стояли в Милликоне во множестве, когда он грабил ярмарку. Те корзины были велики, едва ли не в рост человека.

– Шестьдесят корзин? – переспросил он. – А как же вы привезли ко мне в амбары шестьдесят корзин угля, да еще и леса, никак баржу нанимали?

– Нанимали, дядя, конечно, нанимали, – кивал племянник.

– А денег где столько взяли, чтобы целую баржу товаров купить? Я вам, племянник, столько денег не давал.

Племянник тут и осекся, повернулся и посмотрел на своего компаньона, мол, а что сейчас говорить?

И тут заговорил Михель Цеберинг:

– Господин, денег нам дали купцы из Эвельрата и Лейденица.

Тут пришлось Волкову удивиться.

– Прямо вот так вот просто купцы из Фринланда дали вам денег? – не верил кавалер. – Пришли вы, кланялись им, попросили у них денег, а они от щедрот своих легко выдали вам серебра на целую баржу товаров?

– Ну… – замялся Михель Цеберинг.

Он не закончил, посмотрел на молодого компаньона, и тот за него договорил:

– Они знали, что вы мой дядя. Мы им сказали…

Вот тут все и прояснилось. Волков помрачнел сразу:

– То есть вы от великого ума своего заняли под мое имя денег, взяли их и поехали за товаром… Куда вы поехали?

Купцы молчали.

– Где вы купили товар, болваны, где вы взяли лес и уголь, который привезли сюда? – уже повысил голос Волков.

– Ну, дядя… Мы поехали туда, где лес дешев… – начал объяснять племянник.

– Куда?

– В Рюммикон, дядя.

Так он и знал, так и знал. Волков помолчал и начал:

– А знаете ли вы, господа купцы, что недавно я грабил ярмарку в Милликоне?

– Да, дядя, – отвечал Бруно.

– А после этого бил горцев на своем берегу?

Племянник невесело кивал, про это он слышал, конечно.

– То есть известно вам, что я воюю с кантоном, а Рюммикон – один из городов кантона. Вы, мой племянник, тем не менее берете деньги под мое имя и плывете к моим врагам за товаром?

И юноша, и молодой купец молчали, не было у них ответа на такой вопрос. А кавалер все так же злобно продолжал:

– А знаете, что будет с вами, узнай горцы, что вы мой племянник?

Бруно потряс головой:

– Нет, не знаю.

– Узнай они об этом, так вы тотчас оказались бы в колодках на базаре в Милликоне у позорной стены. И с меня за вас требовали бы огромный выкуп и мир на позорных условиях. А с тобой, – Волков указал пальцем на Михеля Цеберинга, – с тобой и церемониться не стали бы, переломали бы все кости железным прутом да бросили бы в канаву на радость бродячим псам.

И племянник, и Цеберинг смотрели с грустью и даже со страхом, с раскаянием. Продолжать отчитывать их было бессмысленно, кажется, оба поняли глупость своего поступка.

– Подводы и меринов берите, – продолжал Волков, чуть успокоившись, – уголь везите в Мален. С купцами, что вам дали деньги, рассчитайтесь сполна. И ищите себе прибыток тут, не залезая в земли моих врагов.

– Очень жаль, дядя, – вздохнул Бруно грустно, – уж очень хороши были прибыли с леса и угля.

Прибыли. Кавалер понимал, отчего юноша так вздыхает. Прибыли. Да, прибыли ему тоже нужны, очень нужны. Он чуть подумал и спросил:

– Так вы помните тех купцов, у кого в Рюммиконе покупали лес и уголь?

– Помним. – Провинившиеся переглянулись. – Да, конечно, помним.

Волков опять немного подумал и проговорил:

– Так пишите им письма. Пишите, что я, Иероним Фолькоф, рыцарь Божий и господин Эшбахта, гарантирую им неприкосновенность на моем берегу, пусть их лодки и баржи швартуются у амбаров, что обещаю не брать пошлину с их товаров, если товары они станут продавать моему племяннику Бруно Дейснеру.

– Ах, дядя, что за прекрасная мысль! – воскликнул юноша. – Они согласятся, у них непроданных товаров горы на берегу. Говорят, что до весны так и простоят, а лесу и углю долго стоять нельзя, отсыреют.

– Да-да, господин, – поддержал компаньона Михель Цеберинг, – думаю, что поплывут они сюда, только вот не будет ли граф или герцог против, что товары мы к ним везем без пошлины в Мален.

– Так поговорите с купцами в Малене, как лучше к ним возить товары, чтобы не платить герцогу пошлины, – предложил кавалер, – тамошние купцы тоже не большие любители лишний раз платить, они

подскажут. А у меня на границе таможен нет, путь до Малена свободен.

– Мы сейчас же напишем купцам из Рюммикона, дядя, – сказал Бруно и тут же призадумался: – Но кто их отвезет туда?

– Об этом не волнуйтесь, идите пишите, – ответил Волков. – Кстати, племянник, в этом доме покоев лишних нет, будете жить в старом доме, там живут господа кавалеристы, не ссорьтесь с ними.

– Да, дядя.

Когда купцы ушли, Волков крикнул:

– Максимилиан!

– Да, кавалер, – пришел в обеденную залу оруженосец.

– Найди-ка мне Сыча, давненько он мне на глаза не попадался.

– Он в новом кабаке прохлаждается целыми днями. В кости там играет да с бабами гулящими валяется на конюшне.

– Он еще и в кости стал играть?

– Брат Семион говорил, что Сыч все время там играет.

– Интересно, – удивился кавалер, – а брат Семион что там все время делает? Неужто Сыча от грехов отговаривает?

Максимилиан засмеялся, пожал плечами и ничего не ответил.

– Пусть Сыч ко мне идет! – велел Волков.

– Да, кавалер.

* * *

Волков услышал в прихожей тихую ругань, даже Мария вышла глянуть, что там. За нею и кавалер пошел. Препирались Максимилиан и Сыч, Сыч идти не хотел, а Максимилиан тащил его едва ли не силком и говорил при этом:

– Иди уже, кавалер ждет… Зол с утра.

– Да он всегда зол, дурья твоя башка… – бубнил Фриц Ламме и упирался. – Дай мне умыться хоть. Мария, принеси воды теплой.

У Волкова отличные были глаза, он как Сыча увидал, так сразу скривился. По вороту куртки у Фрица Ламме ползла вошь, крупная такая, отъевшаяся.

– Максимилиан, вы что, не видите, что он во вшах, гоните его к черту отсюда, весь дом мне завшивит! – разозлился кавалер.

– Извините, кавалер, не увидал, – поклонился Максимилиан. – Он валялся в кабаке, таким и взял его там.

Фриц Ламме зарос щетиной, от него даже за два шага воняло старым перегаром и чесноком.

– Вот и я ему о том говорю, экселенц, – забубнил Сыч, – дай, говорю, хоть в себя прийти, дай хоть помыться, а он тащит, дурень, здоровый вырос…

Волков только плюнул:

– Висельник, бродяга, сволочь, как тебя в дом пускать такого грязного! Полные карманы серебра, а не можешь себя в человеческом обличии держать…

– Экселенц, после обеда буду как принц, клянусь распятием.

– Вон пошел, еще и распятием клянется, богохульник, черт вшивый! Через час чтобы пришел в одежде чистой, выбритый, вымытый и без вшей. Через час у меня! – велел Волков и пошел в залу из прихожей.

– Ну, рад, балда? – выговаривал Сыч Максимилиану. – Зачем тащил только.

– Видел же, что он зол. Вот и тащил, чтобы еще больше не злился, – объяснял ему Максимилиан.

– Балда ты, он всегда зол… Вот теперь времени нет на помывку, одежу чистую нужно искать, помогай теперь, – бубнил Фриц Ламме, выходя на двор и снимая с себя колет. – Мария, вода-то есть у тебя горячая?

– Одежу со вшами можно в кипятке выварить, – сказала Мария, едва удерживаясь от смеха.

– А с ним самим что делать? На нем тоже вши копошатся, – заметил Максимилиан.

– Так и его в кипяток, – засмеялась девушка.

Максимилиан тоже посмеивался.

– Дура, – ругался Сыч, раздеваясь, – одно слово – баба, дурь какую скажет – и ха-ха-ха… Смешно ей очень. И этот дурень тоже смеется, ей-богу, как дети…

Пришел он к Волкову в мокрой одежде, хоть на улице совсем не жарко, был выбрит и даже причесан, но все равно господин смотрел с неудовольствием.

– Экселенц, да не серчайте вы так, – объяснял Сыч кавалеру, – дома у меня нет, а в старом вашем доме не повернуться. Там и монахи, и кавалеры живут всякие, и солдаты их в людской спят, и ваши дворовые, все плечом к плечу, не развернуться, не продохнуть, вот и ночую иной раз в кабаке на лавке. Там и подцепил зверей от бродяг каких-то.

От него уже и пивом не так несло, но Волков все равно смотрел неодобрительно и спросил вдруг:

– Дома, говоришь, у тебя нет? А куда ты тогда все деньги свои деваешь?

– Деньги? Что за деньги? – не понимал Фриц Ламме.

– Не крути! Деньги, говорю, куда деваешь, у тебя денег должно быть чуть меньше, чем у офицеров, ты от меня серебра получал много. За одно дело на ярмарке гору серебра взял, на них дом можно было поставить не хуже, чем у Брюнхвальда.

– Эк вы хватили, дом как у Брюнхвальда. – Сыч даже засмеялся. – Там такие хоромы, у него жена, что гусыня золотая, деньги носит и носит, а у меня и вовсе нет жены.

– Оно и видно, все деньги на кости, на девок кабацких да на выпивку спустил. Максимилиан говорит, что ты живешь в кабаке. В кости играешь, на местных девках едва не женился уже.

– Брешет, экселенц, если три раза в неделю там отдыхаю, так и то хорошо. – Сыч явно врал. – Играю совсем по маленькой, а девки… Люблю, конечно… Трачу, оно, конечно, так. Ну а как не тратиться на них, без них жить невмоготу, жены-то у меня нет.

Волков не хотел и дальше пререкаться, отвернулся, махнул рукой – черт с ним. Потом вздохнул и сказал:

– Знаешь, зачем звал?

– Да уж догадался, – невесело сказал Сыч и без приглашения господина – а когда речь пошла о деле, уже было можно – сел к нему за стол. – На тот берег плыть.

– Да, на тот берег плыть, – кивнул Волков. Конечно, больше всего думы его занимали горцы, а не жена с любовником, не герцог, не архиепископ с купцами. Он немного медлил, обдумывая слова. – Проверишь людишек своих. Они там зажились за мой счет, спроси, что делали, что узнали.

– Ясно, спрошу, экселенц. И вправду хорошо они устроились: живут, хлеб жуют да пивко попивают за наш счет, ничего не делают, – соглашался Фриц Ламме.

– Должны горцы затевать что-нибудь, не могут они так все оставить, – продолжал Волков.

– Быть того не может, чтобы не затевали, – уверенно согласился Сыч. – Я как на них погляжу, сразу вижу: обидчивые, сволочи, злопамятные, нипочем они нам не спустят, что мы им на реке резню устроили.

– Вот, и мы должны точно знать… – Кавалер замолчал, ожидая от Сыча продолжения.

– Где, когда и сколько их будет, – договорил тот.

Пьяница, распутник, игрок в кости, грубиян и грязнуля – все, конечно, так, но при том Фриц Ламме дело свое знал крепко, за то Волков его и держал при себе, не то давно бы погнал.

– Да, еще тебе письмо купчишкам тамошним передать нужно будет.

– Письмишко от вас? – сразу насторожился Сыч.

И Волков прекрасно его понимал: попади Сыч с таким письмом в руки стражи, невесело ему придется.

– От меня, поэтому сам его не носи, не знаю я, как на мое письмо купцы те посмотрят, может быть, и стражу кликнут, – продолжал кавалер задумчиво.

– Ясно, велю кому-нибудь из людей моих письмо отдать, а сам издали посмотрю, что дальше будет.

– Верно. Собирайся сегодня, сержанту Жанзуану скажи, пусть переправит тебя ночью на лодке, чтобы ты в воде не мок, холодно уже на улице.

– Экселенц… – Не уходил Фриц Ламме, улыбался, смотрел на господина настолько застенчиво, насколько только мог при всей своей бандитской морде.

Волков знал, чего он ждет, полез в кошель, достал две монеты. Серебра у него уже больше не оставалось, это были гульдены:

– Это на троих. Тебе и людям твоим.

– Вот теперь и на тот берег не страшно, – сказал Сыч, скалясь в подобии улыбки и жадно хватая золото. – Сегодня же переплыву.

– Письма дождись.

– Конечно, господин.

Глава 31

Дожидаясь писем от Бруно и Михеля Цеберинга, Сыч отъедался на три дня вперед. Ел все, что Мария ему приносила. С набитым ртом рассказывал кавалеру о дурацких нравах, что царят за рекой у еретиков. Волков слушал его вполуха, плевать ему было на то, как молятся горцы, какие у них церкви и как они ведут себя в трактирах. Он просто слушал Сыча из уважения, зная, что дело у того будет нелегкое. Опасное дело.

Пришел трактирщик, за которым посылал кавалер, разменял Сычу золото на серебро, пытался жадничать, да Волков его приструнил.

– Ну, теперь все, – сказал Фриц Ламме, пряча деньги и едва переводя дух после съеденного, – можно собираться в путь.

– Максимилиан, проводите Фридриха Ламме к сержанту Жанзуану. – Волков, чтобы проявить уважение, назвал помощника полным именем, Сыч это заметил, был горд. – Проследите, чтобы сержант переправил его на тот берег.

– Да, кавалер, – привычно ответил оруженосец и, уже обращаясь к не спешащему вылезать из-за стола Сычу, добавил: – Ну, пошли, что ли. Собирайся, только вшей своих не забудь.

Он потянул Сыча за локоть.

– Но-но, повежливее! – Фриц Ламме с важностью отстранился. – Ты что, не слышал, как ко мне обращается экселенц?

Беззлобно препираясь, они ушли на конюшню.

Вечером приехала Бригитт. Стемнело, Мария подала ужин, и Волков уже думал, что госпожа Ланге останется ночевать в городе или в поместье графа, когда услыхал со двора грубый голос Увальня и стук в ворота:

– А ну, отпирай, говорю, спите, что ли, ленивые?

Элеонора Августа, что до сих пор сидела за столом, глаз не подняв за весь ужин, встрепенулась. Проворно выскочила из-за стола и поспешила на двор, даже не накрыв плечи платком, хотя уже зябко на улице было. И вскоре приволокла за руку госпожу Ланге, хотела ее

дальше наверх увести, но Бригитт остановилась, сделала перед Волковым книксен и поклонилась:

– Господин, все, что велено вами, я исполнила, все, что нужно, купила, хоть и поискать пришлось ваш кофе.

Госпожа Эшбахта, видно, на дворе в темноте не разглядела, а тут увидала и спросила растерянно:

– А вы платье себе купили новое?

Бригитт улыбалась и цвела. То ли от нового, необыкновенно богатого платья зеленых тонов, то ли оттого что Элеонора так растерялась, увидев ее в новом платье, то ли просто от счастья. Госпожа Ланге буквально сияла, как новенький золотой флорин. Волков не отрывал от нее взгляда. Может… Может, в это мгновение эта рыжая женщина не уступила бы в красоте даже Брунхильде, и дело тут было вовсе не в платье.

– Так где вы платье взяли? И сколько такое стоит? – вернула госпожу Ланге из счастливого забвения Элеонора Августа. Вернула тоном недобрым, даже, кажется, завистливым. – У вас что, кавалер завелся?

Она смотрела на компаньонку внимательно и недоверчиво, с непониманием, словно та совершила что-то предосудительное.

– Ах, – краснела Бригитт и махала ручкой, – есть у меня поклонник. Достойный человек.

Она это так сказала, будто дальше ничего говорить не хочет. Только покосилась на вошедшего в покои Увальня.

Она хотела что-то еще добавить уже не о платье и поклоннике, а что-то тайное и только Волкову. Но госпожа Эшбахта, тоже поглядев на Увальня, схватила Бригитт за руку и поволокла наверх. Видно, распирало ее любопытство.

– Вы бы хоть дали госпоже Ланге поужинать, – крикнул им вслед Волков.

Но жена не соизволила даже ответить ему.

Он долго ждал, пока женщины наговорятся. Мария поставила приборы на двоих, но госпожа Ланге в обеденную залу не спускалась, Элеонора ее, видно, не отпускала. Увалень ел один и рассказывал, где они сегодня были и что делали. Александр Гроссшвулле был плохим рассказчиком, и кавалер начал уже засыпать, когда, шурша роскошными юбками, на лестнице появилась Бригитт.

– Ах, как я голодна, – говорила она, садясь за стол и многозначительно поглядывая на Волкова.

Живая, голодная, кажется, веселая, она стала с удовольствием есть остывшую уже давно жареную кровяную колбасу с луком и рассказывать, как торговалась за рис, как искала кофе, как торопилась и требовала у портного, чтобы он тотчас подогнал платье ей по фигуре. И все это делать так, чтобы еще заехать в имение к графу и до ночи успеть вернуться домой.

Кавалер любовался ею молча, слушал, почти не задавая вопросов, только когда Увалень уже откланялся и ушел спать, ей сказал негромко, беря при этом украдкой за руку:

– Кажется, вы даже лучше, чем я думал о вас.

На столе горела лампа, Мария затихла где-то на кухне. Стало тихо в доме. Бригитт залилась краской так, что даже веснушек на лице и шее не видно стало, а потом поднесла его руку к губам, поцеловала и ответила:

– Тогда, ночью, у колодца, я клялась, что буду вам верна и душой, и телом, я свою клятву не забыла.

– Вас Бог мне послал, – сказал кавалер.

– Бог, Бог, – весело согласилась она, отпила пива, поставила стакан и продолжила: – И сегодня я докажу вам это.

– Вы опять переписали письмо… от этого… – Он даже не хотел произносить имя любовника жены.

Она кивала, жуя колбасу и хлебом собирая жир с тарелки:

– Леопольд написал письмо, я переписала. Снова сломала сургуч, но Элеонора не обратила на это внимания, волновалась очень.

– Леопольд. – Волков скривился. Ему даже это красивое имя казалось противным. – Что он ей пишет? Дело уже решенное? Дайте письмо.

Бригитт отодвинула тарелку, настроение у нее, было, кажется, игривым, она опять краснела:

– Дело еще не решенное, бумага у меня спрятана под юбками. Прикажете здесь доставать или поднимемся в покои мои?

Ему было сейчас совсем не до веселья, он желал знать как можно быстрее, что затевают жена и ее любовник, но обижать Бригитт не хотелось, и Волков ответил:

– Я хочу достать письмо сам, только вот уснула ли госпожа Эшбахта?

– Она еще при мне начала зевать, – радостно сообщила Бригитт, вставая из-за стола, схватила его за руку и потащила наверх в свои покои.

Волков завалился на ее кровать, а она встала перед ним, задрала подол и достала переписанное письмо. И он видел ее чулки, подвязки и ляжки, но сейчас, к ее разочарованию, его интересовало только письмо. Бригитт опустила подол платья, вздохнула и села рядом.

Волков развернул бумагу.

«Горлица моя сизокрылая, день за днем проходит жизнь моя в тоске, пусты все дни, ибо Вас я не вижу. Не вижу глаз Ваших сияющих, уст Ваших алых».

Кавалер хмыкнул. Где этот мерзавец увидал сияющие глаза и алые уста у его жены? Она вечно недовольна, глаза злы, губы блеклые, вечно искривлены в пренебрежении. Он продолжил читать.

«Страдаю я в ожидании видеть Вас и прикасаться к Вам, целовать руки Ваши и лицо Ваше. Все надеюсь я, что одиночество мое может закончиться».

– Одиночество его может закончиться, – мрачно ухмылялся Волков.

– Да не одинок он, врет он ей, – сказала Бригитт, говорила это она с заметной радостью. – Мне верные люди во дворце сказали, что одна знатная госпожа к нему благосклонна, когда бывает при дворе у графа, а когда ее нет, так он ко вдове мельника ходит, там и проводит иной раз по три ночи кряду. А ей врет, голову морочит, уж в этом он мастак.

Волкова это не удивило. Он посмотрел на Бригитт. Та сидела рядом, прижимаясь к нему плечом. Он погладил ее по щеке и продолжил читать:

«Одиночество мое может закончиться лишь по одному слову Вашему. Для того решено все уже, верные люди уже назвали мне хитрую старуху, что сильна в тайных знаниях. Нужно мне лишь Ваше

согласие и то, чтобы особа одна, Вам известная, согласна на дело была…»

– Уж не вы ли та особа, что тут упоминается? – спросил Волков, снова глядя на Бригитт. – Как мы с вами и думали?

– И вправду думают меня уговорить на такое, – улыбалась не без гордости госпожа Ланге. – Даже интересно, что они мне за это предложат? Предлагать-то им нечего, если только обещать на будущее.

Волков кивнул, соглашаясь со всем, что она говорит. Бригитт действительно была умна. И он продолжил чтение:

«…и если она согласна будет, то я начну искать деньги, чтобы заплатить старухе».

Кавалер опять с презрением хмыкнул. Что за ничтожество собиралось его изжить со света. Что за низкий и жалкий человек, у которого даже нет трех или, может, пяти талеров, чтобы отравить мужа своей возлюбленной. Волкову все это было очень неприятно.

Неприятно, что жена ему неверна. Он бы понял Элеонору, окажись ее избранник иным. Если бы писал он ей: «Я приеду и вызову Вашего мужа на поединок». Или даже: «Я приеду и зарежу его, как только он отвернется». Даже и это он понял бы. «Я пойду займу денег на яд, а вы уговорите компаньонку, чтобы она налила яд в стакан Вашего мужа…» – такого Волков не понимал. Это было отвратительно, и больше всего ему казалось омерзительным то, что Элеонора выбрала подобное ничтожество. Предпочла ему отравителя.

Бригитт словно почувствовала настроение господина, положила свою руку на его, стала заглядывать ему в глаза. Волкову совсем не нужно было ни ее участия, ни ее жалости. Ему сейчас хотелось взять в руки топор и чтобы этот ничтожный человек оказался здесь. Ярость и обида клокотали в нем.

Но Бригитт, умная и красивая Бригитт, заслуживала его внимания как никто другой, она заслуживала того, чтобы он задавил в себе ярость и повернулся к ней. Волков кинул письмо на перины, что там еще читать, обнял ее за плечи и поцеловал в висок и в щеку.

И повалил на перины. А она вдруг стала вырываться из его рук:

– Стойте, стойте мой господин, да подождите вы…

– Что? Что не так? – Волков еще больше помрачнел, у него и так было дурное настроение.

– Платье! – сказала госпожа Ланге, вставая с кровати и быстро снимая платье. – Испачкаете платье мое или, не дай бог, порвете, вы же яростный как медведь.

Глава 32

Ноябрь зарядил холодными дождями. Дороги размокли, через глину вода не уходила. Лужи стояли повсюду. Как это ни удивительно, но холодные ветра в этих местах дули не с севера, а с юга, с гор.

Кавалер не мог спокойно сидеть дома, хотя там было тепло и не гуляли сквозняки. Но даже в теплом доме попробуй посидеть за одним столом с женою, которая вместе с любовником затевает тебя убить. И не просто убить, а отравить. Кавалер не очень хотел ее видеть. И не потому, что немил ей, сердцу не прикажешь, конечно. А потому, что предпочла ему какого-то мерзавца. Иной раз, забываясь, он так зло смотрел на жену за обедом, что госпоже Ланге приходилось делать ему знаки, чтобы он успокоился и не пугал всех своей злостью, так как домашние и ближние люди его мрачность замечали.

Бригитт, конечно, в последние дни стала потихоньку брать в руки управление домом, командовать, осмеливалась и Волкову что-то выговаривать. Она даже стала проявлять характер. Каждый вечер упрямо просила его остаться у нее в покоях спать, а когда кавалер не соглашался, обиженно замолкала. Отчего-то ей все больше хотелось показать всем, что господин к ней благосклонен. Делала многое, то, что он скрыть хотел, делала напоказ. Вечером как-то, оставшись с кавалером за столом наедине, стала его волосы трогать и по рассеченной правой брови пальцем водить. Будь то в спальне, пусть бы трогала хоть сколько, но тут, в обеденной зале… При том что Мария собирала посуду со стола прямо в трех шагах от них.

Служанка, скорее всего, все видела, да виду не показала, умная она. А Волков обозлился на Бригитт. Высказал ей за глупость ее и пошел не к ней в спальню, а сразу к жене. Но утром уже опять был ей рад, снова любовался ею украдкой. А она каждый день спрашивала его, решил он, что делать с женой и любовником, или нет. И он не мог

никак решиться. Все думал об этом и думал. Как ни злился Волков на жену, ее он виноватой все равно не считал. Что с нее взять, Бог ее такой создал, ничего тут не поделаешь.

А убить шута этого… Как кавалер его вспоминал, так кулаки сжимались. Вот его бы, его Волков с удовольствием убил бы, но не топором, не мечом, не арбалетным болтом, нет. Стилетом. Чтобы кровь на руку лилась. Вонзал бы свой любимый стилет негодяю в кишки до самой рукояти раз за разом, а потом радовался бы его крови на своих руках. Но и на это решиться было непросто. Как ни крути, а речь идет о придворном графа, человеке его дома, настолько близком, что ему позволялось ежевечерне принимать пищу вместе с графом.

Не осерчает ли граф, если просто убить его человека? Осерчает, конечно. А Волкову как раз графа во враги недоставало.

Значит, только на поединок шута звать. А поединок – дело серьезное. Только Бог знает, чем может он закончиться. Тем более что Бригитт сама говорила, что шут чертов в залах фехтовальных пропадает часто с другими придворными, а сам Волков сто лет уже не упражнялся. Да, поединок – вещь серьезная. Надо все было обдумать. А Бригитт каждый день спрашивала и спрашивала, словно подгоняла его, словно понукала.

И из всех ее вопросов стало казаться кавалеру, что не столько она не любит фон Шауберга, сколько немила ей Элеонора Августа. Что именно графскую дочь Бригитт считает главной виновницей измены, хотя и выглядит ее лучшей подругой, когда та рядом.

В общем, сидеть с двумя этими бабами даже в теплом доме Волкову не хотелось, он взял с собой Максимилиана и рыцаря фон Клаузевица и поехал по дождю на юг своей земли, к сержанту Жанзуану, забрать у того деньги, что он собирал с проплывающих плотов.

Деньги были, конечно, но оказалось их мало, едва двенадцать монет набралось. А еще на пригорке, за рыбацкой деревней, Жанзуан и его люди поставили форт. Да нет, не форт, конечно, заставу. И застава была плохонькая, так как дерева вокруг почти не найти. Но стояла она высоко, и окопали ее неплохо, так что с наскока заставу взять было нельзя. Хочешь не хочешь, а лестницы делай.

Но попробуй их сделай, если вокруг одни кусты. В общем, лагерь на удобном этом берегу просто не поставишь, пока заставу не

возьмешь, а на заставу время потратишь точно.

Волков подумал. Хоть и жалко ему было, но все деньги, что собрал сержант, он ему вернул:

– Подели с людьми, я пришлю вам провианта и полдюжины арбалетчиков. Следите за тем берегом. Не может быть, что они снова не соберутся.

– Премного благодарны вам, господин, – говорили солдаты, радуясь нежданной прибыли. – Вы не волнуйтесь, господин, мы за ними все время следим, как за этими псами не следить, нам и самим наши жизни дороги.

– Воистину, – сказал Волков. – Храни вас Бог.

* * *

Когда, промокший и усталый, он приехал домой, увидал в Эшбахте, у трактира, толпы народа, на улицах телеги в ряд, а люди были все новые, не местные. Кавалер узнал не без радости, что это вернулся Роха из Ланна, привез пушки и новые мушкеты от кузнеца. Немало их привез, двадцать две штуки. Еще с ним прибыло много народа, более полусотни, то были бродяги, каких в огромном Ланне множество. Солдат среди них почти не найти, зато всех взял за корм, кров и талер в месяц, пока войны нет. Очень дешево. А еще привел капитана Пруффа с его людьми. Тех было еще три десятка.

Сторговался Роха с Пруффом вроде и недорого. Тот за последнее время, что кавалер его не видел, почти не изменился. Усы его были так же жестки, лицо такое же красное, вот только платье его ощутимо пообтрепалось, заметно, что не жировал капитан артиллерии, поэтому и недорого Роха его сторговал. Волков пригласил капитана и Роху к себе на ужин. Угощал от души, но Пруфф сидел насупившись. Только с женщинами был приветлив, насколько умел, Элеоноре Августе и Бригитт отвечал, как подобает человеку вежливому. А Рохе и Волкову не очень. Кавалеру казалось, что капитан так и не простил его за дележ добычи, что досталась им в Ференбурге. Видно, злопамятный был, пошел снова в наем к Волкову только из большой нужды.

Тем не менее Волков был ему рад, как рад и людям его, и пушкам, и мушкетам.

Как женщины ушли, так за стол были приглашены молодые господа из города и господин Гренер, кавалер фон Клаузевиц, все офицеры, Максимилиан и Увалень. А еще позвали сержантов Хельмута и Вильгельма, они должны были обучать новоприбывших солдат.

Когда все собрались, места за столом едва хватило, садились все по рангу: Брюнхвальд, Рене, Роха, Пруфф и Бертье первые от Волкова, дальше шли все остальные, Хилли и Вилли мостились на углу стола, но все равно были горды, что их позвали на совещание.

Мария и дворовые девки-помощницы расставляли стаканы и тарелки, носили еду, пиво, вино. А за ними стояла старшей сама госпожа Бригитт. Красивая, в роскошном новом платье, она не стеснялась указывать прислуге, так и хотела показать всем присутствующим, что это она домом управляет. Она, а не кто-то другой.

А вопросов и дел у господ офицеров было много. Первый – куда прибывших людей деть. В лагере на улице оставить под дождем да на ветру с гор – так это погубить немалую часть из них еще до Рождества. Решили бараки строить. Снова деньги… Кирпич свой есть, так еще же и лес нужен, брус, доска – все привозное. Немалые деньги. Провиант на восемьдесят человек купить. Деньги. Башмаков и одежды доброй у них нет, оборванцы. Деньги. Доспех хоть какой-то, шлемы, стеганки. Большие деньги. Порох нужен, много пороха, чтобы учить стрелять прибывших. Пули для мушкетов, для аркебуз, арбалетные болты, ядра, картечь, картечь мелкая. Посчитали, так пороха одного требовалось двенадцать бочонков. И это только для упражнений, а еще и на войну держать запас надобно. Деньги. Деньги. Деньги. Волков слушал, прикидывал, сколько серебра нужно, потом плюнул, монахов звал, те примостились на лавке рядом за его спиной, стали считать, записывать все. Как все посчитали, монахи положили перед ним бумагу, кавалер глянул в нее, и чуть в глазах у него не потемнело.

Как говорится, вынь да положь четыреста тридцать шесть талеров.

Офицеры еще что-то говорили, а он и не слушал их больше. Смотрел на расчеты. И знал, что серебра у него уже нет и что ему придется тратить свое золото. А он даже не представлял, сколько у него этого золота осталось. На одни бараки пойдет сто восемьдесят

талеров, это считал брат Семион, может, и прикрутил лишнего, чтобы украсть, но не слишком много, это точно. Тут не сэкономишь. На башмаках, одежде, стеганках тоже, ну, можно мяса новобранцам не давать, на бобах и просе проживут, так тоже экономия невелика. Порох? Не сэкономишь. Пули, болты, картечь, ядра? Тоже ничего.

А офицеры все еще что-то говорили, делали предложения, обсуждали что-то. А он тер лицо руками. Отрывал руки, открывал глаза – и хоть снова закрывай. Тяжко было, тяжко. Только один взгляд Волков находил сочувственный. Жалели его только одни глаза. Глаза зеленые. Госпожа Ланге стояла у стены, в разговоры мужчин не лезла, только и делала, что на него смотрела. И, кажется, жалела его всей душой.

Пока он с рыжей красавицей в гляделки играл, так офицеры и монахи ему еще десяток талеров насчитали. И приплюсовали их к этой немалой сумме. Нужно было заканчивать это все. Во-первых, кавалер устал, а во-вторых… Очень ему хотелось к госпоже Ланге. Обнять ее, зарыться в длинные пружины ее медных волос, вдыхать их запах и забыть про всех этих суровых и нудных мужчин. И про их правильные, быть может, придумки.

Он долго сидеть не стал, вскоре закончил ужин, предложив господам разойтись. Но и в эту ночь не остался у госпожи Ланге спать, а ушел в спальню к жене.

* * *

Только увидев этого человека, Волков понял, что произошло что-то плохое. Кавалер его сразу признал, это был один из людей сержанта Жанзуана. Был он мокр от дождя, накрыт таким же мокрым плащом, сидел на мокром коне.

– Ну, чего? – спросил у него кавалер, не спускаясь с крыльца.

– Сержант велел вам вот этого доставить, ночью переплыл с того берега, – сказал солдат, кивая себе за спину.

И из-за лошади, торопясь, кланяясь и стягивая с головы шапку, к нему вышел человек, накрытый промокшей рогожей. И его кавалер признал сразу. Это был один из тех двух ловких людей, что Сыч ему

представлял перед тем, как отправить за реку. Имени, убей бог, кавалер его не помнил, но лысую ушастую голову припоминал отлично.

Как только Волков увидал лопоухого, еще больше стал думать о плохом. Если горцы переправляются, ничего хуже и быть не может.

– Ну, они собрались, а вы не узнали? – с угрозой в голосе спросил кавалер.

– Кто? Еретики? А, нет, господин, слава богу, нет, – затараторил приехавший с того брега, – но дела тоже плохи.

Он покосился на солдата и на мужиков дворовых, что тоже тут стояли и смотрели на них.

– Пошли в дом, – пригласил Волков.

Когда пришли, предложил человеку, указывая на стул подле себя:

– Садись.

– Сюда? – не верил лысый. – С вами?

– Садись, говорю, – сурово продолжал кавалер.

– Спасибо, господин, – говорил лысый, с опаской садясь на дорогой стул грязными штанами, – судья никогда не предлагал сесть с ним.

– Госпожа Ланге, распорядитесь дать ему еду.

Бригитт даже приказывать не пришлось, Мария сама принесла лысому миску отличной фасоли с мучной подливой на крепком говяжьем бульоне. Он сразу взялся есть, будто не ел три дня кряду.

– Говори, что случилось, – не давал ему забываться Волков.

– Да, господин, конечно, – отрывался от еды лопоухий. – Господина Сыча и товарища моего Малька взяли. Ну, про Малька-то я точно не знаю, думаю так, а вот господина Сыча точно взяли. Сам видал.

– Взяли? Кто взял?

– Известно кто. Стража, господин, стража.

– Рассказывай.

– Ну, приехал господин Сыч, так и так, мол, письма нужно важным господам от господина нашего передать. Поехали мы в Рюммикон, отыскали тех господ, кому письма отдать нужно, и господин Сыч говорит, что дело непростое, опасное, пойдет Малек с письмом к одному, а Еж, это я, понесет письмо другому. А я, мол, вас тут покараулю. И остался в кабаке одном нас ждать. Я сразу своего купчишку нашел, письмецо ему сунул да ушел, господин Сыч ответа

ждать не велел. Пришел в тот кабак, сел за стол один, господина Сыча вижу, но мы как бы не знаемся с ним. Я сам по себе вроде. Полкружки выпить не успел, как приходят стражники, да не одни, а с офицером, зашли, сразу к господину Сычу, как знали его. Офицер так и сказал: «Вот он, берите его, ребята». И пальцем на него показал.

Волков молча продолжал слушать.

– Господин Сыч ушел бы, он этих дуроломов так покидал на пол всех вместе с офицером, сам побежал из кабака, но стражники, паскуды, стали кричать, чтобы держали его, а тут в дверях как раз лесорубы оказались, ему никак через них не пройти было. Схватили его. Били, – продолжал лопоухий, не забывая про фасоль.

Вот так вот. Волков на сей раз даже не знал, что и делать. Признаться, растерялся даже. Фриц Ламме – эдакий похабник, хитрюга, подлец, такой грязнуля, что вонял невыносимо иной раз, еще и вшей носил, пьяница и бабник, игрок в кости, а может, и вор… А вот его нет, и кавалеру словно глаз выбили.

Лопоухий Еж уже и фасоль доел, тарелку отодвинул, а Волков все молчал в растерянности.

– Господин, так что делать будем? – спросил его наконец лопоухий.

– Еж, Сыч, Малек. У вас всех, у судейских, клички, как у собак или бандитов? – спросил вдруг Волков.

– Так уж повелось, – отвечал лопоухий Еж. – Всегда так было.

– Имя-то у тебя есть, господин Еж? – Он все еще словно пытался не думать о деле серьезном, словно хотел говорить о пустяках всяких ненужных.

– Есть, господин, кличут меня Гансом. Я Ганс Круле из Малена. Но привычнее мне, когда зовут меня Еж, господин. Так лучше, господин. Так мне привычнее.

– Ладно, Еж. – Кавалер стряхнул с себя оцепенение. Сыча, конечно, жалко, людей и соратников всегда терять жалко, даже если ты их не знал, но дело не было кончено. – Ты скажи-ка, Еж, мне вот что. Кантон собирается со мной воевать?

– С вами? – удивился лопоухий, как будто в первый раз это слышал. – С вами – да, конечно, их ландтаг, земельный парламент, выделил сорок флоринов на райслауферов.

– Что ты несешь? – не поверил Волков. – Они что, против меня собираются еще и наемников использовать? У них и своих людей много, без труда и тысячу смогут набрать.

– Да, господин, было так, да на той неделе король еще призыв объявил, прислал денег, многие из местных подались на юг воевать за короля.

Волков даже перекрестился, хоть какая-то хорошая новость:

– Славен будь, Господь милосердный.

Еж тоже перекрестился и продолжил:

– Аминь. Так они уже начали наемников собирать.

– Начали? – задумчиво переспросил кавалер.

– Да-да, начали уже, – говорил лопоухий.

– Сорок флоринов, говоришь?

– Да, господин. Сорок золотых.

– Из других кантонов людишек набирают?

– А откуда же еще?

– А горцы – солдаты дорогие, больше двух сотен на месяц им за такие деньги не нанять, – вслух размышлял Волков. – Или сотню на два месяца.

Он посмотрел на Ежа. Только кавалер глаза на шпиона поднял, как тот, кажется, сразу понял его взгляд. Лицо лопоухого стало сначала испуганным, а потом и жалостливым сразу. Чуть-чуть – и заплачет.

И Волков знал, отчего так. Он полез в кошель, достал оттуда гульден. Повертел его перед носом Ежа:

– Вот что я тебе скажу, Ганс Круле по прозвищу Еж. Ты сам понимаешь, что не могу я сейчас без глаз остаться, война идет ко мне, и мне очень нужно знать, сколько людей хотят нанять, сколько их будет всего. Понимаешь, Еж? Ты мой последний глаз на том берегу.

– Господин, уж больно опасно там стало, – морщился шпион, поглядывая на столь близкое к нему золото. – Господина Сыча и Малька палачи начнут кромсать, так они и про меня вспомнят. Искать станут. Схватят меня, господин.

– Нет у меня сейчас больше никого, понимаешь? – говорил кавалер, кладя золотой на стол перед лопоухим. – Нет никого, некого мне туда послать. На тебя вся надежда.

– Эх, – Еж сгреб деньгу, – ладно, попробую. Ей-богу, господин, схватят меня, золото свое все равно что в реку бросаете.

– Ты осторожней будь.

– Да уж придется.

Еж встал.

– И, если представится возможность, узнай, куда они Сыча дели.

– А тут и узнавать нет нужды, в столицу кантона их повезли, в Шаффхаузен.

– Точно?

– Точно-точно, конечно, я слыхал, что там лучшие палачи кантона, – заверил кавалера Еж.

Глава 33

Думай о Сыче или не думай, плачь, злись, грусти, а дни, как Богу угодно, дальше идут. Жалко Сыча, без него как без глаз остался, но дела-то нужно делать. За него, за господина, их никто не сделает. Хотелось бросить все и забыться, но Волков позвал к себе монахов, те брали бумаги, чернила, перья, шли к сундукам, садились с ним рядом, начинали считать, что в них осталось.

Словно мало было потери Сыча, так еще одна печаль выявилась. Дело с деньгами обстояло еще хуже, чем кавалер думал. От гор серебра только пустые мешки остались, на дне валялись. Золото, то золото, что он занял у банкиров, купцов и других нобилей Малена, было все цело. А вот из того, что он вывез из Хоккенхайма, он уже потратил немало. Имелось у него больше четырех сотен золотых монет, а осталось всего триста шестьдесят. И дело шло к тому, что будут и дальше они тратиться и тратиться. Если другим офицерам Волков жалованья не платил, землей откупился, но Пруффу и всем людям Рохи надо хоть немного, но платить, а еще корм им надобен, едят они каждый день. А еще все господа из выезда его, что живут с монахами в старом доме, да еще их послуживцы. От них просом и жидким пивом не отделаешься, им мясо, колбасу подавай. А кони их? Все здоровенные, крепкие. Сеном такие не наедаются, от сена такие худеть начнут, это не меринки мужицкие, это кони боевые, овсом их корми. А еще дом. Содержание дома, пиво, вино, пряности, а теперь еще рис и кофе.

Стали с монахами считать. Монахи умные были, все посчитали, всех людей его, всех коней его, всё сосчитали, что не забыли. Пока считали, советовались. Посчитали – замолчали. Монахи молчали сидели, боялись слово сказать, брат Семион молча сунул Волкову листок, а он поглядел на цифры и ужаснулся. Траты его были огромны! Четыре с половиной серебряных талера в день! Четыре дня – нет золотого гульдена! Четыре дня – еще одного гульдена нет! Золото течет сквозь пальцы, война выпивает из него все деньги. И ни перерывов, ни праздников в этом течении не предвидится. Четыре дня – нет золотого гульдена! Четыре дня – еще одного гульдена нет! А монахи еще не посчитали проценты, что шли от взятого в долг золота.

Сидел кавалер и думал. Брат Семион сказал, что нужно поискать, на чем бы сэкономить, но Волков ему не ответил. Это и так ясно, да только на чем? Наконец, он спросил:

– Архитектор твой, кажется, церковь начал уже строить?

– Котлован для фундамента вырыл, но я просил его часовню для убиенного монаха сначала созидать, – ответил брат Семион.

– Пересчитайте смету на церковь, уменьшите ее на сто восемьдесят талеров, пусть бросит часовню и бараки строить начнет, людям под дождем да на ветру спать несладко. И пусть дешево строит. Рохе и капитану Пруффу скажи, чтобы людей своих на строительство дали.

– Как прикажете, господин, – отвечал брат Семион.

– Ступайте, – кивнул кавалер.

Брат Семион и брат Ипполит ушли, а он сложил золото в сундук, запер его, задул свечу и остался сидеть в полумраке. За окном был день, но тучи висели низко, мелкий дождик медленными каплями стекал по стеклу, настроение у Волкова было под стать погоде.

Все, все висело на плечах его тяжким грузом, собиралось огромным комом, давило и давило книзу. И чем дальше все шло, тем тяжелее становился этот ком. Вот теперь еще и Сыча у него нет, когда он нужнее всего. А деньги? Чертовы деньги. Как, как без них жить? Да жить-то еще ладно, он бы прожил, будь он один, пропитался бы на то, что поместье давало. Но он-то не один, у него три сотни, да больше даже, всяких людей, и простых, и благородных. Как тут без денег быть? Ах да, еще и жена у него есть, как он забыть про нее мог. Точно, точно испытывает его Господь, не иначе. Не то другую бы жену ему

дал. Женушка спать с ним не желает, дескать, груб он для дочери графской, кривится, словно он прокаженный какой, а еще с ничтожным человеком извести его задумывает. И герцог после пустой попытки его взять озлобится только, а как иначе, всякий бы озлобился, если младший тебе перечит и при всяком случае непокорность показывает. Тут любой сеньор осерчает. А ко всему этому архиепископ просит, чтобы Волков купцов вразумлял. Просит. Этот поп так попросит, что попробуй еще отказать ему в просьбе его. Впрочем, дело с деньгами складывалось так, что кавалер, кажется, начинал склоняться к удовлетворению просьб епископа. Но нужно было все как следует обдумать.

Волков сидел и думал, думал о делах своих. Дела его были нехороши. Положение его, конечно, нельзя назвать завидным, но вот в чем он силен, так это в упорстве своем. За все годы в солдатах и гвардии ему ни разу не приходилось сдаваться. Ни в осадах, когда сидели без хлеба и ели старую, твердую конину. Ни в проигранных сражениях, когда в почти безвыходных ситуациях он все-таки пробивался к своим или дожидался темноты и уходил с поля боя, пока победивший враг грабил мертвых. В общем, не умел Волков сдаваться, да и учиться не собирался.

Все бы у него могло получиться, лишь бы горцы не затягивали с новым вторжением. Сколько бы их ни пришло, много или мало, лишь бы не тянули. Победа или поражение, пусть все рассудит Бог, но лишь бы побыстрее, лишь бы не ждать.

И все же, пока в войне затишье, мысли вновь и вновь возвращались к насущному. Четыре дня – нет золотого гульдена! Четыре дня – еще одного гульдена нет!

Сидеть-высиживать да тосковать кавалер не хотел, не любил он этого, попы правильно говорят: уныние – грех. Нужно дело делать, нужно узнавать все самому, а не с чьих-то слов, и Волков решил разобраться, сколько сена и овса в день на лошадей его уходит. Из всех трат хотя бы про эту узнать, а еще выяснить в точности, сколько всего коней у него разных. У него ведь и боевые кони, и тягловые для обоза, и мерины рабочие для пахоты есть. Конюшни битком, а он даже не знает, кто у него главный конюх. Кавалер спустился на первый этаж, там госпожа Ланге дворовую бабу по мордасам охаживает, как он из слов понял, за посуду плохо мытую. Он был рад, что нашел Бригитт

занятие важное: и она при деле, и дом будет в порядке, ведь госпожа Эшбахта домом не занималась, не приучена графская дочь ко всякой работе.

Он звал с собой Максимилиана, пошел в конюшню посчитать лошадей. Спросил у оруженосца:

– Кто у нас за всех коней отвечает?

– Отвечает? – не сразу понял Максимилиан.

– Да, кто у нас главный конюший в поместье? – спросил Волков, понимая, что такого нет. Он же сам такого назначить должен был.

– Нет у нас такого, – подтвердил юноша. – Вашими конями я и Увалень занимаемся, а рабочими – Ёган, его мужики. А всеми конями, что для кареты госпожи, так кучер госпожи и занимается.

– А овес, сено для корма – все Ёган дает?

– Да, кавалер, – сказал Максимилиан.

Во дворе как обычно все: один мужик таскал воду в дом от колодца, баба тут же хворостом и дровами занималась, мужик у конюшни с телеги вилами сено в конюшню носил. Волков направился к нему и почти уже дошел, но тут во двор въехал верховой. Был он не беден, хоть и не богат, на неплохом коне, но ни парчи, ни бархата на господине не было.

Кавалер и Максимилиан остановились, стали на приезжего смотреть. А тот их увидал – они оба при мечах были, – подъехал, спешился и поклонился:

– Надеюсь, вижу я господина Эшбахта?

– Да, я фон Эшбахт, чем обязан? – вежливо осведомился Волков.

– Я капитан Тайленрих из Лейденица, глава военной гильдии стражей Южного Фринланда.

– А, соседи, рад видеть, прошу в дом, – произнес Волков. – Максимилиан, примите у господина Тайленриха коня.

Хорошо, что он поручил госпоже Ланге руководить домом. Госпожа Эшбахта, увидав гостя, едва кивнула ему, сидела, нахохлившись, словно курица на насесте в холод, губы в презрении поджала, все своим рукодельем дурацким занималась. А Бригитт сама подошла к капитану, шляпу у него взяла, не погнушалась, держалась вежливо и приветливо. Как только мужчины сели за стол, так велела вина принести и тарелку капитану, так как он с дороги мог быть голоден. Умница, все правильно делала, Волков виду не показывал, но

был ею очень доволен. А еще ему стало интересно, зачем этот капитан к нему приехал, но кавалер не торопил гостя. Тот не заставил себя ждать:

– Просили меня о визите к вам уважаемые люди.

– Уважаемые люди какого места? – спросил Волков.

– Те люди, что на нашей реке и в наших местах хорошо известны, – сказал капитан, глядя, как Мария под присмотром госпожи Ланге кладет на тарелку хорошую еду.

Но Волков ждал имен, и Тайленрих их назвал:

– Господа Плетт, Фульман и сам господин Вальдсдорф о том меня просили.

– Плетт – это торговец углем, кажется, – сразу вспомнил кавалер, это ему писал письмо племянник.

– Именно, известный и богатый лесоторговец и торговец углем, – отвечал капитан.

– А Вальдсдорф – это толстяк из городского совета города Рюммикон, – вспоминал Волков этого неприятного человека.

– Именно, именно, – кивал капитан, – а еще он глава Линхаймской коммуны лесорубов и лесоторговцев. С ними еще и господин Фульман был, он тоже крупный купец и владелец пристаней и складов в Рюммиконе.

– И что же нужно этим достойным господам от меня? – Волков поначалу даже и предположить не мог, к чему этот визит и весь этот разговор.

– Эти достойные господа огорчены тем, что ваших людей, что привезли в Рюммикон письма от племянника вашего, взяла стража.

– А уж как я огорчен, – сухо заметил кавалер, он уже начал догадываться, что сейчас у него будут просить деньги за освобождение Сыча.

Волков был готов отдать много денег за своего человека. И не только потому, что Фриц Ламме приносил ему пользу, но и потому, что успел к нему уже привыкнуть. Тем не менее он собирался хорошо торговаться.

Но капитан вдруг сказал:

– Господа из Рюммикона просили сказать, что письмо, адресованное одному из купцов, пришло не вовремя. Он недавно потерял племянника в сражении на реке, в котором вы разбили горцев.

Траур еще не прошел, боль не утихла. Вот он и позвал стражу. Но господа Фульман, Плетт и Вальдсдорф хотят знать: ваш интерес к углю и лесу еще не охладел?

– Интерес моего племянника к углю и лесу еще не охладел, – отвечал Волков, он был рад, что дело продолжается.

– В таком случае господа спрашивают: не соблаговолите ли вы и ваш племянник встретиться с ними?

– Я так полагаю, что встретиться они хотят на вашей территории?

– Да, именно, – кивал капитан. – Они считают, что не могут приплыть к вам, а вам неблагоразумно будет ехать в кантон. Потому они просили меня быть посредником и организовать встречу в Лейденице, а уже там обговорить все вопросы. Я со своей стороны гарантирую вам безопасность.

Это было то, что Волкову требовалось: связи в кантоне пригодятся, даже если и торговля не выгорит.

– Я буду у вас.

– Тогда в воскресенье, допустим, пополудни я жду вас на пирсах в Лейденице.

– При мне будет дюжина людей.

Капитан помолчал, а потом сказал:

– Что ж, я понимаю ваше недоверие. Хорошо, пусть будет двенадцать людей.

– Ну, тогда выпьем. – Волков поднял стакан – дела шли на лад. – Ваше здоровье, капитан!

Конечно, его могли заманивать в ловушку, но он-то подготовится к такому повороту. А если то не ловушка, то очень и очень нужное дело.

– Конечно. – Капитан тоже поднял стакан. – Ваше здоровье, господин фон Эшбахт, и здоровье вашей прекрасной супруги.

Он поклонился госпоже Ланге, что была тут же, хотя из скромности за стол с мужами и не садилась. Бригитт от слов этих вся расцвела.

Глава 34

Кавалер фон Клаузевиц, Максимилиан Брюнхвальд и Александр Гроссшвулле были избраны Волковым в ближний круг, то есть должны

неотлучно при нем находиться, куда бы его ни пригласили. Всем остальным сопровождающим: братьям Курту и Эрнсту Фейлингам со своими шестью людьми, Карлу Гренеру и оруженосцу кавалера фон Клаузевицу – всем надлежало быть наготове, держась на некотором отдалении. После того как кавалер объяснил всем их обязанности, он сказал:

– И приведите, господа, свою одежду и доспехи в порядок.

Это были, конечно, не все приготовления, еще на рассвете он на всякий случай отправил лодку с Брюнхвальдом и десятком его людей в Лейдениц. Пусть там, возле пирсов, подождут. Лодка с еще двумя десятками людей под командованием Бертье и лодка со стрелками, возглавляемыми сержантом Вильгельмом, должны были стоять готовыми к отплытию у его берега. Конечно, кавалер не думал, что ему приготовили западню, но, даже если и не думаешь, лучше предусмотреть любой исход.

Сам он еще с утра велел достать из ящика и стал смотреть свои доспехи и фальтрок, решил ехать в них. Не потому, что боялся, а потому что уж очень были роскошны его доспехи, да продлит Господь дни его высокопреосвященства.

Пока кавалер завтракал и рассказывал жене, которая слушала его вполуха, о своих ближайших намерениях, госпожа Бригитт делала знаки, давая понять, что у нее к нему есть разговор.

Как только им удалось уединиться, так она начала с жаром и волнением:

– Кажется, Элеонора решилась, – говорила госпожа Ланге быстро, так как времени было у них не много.

– На что? – спросил Волков, хотя сам прекрасно понимал, на что решилась его жена.

– Утром я ей волосы расчесывала, а она у меня и спрашивает: «Бригитт, а ты меня любишь?» Я ей говорю: «Конечно, Элеонора, кого мне тут любить, как не вас». А она говорит: «А предана ли ты мне, можешь дело одно для меня сделать?» Я ей говорю: «Конечно, а что за дело?» А она мне: «Я тебе пока сказать не могу, но дело такое, что очень важно для меня, и ты если сделаешь его, то щедро вознаграждена будешь». Я ей говорю: «Так хорошо же, только скажите уже, что за дело». А она говорить сама не стала: «Как постылый пошлет тебя в город, так заедешь к отцу моему в поместье, найдешь

Леопольда, он тебе передаст, что сделать надобно». Я ей говорю: «Как пожелаете, Элеонора». А она вскакивает, обнимает меня и плачет, говорит, коли дело я сделаю, так она вечно мне благодарна будет. Не иначе как приеду туда, фон Шауберг меня на дело мерзкое подбивать примется. Может, яд он уже прикупил.

Бригитт замолчала, стояла, заметно волнуясь, ожидая, что скажет кавалер. И он сказал, вернее, спросил о том, о чем госпожа Ланге и подумать не могла:

– А она меня всегда постылым зовет?

Бригитт растерялась сначала, а потом и ответила:

– Постылым? Да почти всегда вас так величает. Мужем или господином зовет вас редко, обычно постылым и называет. – Тут глаза у Бригитт сделались злыми, и злилась она вовсе не на него. – А когда на вас сердится, так зовет вас хамом.

Это Волкова не удивило, может, для дочери графа он и хам, хотя называть так мужа при других – это большая грубость, неуважение явное. От этого ему стало печально, а еще от того, что все с его женой складывается плохо. Не по любви все, да и бог бы с ней, с любовью, выходило бы хоть все по согласию, по чести. Ведь все, что ему нужно от нее, – так это чтобы детей без противления рожала, как велит закон человеческий и Божий. Но не хотела Элеонора Августа ни чести, ни согласия. Каждый раз приходилось ему свое брать, как на войне. И в этом он винил только поганца Леопольда фон Шауберга, придворного шута и певца графа фон Малена. Только его. И все это дело стало кавалеру вдруг так омерзительно, что даже красивая Бригитт, что смотрела на него сейчас с преданностью и ждала его решения, как причастная ко всему этому, сделалась ему немила.

– Вы знаете, где госпожа Эшбахта хранит письма от этого мерзавца? – наконец спросил Волков у рыжей красавицы.

– Конечно, господин, – отвечала та. – Она держит их там, куда ни один муж не полезет: в сундуках с нижними юбками и рубахами, на самом дне.

– Пока пусть там и лежат, не трогайте их, но как потребуется, так возьмете их для меня, – сказал наконец он.

– Конечно, господин мой! – Бригитт хотела погладить его по щеке. – Не печальтесь так, не выйдет у них ничего.

Но все еще немила была она ему, он руку ее схватил, отвел от лица своего и тут же понял, что напрасно повел себя так грубо. Быстро поцеловал ее в губы и сказал:

– Поеду по делам в Лейдениц. Вернусь, так решу, что делать.

– Как пожелаете, мой господин.

Бригитт сделала низкий книксен, она бы и руку ему поцеловала, да не отважилась на то.

Волков же позвал своих оруженосцев, они помогли ему облачиться в доспех, поверх надел фальтрок, штандарт брать не стал, не на войну же едет.

Но после разговора с Бригитт Ланге был он печален из-за жены, на коня садился, а не шла она из его головы, и не оттого он грустил, что Элеонора Августа его не любила, тут уж ничего не поделать, а вот ее предательство сильно огорчало кавалера. Так и ехал он, мрачен и хмур. И племянник, и все его люди видели его хмурость, поэтому расспросами Волкова в дороге никто не донимал.

Капитан Тайленрих ждал его прямо на пристани. Как только лодка с Волковым и его многочисленной свитой пристала к пирсам, капитан подошел и протянул кавалеру руку, помогая вылезти на берег.

– Господа купцы прибыли? – Волков гремел латами и мечом, вылезая на пирс.

Бруно Дейснер, его племянник, и молодой купчишка Михель Цеберинг шли за Волковым, заметно волнуясь. Один совсем мальчишка, другой еще недавно был солдатом, одет как простолюдин. Еще бы им не волноваться при такой встрече.

– Господин фон Эшбахт и вы, господа, – говорил им Тайленрих, – купцы уже ждут вас.

Племянник расширенными глазами смотрел на дядю, а тот был суров и сосредоточен. А то, что Бруно и компаньон его волнуются, даже хорошо: впредь станут относиться к делу серьезнее, урок им будет.

Волков едва заметно кивнул Карлу Брюнхвальду, который был тут же, и проследовал со своими людьми туда, куда приглашал его капитан. А приглашал он в большой пустующий склад.

– Купцы очень просили сохранить в тайне встречу с вами, сие предприятие для них небезопасно, – продолжал капитан. – Поэтому было решено, что встреча пройдет в тихом месте, где нет зевак.

– Я понимаю, – ответил кавалер.

Конечно, он помнил советника Вальдсдорфа – как же забыть этого неопрятного толстяка. А вот то, что они с господином Фульманом уже знакомы, Волков не знал, пока его не увидал. Вспомнил он этого господина, уже с ним как-то встречался у графа, когда разбирался из-за сплава плотов. С купцами были добрые люди при железе числом шесть человек, но держались они поодаль, за спинами господ, и в дело не лезли.

Все поздоровались. Капитан Тайленрих указал прибывшим их место за столом, кавалер излишнюю вежливость показывать не стал, сел первый. Он не купчишка какой. Купцы тоже стали садиться. Племянник и его компаньон Цеберинг разместились возле Волкова. Он пожалел, что не взял с собой брата Семиона. Этот умник сейчас оказался бы кстати. Не подумал, ладно, и без него поговорит.

– Думаю, что выскажу общую мысль, если скажу, что время для распрей проходит, – начал советник Вальдсдорф.

Толстяк, кажется, привык всегда говорить первым. Пусть его. А еще по неписаному кодексу советник должен был принести извинения за то, что люди Рюммикона схватили людей Волкова. Но и на это смолчал кавалер, не стал толстяка вежливости учить.

– Да, время распрей прошло, война нам не нужна, но не о ней собрались мы тут говорить, – сказал он. – Мой племянник выбрал своим ремеслом дело купеческое и, побывав у вас, решил, что выгодно будет ему покупать у вас лес и уголь.

– И мы тому рады, видим мы, что ваш племянник не по годам умен, – отвечал кавалеру лесоторговец Плетт, заодно кланяясь юному Бруно Дейснеру.

Мальчишка покраснел, вытянулся в струнку и от волнения даже не ответил поклоном. А Плетт продолжал, улыбаясь:

– Жаль, что меж нами распря, иначе все оказалось бы просто. Но даже в нынешних условиях мы готовы поставлять вам и лес, и древесный уголь по хорошей цене. По самой хорошей цене, если вы…

– Если я что? – спросил кавалер.

– Если вы возьмете на себя все таможенные расходы.

– Таможен его высочества на моей земле нет, – пожал плечами Волков, – а уж дальше племянник сам с таможнями разберется. Так что мы будем просить самую низкую цену, что вы готовы давать.

– Коли так, то мы запросим всего восемнадцать крейцеров за корзину угля, дешевле никто вам на нашей реке не предложит, – заявил Плетт. – И лес для вас самый дешевый выйдет.

– А у вас мы готовы брать все седла, всю сбрую, какая бывает, и всю кожу, что готовы вы нам продать, но и за то, в свою очередь, будем просить цену низкую, – добавил господин Фульман.

– Мы выясним цены на кожу и все остальное, только вот как мы все это станем возить друг другу? Моему племяннику к вам ездить небезопасно, и если вы ко мне станете ездить, могут увидать и донести, – сомневался кавалер.

– Верно-верно, – кивали купцы, и за всех отвечал советник Вальдсдорф:

– Если по цене мы сойдемся, если таможня нас не обложит, то прибегнуть можно к купеческим способам, всем давно известным.

– Я не купец, мне они неизвестны.

– У нас есть доверенные люди из местных, – сказал советник, – капитан Тайленрих их знает. Это купцы и хозяева лодок. Они и к нам заплывать могут, и к вам без боязни. За свою долю они с удовольствием за дело такое возьмутся.

– Ах вот как, значит, купцы и лодочники из Фринланда станут возить товары, – протянул кавалер, – что ж, это мудро.

Он на мгновение замолчал, раздумывая. А подумать было о чем.

Для герцога Волков пока что был всего-навсего ослушником, нерадивым вассалом, что затевает войны на границах. Дело, конечно, неприятное, но нередкое и простительное. Воинственным вассалам многое прощалось. Война для благородного человека – вещь обыденная. А непослушание сеньору – проступок, конечно, но не из тех, за которые сразу рубят голову. А вот контрабанда – уже совсем другое дело. Это удар не по престижу сеньора, а по его кошельку. Вот тут сеньор и впрямь может обозлиться не на шутку. На кой черт человеку такой вассал, который его совсем не слушается, затевает войны, да еще его же и обворовывает. Не нужен был герцогу такой вассал, но, к сожалению, Волкову требовались деньги. И он сказал:

– Да, нам нужна самая низкая цена на все, а про таможню забудьте.

– Вот и отлично, – обрадовались купцы, – значит, дело пойдет.

Глава 35

Кажется, толстяк Вальдсдорф не был таким уж неприятным человеком. Наоборот, всячески старался расположить к себе кавалера. Он поведал ему некоторую важную информацию о том, как собирают пошлины в Малене и на границах земли Ребенрее. Купцы также советовали Волкову, как складировать и разгружать товар.

Оказалось, что его прекрасные новые амбары, что стоят возле пирсов, совсем не подходят для хранения угля и леса.

Ему придется строить навесы, так как уголь и лес не терпят дождя. А еще у него слишком короткий пирс для приема барж с длинными досками и брусом, придется удлинять его. В общем, Волков понял, что его ждут новые траты. Но он был на них согласен, так как и прибыли маячили весьма и весьма значительные. Купчишки и сами загорелись, он это видел. А эти господа чуют прибыль как никто другой. Когда встреча наконец закончилась и прибывшие пошли уже к пирсам, кавалер сказал племяннику:

– Хорошо, что вы заехали в Рюммикон, хорошо, что познакомились с купцами. Теперь уж не упустите выгоды, кажется, большие деньги в этом деле могут быть.

– Да, дядя, – говорил Бруно Дейснер взволнованно. – Я все стану делать сам, за всем буду следить, и Михель мне поможет.

– Не дай вам бог испортить мне дело! – пригрозил кавалер им обоим.

Михель Цеберинг шел рядом, косился на кавалера, и вид у него был едва ли не испуганный. Волков невольно усмехнулся. Этому Михелю вряд ли исполнилось больше двадцати. А дело, в которое он влез, для мужей солидных, мужей опытных. Как те, с которыми они только что встречались. И племянник, и Михель Цеберинг должны были волноваться.

– Завтра же поутру поезжайте в Мален, там поговорите с теми, кто покупает уголь и доски. Нужны твердые цены, – распорядился Волков. – Возьмите с собой монаха, брата Семиона. Он премудр. Нужно все посчитать как следует.

– Я уже говорил, дядя, цех оружейников-латников готов брать уголь, они же купили у нас первую партию, – говорил Бруно. – А еще

один купец готов у нас забирать весь уголь по тридцать четыре крейцера.

– Один цех и хитрый купчишка, что готов покупать у вас товар задешево? – Волков поглядел на юношу и скривился. – Да вы, мой дорогой родственник, дурень! Город кишит кузнецами, там несколько цехов и даже коммун, которые покупают уголь. Полгорода – это кузни. Так узнайте, почем станут брать уголь самые крупные цеха. А этого хитрого купчишку, что обещает вам тридцать четыре крейцера, посылайте к черту.

– Я выясню, дядя, – говорил племянник так, будто пытался запомнить указания. – А купчишку, значит, к черту…

– Вы платили ввозной сбор, когда провозили товары в город?

– Платили, дядя.

– Сержант на воротах не спрашивал вас о земельных пошлинах?

– Нет, не спрашивал.

– Если повезете целыми обозами – спросит, нужно выведать у местных купцов, как получить бумаги от таможенников, узнайте в городе, кто этим промышляет, всегда есть те, с кем можно договориться, ищите таких людей.

– Да, дядя. – Мальчишка кивал, но вид у него был такой, словно он собирался запаниковать. Уж больно много ответственности для его лет выпало.

Но кавалер не собирался его жалеть или щадить. Сам он в его возрасте пошел в солдаты и в этом своем тяжком ремесле не встретил ни одного человека, что его пожалел. Ничего, разберется мальчишка, брат Ипполит говорил, что он смышлен и хорош в цифрах, а значит, разберется. Тот, кто дружен с цифрами, во всем разберется.

Они уже дошли до пристани, кавалер сделал знак Брюнхвальду, что надо уходить, потом повернулся к капитану Тайленриху:

– Спасибо, капитан.

– Рад был услужить вам, господин фон Эшбахт, – сказал капитан кланяясь.

Волков же не поспешил сесть в лодку, а огляделся и спросил капитана:

– Много народа, баржи, лодки, весь пирс завален товарами, бочки и тюки всюду, словно сейчас весна. Купчишки у вас что, и зимой торгуют?

– Да, река в наших местах не замерзает, торговля идет круглый год. Сейчас император с королем снова воюют, а по весне, говорят, еще жарче война пойдет, вот все готовятся, ежедневно одной солонины вниз по реке уходит целая баржа, не считая всякого иного.

– Значит, процветают купцы местные? – продолжал расспросы Волков.

– Процветают, если не сказать, что зажрались, – усмехался Тайленрих.

– Ну и вам, наверное, перепадает что-нибудь, а, капитан?

– Нет, наша гильдия небогата, раньше бывало, да, хорошо жили: когда горцы озоровали на реке, так никакой купец без охраны не то что баржу, а лодку с сеном вниз не отправлял. А теперь тихо тут стало, купчишки с нами на этот год ни одного контракта на груз не заключили.

– И никто их не трогает? – удивлялся кавалер.

– Если и щиплют этих жирных каплунов, так не тут, – он махнул рукой, – там, на севере, у Хоккенхайма, а тут тихо все.

– Может, все еще переменится, – произнес Волков, протягивая капитану руку.

– Молим о том Господа ежечасно, – отвечал тот, пожимая ее.

Волков уселся в лодку, племянник прыгнул за ним, примостился рядом, так и крутился возле, надеясь улучить момент и поговорить. Мальчишка волновался и все хотел расспросить кавалера о том, как дела делать, что и у кого можно спросить в городе, к кому обратиться, ведь дядя всех нобилей городских знает, всех важных людей. Но сейчас тому было не до племянника, и говорить с ним не собирался, опять стал хмур, даже не глядел на Бруно. Да вообще ни на кого не глядел.

Поездка была очень полезна, купчишки из Рюммикона ему еще пригодятся, даже если торговля и не заладится. А еще он просил их выяснить, где его люди, которых недавно схватили. И купцы обещали это сделать. Для укрепления дружбы, так сказать. Если это исполнят, то можно будет похлопотать и об освобождении Сыча с товарищем. Ну, хотя бы попытаться. Все-таки что там ни говори, а Сыч ему нужен, да и привык Волков к нему. Привык. Не мог оставить его в тюрьме. Тем более что тюрьма эта закончится плахой. В общем, нужная это была встреча. Нужная и важная. Возможно, даже маленький шажок к

прекращению войны. Нет-нет, он не питал глупых иллюзий. С таким остервенелым врагом, как горцы, все быстро закончиться не могло, но… Но ведь у всего есть конец.

Все, в лодку сел и забыл про встречу. Больше она мысли его не занимала. Поэтому и бесполезны оказались все усилия племянника. Дядя про дела купеческие больше не думал, а думал он теперь только о жене и ее любовнике. Ему предстояло принять решение. Дело было непростое, и решение простым не выходило.

* * *

Когда он вернулся домой, уже стемнело. Никого к ужину звать не стал. За столом с ним были лишь жена и госпожа Ланге. Бригитт что-то пыталась говорить про домашние дела, но он ее не слушал и почти не отвечал, просто ел. Бригитт замолчала. А Волков продолжал есть, изредка поглядывая на жену. Так в тишине ужин и проходил. А как прошел, госпожа Эшбахта встала и, сухо попрощавшись, ушла, оставив госпожу Ланге и Волкова вдвоем. Кажется, Бригитт этого и ждала, ей не терпелось что-то ему сказать. Но Волков, глядя вслед жене, что поднималась в покои, негромко спросил:

– Когда у госпожи Эшбахта лучшие дни для зачатия?

– Лучшие дни? – переспросила Бригитт. Кажется, этот вопрос застал ее врасплох, но она тут же нашлась: – Так на той неделе у нее была кровь, значит, уже для зачатия дни хорошие.

Кавалер все не мог никак принять решение, что же ему делать с женой и ее любовником. Как это ни странно, но к жене он даже ощущал жалость, она была тут одна, в чужом для нее доме, с чужими для нее людьми, рядом одна Бригитт, на которую, как Элеоноре казалось, она может положиться. А на Бригитт ей как раз полагаться не следовало.

Красавица тем временем полезла к себе под юбки и положила на стол перед кавалером пачку исписанных бумаг.

Положила и замерла, ничего не поясняя ему. А ему и не нужно было пояснений, он взял их, небрежно посмотрел, читать не стал, бросил обратно на стол и спросил:

– Это письма фон Шауберга к моей жене?

– Да, господин, – говорила Бригитт, и, кажется, она была очень довольна собой.

А Волков вдруг разозлился.

– Я же велел вам не трогать их пока, – тихо и сквозь зубы выговаривал он ей.

– Я… я положу на место, она не заметит, что их брали, – растерянно говорила Бригитт.

Да, кавалер ощущал злость, и не только из-за того, что Бригитт его ослушалась, а еще и из-за того, что Бригитт… предавала свою подругу, сестру, или кем там ей доводилась Элеонора Августа.

Но не взять писем он не мог, как же их оставить, не прочитав. Да и кто бы устоял на его месте. Он взял бумаги и принялся читать одно письмо за другим.

Он думал о фон Шауберге плохо, но начинал думать о нем еще хуже после каждой прочитанной строчки. И каждая новая строчка стала менять его отношение и к Элеоноре. Теперь она не казалась ему такой уж несчастной и одинокой. Вся жалость к этой женщине пропала уже после первого письма.

То, что любовники ненавидели его, это и так было ясно, но то, что фон Шауберг в письмах над ним смеялся, выдумывая ему презрительные прозвища, терпеть было непросто. Кавалер едва сдерживался, чтобы не разбить стакан об стол. И еще более обидным оказалось то, что, судя по всему, и жена над ним смеялась в ответных посланиях, которые Волкову были недоступны. Но и по тем бумагам, что сейчас он держал в руках, кавалер понимал: они его презирают, насмехаются над ним.

А еще они собираются его убить.

Он дочитал до конца все бумаги и нашел в себе силы не сделать чего-либо глупого. Волков даже похвалил себя за такую выдержку.

Наконец, он спокойно положил письма на стол и поднял глаза на Бригитт. Красавица смотрела на него, не отрываясь, и в ее взгляде он находил и сочувствие, и понимание, и жалость. Она накрыла его руку своей, стала гладить нежно, едва ощутимо прикасаясь своими изящными пальцами к его тяжелой, словно каменной руке. А Волков вдруг подумал, что она очень красива, ее зеленые глаза так добры, добры… И тут он словно книгу открыл и прочел в ней о том, чего не знал до последней секунды.

За зеленью прекрасных глаз Бригитт пряталось глубокое коварство, живой ум и удивительная, присущая только женщинам хитрость.

Волков удивился, как он этого раньше за ней не замечал. Кавалер захотел узнать, что же эта женщина задумала. Он поднял ее руку, поцеловал красивые пальцы и спросил у нее:

– Так что же мне делать, госпожа Ланге?

– Убить, – сразу ответила она. – Чего же еще делать, когда вашу честь задели?

– Убить? – Волков хотел знать, что она думает. – Кого убить?

Теперь он ее видел по-другому, это все благодаря письмам. Неспроста она ослушалась его и взяла их. Она думала, что письма его разозлят, подтолкнут туда, куда ей нужно. Осталось только узнать, куда она собиралась его подталкивать.

– Так кого же мне убить? – повторил он, видя, что Бригитт раздумывает.

– Фон Шауберга, кого же еще, – наконец ответила красавица. – Он вам бесчестье делает.

Нет, не дура эта рыжая красотка. Он думал, она скажет, что убить нужно обоих: и фон Шауберга, и Элеонору. Но она не глупа. Хотя Волков был уверен, что Элеонору Бригитт ненавидит намного больше, чем шута графа.

– Думаешь, легко это? – спросил кавалер.

– А чего же сложного? – искренне удивилась госпожа Ланге.

– Так расскажите, мне интересно, – спрашивал Волков, все еще не выпуская ее руки.

– Просто все. Завтра скажете за завтраком, что уезжаете на несколько дней. Хоть куда, по делам. А меня пошлете в город за какой-нибудь безделицей, хоть за вином. Элеонора обрадуется и фон Шаубергу письма писать станет. Я отвезу письмо и уговорю его приехать сюда, пока вас нет. Скажу, что сядем тут втроем да все дела и обсудим.

– Дела? – не понял Волков.

– Ну, как с вами быть, решим. Они вроде как меня о чем-то просить хотят. Так его уговорю, чтобы приехал. И день ему назначу.

– А… – Теперь он понял, о чем она.

– Вот, а вы уж ждите его, людей у вас там сколько, легко его убьете, – продолжала Бригитт. – Убейте да киньте в кусты, волки его и растащат за неделю, никто подлеца и не найдет. Был да сплыл шут графский. Волки съели, авось не первый, кого они кушают.

Она закончила и, кажется, осталась довольна и горда своей придумкой.

Волков только теперь отпустил ее руку. Думал он о глупости своей, о том, что до сих пор не мог разглядеть в Бригитт такого ума и хитрости.

– А вы уверены, что сможете уговорить фон Шауберга приехать?

– Господин мой, я постараюсь, я все сделаю, чтобы вам угодить, – обещала госпожа Ланге.

– Ну что ж, так и поступим. – Не то чтобы эта затея кавалеру нравилась. Но после прочитанных писем ничего другого он не хотел так горячо. Даже победить горцев не так желал. – Убьем негодяя.

Он поднялся.

– Убьем, господин мой, – с радостью согласилась Бригитт.

Она тоже встала.

– Письма положите пока на место, но потом они мне понадобятся. – Он поцеловал ее в щеку и пошел наверх. – Спокойной ночи, госпожа Ланге.

– Господин мой, а вы разве не в мою спальню пойдете? – спросила Бригитт.

Волков остановился на лестнице, поглядел на нее. Красавица стояла у стола с бумагами в руках, и вид у нее был удивленный, растерянный.

– Вы же сами сказали, что сейчас у госпожи Эшбахта хорошие дни для зачатия, – ответил он.

– Так и есть, запамятовала я, – вспомнила она и присела в глубоком книксене.

А жена, кажется, делала вид, что спит, но, как только он разоблачился и стал к ней прикасаться, перестала притворяться и принялась в обыкновении своем причитать и отнекиваться. Но кавалер был неумолим в настойчивости своей, хоть обладать этой женщиной ему вовсе не было охоты. А ее стоны, причитания и упреки раздражали, вызывали гнев, который ему приходилось гасить в себе, так это бесконечное нытье и гнев еще и крепкому телу мешали. Но ему

требовался наследник, и ничего не должно стать помехой в этом деле. И кавалер сдерживал в себе злобу, старался не слушать причитания и ругань, старался не видеть слез. Ему требовался наследник. Все! И пусть госпожа Эшбахта потерпит его общество.

Когда дело было кончено, она отвернулась от него и накрылась периной. Волков тоже не сказал ей ничего, но злоба клокотала в нем.

Даже сегодня эта женщина унижала его своими стонами, слезами и нытьем. Даже в малом не могла терпеть она его и выказывала свое пренебрежение мужем, хотя в благосклонности супружеской был ее долг перед Богом и людьми.

Больше не оставалось у него к ней никакой жалости, никакого сочувствия. А была эта все еще всхлипывающая рядом баба ему чужда до невыносимости. Так неприятна, что он встал, взял одежду и вышел из опочивальни. А иначе от ярости мог бы не сдержаться и после очередного ее тяжкого проклятого стона или жалостливого всхлипа разбить ей лицо тяжеленным солдатским кулаком. Страдалица чертова.

Волков прошел по дому и постучал в дверь покоев Бригитт. Та словно ждала за дверью, стояла уже с лампой – простоволосая, в тонкой нижней рубахе, – была рада ему и не собиралась этого скрывать.

– Господин мой! – Она обвила его рукой за шею, стала целовать.

– Погодите, Бригитт, я просто спать пришел, – сказал он.

– Конечно-конечно, идите в мою постель, – сразу согласилась она и повела к своей кровати.

Кровать у нее стояла узкая, не то что в его спальне, поэтому красавица оказалась совсем рядом, прикасалась к Волкову, была она горяча, как печка, жарко с ней лежать под перинами. Она же гладила его по лицу, целовала и шептала при этом:

– Спите, мой господин, спите. Жарко вам, так я откину перину.

– Бригитт… – произнес он, перед тем как заснуть.

– Что, господин?

– Я убью фон Шауберга, убью свинью.

– И поделом псу, пусть не зарится на чужое, – сразу отозвалась госпожа Ланге. – А то он, небось, ваше поместье уже под себя примеряет.

– Ты уж уговори его, чтобы он приехал.

– Уговорю, господин, уговорю, они с Элеонорой мне верят. Не волнуйтесь, спите, мой господин.

Глава 36

Утром, еще до завтрака, что-то бахнуло невдалеке. Волков удивленно уставился на Максимилиана.

– Капитан Пруфф. Вчера вечером порох привез, видно, решил поучить людей своих, – догадался тот.

– Болван, он что, на околице палит? – выругался Волков, он не хотел, чтобы все купчишки, что приезжают в Эшбахт, знали про его пушки, эдак и горцы про них проведают через три дня. – Ступайте найдите его и скажите, чтобы отъехал подальше от деревни.

Роха никогда так близко свои учения не проводил, он забирался в большой овраг на востоке от Эшбахта и там упражнял своих людей в построениях и стрельбе, иной раз за день расстреливая полбочонка пороха, но об этом мало кто знал. А этот старый дурень… Еще прямо у дома господина стрелять бы начал.

Жена спустилась к завтраку, как и обычно, едва удостоив приветствием и супруга, и госпожу Ланге. Ей, кажется, было все равно, где ночевал муж, а может, она и не знала, что он не спал сегодня в своей постели. Все шло как обычно.

И, когда дворовая баба стала носить еду на стол, кавалер сказал:

– Я уеду на несколько дней, может, на пять, а вы, госпожа Ланге, сегодня езжайте в Мален, купите мне вина.

– Какого вина купить, господин? – спросила Бригитт.

– Токайского, – ответил он.

– Хорошо, у нас еще и базилик закончился, – припомнила госпожа Ланге. – Как позавтракаю, так и поеду.

А госпожа Эшбахта так вся в лице переменилась. Кажется, заторопилась куда-то, ей и завтрак стал не нужен. Она что-то шепнула Бригитт, вышла из-за стола и отправилась наверх.

– Пошла письмо писать, – прошептала Бригитт.

Волков ждать жену не стал, ушла и ушла, завтракал без нее. И Бригитт тоже ела, хотя и не так, как обычно, почти без аппетита, кавалер понял, что красавица немного волнуется. Выбираясь из-за

стола, он украдкой сжал ее руку, ободрить хотел, чтобы она не волновалась. Оставил ей денег с талер мелочью, а на выходе сказал:

– Увалень, поедете с госпожой Ланге в город.

– Как пожелаете, кавалер, – ответил тот.

Кавалер видел, что Бригитт все еще волнуется, ему хотелось ее обнять, но это было невозможно при людях, он только поглядел на нее и вышел.

Сначала они с Максимилианом поехали на окраину Эшбахта посмотреть, как строятся бараки. Архитектор был молодец, дело вел быстро. Они с ним раскланялись, но лезть к нему с разговорами Волков не стал, занят человек.

– А где Роха сейчас? – спросил он у Максимилиана.

– Каждый день в овраге порох изводит со своей бандой, – отвечал оруженосец.

– Поехали посмотрим, как у него получается.

Овраг был недалеко от Эшбахта, вешние воды размывали его много лет, края его были пологи, а сам он широк. Там Роха и проводил свои учения. Удобное место, что ни говори.

Сам Игнасио Роха по прозвищу Скарафаджо сидел на пустом бочонке из-под пороха, вытянув удобно свою деревяшку. В руке, видимо, вместо завтрака, он держал большую глиняную кружку с темным пивом. Тут же стояли стол, кувшин и тарелка с вареными яйцами и хлебом. Волков был уверен, что тренирует Роха своих людей далеко не первый день, яичной скорлупы на песке и глине вокруг него виднелось предостаточно. Два его сержанта, Хельмут и Вильгельм, занимались с солдатами, а Роха за этим наблюдал. И Роха, и сержанты сразу заприметили Волкова и Максимилиана, когда те появились на краю обрыва. Роха хотел встать, но кавалер жестом руки сделал знак: «Сиди там». И сам направился вниз.

Появление господина внесло в ряды солдат некоторую нервозность.

– Аркебузиры, первый ряд, на линию! – звонко кричал сержант Вильгельм. – Второй ряд, заряжать аркебузы. Мушкетерам готовиться!

– Первая линия, фитили палить! – кричал молодой сержант Хельмут.

Первая группа солдат с аркебузами встала на линию, подняла мушкеты и принялась раздувать фитили, что были привязаны к их

правым рукам.

– Цельсь! – орал Хельмут.

Волков подъехал к Рохе, не слезая с коня, протянул ему руку, тот привстал, чтобы ответить. Рукопожатие – знак расположения, кавалер хотел дать понять людям Рохи, что их командир – человек уважаемый.

– Порох пали! – прокричал сержант.

Один за другим прокатились по оврагу хлопки, клубы серого дыма с резким шипением вырывались из стволов.

– Первый ряд, назад, оружие заряжать! Второй ряд, на стрельбу! – командовал Вильгельм.

Волков смотрел, как рассеивается серый дым, и там, за дымом, он видел вбитые в глину темные колья. Кое-какие из них белели свежими надломами и выщерблинами.

– Кажется, кто-то попал, – произнес кавалер, разглядывая мишень.

– Болваны, – махнул рукой Роха. – Столько пороха уже перевели, а едва попадают. – Но он тут же успокоил кавалера: – Но раньше вообще не попадали.

Волков подумал, что попасть с тридцати шагов в кол в человеческую руку толщиной не так уж и просто. В общем, не так плохо солдаты и стреляли.

– Порох пали! – кричал Хельмут.

Снова загрохотали залпы. Снова поплыл по оврагу темно-серый дым.

– Мушкетеры, первый ряд, на линию! – командовал Вильгельм.

– А у тебя что, оружия на всех не хватает, что ли? – удивился кавалер, разглядывая шеренги солдат.

– Здравствуйте, проснулись они! – язвительно буркнул Роха. – Иной раз думаю: вот ты совет собираешь, а то, что тебе на нем говорят, не слушаешь. Я ж тебе сто раз повторял: мушкетов у меня сейчас сорок два, аркебуз пятьдесят шесть, двенадцать арбалетов. А народа сто тридцать шесть человек.

– Много ты набрал народа.

Волков смотрел на солдат Рохи. Первые, те, что пришли с ним из Ланна, уже пообтесались, были в стеганках и в шлемах, что достались им после ярмарки и сражения на реке, а кое-кто даже в кирасах. И обувь у них хорошая была. У всех мушкеты. А те, что привел Роха совсем недавно, и на солдат не походили. Кому-то достались старые

поношенные стеганки, и все, обувь – рвань, одежа такая, что мерзли они, стоя на осеннем ветерке.

Волков был недоволен видом новых солдат.

– Что, разогнать лишних? – спрашивает ротмистр.

– Нет, пусть будут, а ты чего им обувь не купил, я ж денег дал.

– Цельсь! – заорал Хельмут.

– Завтра собирался их в город вести, там все и купить. И обувь, и, может, еще на одежку кому хватит. Заодно и посмотреть, как они на скором марше идти станут, не будут ли падать. Хотел без обоза идти, но с оружием и порохом.

– Хорошая мысль, ты их не жалей, особенно новых, пусть Хилли и Вилли им поблажек не дают.

– Порох пали! – орал Хельмут.

Бахнули глухие и мощные выстрелы. Это не аркебузы, это мушкеты, и даже дыма от них вроде как больше.

– Второй ряд на линию! Первый назад, заряжаться!

– Жаль, мушкетов мало, – сказал Волков, глядя, как солдаты выстраиваются.

Мушкетеры все делают проворнее, двигаются, меняются местами на линии, заряжают мушкеты. Сразу видно, эти уже неоднократно все это делали, уже в привычку движения у солдат входят. Это хорошо.

– Так я все, что были у кузнеца, забрал. Он говорил, что если ему ученика нанять и покупать уже кованые заготовки, так будет изготовлять два мушкета в неделю, – сказал Роха.

– Знаешь что, – сказал Волков задумчиво, – ты завтра солдат в город не води.

– Нет? – удивился Скарафаджо.

– Нет. Ты мне тут понадобишься.

– Я? – снова удивился Роха.

– Ты-ты, – кивнул кавалер. – Кто у тебя лучшие стрелки?

– Хилли и Вилли, они уже поднаторели. Лучше них никого нет. С тридцати шагов в кол две из трех пуль кладут.

– Отлично. И еще четверых возьмешь, на дело одно со мной пойдете.

– За оборотнем, что ли? – с опаской поинтересовался Роха.

Волков посмотрел на него нехорошо, но не отвечал.

– Я просто интересуюсь, как одеваться. Кирасы, шлемы брать? – поспешил объяснить ротмистр. – Как на войну идем?

– Да. Все брать, идем как на войну.

– Цельсь! – закричал сержант Хилли.

– Значит, нашел ты зверя? – задал новый вопрос Роха.

– Может быть, – уклончиво отвечал Волков.

– Порох пали! – орал молодой сержант.

И снова загрохотали в овраге выстрелы.

Не хотел кавалер брать своих людей из выезда на это дело. Он собирался просто убить фон Шауберга без лишних церемоний. А всем этим юношам из хороших семей такое ни к чему. Они еще носы воротить станут. Особенно такой, как фон Клаузевиц. Посчитают это убийство унижением своего достоинства, пятном для их чести.

Нет, тут ему требовался такой, как Роха. Это был простой солдат, хоть и хвастался всем, что он идальго. Но если потребуется, так горло кому угодно перережет без всякой этой глупой чести, и плевать ему на всякое достоинство. А уж приказать пальнуть из мушкета, так это для него как пива выпить полкружки. Да, лучше Рохи на это дело никто не подходил. С ним кавалер и пойдет. С ним, а не с Максимилианом или фон Клаузевицем.

– Хорошо, Фолькоф, – сказал Роха, – что бы ты там ни задумал, я с тобой.

Это были как раз те слова, что кавалер и хотел от него слышать.

– А ну, Хилли, Вилли! – заорал Роха. – Гоните их копать пули.

– Копать пули? – удивился Волков.

– Да, я велел им выкапывать пули из песка и глины за кольями. Не то мы тебя еще и на пулях разорять будем, – похвастался придумкой Скарафаджо.

– И много пуль вы так откапываете?

– Не очень много, но половину, думаю, откапываем, часть из них не расплющена, еще разок стрельнуть ими можно.

– Жаль, что порох откопать нельзя, – покачал головой кавалер.

Дорого стоил порох.

– Порох! – Роха засмеялся. – Нет, дорогой мой кавалер. За порох тебе придется платить сполна.

– Мне за все приходится платить сполна, – ответил ему Волков и поехал из оврага.

– Кавалер, – окликнул его Максимилиан, когда они уже направлялись к Эшбахту.

– Что?

– Я слышал, что вы с ротмистром и его людьми собираетесь ехать за зверем?

– И что? – неохотно ответил кавалер.

– А нельзя ли мне с вами?

– Зачем вам? – рассеянно спросил Волков.

– Хочу с ним поквитаться.

– Думаю, что с таким зверем, за которым я поеду, вам квитаться еще рано.

– Рано? – удивился оруженосец, в его голосе звучало непонимание.

Волков посмотрел на него осуждающе, но не ответил, и Максимилиан больше ничего не спрашивал.

Глава 37

Вечером приехала Бригитт, едва до темноты успела. Карета въехала во двор, еще остановиться не успела, как девушка уже дверь открывала. Волков по случайности тут же во дворе был и увидал рыжую красавицу. И увидал ее не такой, какой привык видеть. Он ее заметил, но она его нет. Дверь кареты она распахнула сама, а прямо перед ступенькой лужа, не сошедшая еще после дождя. На Бригитт платье, хоть и не любимое – драгоценное, но тоже хорошее и новое, жаль подол пачкать, она и крикнула:

– Увалень, руку-то дайте мне.

Властно приказала, строго.

А Александр Гроссшвулле еще только с коня слезал, так госпожа Ланге поморщилась от досады из-за его нерасторопности и мужика дворового, что рядом был, позвала:

– Ну, что пнем встал, не видишь, что ли, сюда ступай, помоги сойти.

А в голосе звон железный, не у каждого мужа такой.

Мужик кинулся ей помогать, да неловкий был. Побоялся ее ухватить как следует да снять с подножки кареты, госпожа подол в

луже и намочила. Бригитт отчитала мужика, дурака криворукого, чуть по щекам не дала. И лицо ее перестало казаться мягким и добрым, было оно хоть и красивым, но злым. И глаза ее, такие ласковые обычно, стали глазами голодной и хищной кошки. Смотрит с прищуром, у мужика от взгляда такого душа в пятки. Стоит, лопочет оправдания. А она уже не смотрит на мужика, она Волкова увидала. И сразу другая Бригитт, сразу покорная и послушная, господина чтущая, сразу ноги ее в низкий книксен скрестились, голова в долгий поклон опустилась. И ничего, что подол в луже, ничего.

Поднимается – другая женщина. От злой кошки и следа не осталось. Щеки алые, глаза как у лани, на него смотрят, любуются им не налюбуются. И говорит она ласково ему голоском своим нежным:

– Господин, все, как велели вы, сделала, вина вам привезла токайского. И всех, кого надобно, видала.

– Пойдемте, – ответил в нетерпении Волков.

– Человек, из кареты вино возьми, на кухню неси! – велела госпожа Ланге и поспешила за Волковым, поднимая промокшие понизу юбки.

– Ну, отвезли письмо от Элеоноры этому… – спросил кавалер, когда они остались одни в прихожей зале.

– Отвезла и переписала все для вас. И то, что он ей послал, тоже переписала, все здесь, у меня. – Она похлопала себя по животу.

– Говорили вы с ним о поездке в гости?

Этот, именно этот вопрос волновал Волкова больше всего. Отважится ли проклятущий фон Шауберг ехать к его жене, как только он отлучится, отважится ли его жена принимать гостей в его отсутствие.

– Наглый он, как сказала ему, что вы дом покинуть думаете, так он сегодня со мною ехать хотел, – радостно сообщила госпожа Ланге. – Едва отговорила, сказала, что вы только завтра поутру уедете. Так он еще посмел смеяться над вами. Говорил, что вашу постель ему проверить пора.

Вот оно как. Злоба хладная залила сердце кавалера. Значит, постель он его проверить хотел. Ну, теперь по-другому уже никак. Иначе, кроме как убийством подлеца, дело это не разрешить. Не получится по-другому, и пусть этот шут хоть трижды будет придворным графа, он должен сдохнуть.

А как по-другому? Как жену одну оставить, когда вокруг такие мерзавцы рыщут? Ждут его отъезда.

Как на войну ехать? Как воевать, если ты думаешь все время: а не проверяет ли такой подлец твою постель? И не сядет ли ублюдок этого подлеца на твое поместье вместо твоих детей?

Если и были в кавалере еще какие-то сомнения, если и хотел поначалу он как-то завершить это дело без крови, то теперь-то уже без крови как? Рука его левая на эфес меча легла. Только не стал бы он меч о поганца марать, окажись он тут, зарезал бы свинью стилетом. Пять-шесть ударов, но не в сердце – в брюхо, чтобы свалился, но сразу не подыхал. Чтобы бледнел с каждым часом, чтобы дышал все реже, чтобы исходил своею поганой кровью до утра. А впрочем, нет, будет все по-другому. Нечего самому мараться.

Снова мрачен он был; как мысли о жене, так ангелы печали и ненависти одолевали его. Он голову опустил и смотрел на все исподлобья, не видел ничего вокруг, только думал одно и то же: «Что ж, для людей Рохи найдется завтра работа».

Каждому за добрый выстрел он даст по талеру. И бросит этого мерзавца в кусты, пусть его поганый труп волки жрут и птицы, иного фон Шауберг не заслуживает.

– Спасибо, госпожа Ланге, – наконец, сказал кавалер холодно и пошел в обеденную залу.

Может, и не такой малой благодарности ждала красавица. Но о большем просить не стала. Подумала она, что еще подождет свою награду.

За ужином Волков почти не ел ничего, только пил, и был так мрачен, что даже жена это заметила. Но после ужина все равно пошел в спальню с женой. Ненависть, злость, презрение – то все эмоции. Он сколько душе угодно мог презирать эту женщину, но ему требовался наследник. И Волков для того делал все, что нужно, он брал свою жену и думал о том, как завтра устроит засаду ее любовнику. Может, от этого, видя его взгляд, полный холодного презрения, она не причитала и не плакала, а сносила его страсть безропотно в этот раз.

* * *

Еще небо не стало светлым, утреннее солнце едва пробиралось сквозь осеннюю серость, как на дворе появился Роха. С ним были сержанты Хельмут и Вильгельм, а с ними еще четыре человека. Все при мушкетах, в панцирях и шлемах.

– Мои лучшие стрелки, – сказал Роха, увидев, что Волков рассматривает солдат.

– Максимилиан! – крикнул кавалер.

– Да.

– Всем им лошадей! – Он указал на солдат. – Мне седлайте гнедую, она спокойная.

– Кавалер, может, и меня возьмете? – попросил оруженосец на всякий случай, вдруг получится.

– Выполняйте, что вам велено, – холодно ответил Волков и пошел в дом завтракать.

– Да, кавалер, – поклонился ему Максимилиан.

Завтрак пошел так же, как и вчера ужин. Волков едва смог съесть вареное яйцо и запить его теплым молоком с медом. Жена сидела тихая, а вот Бригитт так ерзала на кресле, словно угнездиться не могла. Кулачки свои сжимала над тарелкой. Тоже волновалась, глядела и глядела на кавалера. И, как и он, почти не ела ничего.

Волков хотел уже вина попросить, но тут пришел Максимилиан и доложил, что кони оседланы. Волков отодвинул тарелку и пошел к себе одеваться. На улице холодно уже было. Он облачился в рубаху шерстяную, грубую, теплую. Такие же, но только из худшего сукна мужики носят. Но сейчас именно такая ему и требовалась. Поверх рубахи кавалер надел свой новый «тайный» колет, тот, что сверху изящен и красив, а изнутри крепок, как железо. Потому крепок, что под дорогой материей тонкая и крепкая кольчуга прячется. Застегнул пуговицы, подошел к зеркалу. Колет отлично сел на него. Кирасу и другой доспех Волков брать не собирался, авось шел не воевать, шел охотиться на вора поганого. Поэтому колет тут кстати. Кавалер также надел перчатки, укрепленные изнутри железом. Тоже хороши были. Сверху черная замша дорогая, а под ней тончайшее, абсолютно не

мешающее руке кольчужное плетение. Он сжал и разжал кулаки – перчатки сидят отлично. Серебряную цепь с гербом Ребенрее, которой наградил его герцог, берет черного бархата, позолоченный эфес меча, шоссы, панталоны, сапоги, великолепную шубу из тех, что захвачена была на ярмарке. Сапоги, правда, не самые роскошные надел, грубые, те, что с большими каблуками, лучшие для езды верхом. Затем Волков еще раз оглядел себя в зеркало.

Хорош, не к чему придраться. Он разглядывал свое отражение и надеялся, что фон Шауберг сразу не сдохнет, что перед смертью увидит того, кто приказал его убить. Нет-нет. Не сам убил! Не сам! В том много чести будет подлецу. Приказал убить! Убить, как убивают пойманного вора, как бешеную собаку или как свинью.

Обычно кавалер одевался просто, как солдат. Если тепло, то простой колет, если холодно, то нет ничего лучше крепкой солдатской стеганки, обшитой войлоком на плечах и боках. Разве что только шуба может быть теплее. Но стеганка много удобнее.

Носил он удобные, простые сапоги с большими каблуками, которые так цепко держат стремя во время долгой езды верхом. Сапоги, а не изысканные туфли. Зачастую предпочитал мужицкие штаны благородным шоссам. Может, поэтому жена упрекала его в низкородстве, называла его солдафоном. Ей, привыкшей к роскоши придворных кавалеров, повседневный вид мужа претил. Хотя, конечно, не поэтому. Точно не из-за одежды.

А теперь кавалер выглядел роскошно, ничем не хуже, чем его соседи барон фон Фезенклевер и барон фон Дениц. А шуба его соболья, может, была даже лучше, чем у них. Так и спустился он из верхних покоев в обеденную залу.

И жена, что занималась привычным ей рукоделием, и госпожа Ланге, что сейчас оказалась тут вопреки делам, – обе смотрели на господина с удивлением. Не привыкли они видеть его таким. Волков прошел и сел в свое кресло, ему нужно было сделать неприятное дело, дальше тянуть его кавалер не хотел, ему это было в тягость. И поэтому он начал:

– Госпожа Эшбахта…

Элеонора Августа почувствовала по холодному тону супруга и по важному его виду, что разговор будет серьезный, и отложила рукоделие.

– …давно уже известно мне, что состоите вы в подлой связи с шутом вашего батюшки, с неким фон Шаубергом.

– Что… что вы такое говорите? – пролепетала Элеонора Августа.

– Не лгите мне и не изворачивайтесь, – строго произнес кавалер. – Я все знаю.

Госпожа Эшбахта поглядела на замершую госпожу Ланге. Та стояла у стола, чуть поодаль, лицо Бригитт было удивленным и даже испуганным. Видно, и для нее этот разговор стал неожиданностью. Сама она не шевелилась, кажется, даже не дышала.

– Я не понимаю, о чем вы, – наконец с вызовом проговорила Элеонора Августа. – То все глупые наветы, я уже и не помню, когда видела господина фон Шауберга.

– Значит, не видались с ним давно? – зловеще переспросил кавалер. – Что ж, может, вы с ним и не виделись с последней вашей встречи в замке вашего отца, но письма вы ему пишете постоянно.

– Вздор! – Элеонора Августа вскочила. – Навет и вздор!

Женщина покраснела, она смотрела на мужа и просто пылала, словно ее поймали на низком и постыдном поступке.

– Навет? – Волков усмехнулся, ему сейчас даже ее жалко не было. Он сказал твердо: – Госпожа Ланге, ступайте в покои госпожи Эшбахта и возьмите бумаги, что лежат у нее в сундуках.

– Не смейте, Бригитт! – воскликнула госпожа Эшбахта. Повернулась к кавалеру и заговорила возбужденно: – Неужели вы осмелитесь? Это низкий поступок даже для вас!

Бригитт с ужасом смотрела на него и не двигалась.

Волков опять усмехнулся, его начинала забавлять эта ситуация. Наглость его жены не знала пределов.

– Ступайте, госпожа Ланге, ступайте и принесите мне бумаги, что лежат в сундуках госпожи Эшбахта.

– Я сама пойду, – воскликнула Элеонора Августа и принялась выбираться из-за стола.

– Остановитесь! – рявкнул Волков и ударил рукой по столу. – Я запрещаю вам двигаться! Идите, госпожа Ланге, и принесите мне бумаги.

– Не делайте этого, Бригитт, – прошептала Элеонора Августа.

– Принесите мне бумаги, госпожа Ланге, не то я велю моим людям их принести. Неужели вы хотите, чтобы мужчины копались в

сундуках госпожи Эшбахта?

Бригитт колебалась, и тогда Волков повысил голос:

– Ступайте, госпожа Ланге, немедля, я приказываю вам.

Она поклонилась молча и пошла, а Элеонора Августа рухнула на свой стул, закрыла лицо руками и зарыдала. Но слезы эти не вызывали у кавалера жалости. Опять ему было скорее смешно, чем жалко.

Он еще ночью решил, что убьет фон Шауберга, но скрывать этого не будет. Скрывать – это низко, ему скрываться нет нужды, не вор он. Наоборот, он всем об этом заявит. Пусть все знают о том, что кавалер Фолькоф приказал убить этого подлеца. И для этого ему и требовались письма фон Шауберга.

Бригитт, наконец, спустилась в обеденную залу, неся пачку знакомых Волкову бумаг. Молча положила письма пред ним на стол. Да, это были те самые письма.

– И что вы собираетесь с ними делать? – оторвала руки от заплаканного лица Элеонора Августа, затем поднялась и сделала шаг к Волкову. – Отвезете их отцу, чтобы он судил его, или, может, отдадите их вашим любимым попам, чтобы просить развода?

– Зачем мне это, мне не нужны чужие суды, ни мирские, ни церковные. Здесь, в Эшбахте, я сам сеньор, сам судья, – отвечал кавалер, улыбаясь ей. – Я сам вас осужу и повешу на воротах.

– Вы… – Глаза Элеоноры округлились, она не могла поверить в это. – Вы не посмеете казнить женщину.

– Отчего же? – Кавалер вдруг резко встал, на его лице и тени благодушия не осталось, он сделался страшен, лицом темен. – Видно, вы не слыхали о прозвище моем, не знаете, с кем делите стол и постель. Так узнайте, кличут меня Инквизитором, но не потому, что я сан святой имею или святому розыску служу, а потому что я уже жег подлых бабенок, – он произносил эти слова, тщательно выговаривая их, – казнил огнем еще до того, как меня святые отцы к себе в розыск пригласили. Неужто думаете, вас не казню? Вы, наверное, уже по одежде моей поняли, что дело серьезно, ведь нечасто я так одеваюсь, поняли уже, что собрался я вас судить.

– Вы не посмеете, – прошептала Элеонора Августа, – я дочь графа, я из дома Мален, весь мой дом на вас ополчится.

– Дом ваш? – говорил он все так же холодно. – Я кантонов горских и тех не боюсь, хотя знаю, что они никого в плен не берут, вы

и вправду думаете, что я семьи вашей испугаюсь?

– Все будут против вас, все, и церковь тоже, – шептала она в ужасе. – Не смеете вы меня судить.

– Все будут против меня? – Он наконец успокоился и снова опустился в кресло.

Элеонора Августа до сих пор держалась за край стола, чтобы не упасть, она была бледна, и голова ее кружилась. Как супруг ее сел, так и она хотела сесть, ноги ее не держали, но Волков ударил по столу ладонью:

– Не дозволяю вам сидеть, стойте!

– Я… Я Элеонора Августа фон Мален, – прошептала она, – я не буду стоять, когда вы сидите.

– Будете стоять, пока я вам велю, – рычал Волков. – Вы, Элеонора Августа фон Мален, отравительница. И вы будете стоять в моем доме, пока я не дозволю вам сесть.

Она раскрыла рот, словно не хватало ей воздуха, будто вода кругом и нечем ей дышать.

В доме висела гробовая тишина, госпожа Ланге тоже словно не дышала, дворовые люди не шевелились в кухне, даже кони за окном и те не храпели и не звенели уздой.

– Это… это неправда, – наконец произнесла Элеонора Августа. – Это неправда, я не отравительница. Вы на меня наговариваете. Пусть люди решат, так ли это… Пусть суд меня судит. Люди, а не вы…

– Люди? – Волков засмеялся. – Все дураком меня считаете, думаете, суд графства Мален судить вас будет? Суд с судьишками, что вашему батюшке руки целуют? Нет, я попрошу сюда священный суд Инквизиции. – Он наклонился к ней и сообщил радостно: – Святые отцы судить вас будут. Такого суда вы хотите? И, чтобы вы знали, по закону земли Ребенрее отравителя казнят через варение в кипятке.

Элеонора Августа покачнулась, схватилась за грудь, глаза ее были раскрыты широко, смотрела она на мужа с ужасом. Не подхвати ее госпожа Ланге, так упала бы мимо кресла. Бригитт усадила госпожу, а Волков с удивлением заметил, что в красивом лице госпожи Ланге и намека на жалость нет. Презрение, злорадство, холодность – все что угодно, но только не жалость. И подхватила она Элеонору не из дружелюбия, а больше по привычке.

– Успокойтесь, госпожа Эшбахта, – наконец произнес Волков. – Никакого суда не будет. Госпожа Ланге, принесите супруге моей пива.

Бригитт быстрым шагом ушла на кухню, а Элеонора смотрела и, кажется, не верила ему.

– Благодарите Бога и помните, я прощу вас и больше в том не упрекну, вас я не виню, во всем виноват шут вашего батюшки, и коли вы свой супружеский долг обязуетесь выполнять, – продолжал кавалер, – то все меж нами впредь будет хорошо.

И тут она негромко, но так, что отлично слышал он, сказала:

– Леопольд фон Шауберг никакой вам не шут, а человек благородный, он благороднее вас вдесятеро.

Больше говорить стало не о чем. Волков взял письма, что так и лежали перед ним, расстегнул колет и спрятал бумаги на груди.

Бригитт тем временем принесла пива, дала его Элеоноре. Та отпила пару глотков, поставила стакан на стол, затем подняла глаза на Волкова, и увидел он, что никакого раскаяния в них нет. Так и смотрела она на него с ненавистью, как на врага. И ничего не говорила ему больше. Но на ее некрасивом лице он и без слов читал все мысли и чувства. И не было там того, что ему хотелось видеть. И близко не было.

Кавалер встал:

– Что ж, пусть будет как будет. И каждому пусть воздастся то, что должно.

Он вышел из залы и направился во двор.

Глава 38

Волков велел расседлать одного коня, а вместо него запрячь телегу, так и поехали они по дороге на север, на Мален. Роха ничего у господина не спрашивал. Бородатый одноногий старый солдат и сам был неболтлив. Молчит кавалер – значит, так надо, приедем – узнаем, зачем ехали. Но, как ни крути, поговорить в дороге придется, ехать-то долго.

– Так что мне с лишними людьми в роте делать? – спрашивал Роха.

– А что с ними делать, почему они лишние? – рассеянно спрашивал в ответ Волков.

– Ну как же, – удивлялся Скарафаджо, – ты же видел у меня в роте людей без оружия. Может, их в роту Брюнхвальда перевести?

– А, ты про это? – вспомнил кавалер. – Нет, поедешь в Мален, купишь аркебуз, сколько потребуется.

Он тут остановил коня. Стал оглядываться. Роха, а за ним и все остальные тоже остановись.

Два холма, макушки лысые, у подножия барбарисом поросли, и дорога рядом с ними извивается. Разъезженные лужи в колеях. Кустов мало, только на восточной стороне дороги. Отличное место для убийства.

– Отличное место, – повторил Волков уже вслух.

– Для чего? – спросил у него Роха. Он просто так это спросил, уже и так все понимая. Место было пустынное, тихое и мрачное.

– Для убийства, – ответил кавалер и достал из седельной сумки пистолет и зарядный мешок, что подарил ему епископ. Протянул все это сержанту Вилли. – Знаешь, как заряжать?

– Разберусь, господин, – ответил тот, принимая оружие.

Пока он заряжал пистолет, кавалер произнес, все еще оглядывая местность:

– Здесь поедет один господин… Один мерзавец, мы его просто застрелим. Стрелять будете с холмов, но я выйду к нему навстречу. – Он указал на дорогу: – Вот сюда, вот здесь я его встречу.

Вилли поднял глаза на холм, потом посмотрел на место, что указывал кавалер:

– Двадцать шагов, стрелять сверху. Отличная позиция, любой из нас попадет этому господину в голову.

– Вы только мне в голову не попадите, – мрачно сказал Волков.

Солдаты приняли это за шутку и засмеялись.

– Телегу и коней за этот холм! – указал рукой Волков. – Хилли, бери двух людей, сядьте на том холме, мушкеты зарядите, но фитили пока не запаливайте.

– Да, господин, – ответил сержант и с двумя солдатами пошел на дальний холм.

– Хилли, – окликнул его Волков, – это хорошие стрелки?

– Лучшие в роте, господин, – отвечал молодой сержант, обернувшись.

– Хорошо. – Волков повысил голос, чтобы его слышали все: – Знайте, коли дело закончится так, как нужно, каждый получит по монете.

– А мне на тот холм, господин? – спросил сержант Вилли.

– Да. Попадешь в верхового с того холма, если он будет стоять тут?

– Думаю, что попаду, господин, – отвечал Вилли. – Только вы его не загораживайте.

– В конце концов, убьем его лошадь, так никуда он отсюда не денется, – сказал Роха, – не волнуйтесь, кавалер. – Он тоже огляделся. – Это отличное место для кладбища.

– Стрелять, только когда я подниму руку, не раньше! – крикнул Волков уходящим на холмы солдатам.

– Да, кавалер, – отозвался Вилли.

– Да, господин, – вторил ему Хилли.

Холмы с размокшими глинистыми склонами скользкие, попробуй еще влезть на такой, если ты хром да еще в дорогущей шубе, которую не хочешь пачкать.

Пока залез – вспотел, хорошо, что надел грубые кавалерийские сапоги с большими каблуками. Подошва у них к тому же подбита гвоздями. Будь на нем сапоги дорогие, изящные сапоги с гладкой подошвой, что носят знатные люди, так, наверное, не смог бы добраться.

Один солдат расседлал лошадь, внес на холм седло, накрыл его сложенным потником. Получилось кресло какое-никакое. Волков сел, удобно вытянув ногу. Такое же кресло соорудили и Рохе.

Только они уселись, как Роха сказал:

– Эй, Хилли, пошли кого-нибудь к моему коню, там у меня фляга, забыл ее сразу взять.

Так и сидели они с флягой. Ничего, грязно только и сыро, но шубу не снять, ветерок ноябрьский весьма прохладен.

Проехал мужик, вез бочку с чем-то. Он удивленно и с опаской поглядывал на людей, что сидели на холме. Но, узнав среди них господина, успокоился, поклонился и поехал дальше в Эшбахт.

Во фляге у Рохи был его излюбленный портвейн. Дрянь, не столько для веселья и удовольствия, сколько для пьянства. Винцо забористое было, а Волков пьянеть не хотел, сделал всего пять или шесть глотков. Смотрел на север, туда, где кончаются его владения и начинаются владения графа. От этого места до поместья Малендорф верхом, если не спешить, за два часа доедешь. Учитывая, что ждут они придворного шута, который ночи напролет таскается по кутежам и пьянкам и встает явно не с рассветом. Но если он встал даже после утренней молитвы, то вот-вот должен появиться на дороге. Волков сидел и высчитывал часы. Должен, должен он уже появиться. Но проехали два купчишки. Может, это один был с помощником, просто на двух телегах товары вез.

– Слушай, – заговорил Роха негромко, так, чтобы солдаты и сержант не слышали, – а кого мы убиваем? Что за господин?

Волков мог бы не говорить, зачем Рохе знать про его семейные дела. Он бы не сказал ему из-за позора, как ни хотелось ему поделиться своей бедой. Выглядеть обманутым мужем, ничтожным человеком и посмешищем Волкову не к лицу. Но Роха все-таки являлся его доверенным, и, чтобы показать, как он ему доверяет, как ценит его, кавалер произнес:

– Это придворный графа. Любитель залезть под подол моей жены.

Рот Скарафаджо раскрылся, но ни единого звука оттуда не донеслось. Глаза были круглы от удивления.

– Я сказал жене, что уезжаю на несколько дней, так она ему писала, и он решил ее навестить.

– Ах он ублюдок! – выпалил Роха с такой яростью, будто это к его жене ехал любовник. – И ты решил его всего-навсего застрелить?

– Да. – Кавалер вздохнул. – Решил застрелить.

– Ты слишком добрый, Фолькоф! – говорил Роха с жаром. – Слишком добрый.

Волков посмотрел на него, и в его глазах Скарафаджо увидал вопрос.

– Давай возьмем его живым, слышишь, лучше не стрелять в него. Возьмем живым, разденем ублюдка и посадим на кол.

– На кол? – Волков даже удивлялся тому, как Игнасио Роха принял близко к сердцу его беду.

– На кол, на кол ублюдка! – повторил Роха, скалясь в предвкушении. – Я сам срублю, сам заточу и сам обожгу кол на огне, я знаю, как это делать, я знаю, как загонять кол в зад, чтобы тот подлец сразу не подох, чтобы покорячился на палке живым пару дней.

– На таком холоде он два дня не протянет, – разумно заметил кавалер.

– И черт с ним, вкопаем кол прямо тут на холме, чтобы все с дороги видели, как лазить под юбку госпоже Эшбахта. Пусть сгниет на этом колу, а ты не дозволишь попам его отпевать.

– Хорошая мысль, Скарафаджо, хорошая мысль, – задумчиво проговорил кавалер, – только вот ублюдок этот из ближайшего круга графа. Граф с ним ужинает каждый день. Посадим на кол его шута, так граф и обидится, хоть и родственник мне.

– Сволочь, – разочарованно выругался Роха то ли на графа, то ли на его шута.

– Так что придется его просто пристрелить, – не менее разочарованно произнес Волков.

Он хорошо видел и вблизи, и вдали. Глаза не подводили кавалера практически никогда. Он еще не договорил свою фразу, как уже понял, что просто пристрелить фон Шауберга, скорее всего, не получится. Роха что-то еще говорил, но Волков уже не слушал, он вглядывался вдаль, на север, где на дороге появилось темное, вернее, почти черное пятнышко.

Человек с обычными глазами мог сказать, что это кто-то едет. А Волков уже видел, что это всадники. Сколько их, он еще разглядеть не мог, но это были всадники, явно больше двух, и были эти всадники людьми благородными. Ни секунды он не сомневался, что один из них фон Шауберг, ни секунды он не сомневался, что его отличный план уже не сработает. Нельзя убить несколько дворян, даже если они на твоей земле и один из них едет к твоей жене.

Волков встал с седла, Роха, что-то еще говоривший, замолчал на полуслове, стал приглядываться, но, видно, не смог рассмотреть приближающихся всадников.

– Эй, Хилли, глаз у тебя молодой, что там увидел кавалер? – спросил он молодого сержанта.

– Там? – Хилли тоже стал вглядываться вдаль. – Там всадники, кажись, из благородных. Трое. Или нет… А, да, трое, трое их.

Теперь и Волков уже их разглядел. Их действительно было трое. Что за дурак! Как он мог не подумать об этом, это же было так очевидно. Этот ублюдок фон Шауберг не поедет один. Нипочем один не отправится, просто из соображений безопасности.

Эх! Ничего и никогда у него не выходило так, как ему хотелось бы. Так, как он задумывал. Всегда все шло не так.

Роха тоже встал.

– И кого из них убивать?

Волков не ответил, он присматривался к подъезжающим всадникам, пока не сказал:

– Фитили запалите и спускайтесь чуть попозже за мной. Стреляйте, только когда крикну или подниму руку.

– Да в кого же, в какого из них? – вслед ему кричал Роха. – Или всех бить? Что? Всех бьем?

Тем и хорош был Роха, тем и хорош, тем и отличался он от молодых благородных господ, что были в выезде Волкова, что плевать ему было, кто там, коли сказал бы господин бить всех, так и бил бы он всех без всякого разбора и всякой жалости. За то и ценил его кавалер.

Но сейчас Волков не мог ему сказать, кого бить. Он и самого фон Шауберга помнил плохо, а тут их трое. Надо было спуститься с холма, увидеть их, различить, надо было решить, кого из них бить и бить ли вообще кого-нибудь. И, кроме него, никто бы этого не сделал.

Волков по скользкой глине двинулся вниз, к своему коню. Он не знал, что теперь делать, как быть дальше. Кажется, дела пошли самым худшим образом, а сердце принялось биться намного чаще, чем нужно.

Волков начинал волноваться от одной мысли о том, что сейчас увидит лицо недруга. Сейчас будет говорить с тем, кто за глаза оскорблял его, кто насмехался над ним, кто поносил его в письмах, которые писал его жене. С тем, кто раздевал его жену, укладывал ее на постель, кто раздвигал ей ноги.

Нет, он ничего не мог с собой поделать. От этих картин и этих мыслей вопреки собственной воле кавалер наливался лютой холодной злобой. Такой сильной, которая и рассудок помутить могла.

И не было у него ни сил, ни способов бороться с этим всеобъемлющим чувством. У Волкова руки дрожали, когда он садился в седло. Дал шпоры слишком резко, конь так вперед рванул, что кавалер едва не выпал из седла – вот смеху бы вышло.

«Возьми себя в руки, дурак, – прошептал он, выезжая из-за холма на дорогу, и тут вспомнил то, что успокаивало его хоть немного даже пред самыми тяжкими сражениями. – Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…»

Это всегда срабатывало. Не сказать, что совсем успокаивало, но кое-что давало. Не зря он выучил эту молитву на непонятном тогда ему языке еще в молодости. Теперь же, дочитав ее до конца, кавалер не успокоился, нет, но взял себя в руки как перед делом, перед боем.

Волков остановился на дороге и похлопал коня по шее:

– Ну, тише ты, тебе-то точно ничего не грозит.

И трое господ, что ехали к нему, его уже увидали. Все трое смотрели пристально и, судя по их лицам, не рады были его тут видеть.

Молодые красавцы, щеголи в шубах, замше, парче, с белоснежными перьями на беретах. Дорогие лошади в дорогой сбруе. Слава богу, слава богу, что он не отдал приказа стрелять. Одного из этих господ Волков узнал первым, еще издалека, еще фон Шауберга не рассмотрел, а этого уже признал. Признал и еще раз поблагодарил Бога, что отвел руку с оружием. Это был младший сын самого Конрада Густава фон Малена, восьмого графа Фердинанда фон Мален, зятя и тестя кавалера Фолькофа. Да, это был он, юный Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург.

Избалованный графский сын тоже узнал родственника и еще издали помахал ему рукой. Подъехав и едва заметно поклонившись, сказал с мальчишеским вызовом:

– А, брат мой, вы? А мы как раз к вам, я решил проведать мою сестру. Примете нас?

Волков не сразу ответил, он смотрел на двух других господ. Одного он не знал, и бог с ним, а вот второго видел и слышал не раз – в общем, узнал его. Да, это и был мерзавец Леопольд фон Шауберг. Красавчик, что ни говори. Лицо открытое, черты правильные. Улыбается, все зубы целы. Тщательно подстриженная бородка, белоснежные кружева вокруг горла, в ухе серьга, как у бабы, с большой жемчужиной серьга. Куда там Волкову с его шрамами. У кавалера шрам на лбу, с правой стороны, под левой скулой темное пятно, на шее еще новая, едва зажившая рана. Нога хромая, левое больное плечо, если приглядеться, ниже правого. Нет, и рядом ему с

этим красавчиком не встать. Да еще и лютня за спиной под плащом виднеется. Какая женщина устоит?

Тут кавалер словно проснулся и, вежливо улыбаясь юному своему родственнику, ответил:

– Вам, брат мой, я всегда рад. Прошу вас быть моим гостем. – И тут он уставился на фон Шауберга: – А вы, господин менестрель, тоже хотите быть моим гостем?

Ничего больше и говорить не пришлось, взгляд его все сказал вместо кавалера. Фон Шауберг, наглец, глаз не отвел, но не ответил, и тогда Волков продолжил:

– Или, быть может, вы желаете стать гостем моей жены?

– Что? – переспросил фон Шауберг, и в его вопросе так и сквозило презрение. Презрение и насмешка. – Что вы такое говорите? Или вы пьяны, господин фон Эшбахт?

Напряжение росло, сын графа и неизвестный господин видели это.

– О чем вы, брат мой? – тоном, которым он пытался смягчить ситуацию, вмешался Гюнтер Дирк фон Гебенбург. Хоть и был он самым младшим, но сейчас казался тут самым разумным. – Господа, кажется, у нас тут есть недопонимание.

Неизвестный господин молчал, разумно предпочитая не встревать в такие неприятные разговоры, но мерзавец фон Шауберг смотрел с надменной улыбкой, которая все больше раздражала кавалера. Он-то как раз все понимал.

– Недопонимание? – Волков скривился. Он начинал закипать. Недопонимание? – Кажется, у нас тут действительно есть недопонимание.

И тут лица господ путешественников изменились. Неизвестный господин и юный сын графа смотрели Волкову за спину. И взгляды их были столь серьезны, что кавалер невольно повернулся, чтобы взглянуть – что там?

А там, в десяти шагах за ним, в вязкую глину воткнул рогатину Вилли, а на развилку деловито положил мушкет. Лицо молодого сержанта было столь выразительно, что ни у кого не осталось сомнений в его решимости выстрелить, если потребуется. А за ним, чуть поодаль, также ставили на подпорки свое оружие другие люди Волкова. Становились они полукругом, так, чтобы приезжие господа

были под прицелом, но кавалер не оказался на линии огня, а за ними на коне сидел мрачный человек при доспехе и железе, в старой шляпе, с деревянной ногой и черной бородой.

Молодец Роха, правильно сделал, что подошел и подвел людей, очень вовремя вышло.

Наконец, Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, оторвав взгляд от вооруженных людей, удивленно спросил у Волкова:

– Что все это значит, фон Эшбахт?

Тот пожал плечами и спокойно ответил:

– Вам не о чем волноваться, брат. Я просто ловлю воров. – Он снова поглядел на фон Шауберга и добавил холодно: – Вернее, одного вора.

– Вора? Какого вора? – удивленно спросил фон Гебенбург.

– Того вора, что шатается по моей земле и приходит в мой дом, когда хозяина нет, – холодно и твердо говорил кавалер, – и берет то, что ему не принадлежит.

– О чем вы, брат мой? – недоумевал сын графа.

– Вы не знаете, брат мой? – с притворным удивлением произнес Волков. – А вот, кажется, господин музыкант знает.

При этом он смотрел в упор на фон Шауберга. А тот все с той же омерзительно ухмылкой, полной презрения, глядел на хозяина Эшбахта.

– Фон Шауберг, вы понимаете, о чем говорит фон Эшбахт? – спросил Дирк фон Гебенбург.

– Я же говорил вам, господа, что он пьян, – с презрением бросил поэт и менестрель графа.

Мало того что форма этой фразы граничила с неучтивостью, так еще на его губах красовалась все та же отвратительная ухмылка.

Это и предрешило дело. Если Волков до сих пор про себя никак не мог решить, как ему поступить в этой ситуации, что ему делать, то теперь он понял, чего хочет. Да, он принял решение закончить все это дело тут и сейчас, немедля.

Он чувствовал, что мерзкая ухмылочка поганого шута выводит его из себя, да какое там, она просто начинает сводить с ума. Кавалер поймал себя на мысли, что хочет подъехать к сопернику и перчаткой, всей пятерней, схватить того за лицо, стереть эту ухмылку с его губ. И

ему уже все равно стало, как он это сделает: при помощи мушкетов верных людей или при помощи своего собственного меча.

– Вы ехали к моей жене, надеясь, что меня нет дома, – произнес кавалер на удивление спокойно.

Фон Шауберг даже не соизволил ответить, он опять ухмылялся, почему-то этот человек не чувствовал опасности или был безрассудно храбр. И именно это буквально взорвало Волкова. Мерзавец даже не счел нужным оправдываться. Он просто ухмылялся.

– Вы любовник моей жены, – продолжал кавалер. – Вы бесчестный человек.

Но фон Шауберг молчал.

А еще кавалер вдруг понял по лицам спутников фон Шауберга, что они знали, что жена Волкова ему неверна. И незнакомый господин это знал, и Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, брат Элеоноры Августы, тоже. Они все это знали и ехали в Эшбахт в надежде, что господина нет дома.

И тут ярость, клокотавшая в Волкове, полыхавшая, словно пламя большого костра, вдруг утихла, словно кто-то залил костер холодной водой. Он понял, что у него нет выхода, они все знали про порочность его жены, они все считали его посмешищем. Кавалер понял, что его позор никак не смыть иначе, чем кровью. Фон Шауберг не должен уехать отсюда живым, иначе на репутации господина Эшбахта навсегда будет поставлен крест.

– Шут, а как вы очаровываете женщин? Поете песенки? Наверное, много песен знаете? Вы, шуты, такие мастера попеть.

– Что? – Ухмылка сползла с лица фон Шауберга.

– Брат мой, это было неучтиво, – заметил Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург.

– Вы, кажется, при своем инструменте? А ну-ка, спойте мне, – продолжал Волков, не обращая внимания на слова фон Гебенбурга. – Ну, берите свою виолу, лютню, как там у вас, у шутов, называется эта ваша чертовщина.

– Надеетесь меня оскорбить? – наконец заговорил фон Шауберг, прищуриваясь.

– Пытаюсь, да, видно, оскорбить подобного господина будет непросто, – заявил кавалер, теперь пришло время усмехаться ему.

– Вы напрасно это затеваете, фон Эшбахт, – покачал головой неизвестный господин. – Леопольд – один из лучших мастеров графа.

Волков даже не взглянул на него. Ему уже сделалось все равно, ему некуда было отступать.

– Отнюдь, вам это удалось, – наконец сказал фон Шауберг. – Только драться мы станем по правилам и не тут.

– Вы при оружии и не больны, – проговорил кавалер, – драться мы будем здесь и сейчас.

– Я сказал нет, – твердо ответил фон Шауберг.

– Он вправе выбирать оружие и место, брат, – напомнил Волкову Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, которому все происходящее не нравилось.

А Волков вдруг достал из-за пояса пистолет и взвел курок:

– Драться мы будем здесь и сейчас. Если вы, господин шут, надумаете повернуться и уехать, я выстрелю вам в спину без всякого поединка. Если я вдруг промахнусь, то прикажу стрелять моим людям.

– Вы забываетесь, фон Эшбахт! – воскликнул фон Гебенбург. – Вы забыли, что господин фон Шауберг – личный друг графа.

– Он подлец и мерзавец, он здоров и при оружии. Либо он будет драться, либо я убью его как труса.

– Я не понимаю… – начал было незнакомый господин.

Но фон Шауберг прервал его:

– Я буду драться, если господину обманутому мужу так угодно. – Он замолчал, а потом прибавил негромко: – Эти низкородные господа до смешного заносчивы.

В его голосе опять сквозило и высокомерие, и презрение.

– Вот и славно. – Волков подозвал к себе Хилли: – Возьми поводья.

Глава 39

Когда Волков служил в гвардии герцога де Приньи, герцог поощрял занятия своих гвардейцев в атлетических и фехтовальных залах. Господин поощрял выездку, стрельбу, фехтование и даже игру в мяч. Он часто устраивал конкурсы с неплохими призами на владение тем или иным оружием. Меньше всего Волков упражнялся как раз с

мечом, разумно полагая, что в сомкнутом строю против закованных в железо людей меч ему понадобится в последнюю очередь. Пика, копье, алебарда, молот, тесак, да все что угодно – все нужно, все вполне пригодится, но не меч. И поэтому во владении мечом он был далеко не среди первых. Кто ж мог знать, что ему предстоит стать господином и с мечом в руках отстаивать свою честь. Знай он об этом в те времена…

Подъехал Роха, забрал у кавалера шубу и пистолет.

– Может, ты зря это затеял, а, Фолькоф? – негромко говорил он.

– Может, и зря, – ответил кавалер, отвязывая ножны от пояса и передавая их товарищу.

– Хочешь, я прикажу Хилли и Вилли пристрелить его, а ты будешь в стороне вроде как, – предложил Скарафаджо, забирая ножны.

– Не неси чушь, дурень, – сказал Волков и зло глянул на него, – это мое дело.

– Черта с два это твое дело, – так же зло отвечал ему Роха, чуть склоняясь с коня. – Тебя, дурака, сейчас зарежут, а что будет со всеми теми, кто живет на твоей земле? Появится новый хозяин и всех разгонит оттуда, заберет у нас у всех наши наделы, и куда нам с офицерами и солдатами идти?

Волков промолчал, он сделал несколько движений, разминая руку. Да, давно он не занимался этим делом. Кисть может и устать с непривычки.

– К тому же ты хромой, а он, вон, молодой бык, здоровый, – продолжал бубнить Роха.

Волков невольно глянул на фон Шауберга – тот уже слез с коня и снимал плащ. Да нет, на быка он не тянул, высок, но ниже Волкова, крепок, но и тут Волков заметно крепче. Да, кавалер хром, но он с удовольствием отметил, что фон Шауберг поскользнулся на мокрой глине, когда перекидывал плащ через седло. Его изящные сапожки предназначены для паркетов бальных зал, а не для поединков на мокрой скользкой земле. И Волков благодарил Бога за свои грубые и некрасивые кавалерийские сапоги с каблуками и гвоздями в подошве. И ничего, что он хром, эти сапоги сглаживали преимущество шута в подвижности.

Но больше, чем Господа, он благодарил старого епископа Малена, отца Теодора, за его роскошные подарки. За колет и перчатки со вшитой в них кольчугой. Вот на них-то он больше всего и уповал.

Поэтому и требовал поединка здесь и сейчас, а не когда-нибудь в фехтовальном зале, где пришлось бы снять все до рубахи и где на них смотрела бы уйма народа. Нет, именно здесь и сейчас он хотел драться с шутом, пока его тело от паха и до подбородка затянуто тончайшей незаметной кольчугой, а руки в перчатках черной замши могут перенести безболезненно прикосновение даже самого остро отточенного железа.

Ну конечно, этого следовало ждать. У шута был новомодный меч, что на родине Рохи зовется эспадой, а тут называют дворцовым мечом. Он узок, его гарда почти полностью закрывает руку. Он легок и быстр. И на первых минутах, пока фон Шауберг будет свеж, преимущество за ним. Главное для Волкова – в эти первые минуты не дать противнику возможности узнать о кольчуге.

Волков, рассекая мечом воздух, пошел на открытое место между холмом и дорогой, где не было кустов, и остановился там, продолжая разминать руку.

Фон Шауберг что-то сказал своим спутникам и тоже направился к тому месту.

Кавалер с удовольствием наблюдал, как соперник не спешит, почти семенит по грязи, боясь делать большие шаги.

– Господа! – кричал юный Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург. – Возможно ли примирение между вами, может ли что-либо предотвратить поединок?

Голос его чуть не срывался, молодой человек заметно волновался.

– Нет! – крикнул Волков.

– Обиженные мужья никогда не успокаиваются, пока не начнут харкать кровью, – язвительно произнес фон Шауберг. Он опять ухмылялся.

Волков уже взял себя в руки после недавнего приступа ярости, он был уже почти спокоен – это важно, очень важно. Но замечание шута снова его задело, и, словно видя это, фон Шауберг продолжал:

– Эти низкородные господа очень переживают из-за того, что их жены предпочитают раздвигать ноги пред другими мужчинами.

Даже его спутники не засмеялись над этой шуткой. А Волкова снова залило ненавистью, аж в глазах побелело, и это было плохо. Ярость в поединке к беде. Ему требовалось собраться. Собраться и держать себя в руках. Особенно в первые секунды.

– Не убивайте этого несчастного, фон Шауберг! – крикнул неизвестный господин.

– Хорошо, – отвечал тот нагло, – отрежу кое-что ненужное ему и отпущу.

Волков пропустил это, он делал глубокие вздохи, пытаясь привести себя в состояние холодного покоя.

Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург поморщился от таких разговоров, он почему-то не был так весел, как его приятели:

– Господа, разрешите уже свой спор.

Все, дело началось. И Волков, и фон Шауберг подняли оружие, стали сближаться. Уже по тому, как враг держал оружие, многое становилось ясно. Фон Шауберг развернулся к противнику правым боком, упор на правую, чуть согнутую в колене ногу, левая подпирает сзади, меч он держал на первых шагах острием вниз, к земле, – так можно экономить силы в руке. Без всяких сомнений, это был сильный и опытный фехтовальщик.

У Волкова не оставалось сомнений, что враг знает много хитрых приемов, которые он часами, а может, и днями разучивал в зале с такими же, как и он, и эти приемы не преминет использовать. Волкову следует быть настороже.

Еще шаг, и фон Шауберг поднял меч. Все, сейчас кончики оружия соприкоснутся. Но они не соприкоснулись, быстрым и длинным выпадом вперед, обойдя железо кавалера, враг ударил его прямо в кисть. Острая сталь сразу распорола ткань рукава. Не будь под одеждой кольчуги, кровь бы уже полилась на желтую глину.

Может, и не полилась бы, может, только капала бы, но удар Волков пропустил, хоть и готовился к нему. Шут действительно оказался ловок, действительно был мастером.

Он нанес еще два удара вслед первому, но теперь кавалер уже был готов. Удары оказались направлены как раз туда, где у Волкова не было защиты: фон Шауберг дважды пытался колоть в здоровую правую ногу, колол в бедро. Волков шагнул назад, отбил и первый, и второй удар, после сам быстро ударил. Как ему казалось, быстро. Но недостаточно быстро для шута, тот легко отскочил назад. Меч рассек воздух. Только теперь кавалеру стало ясно, насколько опасный стоит перед ним человек. А ведь поединок только начался. Фон Шауберг водил мечом туда и сюда, словно ища ход к телу Волкова. Поводил-

поводил и снова шагнул к противнику, и снова атаковал – удар, удар, удар. Звон железа, снова враг кидает жало своего меча в кавалера. По бедру, по бедру – и вдруг прямой и длинный выпад, укол в живот.

Все, что мог сделать Волков, так это только отвести все три удара, фон Шауберг оказался так быстр, что о контрвыпаде кавалер даже не помышлял. Только защищался. Да, легкий меч давал шуту большое преимущество.

И снова враги замерли. Снова острие вражеского меча маятником качается пред глазами кавалера. Туда-сюда. Из стороны в сторону.

Фон Шауберг делает шаг вперед и тут же – шаг назад. Сволочь, отчего же ты не скользишь по мокрой глине, как ты так легко движешься.

И снова длинный шаг, снова удар в правое бедро, кавалер отбивает. Еще один, кавалер снова отбивает. Этот шут так приучает Волкова – старый прием, – что теперь все будет начинаться с удара в бедро.

Удар, снова длинный выпад. Кажется, новый секущий удар справа, удар все в то же правое бедро, кавалер наготове, его меч готов отвести и парировать выпад. А парировать вдруг нечего – его оружие разрезает воздух, оружия врага не встречая.

Едва-едва, какими-то своими древними навыками, теми, что обрел в годы своей молодости и не позабыл до сих пор, теми навыками, что пришли из глубины сознания, кавалер воспользовался этим моментом, чтобы просто отпрянуть. Отскочить назад у него не выйдет, с его левой ногой не слишком попрыгаешь. Отпрянуть и попытаться поднять меч, чтобы… Чтобы не умереть.

Узкая и быстрая эспада фон Шауберга, сделав в воздухе полукруг снизу вверх, с неимоверной быстротой летит ему в голову справа.

То, что он резко отклонился влево, то, что успел хоть как-то заслониться мечом, спасло ему жизнь. Меч смягчил удар, но это не уберегло от раны. Хоть и потеряв силу, острое лезвие меча врага рассекло кожу на правом виске и поранило ухо.

Боль? Да какая это боль – ерунда. Шок? Что за бред, никакого шока. Старый солдат не стал бы старым, испытывай он шок из-за каждой царапины. Растерянность? Да к дьяволу вашу растерянность.

Он не видел, как Гюнтер Дирк фон Гебенбург восхищается выпадом и хлопает в ладоши, как неизвестный господин кричит:

– Блестяще, фон Шауберг, это было блестяще!

Волков всего этого не слышал и не видел, он, собравшись с духом, уверенно отвел еще два удара шута. Отвел и сам сделал вполне себе неплохой выпад. Такой, что пришлось и шуту напрячься, чтобы его отразить.

– Фон Эшбахт, вы весь в крови! – кричал Волкову Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург. – Может, остановитесь?

Но Волков только помотал головой.

Фон Шауберг отскочил:

– Ну что, муж обиженный, вам еще и вправду мало?

Кавалер не собирался ему отвечать, заметно припадая на свою больную ногу, он сделал два шага к врагу.

Шут отступил:

– От вас куски отваливаются, глупец, может, вам уже хватит?

Волков чувствовал, что правая часть его лица и шеи залита кровью, но не знал, что верхняя треть его правого уха болтается на остатках кожи. Нет, даже пусть все ухо отрублено будет, он не собирался останавливаться. Он опять сделал шаг вперед.

Глава 40

И поединок продолжился. Снова фон Шауберг коротко и быстро атаковал соперника. Наученный горьким опытом, Волков не пытался парировать все его удары. Он, заливаясь кровью, отходил настолько, насколько это позволяла ему его нога. А фон Шауберг наседал, думал, дурень, что кавалер старше его, да еще теряет кровь, быстрее устанет. Нет. Ветер быстро высушил рану, она саднила, но кровь уже не шла. Царапина пустячная, Волков полон сил, он до вечера так топтаться сможет.

Удар, удар, длинный выпад. Волков отбивает и отходит на два шага. Выпад приходится в пустоту. Кавалер отмахивается, шут останавливается, чтобы не попасть под отмашку. Пауза, снова они собираются с силами. И снова шут водит клинком из стороны в сторону, ищет, откуда начать. И начинает.

Шаг! Удар, удар и вдруг снова попытка закончить серию коварным, рубящим ударом в голову справа. Нет, дорогой шут, второй

раз старый солдат на такой красивый фокус не попадется. Мало того, удачно встретив меч врага и поймав его на противоходе, Волков делает шаг навстречу. Они сталкиваются плечами. Оружие у обоих опущено вниз. Глаза в глаза, мгновение, но старый солдат опытнее шута. Сейчас ему плевать на усмешки и на презрение во взгляде фон Шауберга. Кавалер той же правой рукой, что сжимал меч, вернее локтем этой руки, неожиданно бьет шута в лицо, в левую часть.

Ах, как это хорошо у него получилось!

«Что, шут, не ждал ты такого грубого солдатского приема. Такому тебя на манежах и в фехтовальных залах не обучат».

Шут явно такого не ждал. У фон Шауберга от неожиданности округлились глаза, он потерял равновесие, и Волков нанес первый отличный удар. Вернее, укол, целя противнику точно в брюхо. Но слишком хорош был шут графа.

Даже почти падая, перебирая по скользкой глине своими дорогими сапогами, он все равно отвел клинком страшный укол кавалера в сторону и смог сделать шаг назад. Волков подступил к нему и снова колол его, но тот снова отвел удар, отходя еще на шаг. Кавалер колол еще раз, и снова каким-то чудом фон Шауберг отвел опасность, словно дьявол помогал подлецу. И уже надрывая ногу, вытягиваясь, как только можно, чтобы дотянуться до врага, Волков выкинул руку с мечом вперед, понимая, что рискует, что сам уже находится в уязвимой для контратаки позиции, он все еще тянулся к врагу…

И тут наконец, хвала Господу, дорогой, почти без каблука сапог фон Шауберга поехал по глине, вельможа потерял равновесие. Левая нога его задержалась всего на мгновение. Именно этого мгновения Волкову было достаточно. Он дотянулся до ноги противник. Острый, как бритва, меч прошел через тонкую кожу сапога, как через бумагу. Прошел он через ткани, не задев кости.

– Ах, дьявол, он, кажется, попал! – воскликнул незнакомый кавалеру господин.

Волков успел вытащить из раны лезвие и отвести руку, прежде чем фон Шауберг отмахнулся. Лезвие меча промелькнуло в ногте от правой брови кавалера. Но Волков успел отпрянуть, выпрямиться и встать, расправив плечи. А потом отошел на два шага назад. Теперь он мог переводить дух и злорадствовать. На его мече были капли крови.

– Фон Шауберг ранен! – не унимался незнакомый господин.

Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург ничего не говорил, он был весь во власти зрелища. Смотрел во все глаза, не отрываясь.

Хотя пока глядеть было нечего: противники замерли, фон Шауберг, видно, привыкал к новым ощущениям в ноге, не атаковал, а Волкову теперь это и вовсе не требовалось. Теперь он мог ждать, когда противник истечет кровью. Кавалер очень надеялся, что проколол важную жилу в ноге врага.

«Что-то ты, кажется, печалиться начал, шут».

Нет, не печалиться. Лицо фон Шауберга не стало печальным, но уже и не было столь высокомерным и заносчивым. Теперь он казался просто злым. И ничего в лице этом не было, кроме желания убить Волкова.

Наконец, враг сделал шаг. Да, он еще был достаточно тверд, ногу ставил уверенно.

«Ну, ничего, посмотрим, надолго ли тебя хватит».

Выпад кавалер отбил. Шаг, длинный выпад, быстрый и опасный, едва Волков его успел отвести – рубящий удар. Кавалер отпрянул и отмахнулся, чтобы предупредить следующий удар. Да, этот шут прекрасный мастер. И, кажется, рана в ноге его не так уж и беспокоит. Единственное, что порадовало Волкова, так это то, что после атаки шут опустил меч к земле. Это верный признак того, что рука у него начинает уставать. Меч его, конечно, легче, чем у Волкова, но кавалер сильнее, а главное – выносливее противника. Нужно только тянуть время.

Шаг, выпад – Волков отводит удар, отходит. Шаг, удар, шаг, выпад, Волков отводит, отходит назад.

Но фон Шауберг не унимается, он стал торопиться. Значит, с ногой не так все хорошо. Значит, кавалеру нужно тянуть и дальше. Хотя от всей этой забавы и у него самого начало крутить левое колено, очень не вовремя, очень. Он надеялся, что это случится попозже. А теперь уже неизвестно, кто из них первый остановится и будет не в силах дальше передвигаться.

Чертов фон Шауберг наседает, словно понял, что у Волкова начала болеть нога. Шаг, удар, Волков пятится. Шаг, удар, удар. Волков отбивает, снова пятится. Новая серия ударов – и вдруг, когда казалось, вот она и закончилась, выпад!

Простой, незатейливый длинный выпад. Это одно из первых упражнений в фехтовании. Быстрый укол на всю длину меча и с приседанием на опорную ногу. Очень опасный прием, рассчитанный на верное попадание, иначе наносящий этот удар боец оказывается в позиции, в которой почти невозможно защищаться. Но этот простой прием совершил мастер, настоящий мастер. Он филигранно рассчитал все, он знал, что тяжелый меч кавалера не успеет блокировать укол, а больная нога не позволит быстро отпрянуть. И фон Шауберг дотянулся, попал. Единственное, чего не учел шут, – так это что под дорогой тканью колета противника спрятана тончайшая прочнейшая кольчуга. Иначе кончик его шпаги вошел бы Волкову в грудь, под левую ключицу, на целый палец.

– Отлично, фон Шауберг! – воскликнул неизвестный господин.

Он не знал, что кавалер невредим. А молодой сын графа молчал, в волнении терзая свои перчатки.

Волков поздно отреагировал и ответил на выпад – нога шута уже распрямилась, он снова был в удобной для обороны стойке.

А еще лицо фон Шауберга выражало досаду, он не понял, что попал в кольчугу, кажется, он думал, что просто угодил в кость, которую не смог разрубить.

Все-таки этот мерзавец был очень опасен. Волков собрался, ему опять везло, но везение не могло длиться вечно. И опять он заметил, что шут опустил меч на мгновение. Потряс им, как бы расслабляя кисть.

«Что? Устает ручонка? А у меня еще нет, да у меня меч можно держать и двумя руками, эфеса хватит».

– Шауберг, заканчивайте, он ждет, пока вы устанете! – волнуясь, кричал неизвестный господин.

Но шут и не собирался тянуть, видно, в его рукаве была припрятана еще пара фехтовальных фокусов. И он опять пошел вперед. Волков отражал удары и пятился.

И тут Шауберг после двух быстрых уколов снова сделал выпад. Почти такой же, что и тот, который оказался почти успешен. Но Волков отвел удар. Два раза он на один и тот же фокус попадаться не собирался. А это был уже другой фокус.

Когда кавалер отвел удар, фон Шауберг исполнил мечом полукруг, такой же, как и в начале поединка, ударил противника наотмашь в

лицо, только теперь с левой стороны.

Это получилось само. Остановить бритвенно-острое железо своим железом Волков уже не мог, просто поймал его перчаткой и зажал.

Этот прием вызвал у фон Шауберга удивление. Он смотрел и не понимал, как это Волкову удалось остановить его оружие. И пока тот удивлялся, кавалер быстрым взмахом поднял меч и, потянув на себя клинок шута левой рукой, рубанул ему по руке. Фон Шауберг попытался убрать руку из-под железа, но рыцарь дотянулся и рассек ее чуть выше кисти самым кончиком меча.

Фон Шауберг с силой дернул свое оружие и выдернул лезвие из руки кавалера. Отскочил. Волков поднял перчатку, посмотрел на ладонь. Замша была рассечена. Не окажись под ней кольчуги, у него сейчас, возможно, не осталось бы пальцев, а может, и половины ладони. А так рука просто побаливала, он потряс ею, сжал и разжал кулак. Ничего, все в порядке. Снова можно драться.

Неизвестный господин на сей раз даже не сказал ничего, он и сын графа просто с ужасом смотрели на происходящее, понимая, что дела у их спутника плохи.

Рука фон Шауберга была залита кровью. Он переложил меч в левую руку и собирался продолжить поединок. Теперь и намека на пренебрежение или на насмешку в его лице не было.

– Что, уже не кажутся вам обманутые мужья ничтожными и смешными? – спросил его Волков.

Но шут только сверкнул на него глазами и не соизволил ответить. Теперь у него не было времени и сил на перепалки, он хотел побыстрее продолжить, ведь положение его становилось все более удручающим: он истекал кровью и вынужден был драться левой рукой.

И он пошел в атаку… но поскользнулся. Нога в дорогом сапоге опять поехала по глине. Чтобы удержать равновесие, Шауберг взмахнул рукой с мечом, слишком высоко поднял ее… Поединок был закончен.

Волков быстро сделал простой шаг навстречу противнику и коротким движением выбросил меч вперед. Укол пришелся в левый бок под ребра. Меч вошел на ладонь. Фон Шауберг не устоял и упал на колено. Он взмахнул своим мечом и попытался ответить, но кавалер уже отступил обратно.

– Боже мой! Фон Шауберг! – кричал неизвестный гражданин. – Вставайте!

– О господи, фон Шауберг! – даже Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург заговорил. – Держитесь, друг мой.

– Ну наконец-то, – прорычал даже Роха. – Фолькоф, дьявол, вот нужно было столько тянуть с этим хлыщом? Я аж взмок.

Но Волков не слышал ни друзей шута, ни своего старого приятеля, он смотрел, как окровавленной правой рукой шут пытается закрыть рану в левом боку.

Он знал, что сейчас фон Шауберг пойдет в последнюю атаку. Следовало оставаться настороже. Он был собран и сосредоточен, ему не хотелось из-за небрежности или нелепости умереть в выигранном поединке.

Фон Шауберг встал и кинулся, именно кинулся на кавалера, видно, сил у него совсем мало оставалось. И при этом весь свой удивительный фехтовальный багаж он как будто позабыл. Просто бросился на Волкова, замахнувшись мечом. И это на скользкой глине. Волков сделал шаг в сторону и коротким рубящим движением с оттягом рубанул врага по глупо вытянутой вперед руке. Он не знал, как это его движение, этот прием, выглядит со стороны. А выглядело оно страшно.

– О мой бог! – прошептал неизвестный господин.

Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург схватил свою перчатку зубами.

Даже суровый Роха и тот восхитился:

– Хорош, чертов проныра, всегда был таким.

Фон Шауберг упал на землю, окровавленной правой рукой он держался уже не за левый кровоточащий бок, он сжимал ею обрубок левой руки. И он кричал:

– Ах, дьявол, дьявол!.. Будь ты проклят, чертов выскочка!

Волков оказался весь забрызган кровью шута, все лицо его было в красных каплях. Он наклонился к фон Шаубергу и сказал:

– Проклятые проклясть не могут.

– Безродный пес, чтоб ты сдох!

– После вас, добрый господин, – отвечал Волков.

– Думаешь, ты победил меня, да? – шипел сквозь зубы от боли шут. – Нет, не думай так! Даже когда я умру, ты будешь помнить, что я

задирал подол и раздвигал ноги твоей жене, и мы с ней смеялись над тобой, чертов ты безродный выскочка.

Кровь он зажать не мог, из руки она текла и текла. Но Волкову после последних слов этой крови показалось мало. Он распрямился, взмахнул мечом и разнес фон Шаубергу лицо, всю нижнюю челюсть превратил в кровавое месиво с обломками костей и зубов.

– Что вы делаете?! – кричал неизвестный господин. – Это бесчестно! Это низко! Остановитесь!

– Удар милосердия, – прошептал Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, выпуская из зубов перчатку. – Удар милосердия…

– Удар милосердия! – услышав его, закричал неизвестный господин. – Слышите, фон Эшбахт? Удар милосердия!

И только после этого Волков склонился над фон Шаубергом. Встал на колено. Нижняя часть лица у того была свежерубленым мясом с обломками костей, но глаза его оставались живы, он смотрел на кавалера с ненавистью. И кавалер сказал ему, доставая из сапога стилет:

– Плевать мне на вас, да хоть сто раз вы задирали подол моей жены, меня это мало заботит. Моя честь восстановлена, а вы сейчас умрете. И умрете вы с мыслью о том, что на мне была кольчуга. – Он усмехнулся. – Умрите, глупец.

Волков воткнул свой старый стилет прямо в сердце мерзавца и смотрел, как в глазах того затихает жизнь. Раз, два, три… Все.

Кавалер вытащил оружие из тела шута, вытер его об одежду мертвеца и спрятал в сапог, на место. Не без труда поднялся с больного колена и пошел к товарищам фон Шауберга. Он весь был в крови: и своей, и врага. Все платье, все лицо и волосы. По роскошному лезвию драгоценного меча скатывались последние капли. Он был страшен, и видел это он по лицам людей. Когда кавалер подошел к господам, он спросил с удивительной для него вежливостью:

– Надеюсь, господа, вы все еще мои гости?

– Что? – удивился неизвестный господин.

– Господа, мое приглашение все еще в силе. Думаю, что госпожа Эшбахта будет рада вашему визиту, – продолжал Волков, почти улыбаясь и смотря при этом на сына графа.

– Полагаю, что визиты в данной ситуации неуместны, – выдавил из себя Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург.

Он сделался бледен, ему совсем не хотелось ехать с этим окровавленным человеком куда-либо.

– Очень жаль, господа, но я всегда буду рад вас видеть у себя в имении, – сказал Волков и не очень-то галантно вырвал из рук неизвестного господина узду коня фон Шауберга: – Извините, но это теперь мой конь.

Неизвестный господин ничего не ответил.

Глава 41

Волков стал разглядывать то, что было на седле коня, первым делом взял плащ фон Шауберга, плащ оказался хорош.

– Вилли, – кавалер полуобернулся к своим людям, – тебе нужен новый плащ, отличный плащ?

– Конечно, господин, – отвечал сержант.

Подойдя к Волкову, он взял у него прекрасный теплый плащ, стал его с удовольствием рассматривать. Подарок явно пришелся ему по вкусу.

– Хилли, – продолжал кавалер, беря с седла музыкальный инструмент шута, – на, может, научишься играть! А нет, так продашь, вещь, видно, недешевая. И берет. Возьми берет у любителя чужих жен, тоже недешевый. Вон какой бархат.

Хилли чуть не бегом бросился к кавалеру за подарками.

Все это Волков делал на глазах у господ, это зрелище им было явно не по вкусу, но это ему и нравилось.

К Волкову подъехал Роха и сказал:

– Постой чуток.

Он достал из-за пояса кинжал, наклонил голову кавалера и что-то сделал. Это было Волкову явно неприятно:

– Что там?

– Вот. – Роха протянул ему окровавленный кусочек.

– Что это? – поморщился кавалер и взял кусочек в руки.

– Твое ухо, – пожал плечами Роха, – болталось на коже.

– Выброси его, болван, на кой черт ты мне это суешь?

– Ну мало ли… Вдруг твой волшебный умник монах тебе его пришьет. – Роха выбросил кусок уха. – Да и голова за ухом у тебя

разрублена так, что костяшка видна, тебе и впрямь нужно к монаху, само не зарастет. Зашить рану нужно.

– Ну хорошо, едем домой, – сказал кавалер.

– Фон Эшбахт, – окликнул его Гюнтер Дирк фон Гебенбург, – а что будет с телом?

– Не волнуйтесь, у меня телега, – сообщил кавалер. – Я заберу эту тушу.

– Тогда до свидания, – произнес молодой сын графа с заметной неприязнью.

– Храни вас Бог, господа.

Волков даже помахал им рукой, ведь у него, в отличие от Гюнтера Дирка Малена фон Гебенбурга и его спутника, сейчас было прекрасное настроение. Пусть и впредь у него будет хорошее настроение, а не у них. Когда господа развернули коней и поехали обратно, он крикнул:

– Эй, Хилли, скажи людям, чтобы мертвяка закинули в телегу и куски от него не забыли, главное – меч, меч его не забудьте.

– Ты бы умылся, ты весь в кровище, – заметил Роха и достал флягу со своим отвратительным портвейном. – Подойди сюда.

Волков приблизился к нему, и тот залил рану крепким вином. А кавалер осторожно попытался смыть засохшую кровь. Потом омыл вином и руки. Затем один из солдат принес из телеги воду, Волков умылся и смыл вино.

– Вот, так будет получше. – Скарафаджо оглядел господина и допил остатки портвейна. – И насчет плаща…

– Что еще? Насчет какого плаща? – спросил кавалер, просовывая руки в рукава шубы, которую держал солдат.

– Жирно будет сопляку Вилли такой плащ таскать, угробит он его. Станет в нем на земле у костра валяться. Лучше бы мне отдал.

– Оставь плащ Вилли, – проговорил Волков, садясь в седло, – коня себе возьми.

– Коня? – переспросил Роха и повернулся, чтобы взглянуть на коня фон Шауберга. – Коня этого ублюдка? Мне?

Он, кажется, не верил, что ему может достаться конь стоимостью в пятьдесят талеров.

– Бери, – усмехнулся Волков. – Только дашь своим солдатам, что были с нами, по талеру из своего кармана.

– Дам, – сразу согласился Роха. – Тогда и поеду на этом коне прямо сейчас.

– Поехали уже, мне к монаху надо, – сказал кавалер, – а то ухо горит.

Нет, не только из-за уха торопился он домой, была у него еще одна причина.

Кавалер выслал человека в Эшбахт заранее, чтобы тот нашел брата Ипполита и монах успел приготовиться. Иной раз лекарь бродил по домам простых мужиков или солдат, не сразу его разыщешь, а тут он ждал хозяина уже на въезде.

– Покажите, – потребовал монах, когда Волков подъехал.

Тот склонился к нему с коня, показывая рану.

– Матерь Божья, заступница наша, да когда вы уже перестанете драться? У вас еще шея до конца не зажила, а вы…

– Ну хватит тебе причитать! – Волков выпрямился в седле. – Приготовил все, что нужно?

– Дома у вас все уже готово.

Они поехали к дому, а следом за ними бежали деревенские мальчишки и кричали:

– Господин мертвяка привез! В телеге у господина мертвяк! Весь порубленный!

Волков и Роха проезжали вперед, а люди, которые были на улице, подходили к телеге взглянуть на порубленного мертвяка. Охали, крестились, отходили. Шептались:

– Кто это его так?

– Это господин его порубал, они с ним на мечах дрались, – поясняли солдаты, что шли за телегой.

– Ишь ты, вон оно как!

– Крепко порубал бедолагу!

– А господин вроде цел весь.

– Не цел, – говорили солдаты, – мертвяк господину ухо отрубил.

– Ишь ты, ухо! – удивлялись люди и спешили догнать господина, чтобы увидеть, как ему с отрубленным ухом.

Когда к дому подъезжали, за телегой шло полтора десятка людей всех возрастов и всякого пола. А что же? Событие все-таки в скучной деревенской жизни.

Такого, кажется, не было никогда, но Элеонора Августа встречала супруга на пороге. То ли рукоделие ей осточертело, то ли… Он стал с коня слезать, а она смотрела на него, не отрываясь. А тут и телега с мертвяком во двор въехала. Въехала и встала у забора. А дворовые в телегу заглядывают и крестятся в ужасе. И сразу Элеонора про мужа позабыла, пошла к телеге быстрым шагом, юбки подобрав. Подошла и замерла. Смотрела-смотрела, а потом снова на Волкова взглянула, и взгляд был такой, словно не понимала она, что это и как подобное случиться могло. Волков смотрел на нее. Но взгляд у него другой был, с насмешкой был взгляд, а в нем вопрос: «Ну что, узнаешь своего любовничка, нравится он тебе такой? Залитый поганой своею юшкой и с разрубленной мордой, с отрубленной рукой, нравится? С ним ты хотела жить, когда меня со света сживете?»

Госпожа Эшбахта потрясла головой, словно наваждение отгоняла, а потом не выдержала, закрыла рот рукою, а другой рукой стала мертвеца касаться, гладить его.

При всех! При всех трогала мертвого мерзавца, стыд позабыв! При муже, при Рохе, при сержантах, при монахе, при дворовых людях. Даже при местных, что зашли на мертвеца поглазеть. А потом не выдержала и зарыдала в голос. Завыла! Не заплакала тихо, как положено дочери графа сокрушаться над мертвым, а завыла, как простая баба крестьянская воет, мужа своего потеряв. Так и стояла она, воя и не убирая руки от мертвеца.

Большего позора Волкову в жизни не приходилось испытывать. Но, на удивление, он легко это пережил. Пусть все знают, что она распутна. То ему упрек, пока был жив любовник, но любовничек за мерзость свою поплатился, теперь это позор только Элеоноры, пятно только на ее чести.

Но не мог кавалер этого оставить, выворачивало его от злобы, и, чтобы досадить супруге, он окликнул сержанта Хельмута:

– Хилли!

– Да, господин, – сразу подошел тот. У него за спиной болтался музыкальный инструмент.

– Возьми мертвяка, найди веревку и повесь его.

– Повесить? – удивился Хилли, но тут же спохватился и спросил: – А куда?

Волков на мгновение задумался, но, взглянув на рыдающую жену, ухмыльнулся и сказал:

– На забор его повесь со стороны улицы. И человека поставь, чтобы всем говорил, что это фон Шауберг – вор. За чужим добром ехал, да господин его поймал. И что со всеми иными ворами так же будет.

– Да, господин, – кивнул молодой сержант и отправился за веревкой.

Волков уже пошел в дом, когда раздались крики, он обернулся.

Кричала Элеонора Августа, она пыталась не позволить солдатам вытащить тело фон Шауберга из телеги:

– Вон пошли, не троньте его! Пошли прочь, псы!

Но тут во дворе появилась госпожа Ланге и чуть не силком оторвала Элеонору от телеги, потащила в дом, приговаривая:

– Госпожа, на вас все смотрят, утешьтесь. Госпожа, вы позорите свое имя.

Элеонора еще оборачивалась, тянула руку, словно прощалась с фон Шаубергом, и рыдала еще громче, видя, как солдаты бесцеремонно вытащили его труп из телеги и вяжут ему на шею веревку.

Она закричала, но Бригитт закрыла ладонью рот Элеоноры и, схватив за одежду, буквально волоком втянула ее в дом.

Оказывается, немало сил было у Бригитт, хотя не казалась она сильной, наоборот, даже хрупкой казалась.

На всю эту мерзость, что вытворяла его жена, когда на людях с воем и слезами прощалась со своим любовником, – на все это Волков смотрел молча, смотрел с холодным презрением, даже с брезгливостью. Но на Бригитт он взглянул с удовольствием и благодарностью.

Красивая, холодная, беспощадная Бригитт знала, что делать. И все выполнила быстро, как надо. Он был благодарен этой красивой рыжей женщине. Волков был благодарен ей за то, что она прекратила весь этот балаган, этот позор. И готов был опять награждать ее. Ведь это она все так хорошо устроила с фон Шаубергом.

– Господин, надо уже заняться вашим ухом, – напомнил ему брат Ипполит.

– Да-да, – сказал Волков и крикнул: – Роха, захвати меч мерзавца, он в телеге.

Прежде чем зайти в дом, он все же остановился и посмотрел, как солдаты вынесли со двора труп фон Шауберга, а потом перекинули через забор веревку, подтянули и привязали ее со стороны двора. Вскоре в воротах появился Хилли и доложил:

– Господин, все сделано. Висит, как вы и приказали.

Вот теперь можно было заняться ухом.

Пока монах брил ему правую сторону головы, чтобы наложить на рану швы, Роха кричал на кухню:

– Мария, твой господин, думается мне, голоден, у него выдался нелегкий денек, неси что-нибудь нам уже.

Волков всегда молча переносил лечение, но тут спросил:

– Что там? Чего так долго возишься?

Монах взял щипцы и вытащил из раны что-то маленькое, в ноготь длиной, розовое.

– Что это? – спросил кавалер.

– Кость вашего черепа. Хорошо, что такая маленькая. Вам не только пол-уха обрубили, череп едва цел остался.

– Чертов ублюдок, следовало его просто пристрелить! – прорычал Роха и, помолчав, добавил: – Слушай, Фолькоф, заканчивай ты с этими дуэлями. Не ровен час, и не повезти тебе может.

Кавалер промолчал, ему было не до того, монах шил ему ухо, это оказалось неприятно. Он буквально слышал, как толстая игла с хрустом проходит сквозь твердый хрящ.

А тем временем дворовая баба стала быстро носить еду. Мария сама принесла и поставила на стол сковороду с жареной свининой с луком.

– О! – вдохнул аромат Роха. – Хвала всем святым, удачный денек: и коня получил, и свинину. А пиво? Мария, где пиво?

Он не стал ждать хозяина дома, не такой уж Игнасио Роха был галантный человек, чтобы знать всякие тонкости, а с удовольствием принялся есть свинину и запивать ее пивом. И вовсе его не смущали окровавленные тряпки на столе возле него и медицинское шитье, что происходило рядом. А кавалеру еще пришлось посидеть пока и помучиться. Лечение – дело не из приятных.

Наконец, когда монах закончил, они уселись за стол.

– Надеюсь, у тебя поста нет? – спросил Волков у монаха.

– Шесть дней еще до Рождественского поста, – сообщил монах.

– Слава богу, – сказал Роха и перекрестился, – а то я уже думал, что нарушил пост.

– А я что-то не припомню, чтобы ты постился, – заметил Волков, накладывая себе в тарелку мясо.

Он не успел приступить к еде, как появилась дворовая баба и сказала, что пришел к нему господин.

– Господин? Какой еще господин? – не понимал кавалер.

– Из ваших, – сообщила баба.

– Ну, зови.

Это был Георг фон Клаузевиц. Рыцарь остановился в трех шагах от стола и поклонился.

– Прошу вас, кавалер! – Волков указал ему на стул за столом.

– Благодарю вас кавалер, я сыт, – сказал молодой рыцарь. – Я по делу… Вернее…

– Говорите, – разрешил хозяин Эшбахта.

– Я видел, что на вашем заборе висит человек.

– Висит, – согласился Волков.

– Лица я его не разобрал, оно разрублено сильно, но солдат сказал, что это фон Шауберг. Я хотел бы знать, что это за фон Шауберг. Это Леопольд фон Шауберг?

– Кажется, да, имени я его в точности не помню, но, кажется, его так звали, – согласился кавалер. – Лучше вам справиться у моей жены.

– У жены? – удивился фон Клаузевиц. – Она его родственница?

– Ну, наверно, можно и так сказать. А что вы хотели, кавалер?

– Просто я его знал.

– Я тоже, но больше по письмам.

– Просто я не понимаю, вы повесили его тело на заборе…

– Да, и что, у вас от этого аппетит пропал?

– Я не понимаю, неужто он заслуживает такого обращения? Почему вы так с ним обходитесь, он был благородным человеком.

– Думаю, либо вы не все знаете, либо у нас разные представления о благородстве.

– Вот поэтому я и здесь, я хотел бы разъяснений.

– Разъяснений? – переспросил Волков.

Лицо его изменилось. Вот именно этого кавалер терпеть не мог. Именно из-за этого он и не хотел брать слишком благородных молодых людей к себе в учение и в оруженосцы. Теперь каждый благородный из его выезда станет требовать объяснений его действий, потому что его действия, видите ли, могут не соответствовать их пониманию чести или еще какой-нибудь чепухе. Но на сей раз он решил объясниться.

– Ну что ж, – начал Волков, – значит, по-вашему, фон Шауберг был человеком благородным?

– Безусловно, иначе я бы не пришел сюда и не начал бы этот разговор, – отвечал молодой рыцарь.

– В таком случае у нас разные представления о благородстве, так как ваш фон Шауберг был любовником моей жены, и на сей раз он ехал к ней в надежде, что меня не окажется дома.

– Этого не может быть, – спокойно отвечал фон Клаузевиц.

Волков вытащил из сапога стилет и положил его на стол:

– Прежде чем я воткнул этот стилет ему в сердце, он улыбался и говорил мне, что с радостью думает о том, что я до конца жизни буду вспоминать, что он задирал подол и раздвигал ноги моей жене.

Фон Клаузевиц не ответил, вероятно, по-прежнему не верил услышанному.

– Может, желаете прочитать письма, что он писал моей жене? – вдруг с улыбкой предложил молодому человеку Волков.

– Нет-нет, – поспешно отвечал рыцарь, – не желаю.

Он молчал, глядел то на хозяина Эшбахта, то на Роху, а потом сказал:

– Если так, то вы имели полное право его убить, но вывешивать его на заборе как конокрада излишне.

А Волков вдруг обозлился:

– Он ничем не лучше конокрада или какого-то другого вора. Он вор, который ехал брать мое, и он будет висеть на моем заборе.

– Что ж, вы тут хозяин, вам решать, – ответил фон Клаузевиц.

Он поклонился и вышел.

А Волкову даже есть расхотелось после этого разговора. Видя это, монах налил в стакан воды, добавил туда капель и поднес кавалеру стакан:

– Выпейте?

– Что тут?

– Успокоительное.

Волков выпил.

– Может, и вправду снимем этого хлыща, – предложил Роха. – А то еще граф разобидится за него.

– Пусть висит, – велел кавалер таким тоном, что просить дальше у Рохи желание отпало.

Кавалер хотел, чтобы жена знала, что ее фон Шауберг еще висит на заборе. Да, пусть еще повисит. Волков встал и пошел к лестнице, что вела в спальные покои.

– Спокойной ночи, кавалер, – сказал ему Роха.

– Храни вас Бог, – напутствовал его монах.

А он ничего не ответил, словно не слышал. Дошел до покоев, открыл дверь. Там на кровати валялась в слезах госпожа Эшбахта, рядом, как и положено лучшей подруге, сидела госпожа Ланге и гладила госпожу по голове.

Бригитт, увидав кавалера, сразу встала, сделала книксен и быстро вышла из комнаты. А Элеонора подняла заплаканное лицо:

– Да как вы смеете? Убирайтесь!

– Убираться? – притворно удивился кавалер. – Отчего же я должен убираться из своей спальни?

– Убирайтесь, я прошу вас, – всхлипывала она.

– Черта с два, – холодно ответил он. – Кажется, ваш любовничек не сможет сегодня присутствовать, я попытаюсь его заменить.

– Вы никогда не сможете его заменить, – рыдала женщина.

– Но, уверяю вас, я буду стараться, – пообещал кавалер насмешливо, подходя к кровати и снимая пояс.

– Неужели даже в такой день вы не оставите меня в покое?

– Для меня это счастливый день, – отвечал кавалер, садясь на кровать и снимая сапоги.

– Я ненавижу вас! – воскликнула госпожа Эшбахта, продолжая рыдать. – Ненавижу! Понимаете?

– Ну, я вас тоже не обожаю, ничего страшного, не всем удается вступить в брак по любви. Такие обычно только у холопов выходят. – Он откровенно смеялся над ее слезами: – Ну, идите сюда, моя дорогая, ваш фон Шауберг перед смертью рассказывал, как раздвигал вам ноги, мне самому даже захотелось.

– Я не хочу вас видеть! Не хочу вас видеть! – выла Элеонора Августа.

Но Волков тянул ее к себе:

– Это легко устроить, повернитесь ко мне… спиной.

– Вы просто вонючее животное, просто животное! – кричала госпожа.

– Мы отличная пара: вонючее животное и распутная бабенка-отравительница, – со смехом отвечал он. – Не зря Господь свел нас.

Глава 42

Конечно, капитан гильдии стражи Тайленрих видел висевший на заборе труп. Не мог не видеть, ведь мимо в обед проезжал. Поглядел – подивился. Но речи об этом не заводил. Поднаторевший в переговорах и политике человек считал, что у всех свои обычаи, и ежели нравится какому-то сеньору вешать на заборе своем изувеченных мертвяков в дорогих сапогах, то пусть вешает сколько заблагорассудится.

И рассеченную голову сеньора он тоже предпочитал не замечать. Ну, порубили ему голову и порубили, дело обычное для человека со стремлениями. Всем известно, что сеньор Эшбахта воинственен. Был бы тих, и голова осталась бы цела. Сеньоры разные бывают: бывают тихие, бывают воинственные и буйные, что или из войн, или из турниров не вылезают. Вот этот так в войнах и сварах живет, отчего же его голове целой оставаться.

И вообще, не для того капитан сюда приехал, чтобы мертвяками на заборе и ранами сеньора интересоваться. У господина Тайленриха имелось и свое дело.

В доме пахло кофе. Тайленрих к запаху такому был непривычен, этот аромат показался ему хоть и не противным, но резким. Волков сидел с утра, накинув на плечи теплое одеяло, хотя в доме тепло было. Перед ним стояла чашка с кофе, в которой таял большой кусок самых густых сливок. Кавалера знобило, и от этого монах был неспокоен. Не отходил брат Ипполит от хозяина Эшбахта, отирался тут же, все мешая и мешая снадобья в глиняной миске.

Обедать было еще рано, а от предложенного кофе капитан отказался, согласившись на хорошую кружку пива: с дороги хорошо

выпить пива.

А господин Эшбахта начал было гадать о цели визита капитана из Фринланда, разумно полагая, что купчишки прислали его с новостями о затеянном недавно торговом деле.

Нет, не угадал он. Капитан был по другому делу, по очень приятному для кавалера делу.

– Недавно вышел меж вами и капитаном фон Финком раздор, – заговорил Тайленрих после того, как Волков предложил ему сесть.

Волков кивнул: да было такое.

– Капитан обдумал все на досуге и согласился с тем, что правы были вы, а не он.

Обдумал на досуге? Ничего он не обдумывал. Видно, что письмо кавалера дошло до архиепископа, и тот в свою очередь написал фон Финку. Так ласково написал, что уже и гонец от фон Финка у Волкова сидит.

– Что ж, лучше поздно, чем никогда, – согласился кавалер.

– И помня, что раздор вышел из-за пустяка…

«Богатый вы, видимо, человек, Тайленрих, если для вас пятьдесят талеров – это пустяк».

Тайленрих полез под плащ и достал оттуда увесистый кошелек.

– Капитан фон Финк просит принять эти пятьдесят монет вместе с глубочайшими сожалениями о раздоре и с извинениями за несдержанные слова.

Он положил деньги на край стола.

– Рад, очень я рад, что капитан нашел в себе мужество признать свою ошибку, – заговорил Волков. – Вот только одно меня удручает.

– Видимо, то, что он сам к вам не приехал, – сразу догадался Тайленрих.

– Именно, именно. Поэтому денег я этих от вас не приму, жду капитана ко мне в гости.

– Вот как, – без всяких эмоций проговорил капитан.

– Да, так и передайте господину фон Финку, скажите, что я жду его в гости. – Волков чуть подумал и добавил: – И был бы я рад, если бы пожаловал он ко мне без промедления.

Заносчивый тон, которым кавалер это сказал, немного обескуражил приезжего капитана. Но кавалер знал, что делал. У него не оставалось никаких сомнений, что не доброй волею капитан фон

Финк ищет примирения. Никак тут не обошлось без писем архиепископа, и поэтому он продолжал:

– Скажите, что жду я его к себе в гости и буду рад ему как другу. Только пусть поторопится.

– Я передам господину капитану ваши пожелания, – не без удивления отвечал капитан наемной стражи.

* * *

В этот день это был не последний гость, что посетил имение Эшбахт. Не успел Тайленрих уехать, как пожаловали еще трое господ.

То были люди графа. Начали было возмущаться тем, что тело господина фон Шауберга висит на заборе, словно это какой-то подлый человек или холоп, провинившийся перед господином. На что Волков им ответил:

– Может, по рождению он и был благороден, но по сути души своей ничем от подлого люда он не отличался. Был он любовником моей жены и кичился этим, и воздалось ему по заслугам.

– Все равно нельзя вешать благородного человека на заборе как вора, – говорили ему приехавшие господа.

И Волков им отвечал:

– Я хочу, чтобы знали все! Чтобы все те, кто думает, что залезать под юбку жены хозяина Эшбахта – дело приятное и забавное, понимали еще, что дело это и опасное.

– Всей округе, всему графству о том уже известно, хотя молодой граф желает узнать причину дуэли доподлинно, – говорили ему господа. – И мы просим вас отдать нам тело Леопольда фон Шауберга для погребения по закону Божьему.

– Тело забирайте, – отвечал Волков. – А причину я уже сообщил вам.

Господа раскланялись и ушли, но по их тону и взглядам Волков понял, что дело совсем не закончено и впредь ему без охраны в имение графа лучше не ездить. Убить одного из придворных – верный способ обозлить всех остальных. Те господа, что состоят при дворах и не имеют своих уделов, всегда недолюбливают тех, у кого удел есть. А тут еще и повод для нелюбви такой замечательный.

Труп фон Шауберга сняли и, уложив его в телегу, которую, кстати, дал Волков, уехали. А госпожа Эшбахта, стоя в своих покоях у окна, смотрела вслед и опять рыдала, она по глупости бабьей даже порывалась бежать вниз и прощаться с фон Шаубергом, но умная Бригитт не пустила.

* * *

На следующее утро Роха позвал десяток своих людей и сержанта Вилли, взял денег у кавалера, который чуть не плакал, отдавая золото, и еще затемно отправился в Мален, чтобы купить недостающие в роте аркебузы, а заодно пороха, пуль и болтов для арбалетов.

Может, Волков и сам бы поехал, не доверив Рохе столь важного дела, как покупка новых аркебуз, но с утра его стал бить озноб. И, кажется, начался жар. Монах снова осмотрел раны и покачал головой.

– Что? – спросил у него кавалер.

– Швы в состоянии хорошем. Не воспалены. – Монах внешней стороной ладони прикоснулся к щеке Волкова. – Значит, дело не в них. Сейчас принесу вам отвар из шиповника с медом, будете пить по большой кружке три раза в день. И есть толченый шиповник с медом, это еще полезнее, чем отвар, а шиповник тут лучший, что я встречал.

Волков морщился, слушая монаха, он не любил этот шиповник, но у брата Ипполита с недавних пор появился союзник, то была госпожа Ланге.

– Господину болеть нельзя, хворый господин – хворый дом, – говорила она. – И коли ученый человек говорит, что надобно для выздоровления, так и слушайте его.

После обеда Волков даже решил прилечь, но тут вернулся из города Роха.

«Быстро он управился, а ведь с ним пешие были. Видно, люди готовы к таким переходам», – отметил про себя Волков.

А Роха сказал:

– Слушай, там, в городе, прохлаждались людишки, по виду хорошие людишки, слышу их говор – ламбрийцы. Дай, думаю, спрошу, кто и откуда. Оказалось, арбалетчики. Ищут работу на зиму, говорят,

что совсем без денег остались. Сказали, что нет средств даже на дорогу домой.

– Сколько их? – сразу заинтересовался Волков.

– Сказывали, пять дюжин, – отвечал Роха. – По виду очень хорошие людишки.

И Волков, и Роха знали, что арбалетчики из Ламбрии – лучшие арбалетчики, что известны в мире, который чтит истинного Бога. Только вот и ценник у этих господ наивысший.

Волков поморщился теперь вовсе не от шиповника, что был у него в кружке.

– Они обдерут меня, обглодают, как волки – труп лошади. У меня нет денег, чтобы нанимать ламбрийцев.

– Я их ротмистру так и сказал, – скалился Роха, – я сказал ему, что ты прижимист и даже жаден, но тот ответил, что все равно хочет с тобой поговорить.

– Ладно, – кавалер махнул рукой, – не до того мне, все равно я не поеду сейчас в город, завтра тоже. Мне монах не велит садиться в седло.

– А тебе и не придется, – улыбался Роха, – ротмистр их сам прибыл со мной.

– Он тут? – удивился кавалер.

– За дверью, – кивал Скарафаджо. – Ждет дозволения войти.

Но Волков вдруг разозлился. Он не собирался нанимать столь дорогих солдат, для него был дорог каждый золотой. Мало того что утром Роха взял уйму денег на аркебузы, так еще и это.

– Какого дьявола ты его сюда приволок?

– Поговори с ним, поговори, – уговорил кавалера ротмистр, – от тебя же не убудет.

– Ну, зови, – без всякой радости согласился кавалер. Ему бы сейчас прилечь, а не людей принимать.

Арбалетчик был невысок, не стар, но крепок. Смугл, но сероглаз, как и многие выходцы из Ламбрии. Носил он маленькую бородку. Одежда его еще сохраняла некоторые приметы шика, но была уже весьма потрепана. Волков сразу взглянул на пальцы.

Нет, сам этот господин из арбалета не стрелял. Арбалетчиков всегда легко узнать по самым загрубелым в мире пальцам. Руки тех, кто всю жизнь натягивает тетиву арбалета, можно использовать как

грабли или даже как заступы. Когда-то Волков удивлял девушек тем, что, немного покрутив в пальцах грецкий орех, расплющивал его скорлупу. У этого господина пальцы были совсем не такие.

– Стефано Джентиле, ротмистр Фарнийской сотни арбалетчиков, рад приветствовать вас, сеньор, – вежливо произнес вошедший с поклоном человек.

– Кавалер Фолькоф фон Эшбахт, – отвечал Волков, но вставать из кресла не стал, лишь кивнул. – Так вы из Фарно? – И он указал на стул возле себя.

– Да, – подтвердил ламбриец, – я и вся моя рота из Фарно.

– Я был там, – Волков перешел на ламбрийский язык, ему нравилось говорить на нем, – я осаждал это город.

– О! Как прекрасно! – восхитился Джентиле. Но не было понятно, восхищался ли он тем, что слышал родную речь, или тем, что Волков принимал участие в осаде его города. – А в какой из осад вы участвовали?

– А что, их было много? – в свою очередь удивился кавалер.

– На моей памяти четыре, – отвечал Джентиле.

– Я был в той, которую устроил Базил де Августа де ла Силва. Роха, ты ведь тоже там был?

– Да, нашу терцию как раз привезли тогда с Острова и высадили у Фарно, – сказал Роха на ламбрийском. Но его произношение оказалось намного хуже, чем у Волкова.

– Ах, так это была вторая осада, я в ней участия еще не принимал, – сообщил ламбриец. – Король тогда еще не поссорился с папой и не платил нам. Так что мы не находились с вами, господа, по разные стороны поля боя.

Но если бы даже им приходилось сходиться в сражении, это ничего не меняло: люди воинского сословия не испытывали неприязни к своим коллегам в случае, если когда-то и воевали за разные флаги. Ну, если не считать поганых безбожников горцев или других еретиков.

– Мария, подай вина! – крикнул Волков и продолжил: – Я слышал, вы ищете контракт, сеньор Джентиле?

– Да, мы оказались в бедственном положении. Его высочество не смог расплатиться с нами, и мы решили уйти, но в дороге поиздержались.

Мария поставила стаканы, разлила вино, и арбалетчик с видимым удовольствием взял свой стакан и отпил из него.

– Мне нечего вам предложить, – сразу сказал кавалер.

– Но я слышал, что вы воюете с соседним кантоном, – не собирался сдаваться ламбриец, – и война ваша не закончена. Или вы думаете, что до весны они не начнут?

– Думаю, что начнут, – признался кавалер, – но какая разница, что я думаю, главное – что я знаю. И знаю я, что у меня нет денег на таких солдат, как ваши. А обманывать своих братьев-солдат я еще не научился. В общем, кроме хорошего ужина, мне нечего вам предложить, ротмистр.

– Ах, какая досада, – вздохнул Джентиле. – Мы согласились бы послужить вам даже за двенадцать флоринов в месяц.

– Нет, это невозможно, – твердо отвечал Волков. – Я трачу только на еду и содержание коней своих людей четыре талера в день, и, если отдам вам двенадцать флоринов, мне придется распустить всех остальных моих солдат уже к весне.

– Дьявол, – задумчиво пробормотал ламбриец, – нам бы только найти денег на дорогу. Сами понимаете, через земли горцев мы пойти не можем, а двигаться через земли императора – немалый крюк. Идти придется месяц.

– Да, именно так, – подтвердил кавалер.

– Тут не пограбишь, вот и ищу я хоть немного денег. – Он замолчал и, посмотрев на Волкова, продолжил: – Если хотите, мы возьмемся поработать и за шесть флоринов. У нас четыре телеги в обозе, двадцать щитов, две тысячи болтов с разными наконечниками. И всего попросим за месяц шесть флоринов, стол, кров, овса и сена.

Волков только покачал головой:

– Будь у меня эти шесть лишних флоринов, так согласился бы, не задумываясь.

Он опять покачал головой. Нет.

Джентиле поужинал, и Волков предложил ему остаться ночевать в старом доме с господами кавалеристами, не гнать же человека на ночь глядя.

А когда все разошлись, пришла госпожа Ланге, без объяснений поставила перед Волковым на стол странную вещицу из темного стекла и положила красивый небольшой кошелек из красного шелка.

Встала рядом, ожидая, что скажет господин, стояла и молчала. Как по виду ее, так была она собою довольна.

Кавалер подумал, что это шахматная фигура, но пригляделся – нет. Гадать ему не хотелось, раньше он сидел крепился, а тут болезнь начинала его донимать, во рту все пересохло, он спросил, чтобы не тянуть:

– Что это?

– То людишки ваши у фон Шауберга нашли, а я их порасспросила. Хоть и запирались они поначалу, но потом сознались, я у них эти вещи забрала, но думается мне, что деньги они не все вернули, а это… – Бригитт взяла в руки вещицу и потрясла ее перед носом Волкова. – Не видите разве, это яд. Этот флакон фон Шауберг мне вез. – Она помолчала и добавила многозначительно: – Это для вас.

Волков взял кошелек, на флакон с ядом не взглянул. Кошель был тяжел.

– Правильно вы подлеца убили, – сказала Бригитт, – подлый он человек был. – И тут ее лицо переменилось, она вдруг заметила, что Волкову нехорошо: – Что это, господин? Дурно вам?

Она позволила себе то, что до сих пор не позволяла. Прямо при монахе приложила руку ко лбу кавалера.

– Бог мой, господин, да у вас жар! – Она уставилась на монаха. – Брат Ипполит, что же это? Отчего так?

– То от раны, – сказал монах, заметно удивляясь фривольному поведению госпожи Ланге. – Я уже даю господину лекарство.

Волков бросил на стол кошелек с деньгами, а флакон с ядом у Бригитт забрал. А она вдруг стала ласково гладить кавалера по голове и что-то шептать, совсем при этом не стесняясь монаха.

* * *

А как идти ко сну, кавалер расхворался совсем, жар у него стал столь высок, что брат Ипполит остался ночевать при нем в доме, а кавалеру потребовал отдельную кровать, чтобы спал тот отдельно от жены. Бригитт отдала ему свою, сказав, что место себе найдет, но спать она не собиралась, велела принести стул, села рядом с больным. Жар не давал Волкову уснуть, и он просил у Бригитт пить. И все пил и

пил отвар из шиповника, ворочался, откидывая перины. Так и не заснул бы, наверное, до утра, не разбуди Бригитт монаха и не накапай монах кавалеру сонных капель.

Глава 43

Утром, как обычно бывает, ему стало легче, жар спал. Госпожа Ланге была довольна, но ровно до того момента, как монах сказал ей, что ничего еще не кончено, что болезнь не отступила и только вечером станет ясно, выздоравливает ли господин. Госпожа Ланге погрустнела и ушла распоряжаться о завтраке.

*** * ***

Видно, его высокопреосвященство курфюрст Ланна написал своему капитану фон Финку письмо весьма проникновенное. Настолько проникновенное, что после просьбы Волкова прибыть к нему лично тот не стал тянуть. Капитан прибыл с утра и ждал, пока Волков его примет. Хоть кавалер и был еще не в полной силе, он решил держаться радушно, сделал вид, будто позабыл все дурные слова, которые говорил ему фон Финк. Сейчас требовалось задавить в себе все обиды, капитан фон Финк был ему очень нужен. Кавалер встал ему навстречу как старинному приятелю и первым протянул руку.

– Рад, что откликнулись на мое приглашение, искренне рад, – говорил он, сжимая ладонь капитана, – идемте к столу.

– Уж я хотел извиниться… – бубнил капитан. – Приехал… Думаю, извинюсь… Думаю, нехорошо тогда получилось…

– Садитесь, садитесь, – усаживал его за стол Волков.

Фон Финк сел:

– Я уже хотел сказать вам, что те слова мои обидные были глупостью…

– Да бросьте! – Волков махнул рукой. – Мы оба несдержанны на язык были, словно дураки двадцати лет от роду.

– Да-да, – кивал капитан, – как дураки, как дураки…

– Но я отметил, что вы отчаянный храбрец! – продолжал кавалер. – Не побоялись поединка со мной, не многие молодые люди так же храбры.

– Я храбрец? – говорил фон Финк. – Ах да, да… Я слышал, что вы недавно дрались опять, вон, рана у вас еще не зажила.

– Да, пришлось. Оказалась, что жена мне неверна и водит шашни с одним придворным графа фон Малена, пришлось вызвать его и убить, – быстро рассказал историю кавалер.

– Каков подлец, поделом ему! – воскликнул капитан. Кажется, он был обескуражен той легкостью, с которой Волков рассказывал об этом пикантном, мягко говоря, случае в своей семье. Не каждый вот так станет рассказывать о том, что жена ему изменяет.

Тут капитан полез за пояс и достал оттуда кошелек:

– Вот, я привез вам то, что послужило поводом нашей распри.

– Пятьдесят талеров? – догадался Волков.

– Именно, именно. – Фон Финк протянул кошелек кавалеру. – И преподношу вам их с моими глубочайшими извинениями.

Он поклонился Волкову, протягивая ему кошель. И страшно удивился, когда кавалер отвел от себя руку с кошельком, сказав:

– Не надобно мне того, оставьте серебро себе.

– Не надобно? – переспросил капитан. – А что же тогда? Зачем же тогда вы меня звали?

– Да уж не из-за этих жалких пятидесяти монет, – усмехался кавалер.

– Так для чего же? – недоумевал капитан, подозревая, что этим серебром дело не кончится.

Вот теперь только и начинался настоящий разговор. Волков подводил дело к тому, зачем пригласил фон Финка, а потому сделал паузу и произнес:

– Деньги эти оставьте себе, дорогой мой капитан, мне надобно от вас другое.

– Что же, говорите уже. – Капитан уже волновался.

Тянуть дальше смысла не было, кавалер сказал:

– Мне требуются ваши солдаты…

– О! – только и смог ответить капитан. – Опять?

– Да. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне и привели двести тридцать своих людей, когда то будет мне надобно.

Фон Финк молчал, стал тереть щетину на подбородке. Волков видел, что эта затея и это его пожелание капитану совсем не нравятся, но не торопил его, ждал ответа, а капитан после долгой паузы спросил:

– А нужны они вам будут для показа, как в прошлый раз, или для дела?

– Да уж не для показа, капитан, не для показа, – покачал головой кавалер, видя, что это еще больше не нравится фон Финку. – Скоро ко мне явятся горцы, я хочу, чтобы по первому моему зову вы прибыли ко мне на помощь.

Фон Финк выпрямился, стал важен:

– Нет, – твердо ответил он. – Волею сеньора мне запрещено ввязываться в свары с соседями. Велено мне хранить мир, тем более с кантонами.

– Так и будет, мира вы не нарушите, – тут же пообещал кавалер, знавший, что капитан так скажет, – вы же будете воевать не под знаменами Фринланда, а под моими знаменами, я дам вам денег. То есть это будет не война Фринланда и кантонов, а просто вы и люди ваши будут у меня на контракте. Фринланд тут ни при чем.

Нет-нет. Фон Финку все равно это не нравилось, не хотел он влезать в эту войну. Скорее всего, попросту боялся, что горцы побьют много его солдат, за горцами такое водилось, уж воевать они умели.

– К сожалению, все, что я могу сделать для вас, – он снова протянул Волкову кошелек, – это вот…

– Нет, друг мой, нет. – Кавалер и не думал соглашаться, он не собирался принимать отказ, по сути, разговор только начался. – Это не вы мне дадите денег, это я вам предложу четыреста монет, если вы придете мне на помощь.

– Это невозможно, – помотал головой фон Финк.

– Возможно, мой друг, возможно, – улыбался ему кавалер, он знал, что капитан будет отказываться, кому охота лезть в свару с горцами, поэтому заранее приготовил слова, что скажет в случае отказа. – Иначе мне придется опять писать архиепископу. Буду писать, что вы в деле моем мне не помогаете, а противитесь всячески и волю курфюрста не выполняете. Я же помню, что писал он вам в самом первом письме, что я доставил, а писано было там, чтобы вы помогали мне по мере сил.

Кавалер сказал это и замолчал: «Ну а теперь что ты скажешь?»

Лицо капитана сразу сделалось таким же, как в тот день, когда они ссорились. Он поджал губы и скривился.

– Не думаю, что это вам поможет, – с неприязнью произнес фон Финк.

Он глядел на Волкова неодобрительно. Весьма неодобрительно.

Но кавалера это не остановило, нужно было и дальше давить на этого упрямца.

– А еще завтра же, слышите, завтра же, я начну грабить ваших купцов, что плавают мимо моих берегов, – с улыбкой продолжал Волков. – И каждому из них я буду говорить, что причина их бед – вы! Что граблю я их для восстановления справедливости и чести. Обещаю вам, что стану забирать десятину с каждой баржи и с каждой лодки, что проплывет мимо меня, и каждый раз поминать при этом ваше имя.

Лицо капитана сразу стало серым. Он встал со стула и положил кошелек с талерами на стол возле руки кавалера.

– Так ли поступают достойные люди? – спросил он.

Волков тоже встал и продолжил гнуть свое, не обращая внимания на упрек:

– Выбирайте, капитан, друга в моем лице, пятьдесят этих талеров и еще двадцать гульденов золотом или врага, раздражение архиепископа и озлобленных торговых людей, многие из которых ваши знакомые.

Теперь, кажется, фон Финк стал сомневаться. Конечно, сейчас он ненавидел кавалера, но тот знал, что золото потом сведет на нет всю эту ненависть… Если, конечно, удастся победить горцев.

– Ну, капитан, решайтесь.

– Сначала вы сказали, что дадите четыреста талеров, а теперь говорите, что дадите всего двадцать гульденов, – произнес фон Финк.

– Хорошо, двадцать два гульдена, даже двадцать три, – пообещал кавалер. – За двадцать три гульдена вы согласны помочь?

– Солдаты не пойдут за мной, если я скажу, что мы идем воевать с горцами, и офицеры не пойдут, – наконец ответил капитан, он все еще сомневался.

– Пойдут-пойдут, – заверил его кавалер, он достал из-под рубахи маленький кошелек, из него высыпал на стол золотые монеты, там было меньше двадцати трех, но даже эти деньги произвели на капитана впечатление. – Скажите, что я уже бил горцев и в следующий

раз побью. И покажите им это. Они пойдут за вами, капитан. А деньги я заплачу вам вперед. Забирайте золото. Сейчас я принесу вам остальные деньги.

По лицу собеседника Волков понимал, что капитан его ненавидит. Губы его скривились еще больше, уж не плюнуть ли он собирался в ответ. Нет, не плюнул. Кто ж сможет плюнуть на золото, гнев архиепископа и на злобу купцов. Фон Финк, наконец, разлепил губы и сказал:

– И когда же будет дело, к какому дню мне готовить людей?

– До Рождества они должны начать, так что готовьте уже сейчас. Соберите как можно быстрее их со всех зимних квартир поближе к берегу. Держите наготове.

Фон Финк сгреб золото в ладонь, забрал серебро со стола и, покачивая головой, произнес, вздыхая:

– Дал же Бог такого соседа.

– Какого такого? – поинтересовался кавалер.

– Такого… – Капитан не сразу подобрал слово, видно, слова на уме у него были только бранные. – Такого… неспокойного.

– Ну, капитан, потому я и неспокоен, что беден, будь я богат, так вы бы обо мне и не услышали. Вот как разбогатею…

Волков улыбался гостю как лучшему другу, хотя жар у кавалера, кажется, снова начинался и фон Финку он не очень-то доверял. Ведь было видно, что капитан не слишком доволен тем, что против воли его вовлекают в такое неприятное и опасное дело, но, перед тем как уйти, он все же сказал:

– Людей начну собирать сегодня же, но фураж и продовольствие, что пойдет им сверх обычного, вы оплатите.

– Оплачу мой друг, все оплачу, – заверил его кавалер.

Волков держался так учтиво, что вышел провожать капитана, хоть физиономия у того была весьма неприветливой, и не уходил, пока фон Финк со своим сопровождающим не уехал со двора.

А у конюшни как раз оказался Роха, он болтал с Максимилианом и фон Клаузевицем о коне, что достался ему после дуэли Волкова с фон Шаубергом. Те осматривали подарок, восхищались скакуном, советовали Рохе, как такого коня кормить и поить, как седлать, когда в долгую дорогу едешь.

Кавалер постоял, немного подумал. Сейчас он вывалил фон Финку целую груду золота за не самых лучших солдат. Волков прикинул, что переплатил как минимум вдвое. Да, переплатил, но вот деваться ему было некуда. Он аккуратно потрогал рану на голове и ухе. И крикнул:

– Роха!

– Да, кавалер! – откликнулся тот.

– Нравится конь?

– Лучший, что у меня был, – отвечал ротмистр.

– Ну так садись на него и скачи в город.

– В город? – удивился Роха.

– Да, найди ламбрийца, скажи, что я нашел шесть золотых. Пусть прибудет ко мне вместе со всеми людьми.

И фон Клаузевиц, и Максимилиан замерли, стояли и смотрели на него, а Роха спросил:

– Что, кавалер, дело скоро будет?

Волков ничего не ответил. Если лопоухий Малек не соврал и не ошибся и кантон Брегген выделил деньги и уже начал собирать райслауферов, значит, ждать долго не придется.

– Господин мой, – выскочила на крыльцо Бригитт, была она зла, – что же вы встали на улице, в одной рубахе на ледяном ветру?! Неужто жар у вас спал совсем?

Она подбежала к нему и, взяв его под руку, поволокла в дом, словно ребенка.

– Роха, – велел Волков, – скачи немедля!

– Да, господин фон Эшбахт, уже еду! – отозвался Роха ему вслед.

Глава 44

Можно было все это и пораньше начать, да, пораньше. Сказал же лопоухий Ганс Круле по прозвищу Еж, что земельный совет кантона выделил деньги на наемников и наемников уже стали брать на контракт.

Следовало сразу приступить к приготовлениям, да не получалось. Фон Финк не спешил с извинениями и ламбрийские арбалетчики еще

тогда не появились. В общем, все началось неожиданно и завертелось быстро.

Когда госпожа Ланге укладывала его в постель, а брат Ипполит повторял ей, как и когда давать кавалеру снадобья, что стояли на комоде рядом с кроватью, в дверь покоев постучали.

– Уходите все! – крикнула госпожа Ланге. – Болен господин.

– Кто там? – отозвался Волков.

Пришел Максимилиан и, явно стесняясь того, что беспокоит больного, сообщил:

– Кавалер, вас там какой-то холоп видеть желает.

– Господин Максимилиан, – строго сказал Бригитт, – у господина третий день жар стоит, ему в постели лежать и снадобья пить, а гости все едут и едут. Так то всякие важные гости, а тут вы уже и о холопах докладываете?

Максимилиан сам все понимал, он поклонился и хотел уйти, но кавалер остановил его:

– Что за холоп?

– Мальчишка, оборванец, не из наших, даже не знаю, откуда он тут, говорит, что к вам у него очень важное дело, – ответил Максимилиан.

– Пусть подождет пару дней, – продолжала строго говорить Бригитт под одобрительные кивки брата Ипполита.

– Оборванец, говорите, не из наших? – насторожился Волков.

– Точно так, кавалер, – кивнул Максимилиан, – не из наших.

– Давайте его сюда.

Госпожа Ланге посмотрела на кавалера с укоризной, даже сдержанный брат Ипполит и тот был, очевидно, недоволен. Но дело, кажется, слишком серьезное, чтобы ждать. Волков это чувствовал.

И не обманулся, так и вышло. Пред ним оказался худой мальчишка лет четырнадцати в драной одежде и в деревянных башмаках на толстый вязаный носок. Да еще и говорил гонец с заметным акцентом.

– Ты свинопас из Милликона? – сразу догадался Волков, увидав его.

– Нет, господин, я свинопас из Бирлинга, – сказал мальчишка, кланяясь.

– Бирлинг?

– Деревня такая – Бирлинг, я как раз оттуда. Это за две версты по дороге к горам от Милликона, господин.

– Звать как?

– Клаус Швайнштайгер, господин.

– Говори быстро, что хотел сказать, Клаус Швайнштайгер, – строго велела госпожа Ланге. – Господин болен, ему надобно отдыхать.

Свинопас понимающе кивал, он и сам все видел.

Госпожа Ланге, Максимилиан, Волков и брат Ипполит ждали, пока мальчишка начнет, а тот не сразу смог сказать, что хотел, он волновался, оттого что приходилось говорить ему в присутствии стольких знатных господ.

– Ну! – прикрикнула Бригитт. – Давай уже, дурень, зачем пришел? Или язык у тебя отсох?

– Сказать? Нет, госпожа, не отсох, не отсох… Да, да, – кивал и поглядывал на всех свинопас. – Ага. Вот что я хотел сказать, добрый господин и добрые господа. Человек один, господин Сыч, сказал мне, что если я увижу, что на берегу… ну или где-то близко от реки будут собираться ратные люди, и я об том сообщу господину Эшбахта, то он даст мне три талера Ребенрее.

– Три талера! Экий ты болван… – начала Бригитт.

Но Волков ее перебил, остановил ее жестом:

– Ратные люди?

– Да, господин, так и сказал, если много будет людей при доспехах и оружии на берегу, так беги в Эшбахт, к господину. Он даст тебе три талера.

Волков, который уже удобно устроился в перинах, сел на кровати, опустил ноги на пол. Бригитт готова была испепелить мальчишку взглядом, а тот продолжал:

– Господин, я долго к вам бежал, целый день, а перед тем еще реку переплыл, холодно мне было, на коряге плыл. Господин Сыч сказывал, что вы мне три талера дадите… Вы хоть один талер мне дадите?

– Сколько было тех людей? – спрашивал кавалер, ища у кровати панталоны.

– Господин, я не знаю, у меня больше двух дюжин свиней никогда не водилось. Я дальше и считать не умею. А людей было больше двух

дюжин, много больше.

– Как же ты деньги считать будешь, дурень, если господин тебе их мелочью даст? – усмехалась госпожа Ланге.

Но Волкову оказалось не до шуток, он был абсолютно серьезен:

– Палатки, шатры были?

– Были, господин. Много.

– Сколько?

– Не считал, господин.

– Телеги видел?

– Видел, господин.

– Тоже не посчитал?

– Не посчитал, – тряс головой мальчишка.

– Коней тоже не считал?

Мальчишка начал понимать, что задание свое выполнил плохо, он стал корчить жалостливое лицо и снова тряс головой:

– Нет!

– Флаги были?

– Были, были. Красные с черными медведями, что на задних лапах стоят.

Наемники. Райслауферы, соседи кантона Брегген. Флаги кантона были другие.

– Далеко от берега реки те люди?

– В версте, господин. Стоят у дороги.

– На одежде: на ляжках, на куртках – у них белые кресты были нашиты?

– Точно, господин, нашиты, нашиты кресты, – вспомнил мальчишка.

Волков напяливал панталоны.

– Не заработал ты пока три талера, останешься пока при мне. Тут.

– Господин мой, неужто дело не подождет?! – всплеснула руками госпожа Ланге, она прикоснулась к щеке кавалера внешней стороной ладони. – Вы горите.

– Это как раз то дело, что не станет ждать, – отвечал Волков, вставая. – Шоссы мои найдите и сапоги. И собирайтесь в дорогу, госпожа Ланге.

– В дорогу? – спросила Бригитт удивленно.

– Да, возьмете Увальня и отвезете мои сундуки и жену к епископу в Мален. Сами вернетесь, вы мне тут потребуетесь. Дам вам двадцать золотых, поменяете на серебро, оно мне пригодится.

– Как пожелаете, – сказала Бригитт с волнением.

– И госпожу Эшбахта не в имение к отцу отвезете, а именно к епископу. Просите, чтобы следил за ней и не отпускал ее.

– Все исполню, господин мой, – пообещала красавица.

– Максимилиан, седлайте коней, едем к реке смотреть, как там дела, поговорить с сержантом Жанзуаном. Может, он что-то видел. Но перед этим отправьте человека к капитану фон Финку в Эвельрат. Пусть срочно ведет всех людей ко мне, пора. А к вечеру соберите господ офицеров и сержантов, пусть будут к ужину в моем старом доме. Монах, – обернулся он к брату Ипполиту, – снадобье какое-нибудь, чтобы я лучше в седле сидел, сделай! Мне, кажется, придется поездить.

Бригитт с надеждой посмотрела на монаха, надеялась она, что велит тот господину, чтобы дома сидел, в кровати лежал, что нельзя с жаром в седло садиться. Но брат Ипполит дольше знал кавалера, чем рыжая красавица, и ответил ему:

– Дам вам снадобье такое, есть у меня отвар, что будет бодрить и сил придавать. Но перед этим я хотел бы вам шов за ухом вскрыть: покраснел он, набух, я хотел посмотреть пару дней, может, отек спадет, но если вы в седло надумали сесть, то лучше я сразу вам рану почищу.

– Да, режь, я чувствую, как будто тянет кожу, – согласился кавалер. – Давай, пока Максимилиан коней седлает.

– Господин мой, – Бригитт сложила руки на груди, – так зачем же вы собираетесь куда-то, вам лежать надо. Монах, скажи ему, чего же ты потакаешь такому безрассудству?

Последние слова, что обращены были к брату Ипполиту, Бригитт произнесла строго, даже сурово. Монах замер, теперь он и не знал, что делать. Переводил взгляд с нее на Волкова.

«Ишь ты, как она взяла все тут под себя, – удивленно думал кавалер, – неужели теперь еще и монах слушаться будет ее больше, чем меня?»

А монах и впрямь стоял в нерешительности.

– Ну, чего ты? – повысил на него голос кавалер. – Неси свет, инструменты, ты же шов вскрыть хотел?

– Может, вам вправду дома лучше быть? – произнес брат Ипполит.

Волков привстал с постели и прямо на виду у монаха и мальчишки поймал красавицу за руку и притянул ее к себе. Обнял за талию и, заглядывая ей в глаза, произнес:

– Госпожа Ланге, пришло время, которое и решит сейчас все наши судьбы. Горцы уже наняли людей, значит, уже скоро начнут. Думал, надеялся, что после Рождества начнут, так нет, уже люди их у реки лагерь поставили. Люди те за деньги воевать пришли, им в радость, когда войны нет, а серебро платится, только вот горцы скупердяи еще те, они просто так деньгу платить не станут, наемников всегда нанимают в последний момент, чтобы не переплачивать лишку. Значит, они вот-вот начнут. Нет у меня времени в постели лежать и болеть. Нужно ехать к реке: смотреть, гадать, где они высадятся, когда начнут.

– Так у вас офицеров полдюжины и, кажется, хорошие среди них есть, – говорила Бригитт, явно понимая его и уже сдаваясь. – Пусть Брюнхвальд едет за вас.

– Некому за меня мою работу делать. Никто лучше меня ее не сделает, – ответил кавалер.

Да, можно послать кого-нибудь, но в этот раз он хотел все видеть сам. Это дело, наверное, являлось главным делом в его жизни, сложнейшим делом его жизни. Кому можно его передоверить? Не было таких людей у него. Брюнхвальд – ревнитель дисциплины, но простодушен, иной раз как ребенок, его любой обманет. Рене хитрее, но слишком уж осторожен, будет сгущать краски. Бертье – храбрец, но человек неосмотрительный, просмотрит что-нибудь обязательно. Роха никогда не был даже сержантом, Пруфф – артиллерист. И никто из них не имел такого опыта, как сам кавалер. Даже Рене и Брюнхвальд, которые были много старше него, не воевали столько лет, сколько воевал он.

Нет, некого ему послать. И Бригитт сама чутьем женским понимала, что не зря кавалер пользуется среди офицеров таким уважением. Неспроста. Не за красоту кирасы и шлема офицеры так уважали Волкова. Поэтому никого он не пошлет, а поедет на место лично. Сам будет все смотреть.

– Дозволите ли вы мне с вами поехать? – спросила она.

– Что за глупости? – строго ответил он, отпуская ее и отодвигая от себя. – Место ли женщине на войне? Тут останетесь. Если буду я бит,

так вам с Ёганом придется добро увозить. Людей, скот уводить. Вам найдется, чем заняться, и тут.

Она промолчала, а кавалер взглянул на монаха:

– Ну, ты так и будешь стоять как истукан? Ты же хотел швы вскрыть, рану чистить. Или передумал? Давай, а то скоро Максимилиан придет звать меня.

– Нет-нет, – вспомнил монах. – Сейчас все сделаю.

Видно, Максимилиан сказал кому-то из выезда Волкова, что кавалер едет, так за ним все увязались: и фон Клаузевиц, и братья Фейлинги, и Карл Гренер. Думали развеяться от осенней скуки верховой прогулкой. Волков не стал господ отговаривать. Пусть едут, не все им его провиант проедать. Монах снова зашил ему рану, она саднила. Донимала. Обезболивающее Волков пить не стал: в дорогу такое не дают, не то и заснуть можно в седле. Наоборот, выпил бодрящего питья, чтобы слабость от жара в пути не мешала.

Волков посмотрел, как вырядились молодые господа, что собрались ехать с ним, и ухмыльнулся. Он-то надел простую, грубую рубаху, длинную стеганку почти по колено. Никаких беретов на голову: стеганый подшлемник. Широченные солдатские штаны вместо шоссов. Свои крепкие кавалерийские сапоги. Кольчугу на всякий случай. Максимилиан оделся почти так же, понимал, что сейчас не до красот. А остальные дурни вырядились как на прогулку. Даже фон Клаузевиц, казалось бы, взрослый и умный, и тот напялил шубу и берет с самым дорогим пером.

Но ничего, поехали, причем двигались быстро: кавалер надеялся вернуться засветло, ведь на вечер у него было запланировано совещание с офицерами.

Местность свою он уже приблизительно знал. Не раз уже тут ездил.

Теперь, правда, большинство кустов потеряло листву, земля его от этого выглядела еще менее привлекательно. Везде лужи ледяные, мутные, в глине вода стоит долго. Морозов еще нет даже ночью, лужи не замерзают, но холодно все равно. Ветер пробирает. Хорошо, что надел стеганку.

Волков смотрел и смотрел вокруг, все запоминал, пока ехал. Иной раз останавливался на холмах, чтобы оглядеться. И многое ему нравилось. Особенно нравилось, что много воды в низинах между

холмами и на дне оврагов. Даже хорошо подкованные кони и те тут скользят и вязнут в лужах. А пешему человеку в тяжком доспехе так и вовсе непросто придется. Тем более что вода в ложбинах и оврагах может и до колена доходить. Земля его тяжела для всякого путешественника. А уж для пешего…

Да, именно на это кавалер и рассчитывал. Не на людей Рене, Бертье или фон Финка, не на мушкеты Рохи и не на пушки Пруффа, а именно на воду и глину, на холмы и овраги, на бесконечные страшные и корявые кусты. Отъехав от Эшбахта, уже на полпути к реке, он не без труда загнал коня на самый высокий холм, что тут был. За господином осмелился поехать только Максимилиан.

Волков осмотрелся и спросил у оруженосца:

– Знаете, в чем сила горцев?

– Это всем известно, – отвечал тот. – Они лучше всех держат строй в баталии. И они самые твердые в бою, никогда без приказа не отступают. Поэтому они и лучшие.

Кавалер усмехнулся:

– Окажись тут кто-нибудь из ландскнехтов, вы бы получили зуботычину после последних слов, – усмехнулся Волков. – Ладно, вы правы. А где бы вы тут построили баталию в пятьсот человек?

– Баталию в пятьсот человек? – переспросил Максимилиан и удивленно посмотрел на господина. – Кавалер, баталию построить тут негде. Овраги одни, холмы с кустами.

– Верно, – продолжал кавалер задумчиво, разглядывая при этом окрестности. – Коли они встанут правильно с пиками, с копьями, с алебардами, арбалетчики и аркебузиры по флангам, так нам и конец сразу придет. Нет у нас солдат, чтобы выстоять против них. И пушек у нас мало, и мушкетов. Они нас за полчаса поломают, сомнут.

– Так вы думаете их сюда привести? – спросил Максимилиан.

– Сюда, если на высадке не удастся перехватить, как в прошлый раз. Или не сюда, а к большому оврагу, что отсюда чуть на юг.

– Тут драться тяжело и нам будет, – сказал оруженосец. – Эх, хорошо бы их и впрямь на высадке поймать.

– Два раза с ними такого не выйдет, не дураки они, – не верил кавалер.

– А как же мы их сюда заманим?

– Сам бы знать это хотел. – Он, несмотря на сильный и холодный ветер, снял подшлемник и стал вытирать лицо рукой.

– Кавалер, вам плохо? – спросил Максимилиан.

– Ничего, до вечера должен продержаться, – ответил Волков.

– Тогда нужно спешить, – сказал Максимилиан.

– Да, едем.

Глава 45

Поехали быстрее, остановились только в одном месте – у большого оврага. Это был самый большой овраг на всей его земле. Самый глубокий. Он тянулся от границы владений Волкова почти до реки на востоке. Глубиной овраг был в человеческий рост. И единственным местом, где бы можно без проблем его перейти, была ложбина меж двух высоких холмов. Именно тут Бертье и Роха вели солдат, тащили обоз перед сражением на реке.

Но даже тут дорога не была простой. Приходилось спуститься с одного холма в этот самый овраг и подняться по склону другого. Тут и телеги проходили. Но то летом, когда было сухо. Во всех других местах стены оврага были почти отвесны. По скользкой глине даже пешему человеку в доспехе выбраться из оврага непросто.

Волков снова заставил коня буквально карабкаться на северный холм, с него он смотрел на запад. Нет, там точно не пройти, сплошной стеной по краю оврага рос барбарис. Вот на востоке другое дело, там есть пологие склоны, есть выходы из оврага.

Там, на востоке, хоть и не без труда, но овраг можно перейти.

Максимилиан заехал на холм и тоже огляделся, потом, наконец, спросил:

– Драться будем тут?

– Если сильно повезет, – ответил кавалер.

– А может повезти?

– Станем надеяться на то, что среди них не найдется людей, которые тут уже бывали, и нам удастся завести сюда горцев.

После поехали дальше. И чем южнее ехали, тем спокойнее становилась местность. Кусты сменялись кое-где деревьями, поляны появлялись, овраги оказывались уже не так глубоки. Здесь враг мог

легко найти место для боя. Места неровные, но вовсе не такие непроходимые для солдатских колонн, как те, что лежали чуть севернее. Здесь ни в коем случае нельзя было ввязываться с горцами в драку.

* * *

Еще до полудня приехали в рыбацкую деревню. Сержант Жанзуан вышел встречать. Вывел своих людей для смотра. Жанзуан был отличный сержант, все его двенадцать солдат и шесть арбалетчиков выглядели хорошо, все вокруг казалось уже не таким заброшенным, как раньше, все казалось обжитым.

Особенно кавалера порадовала застава. Видно, что сержант не давал солдатам сидеть сложа руки. Хоть застава и совсем не напоминала крепкий форт, но уже было видно, что с налета ее не взять. Частокол, конечно, оказался дрянной, что говорить, но откуда взяться хорошему, если леса-то вокруг хорошего нет совсем, лепили стену из кривых жердин. Но даже они выглядели крепко. Удобные ходы на частоколе, укрытия, места для стрелков, как положено. Но главное – этот частокол был хорошо окопан. Всю заставу по периметру окружал ров в человеческий рост, рогатки повсюду. Нет, непросто ее брать. Это надо высаживаться, искать лес для лестниц, идти на штурм, терять людей и время. Молодец сержант Жанзуан.

– Деньги с плотов собрал, есть серебришко? – спросил кавалер у сержанта.

– Да, господин, есть, девять талеров с мелким серебром. – Сержант достал деньги, завернутые в тряпицу.

– О, значит, лес плывет? – удивился Волков.

– Плывет, господин, почитай каждый день по плоту тут проплывает.

– А кроме леса? – спросил Волков, проходя и разминая на ходу ногу.

– Вот! – вдруг сказал сержант. – Тихо было вроде, проходила баржа в день да пара лодок, может, три или четыре за день. И все груженые плавают туда-сюда. А тут уже третий день кряду плывут и плывут на юг, к Милликону. И все пустые, пустые. И баржи, и лодки. Я

бы и не задумался, да обратно-то не возвращаются они. Ни пустые, ни полные. Странно это.

– К Милликону плывут пустые? – спросил кавалер задумчиво.

– Пустые, господин, все пустые. Полную баржу завсегда видать, она в воде по самую кромку сидит. А пустая она вся на виду, вся из воды торчит. Ну а лодку и так видно, пустая или полная.

– И что ты думаешь?

– А думать тут нечего, господин, может, они каждую зиму так плывут, кто их знает. Но я решил вчера одного человека вниз по реке отправить. Он поехал, в землю соседа вашего заехал, доехал до самого Милликона. Там они все. На пирсах в Милликоне стоят и лодки, и баржи. Человек наш посидел, посмотрел, что на них грузят. Грузят на них солонину и горох, овес в мешках.

– Вот как? И зачем им солонина? – спросил Волков, хотя и сам знал ответ.

Сержант Жанзуан засмеялся:

– Господин, чего же вы спрашиваете, уж кому, как не вам, знать, зачем нужны солонина и горох. То любому известно, что это еда солдатская. А овес берут для кавалерии и обозных лошадок.

– Значит, воевать собираются? – опять задал кавалер вопрос, на который не нужно было отвечать.

Но сержант ответил:

– Да нет, господин. Если они провиант грузят, то не собираются, уже воюют. И если овес грузят, если обоз с собой потянут, то это не в набег идут – решились воевать не на шутку.

– Думаешь? – Волков усмехнулся, нравился ему этот умный сержант.

– Думаю, что вы тут неспроста. А если к этому еще и горцы, поганцы, затеяли провиант грузить, значит, началось.

Кавалер молча покивал. Да, верно. Все верно. Верно, что началось и что готовятся воевать не в шутку. Молодец сержант. Теперь и у него самого не было сомнений. Он продолжил:

– Человека, что ездил туда, опять туда отправь, пусть на берегу сидит и считает, сколько и чего. Главное, что мне нужно знать: сколько телег и сколько лошадей будет.

– Сейчас же отправлю, – откликнулся сержант.

Волков помолчал, оглядывая берег. Потом посмотрел на сержанта:

– Если они с телегами будут, то удобнее, чем тут, места для высадки поблизости нет.

– Истинно, господин, – отвечал сержант. – Тут вылезут, безбожники чертовы.

Отвечал он с удивительным спокойствием.

Оба они были старыми солдатами и понимали все без лишних слов. Оба знали, что те полтора десятка солдат, что есть у сержанта, высадку не остановят. Они даже свою хлипкую заставу не смогут отстоять, если ее возьмутся штурмовать больше пяти десятков человек. Заставу их возьмут, это только дело времени. И сержант это понимал, и Волков это понимал. Они оба все понимали. Прекрасно знали и то, что горцы по обычаю поганому своему пленных не берут.

– Я пришлю тебе еще десяток людей, – пообещал Волков, все еще глядя на холодную реку.

– Вот это дело, господин, очень они уместны будут, – ответил Жанзуан.

И тут Волков сделал то, что господа обычно не делают, – протянул сержанту руку:

– Держись тут.

– Простою сколько смогу, – ответил сержант, по-солдатски крепко пожимая руку Волкова.

– Храни тебя Бог.

– И вас, господин, и вас.

* * *

До дома Волков еле доехал: ногу крутило, жар опять пришел. Перед Эшбахтом его уже качало в седле. Хорошо, что темнело, а его спутники устали и не видели, но у дома Максимилиану пришлось придерживать кавалера, чтобы не опозорился господин и из седла не выпал.

Хоть его ждали все офицеры, среди которых теперь был еще и ротмистр Джентиле, совет решили перенести на утро.

Бригитт, то причитая, то ругая, укладывала кавалера в кровать. Она и монахи (теперь к нему пожаловал еще и брат Семион) готовили лекарства и еду. Лекарства Волков кое-как выпил, а вот съесть почти ничего не смог, воротило. После этого заснул, а госпожа Ланге в ярости ругала Максимилиана за то, что он не берег господина. Она кричала на оруженосца, звала его «болваном» и «бездельником».

А тот стоял перед ней, хлопал глазами и лишь повторял, дурень:

– Простите меня, госпожа. Простите меня, добрая госпожа.

Она же насладилась его смирением и ушла наверх, в покои к господину, насилу там успокоилась.

Утром Волков едва смог встать. Нет ничего хуже, чем немощность командира. Кто за тобой пойдет на смерть, если тебя трясет в ознобе? Кого ты сможешь увлечь, если едва способен говорить?

– Монах, дай мне вчерашнего пойла, – шептал он, усевшись на краю кровати.

– Да, господин, но это средство выпивает силы из человека, – отвечал, волнуясь, брат Ипполит. – Все время его пить нельзя.

– Господи, отчего же вы не лежите? – начала плакать Бригитт. – Зачем вы встаете?

– Молчите, не донимайте меня, – шептал Волков, – ступайте принесите мне воды, чтобы мыться, и одежду.

– Господи, господи… – плакала Бригитт.

– Не донимаете меня, делайте, что велено!

Она ушла, причитая и молясь Господу.

– Увалень! Офицеры собрались?

– Ждут с самого рассвета, – отвечал молодой человек.

Это было понятно, но сейчас Волкова волновал главный вопрос:

– Вчера посылали человека к фон Финку, он вернулся?

– Да, кавалер, фон Финк обещал быть в самом скором времени.

Это ровным счетом ничего не значило. Пока кавалер сам, собственными глазами не увидит солдат из Фринланда, он не сможет успокоиться.

– Арбалетчики прибыли?

– Вчера к ночи пришли. Ох, какие красавцы! – отвечал Александр Гроссшвулле. – Кавалер, дозвольте сказать.

– Да.

– К вам с самого утра фон Клаузевиц просится.

– Что ему? – Волков поморщился, его потряхивало. Сейчас он не хотел видеть этого чересчур правильного рыцаря.

– Он хочет уехать в Мален.

В этот момент брат Ипполит поднес Волкову чашу с зельем, так кавалер от удивления, хоть и болен был, пить не смог:

– В Мален? Он хочет уехать?

– Говорит, что… Говорит, что в Малене у него есть дружки, которые готовы будут помочь нам. Говорит, что они добрые молодые люди, среди которых есть и рыцари, – рассказал Увалень.

– Ах вот как, – кивнул кавалер, забирая лекарство у монаха. – Зови.

* * *

Фон Клаузевиц поклонился, встал у двери. Он глядел на кавалера и, кажется, был удивлен его состоянием.

– У вас есть друзья, что готовы помочь нам? – сразу спросил Волков.

– Да, – кивнул фон Клаузевиц. – То мои друзья, люди лучших семей города и графства. Они ищут турниров и дуэлей, предложу им войну. Уверен, что кое-кто согласится.

– Отлично, хорошее дело, может, кого и уговорите. А вот на обратной дороге, будьте добры, заскочите в замок Баль, к барону фон Деницу. Он хвалился, что готов сражаться, если горцы придут. Скажите, что горцы уже грузятся на баржи.

– Они уже грузятся? – удивился молодой рыцарь.

Волков кивнул, отпивая противное зелье, и продолжил:

– А потом к барону фон Фезенклеверу. Сам он, конечно, не поедет, но один из его рыцарей, не помню, как его зовут, тоже обещал приехать. Вдруг не забыл о своем обещании.

– Я все сделаю, кавалер. – Фон Клаузевиц поклонился и открыл дверь.

– Фон Клаузевиц! – окликнул его кавалер.

– Да.

– Никому о моей болезни ни слова, – велел Волков. – Никто об этом знать не должен.

– Разумеется, кавалер, – ответил рыцарь, снова поклонился и вышел.

– Увалень.

– Да, кавалер.

– Никто не должен знать, что я болен.

– Ага, я понял, кавалер. Понял.

Глава 46

От зелья монаха вроде становилось легче, вот только от заметной дрожи, которая иной раз пробегала по спине волной, зелье не избавляло, а глаза продолжали слезиться. Но это все ерунда. На совет Волков пришел, и никто не замечал, что он болен. Ну, или все делали вид, будто не замечают хвори.

Господа собрались в старом доме, в новом для стольких людей удобного места не было. Пришли офицеры, старшины, знаменосцы. Офицеры расселись за столом, все остальные стояли у стен.

Совет не затянулся. Кавалер рассказал собравшимся о создавшемся положении. Говорил коротко и по делу. Так и так, враг уже поставил лагерь невдалеке от реки, скорее всего, это не люди кантона, а райслауферы. У Милликона на баржи и лодки грузят солонину и овес. Овес! Никому не требовалось объяснять, зачем грузится овес в мешках. Затем Волков представил ротмистра Джентиле, чем откровенно порадовал офицеров. Господа офицеры и старшины знали, что шесть десятков арбалетчиков, тем более

ламбрийских, в бою точно лишними не окажутся. Всем все было ясно, и никто, ну кроме нудного капитана Пруффа, лишних вопросов не задавал. Все понимали, что происходит, и знали, что делать. Решение приняли быстро. Они, как и в прошлый раз, попытаются поймать горцев на переправе, первыми оказаться на берегу реки и выяснить, где враг думает высадиться. Нужно было действовать быстро. Конечно, никто этого вслух не сказал, но над столом, за которым сидели офицеры, так и витало: ну наконец-то. Видно, что ожидание нападения тяготило не только кавалера.

Совет завершился, все разошлись собирать солдат, готовить провиант, телеги, лошадей. А Волков пошел домой собираться. Он решил не ждать никого со своим выездом и без обоза выехать к реке. Ему нужно было выяснить, где собрались высадиться горцы.

В доме царила суматоха. Господин опять уезжал на войну. Мария и кухонные бабы под руководством госпожи Ланге готовили еду в дорогу. Господ молодых ехало с кавалером много, и еды требовалось много. Пекли вовсю хлебы, резали кур, толкли сало с чесноком и солью, резали кусками отличные сыры, что делала жена Брюнхвальда, из погреба выносили пиво.

Молодые господа из выезда кавалера ходили по дому уже в доспехе, звеня латами и мечами, они приносили с собой большие кавалерийские фляги, в них наливали пиво. Юноши были взволнованы и веселы. Начиналась их первая война.

Ёган и дворовые мужики выдавали сержантам лошадей из конюшен господина, телеги для обоза, тут же быстро и умело подправляли колеса, мазали ступицы дегтем и салом. Путь неблизкий, дорога нелегкая. Да ее, впрочем, как таковой и не было.

Волков опустился на табурет и сидел, пока Максимилиан и Увалень надевали на господина стеганку и кольчугу под кирасу.

– Монах, мне потребуется много твоего зелья.

– Я приготовил, господин, – со вздохом отвечал брат Ипполит. – Только еще раз говорю вам, все время бодрить оно вас не будет.

– Ничего, если горцы уже грузятся, значит, заявятся со дня на день, – отвечал кавалер. – Мне бы три дня на нем продержаться. Как думаешь, продержусь?

– Человек вы на удивление крепкий, – отвечал монах, – может, и продержитесь… Если…

– Если? – переспросил Волков, пытаясь поворачивать шею, затянутую горжетом.

– Ну, если ваша горячка не свалит вас и вы не впадете в лихорадку и беспамятство. Господин, поймите, зелье мое не лечит вашу болезнь, а лишь бодрит вас, – отвечал брат Ипполит.

Волков покосился на говорящего, взгляд рыцаря был весьма хмур:

– Монах, сейчас нужно мне в силах и в памяти быть. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил брат Ипполит. – Так пейте тогда мое лекарство. И не отказывайтесь, ешьте как следует, вы же есть перестали.

– Хорошо, буду есть, ну, и пить твою бурду, – пообещал ему кавалер, хотя это было для него непростым делом. Он всегда любил поесть, а в последние дни из-за жара едва что-то мог проглотить. А если это и получалось, проглоченное тут же просилось обратно.

– Я намешаю вам жирного молока с медом, – сказала появившаяся в покоях Бригитт.

– Да, это будет хорошо, – согласился монах.

Волкову даже думать о таком пойле сейчас не хотелось, он поморщился, но ей не ответил, а повернулся к Максимилиану:

– Максимилиан, отстегните горжет, не поеду я в нем, мне в нем голову не повернуть.

Ничего не бывает просто, когда дело доходит до настоящей войны. Люди не всегда делают то, что обязаны. Приехал Рене и доложил:

– У нас почти тридцать человек на войну идти отказываются.

– Как так? – искренне удивился кавалер. – Я же дал им наделы, коров и свиней покупал им, я помогал им кормом, одного гороха за осень девятнадцать возов купил, сала три бочки. Как же они теперь отказываются? Я же им дома дозволил строить на моей земле.

– Некоторые говорят, что больны, другие – что женаты. Мол, жены у них брюхаты, им помирать и калечиться никак нельзя, – рассказывал Рене.

– Ладно, разберусь с ними после, – пообещал Волков и добавил негромко: – Перевешаю псов. Не до них сейчас.

То услыхал брат Семион, что был тут же при разговоре.

– Господин, людей понять можно, боятся они.

– Солдаты они! – заорал кавалер. – Им бояться по ремеслу не положено. – Он схватил монаха за рукав, притянул к себе и заговорил зло: – Ты все говорил им, что я Длань Господня. Чего же им бояться, если я рука Господа?

– Обженились они, зажили мирной жизнью, домишками и имуществом обросли, не хотят больше хлеба солдатского, – пояснял умный монах.

– Больше не будет им мирной жизни, не для того я им наделы и скот раздавал, чтобы они теперь, когда враг идет к нам, по домам сидели, и в этом… – Волков погрозил пальцем брату Симону, – в этом я и твою вину вижу. В кабаке сидишь, серебро краденое пропиваешь с потаскухами, а должен по домам ходить, с солдатами и их бабами говорить.

– Может, и правы вы, – смиренно закатывал глазки к потолку брат Семион.

Вот только кавалер не верил этому смирению, как и показному раскаянью.

– Иди ободряй людей, – зло велел Волков.

То же самое случилось и в отряде Брюнхвальда, но вышло совсем по-другому. У этого офицера людей было много меньше, чем в отряде Рене и Бертье, отказников нашлось всего двое. Один солдат преуспевал в деле обжига кирпича и считал, что война ему больше не нужна. А у второго жена была беременна, не хотела, чтобы тот шел воевать. Брюнхвальд жаловаться к кавалеру не побежал, а поступил просто: предложил обоим занять место в строю и, когда эти двое опять отказались, принял решение. К тому, у которого была беременна жена, он оказался милосерден – просто выгнал его.

– Бери свою бабу и ступай куда хочешь, больше тут тебе ни дома, ни надела не будет.

А со вторым он уже не церемонился. Зажрался солдатик, в купцы выбиваться надумал, так не получится.

– Сержанты, скажите людям, что братского суда не будет, так как кавалер нас призвал и уже война идет. Поэтому судить стану сам. И сужу одно: повесить подлеца, так как дезертир он.

И ни один из его людей не возразил, никому не хотелось в грязь и холод идти воевать с горцами. Но все шли, а этот умный самый, видите

ли, отказывался. Ну так пусть получит офицерский суд и петлю. Этим дело и закончилось. Кавалер узнал о том уже позже.

* * *

И это было не все. Пока не начнешь воевать, никогда не знаешь, что тебе требуется. Оказалось, что часть лошадей больна, а еще нужно оставить лошадей и подводы на случай поражения, чтобы Ёган и госпожа Ланге могли вывезти из Эшбахта ценности. А ценностей у Волкова оказалось не так уж и мало: одной серебряной посуды и шуб на целый воз, затем сундуки, одежды, другая посуда, скатерти и простыни – всего не перечесть, и все это вывозить нужно будет. Но не это волновало сейчас кавалера. Черт с ним, с добром, самое главное и самое ценное Бригитт увезет в карете. Он волновался лишь о капитане фон Финке: от него так и не было вестей.

«Придет или не придет? Придет или не придет?» – так крутилось в голове.

А еще пушки. Прибыл капитан Пруфф и с глупым вызовом и претензией стал говорить, скорее даже выговаривать, что четырех лошадей для огромной полукартáуны мало будет. И хоть раздражал он кавалера, Волков понял, что капитан прав. Один бронзовый ствол пушки поднимало не без труда восемь человек, а еще лафет. Он вспомнил дорогу, вместо которой одни глинистые лужи, тянущиеся меж кустов, и стало ясно, что четырех выделенных лошадей для такой большой пушки окажется мало, хотя для кулеврин хватило и по паре.

Согласился на шесть, а под шесть лошадей упряжи нет, придется веревками вязать. А еще оказалось, что мало лошадей для картечи, ядер и бочек с порохом, все нужное не увезти, по такой грязи очень легко лошадей надорвать. Лошадей требовалось еще больше. Так и шло все одно за другим, одно за другим.

Но это было не страшно. Лошадей не хватало? А когда их в обозах хватало? Ничего, просто медленнее пойдут. Грязь и дороги нет, а у солдат обувка плоха? Всегда так было. Враг страшен, а еще и неизвестно, сколько его? И это дело привычное. На то он и враг, чтобы в тайне себя хранить и страшным быть. Все это обычнее дело, даже болезнь не слишком волновала Волкова. Болезнь? Он выдержит:

стиснет зубы и будет держаться столько, сколько нужно. Лишь бы у монаха бодрящее зелье не кончалось, сейчас кавалер был как раз бодр, на коня садился.

Молодые господа из его выезда уже дожидались его. Монах брат Ипполит тоже с ним ехал. И тут… Истинное чудо свершилось. Словно солнце хмурь с неба разогнало и осветило двор. На крыльцо вышла сама госпожа Эшбахта. Была она в черном платье из бархата, лиф из серебра. Это платье ей шло. Волков уже и забыл про Элеонору, последние ночи в покоях Бригитт спал и не виделся с женой, живя с ней в одном доме. Она же почти не выходила из своих покоев с того дня, когда он фон Шауберга на заборе повесил. Общалась лишь со слугами, Бригитт да братом Семионом. А теперь вышла, стояла у дверей. Лицо ее было бледное, холодное, руки сцепила на животе. Стояла и смотрела на кавалера. Он уже уселся в седло, подъехал к ней и сказал:

– Рад видеть вас, госпожа моя.

– Слышала, вы на войну едете, супруг? – вежливо, но холодно спросила она.

– Да, горцы, мерзавцы, опять затевают свару. Снова желают к нам, на наш берег переплыть.

– Так угомоните их уже, господин мой, чтобы неповадно было им впредь, – произнесла Элеонора Августа.

Это ее поведение хоть и удивляло кавалера, но и радовало его.

Не ощущалось между ними той приязни, что иногда случается меж мужем и женою, которые любят друг друга, но ни в словах, ни в жестах госпожи не было злобы и спеси.

– Я постараюсь, чтобы они до Эшбахта не дошли. Чтобы вас, супруга моя, эти нечестивцы не побеспокоили, – сказал кавалер.

На пороге дома появилась Бригитт, но, увидев Элеонору, она повела себя как должно, была скромна и молчала.

– Я буду молиться за вас, супруг мой, – все так же холодно сказала Элеонора Августа и сделала глубокий книксен с поклоном.

Бригитт тоже низко присела и произнесла:

– Я тоже буду за вас молиться, господин.

Он тоже склонил голову, отвечая женщинам.

А на выезде из деревни Волкова нагнал незнакомый всадник:

– Вы господин Эшбахта?

– Да, что тебе?

– Я послан капитаном фон Финком, – произнес посыльный.

Сердце кавалера зашлось, и не от болезни, а от волнения. Но вида он не показал.

– Что передал капитан? – спросил, а сам боялся, что посыльный скажет, что капитан фон Финк извиняется, что быть он никак не может, или что прибудет позже, так как солдат собрать быстро не получилось, или еще что-нибудь такое.

Но посыльный сказал:

– Капитан спрашивает вас, как ему солдат переправлять: на лодках или баржи ждать.

– Что? – не понял еще его слов кавалер.

– Капитан фон Финк говорит, что на лодках может начать солдат переправлять, но это дорого выйдет, а может баржи ждать, они дешевле получатся, но сейчас свободных нет.

– А что, солдаты уже пришли к реке?

– Пять часов назад, когда я был на берегу, еще не прибыли, но находились на марше. А сейчас, думаю, уже к Лейденицу подходят.

– И фон Финк с ними? – боясь радоваться, спросил Волков.

– Нет, фон Финк еще раньше в Лейденице появился, задолго до прихода солдат, искал перевозчиков заранее. Ну, так что мне ему сказать? – спрашивал посыльный.

– Про что?

– Про деньги. Фон Финк спрашивает, если на лодках будет солдат перевозить, вы за лодки заплатите или ему баржи искать?

– Ладно, пусть перевозит на лодках, я заплачу, – ответил кавалер, у него от сердца отлегло.

Черт с ними, с деньгами, лишь бы привел солдат. Очень, очень на этих солдат рассчитывал Волков.

До сумерек едва добрались до заставы. Рыбацкая деревня встретила их тишиной, солдаты уже предпочитали спать за стенами заставы. Хоть и не бог весть какие, а все равно стены. Мало ли что. А то тихо придут с того берега, пристанет к песочку пара лодок и вылезут из них три десятка человек, молодые и лихие, до крови жадные… Нет, лучше на заставе, там хоть и неудобно, но спокойнее.

Кавалер и его свита ночевали там же. Вечером действие зелья брата Ипполита закончилось. Оно начало заканчиваться, когда они еще

в пути были, а там, на заставе, стало кавалера трясти, руки так ходуном ходили, что из стакана расплескивал питье, поесть толком не смог. Напоил его монах лечебным и снотворным, так и уснул он, не поев.

Утром снова трясло, монах целый котел снадобья еще до рассвета стал варить, думая, что того, что он взял с собой, не хватит. На этот раз Волков заставил себя есть. Ел телятину холодную с хреном и горчицей из кислых яблок. Раньше бы вдвое больше съел и не заметил, но сейчас монах и этому был рад.

Утром по ледяной росе поехали по своему берегу на запад, во владения Гренеров.

– Эти места ваши, – сказал Волков Карлу Гренеру, что служил при нем. – Ведите, я-то тут был всего один раз.

– Да, кавалер, я все покажу вам. – Юный Гренер был рад, что к нему в гости едут, старался быть радушным хозяином. – Думаю, отец нам обрадуется и присоединится, если и впрямь горцы осмелятся сунуться. Следующую ночь можем провести в имении отца.

Волков, честно говоря, рассчитывал на то, что старший Гренер тоже к ним присоединится. Отец Карла, Иоахим, был, кажется, опытным кавалеристом и немало повоевал за герцога и императора.

Но первым делом они на берегу реки, напротив Милликона, разыскали солдата, которого сержант Жанзуан отправил считать лошадей, что погрузят на баржи горцы.

– Лошадей нет пока, господин, – сообщил солдат Волкову, когда тот подобрался к нему в удобное для наблюдения место. – Но во-о-он на ту баржу затолкали четыре телеги, на ту еще две. А лошадей не видал.

– А что грузят?

– Жратву, господин. А овса нет, вчера не грузили, сегодня тоже. Я так кумекаю, что народу будет немало, а кавалерии вряд ли много у них получится, – говорил старый опытный солдат.

Горцы никогда и не славились кавалерией. Не было у них рыцарей, вернее, почти не было.

Глава 47

Отца Карла Гренера, хозяина поместья, им дома застать не удалось, он с сыновьями отъехал. Но управляющий, дородный седой Кулинс, оказался весьма гостеприимен и в отсутствие хозяина радушно кормил их простой, но сытной крестьянской едой. И кормил их лошадей. Юноша очень хотел дождаться отца, но Волков сказал, что нужно ехать. Он собирался вернуться в рыбацкую деревню. По его расчетам, уже к утру следующего дня туда должны прибыть солдаты Рене и Бертье. И как ни просили его Карл Гренер и управляющий поместьем остаться ночевать, они все-таки отправились обратно.

И зря: в дороге стало тяжко, темнело в это время быстро. Немного не успели они, на подъезде к границе владений их накрыла холодная, ветреная безлунная ночь. И Волков, хоть и не ехал первым, все равно рисковал упасть, так как заметно ослаб.

У одного из оврагов уставшая лошадь его наткнулась на впереди стоявшую лошадь, и кавалер так сильно покачнулся, что едва не выпал из седла, вовремя его под руку схватил фон Клаузевиц.

– Кавалер, вы устали? – спросил молодой рыцарь.

– Да нет, задумался, – заговорил Волков.

Сейчас он не очень хорошо понимал, что происходит. Все остановились, собрались вокруг него. Скрывать недуг было бессмысленно: присутствующие давно про его болезнь уже прознали. Еще на обеде за столом в поместье они замечали, что господину нездоровится. Когда все молодые люди из его выезда, голодные с дороги, ели за троих, он едва ковырялся в пище. И монах к нему подходил, что-то наливал кавалеру в стакан.

Волков склонился, почти завалился на луку седла, на шею коню. Нет, конечно, он не упадет, он не ранен и не мертв, он не вывалится кулем, как старик или пьяница, просто нужно несколько минут отдохнуть.

– Монах! – крикнул фон Клаузевиц. – Езжай сюда, где ты там?

Брат Ипполит ехал на своем стареньком меринке последним. Мерин был подслеповат и видел в темноте плохо, поэтому монах его не гнал, авось и так поспеет за кавалером и его молодыми спутниками, тем более что уже недалеко до места. Он подъехал к Волкову, в темноте отыскал его щеку и сразу понял: к ночи жар вернулся, действие зелья закончилась.

– Дай мне выпить настойки, монах, – велел Волков.

– Нет, господин, больше нельзя, вы окончательно силы потеряете, микстура сильна неимоверно. Аралия сама по себе хоть и слабый, но яд, а я делал ее, дважды перегоняя. Удивляюсь я, как вы до сих пор еще не слегли. Нет-нет. Никак больше нельзя вам ее пить.

– Глупый монах, – сквозь зубы из последних сил ругался кавалер, – ты что, не видишь, что мне она нужна, я даже до места не доеду без нее, болван ты ученый.

– Мы поможем вам, кавалер, – вызвался фон Клаузевиц. – Господин Брюнхвальд!

– Да, – отозвался немного растерявшийся Максимилиан.

– У вас хорошие глаза, езжайте первым. Господин Гроссшвулле!

– Я тут, – откликнулся Увалень.

– Езжайте от кавалера справа, а я поеду слева, следите за ним. Так и станем держаться. Тут, кажется, недалеко уже.

– Да, я буду за ним следить, – пообещал Увалень.

– Господа, держитесь за нами, а ты, монах, тоже не отставай, чтобы потом не пришлось тебя искать в темноте, – распорядился фон Клаузевиц.

Так и поехали. Как они доехали до заставы, Волков не знал, вспомнить потом не смог бы.

Утром у него не было сил встать, хотя сильный жар и прошел.

– Это оттого, что вы плохо ели последнее время, – говорил монах, снова что-то намешивая.

– Не могу есть, – признался Волков, – мутит от еды.

Он лежал на охапке веток, на которые постелили попону, а укрыт был старым солдатским одеялом. Сарай из жердин с дырами в палец толщиной мало защищал от холода, поэтому на полу тлел костер.

– Монах! – позвал кавалер.

– Тут я.

– Неужели это от этой раны такая хворь у меня?

– Других причин я не вижу, – отвечал брат Ипполит, отставляя ступку с желтоватым порошком.

– Рана же пустячная.

– Да уж не пустячная она. Рана глубокая была, до кости. И опять набухла, я уже думаю, не вскрыть ли ее снова.

– Чертов фон Шауберг! – Волков потрогал припухлость за ухом. – Может, у него был клинок отравлен?

– Не думаю так. Яды иные хвори приносят.

– Следовало рану землей сразу замазать.

– Дикость! От вас, от образованного человека, слышать такое мне странно, – нравоучительно произнес молодой человек. – Уж если нечем зашить рану, так промойте ее настоем шалфея, зверобоя или на худой конец кипяченой водой.

– Не было у меня никакого шалфея.

– Ехали драться, так взяли бы – или меня с собой позвали, я бы взял.

– Кто ж знал, что я драться буду.

– Зная свой глупый норов, вам все время нужно с собой аптечный ящик возить.

– Да, надо было, – согласился Волков.

– И надо вам было дома остаться, раз уж рану получили, – с укором продолжал монах.

– Болван ты, монах, – произнес кавалер устало. – Знаешь же: враг рядом, как можно мне дома лежать.

Эта усталость в голосе господина напугала монаха побольше, чем жар. Он обернулся и уставился на кавалера с удивлением:

– Толку от вас не будет, если меня не станете слушаться, завтра вы уже и ругаться не сможете, силы иссякнут, хорошо, если в памяти будете.

Тут к ним в сарайчик заглянул сержант Жанзуан.

– Чего тебе, сын мой? – спросил молодой монах старого сержанта.

– Слыхал, что неможется господину, – стал говорить сержант, – вот, думаю, дай загляну, может, что нужно будет.

– Бульон крепкий можешь сварить? – спросил монах. – Мясо выварить хорошо сможешь?

– Мяса у нас тут давно не видать, а вот рыбы наварить смогу, у нас ее навалом всякой. И лук в достатке, и соль есть. Варить?

– Вари, и покрепче.

– Сделаем, святой отец! – Сержант прикрыл за собой полог, что был вместо двери.

– Вы пока это пейте, – сказал монах, протягивая кавалеру чашу.

– А что это? – спросил кавалер, увидав сероватую бурду.

– Пейте, – настоял брат Ипполит.

То ли от нового лекарства, то ли от хорошей порции бульона с вареной рыбой, но к обеду у Волкова получилось встать и выйти из сарая. Рыбу он не особо жаловал, а речную и подавно, считал ее холопской едой, а тут съел все.

Пришел солдат и доложил, что с севера движутся люди. Кавалер, откуда силы взялись, взобрался на мостки, что приставлены к стене для арбалетчиков, оттуда разглядел всадников. Сразу узнал Роху и Бертье. За ними шла колонна солдат, а за солдатами – стрелки Рохи. Обоза видно не было.

Волков сел на коня и выехал их встретить, заехал на ближайший холм. С господином отправился и Максимилиан, додумавшийся развернуть знамя. Сейчас было очень важно, чтобы солдаты видели своего командира здоровым и сильным под развевающимся на холодном ветру знаменем.

А вот жар даже после хорошей еды не отступил. Волков сидел на ветру в распахнутой стеганке и без головного убора, смотрел на солдат, что шли у подножия холма и приветствовали его.

– Запахнитесь немедленно! – запыхавшись, говорил брат Ипполит.

– Жарко, – отозвался Волков.

Монах, видно, бежал на холм, поэтому с трудом перевел дух и продолжил:

– Ветер ледяной. Немедля запахнитесь и шапку наденьте. Если к горячке вашей вы еще кашлять начнете, то не подниму я вас уже не только к войне – совсем не подниму.

Волков запахнулся, надел подшлемник, но все равно не стал завязывать тесемки. Ему и вправду было очень жарко.

– Максимилиан, что вы не следите за ним? – продолжал монах. – Болен господин.

– Да-да, – растерянно говорил оруженосец. Честно говоря, не знал он, как следить за своенравным господином.

– Приглядывайте за ним. Хворь его нелегка, не каждый смог бы с постели встать при такой хвори, а он на ветру на коне сидит.

– Да-да, я понял, буду приглядывать, – обещал оруженосец.

* * *

– Все хорошо в пути было? – спросил кавалер, поприветствовав подъехавших.

– Все хорошо, – откликнулся Бертье. – Только обозным непросто – грязь.

– Там так кусты растут, что иной раз их рубить приходится, иначе телеги не пройдут, – продолжил Роха. – Мы обоз ждать не стали, взяли провианта немного и налегке пошли, мало ли, вдруг пораньше будем нужны.

– Нет, вчера я посмотрел на них, они только грузятся на баржи, – сказал Волков. – Вы лагерь ставьте подальше от берега, чтобы вас не увидели с той стороны.

– Мы так и думали, – кивнул Бертье.

– Что, опять хотите их на высадке поймать? – спросил Роха.

– А вдруг получится, – ответил кавалер, но его сейчас волновал только один вопрос: – А фон Финка видели?

– Нет, там, как вы и приказывали, остался Брюнхвальд. Перед нашим уходом он говорил, что фон Финк уже начал переправлять своих людей на нашу строну, – рассказал Бертье.

– Брюнхвальд сам вам это сказал? Он сам видел? – все еще не верил Волков.

Кавалер хотел знать наверняка, что фон Финк со своими людьми придет.

– Да-да, – кивали и Бертье, и Роха уверенно. – Сам Брюнхвальд приехал и сказал нам про это.

От сердца отлегло, но не до конца, все еще сомневался он. Так и будет дальше сомневаться, пока не увидит людей фон Финка здесь, на берегу.

– А Пруфф что? – спросил Волков.

После этого вопроса Бертье засмеялся, а Роха скорчил гримасу.

– Редкостный человек этот Пруфф, – заметил Гаэтан Бертье. – Много говорит разного.

– Черт бы его драл, ноет и ноет, – более конкретно выразился Роха. – Все ему не так, все не эдак, все неправильно.

– Он вышел вслед за вами, кавалер, – продолжал Бертье, – а мы на следующий день, на заре. Так до полудня уже его нагнали, он еле плелся.

Роха продолжил рассказ:

– Говорю ему: «Капитан, надобно идти быстрее». А он собачиться начал, орал, черт красномордый. Чтоб его…

– Когда мы его обогнали, он и четверти пути не прошел, – теперь опять говорил Бертье.

Вот! Вот еще один повод кавалеру волноваться. Мало ему болезни, мало ненадежного фон Финка, так еще теперь и этот вечно недовольный спесивый дурак Пруфф. На кой черт нужно тащить пушки, если к началу дела они не успеют? Вся надежда на то, что еще пару дней горцы не сунутся и этот болван все-таки притащит на берег артиллерию.

– Бертье.

– Да, кавалер, – отозвался ротмистр.

А Волков молчал, думал, но тот догадался сам:

– Вернуться и поторопить его?

– Да… Вы же везде тут охотились, все знаете тут лучше меня, примитесь за это дело.

– Не волнуйтесь, кавалер, возьму десяток людей, пару лошадей из обоза и помогу капитану Пруффу.

– Да, именно. Поторопитесь, Гаэтан, пушки нам очень пригодятся, если до дела дойдет.

Бертье поклонился и стал поворачивать коня.

– Стойте, Гаэтан! – окликнул его кавалер. – Поешьте сначала хотя бы.

– Ничего, на ходу поем, – ответил Бертье.

*** * ***

А к вечеру Волкову опять стало хуже, он едва смог поесть, а выйти встретить прибывшего Рене и Джентиле с его арбалетчиками и обозом он уже не смог. Обрадовался, что обоз наконец дотащился, и лег спать.

Забылся дурным, беспокойным сном, вот только до утра кавалер не проспал. Ночью проснулся от того, что брат Ипполит и сержант Жанзуан переговаривались прямо у входа. Монах не хотел будить господина, но сержант настаивал.

– Сержант, – хрипло со сна спросил Волков, – что там?

– Господин, кажись, они тронулись, – ответил сержант через плечо монаха, который уже понял, что сна больше не будет, и разжигал лампу.

Волков сразу сел на своей постели, словно забыл про жар и озноб. Не до хвори ему, раз начинается дело.

– Откуда знаешь?

– Человек мой пришел, тот, что у реки сидел у Милликона, говорит, что баржа одна отошла.

– Одна баржа?

– Одну он видел.

– Сюда его зови, – велел кавалер вставая.

Солдат был тут же за пологом. Вошел, поклонился.

– Ну, говори! – произнес кавалер, которому монах помогал обуть сапоги.

– Я уже спать надумал, – начал солдат, – а тут шум.

– Шум?

– Ага, шум, топают по пирсам. Спать вроде должны, а топают. Ветерок-то притих, тихо было, весь их топот слышно. Я подошел поближе, смотрю, там суета вовсю, лошади ржут неподалеку. В общем, людно, хотя ночь уже.

– Дальше, – требовал кавалер.

– Посидел малость, смотрю, кричат, мол, отваливай. Куда, думаю, отваливают? Плыть решили? И точно, в темноте думали проплыть, но как раз тут чуток светлее стало, я и увидал, что пошла баржа.

Волков уже был одет и обут, на вид бодр, но его немного трясло, от волнения или от болезни, он никак не мог привязать меч, вот и раздражался.

– Монах, зелье приготовь. Эй, солдат, а поплыла баржа сама или потянули ее? Надобно знать, куда она поплыла.

– Не скажу, господин, темно было, поначалу я смотрел, как она от берега отваливала, а потом ушел, к вам поспешил.

– Давно это было?

– Я в часах, господин, не разбираюсь, – сказал солдат. – Но начали они почти сразу после заката, и я, не останавливаясь, шел до вас.

– Два часа, – прикинул кавалер. – Сержант, буди мой выезд и беги в лагерь, буди офицеров.

Монах находился в дурном расположении духа. Еще вечером ему казалось, что господин уснул в поту. Это был хороший знак, знак, что больной пошел на поправку и что к утру в здоровье его произойдет улучшение, а тут вот как все обернулось. Он налил в чашку бодрящего зелья и вздохнул, протягивая его кавалеру.

Тот выпил все разом. Даже по виду его брат Ипполит понял, что уговаривать господина беречь себя не имело смысла.

Глава 48

В лагере, несмотря на ночь, царило оживление. На заставе солдаты просыпались, и выезд кавалера просыпался. Почти тут же из лагеря, что был в трехстах шагах от берега, за холмами, пришли Рене и Джентиле, за ними приковылял Роха.

– Кажется, поехали они, одна из барж отошла от пирсов два часа назад.

– А где думают высадиться? – спросил Рене.

– Знать бы, – мечтательно ответил ему кавалер. – Поеду по берегу посмотрю. Вы же будьте готовы, если найду, сразу пришлю за вами.

– Брюнхвальда и фон Финка ждать не станем? – спросил Роха.

– Да как же их ждать, если горцы уже начали высадку? – ответил Волков. – Будем ждать, так они все тут вылезут, попробуй потом сбросить их в реку. Нет. Ударим сразу, ударим тем, что есть. Готовьтесь, господа. Чтобы к рассвету были готовы.

На этом совет и закончился. Максимилиан и Увалень на удивление быстро облачили господина в доспех, только шлем он надевать не стал. Пока Волкова одевали, он съел хлеба с кровяной колбасой и луком, что принес монах, но не все, только столько, сколько смог. А вот молока с медом выпил немало.

Все люди его выезда уже были в седлах, он и сам сел. Устроившись в седле, Волков сказал:

– Я первый не поеду, господа. Коли враг высадился, так поставил уже секреты. Мне сейчас в засаду попадать нельзя, перед сражением погибать и раны получать недосуг. Даже если ранен буду я, сражение уже проиграно. Господа Гренер и Фейлинг-старший, держитесь впереди вы. И прошу вас смотреть во все глаза, особенно пока не

рассветет. Едем на восток, вдоль берега. Ищите баржи и лодки у нашей земли.

Молодые люди волновались. Враг рядом. Но все шло не так, как им представлялось. Думали они, что война – это лихие рубки и пиры. Нет, совсем не так выглядит война. Война – это большая суета. Пока до рубки дойдет, так свои ноги стешешь, ну или коню ноги собьешь. Война начинается в суете, в беготне, в поисках, в волнениях. И состоит она сплошь из отставших обозов, из нерадивых офицеров, из вечно недовольных солдат. А еще из плохих дорог и хитрых врагов, норовящих ударить неожиданно. Вот это и есть война. Большая, большая суета. И суета эта будет длиться и длиться, не закончится до того момента, когда противники встанут друг перед другом лицом к лицу.

Но до этого врага нужно найти.

Хлопотно? Да. Но ничего, хотели войны – вот она. Вот и первое дело. Первое дело на войне – выведать, где находится враг. С важностью этого ничто не сравнится. Так что вперед, господа!

Поехали по темноте не спеша. От воды холод шел, но никто поначалу не мерз. Когда за каждым кустом затаившийся враг мерещится, не до холода. Отъехали от рыбацкой деревни – никого. Луны почти и не видно. Как назло, еще и туман ледяной от реки пополз.

Совсем плохо стало видно. Двинулись еще медленнее, темные места у зарослей объезжая. Нет, тишина на реке гробовая: ни ночных птиц не слыхать, ни всплеска. Нет никого, никто не может так тихо высаживаться. Едут они дальше, камыш едва слышно от ветра шуршит. Ночь. Нет никого.

Так и ехали, пока светать не начало. Так неспешно и осторожно ехали, что у Волкова даже ноги стали в сапогах мерзнуть. От жара следа не осталось, он вскоре зябнуть стал.

На рассвете добрались до Линхаймского леса. Того самого, из-за которого вся распря с кантоном и началась. Не было тут врага. Нигде. Ни лодка, ни баржа вверх по течению мимо них не проплыла. Вниз по течению прошла одна на рассвете, тяжко груженная досками, и все.

Дальше ехать смысла не было. Остановились, кавалер думал и оглядывался, но без толку: берег казался девственно чист и пуст. Ни следов, ни шорохов. А люди смотрели на него и ждали решения.

Ничего он не понимал, уже думал, что солдат, может, что-то перепутал. Что та баржа, которая отбыла из Милликона ночью, была торговая. Вдруг купчишки в ночь решили отплыть, а солдат всполошил всех зря.

– Ладно, – наконец произнес Волков, – едем в лагерь, господа.

Молодые господа с тихой радостью приняли его приказ, всем хотелось слезть с коней, за ночь-то наездились уже. И еще поесть чего-нибудь теплого и выпить, за ночь-то намерзлись. В общем, обратно двигались и веселее, и быстрее.

А как доехали, так все и разрешилось. Все стало понятно.

Отец Карла Гренера, Иоахим Гренер, по-отцовски быстро поцеловал сына в висок и потрепал по шее.

– Ну как ты, не позоришь отца?

– Нет, батюшка. Стараюсь во всем быть, как вы велели, – отвечал молодой человек.

Иоахим кивнул и повернулся к Волкову:

– Кавалер, я два часа как жду вас, ваши офицеры сказали, что вы всю ночь горцев искали на своем берегу, в то время как они вылезли на моей земле.

Вот этого как раз Волков совсем не ожидал. Он даже растерялся на мгновение:

– На вашей?

– На моей, да, на моей, – продолжал сосед. – Я еще спал, как прибежал один мой мужик, Ганс Кноле. – Гренер обратился к сыну: – Ты же его помнишь, Карл, это тот Кноле, что живет у реки.

Молодой Гренер кивал, он помнил мужика. Гренер-старший продолжал:

– Прибежал – кричит: «Господин, кто-то рубит ваш лес. Я в темноте не видел, кто, но все слышал. Рубят, сволочи!» А лесу-то у меня кот наплакал, меньше, чем у вас, господин фон Эшбахт. Я, конечно же, на коня, сыновей с собой взял. Еду к реке, тороплюсь по рассвету, а как доехал, так увидал… – Он сделал паузу, а Волков молчал и ждал, пока он продолжит: – А там все в лодках. Весь мой берег в лодках, палатки уже поставлены. И лес мой, собаки, рубят на рогатки и частокол.

Дьявол! Дьявол! Дьявол! Ну как он мог быть таким глупым! Как он мог не подумать о том, что эти псы высадятся не на его, а на чужой

земле. Им, поганым, все равно ведь! Что его поместье, что Гренера, им плевать, кого разорять. Если надо, высадятся у Гренера и порубят его лес, даже если он им ничего плохого не делал. Додумайся Волков пойти туда ночью, как только солдат рассказал про баржу, так уже победу бы праздновал, уже скинул бы еретиков в реку, уже бы трофеи по берегу собирал. Дьявол! Перехитрили они его. Казалось, торопился он, гнал солдат и успел, но перехитрили враги. Кавалер готов был расцарапать себе лицо. Верная победа оказалась упущена. Упущена! А как пойдет дальше – неизвестно.

– Но я вам вот что скажу: пусть они мой лес рубят, пусть подавятся, черт с ним, – продолжал Гренер, не замечая задумчивости кавалера и его печали. – Я буду драться с ними, поэтому и привел двух своих сыновей и своего слугу. Считайте, что у вас, кавалер, четыре хороших всадника.

– Я признателен вам, друг мой, – рассеянно ответил Волков. – Буду ждать вас к завтраку.

Все не шла у него из головы эта вражья хитрость. Даже хворь его не так печалила, как собственная оплошность.

Но в это утро у него случились и две радости. Хоть и не перевесили они его неудачу, но немного скрасили. Случилось это, когда солдаты поставили шатер, обозные кашевары приготовили завтрак и Волков сел есть. Монах сварил ему новое зелье, от которого у кавалера проснулся аппетит.

Когда он сидел за завтраком с Гренером, офицерами и другими господами, пришел один из сержантов и сказал:

– Господин, с севера идет кто-то под вашим штандартом.

Все вышли смотреть, кто идет, и увидали большой отряд, спускающийся с холма. И действительно, впереди него ехал офицер со знаменосцем.

– Это отец! – воскликнул Максимилиан не без гордости.

Да, это был Брюнхвальд, и, судя по величине отряда, к нему присоединился фон Финк.

– Господа, а где Пруфф, где Бертье, где мои пушки? – спрашивал Волков у фон Финка и Брюнхвальда, когда они уже усаживались за стол завтракать.

– Мы обогнали их вчера, когда они только думали, как переправить через большой овраг картауну, – отвечал капитан фон

Финк, с предвкушением беря себе кусок холодной жареной курицы.

– Не думаю, что они сегодня будут, – добавил ротмистр Брюнхвальд, тоже накладывая себе курицу. – Дорога слишком плоха для больших пушек. Грязь. Если бы только кулеврины у него были, так уже был бы здесь.

– Да, так и есть, – согласился фон Финк.

Пока сидели и решали, что и как, пока прибывшие солдаты становились лагерем, случилась еще одна радость. С той же северной стороны показался немалый отряд кавалеристов.

Увалень позвал Волкова поглядеть на отряд. Тот поспешил и увидал всадников. Вот это была и вправду неожиданная радость. Три десятка кавалеристов двигались к ним, а еще вели с собой не менее дюжины коней в поводу.

– Рыцари? – спросил Увалень у Волкова. – Неужто фон Клаузевиц собрал столько?

– Рыцари, – ответил кавалер, продолжая вглядываться. – Значит, собрал всех, кого смог. Больше, чем я думал.

Он стал спускаться от заставы навстречу прибывшим. Как командир и как благородный господин Волков должен был встречать их лично.

Одним из первых, рядом с фон Клаузевицем, ехал Адольф Фридрих Баль, барон фон Дениц. Кавалер сразу заприметил красного льва на щите, который держал оруженосец. Сам приехал воевать, не соврал. С ним, с такими же красными львами, ехали еще два человека, видно, его выезд. Одного из них Волков помнил, это был кавалер Редль. Он издали помахал Волкову рукой, как старому приятелю, тот помахал в ответ. В отряде имелись еще неизвестные господа, гербов которых кавалер не знал. Их было пятеро – кажется, те городские рыцари, которых обещал привести фон Клаузевиц. А еще было два рыцаря с гербами Фезенклевера. Со всеми ними шли оруженосцы и послуживцы на конях, все при хорошем доспехе.

Но шесть человек, включая барона фон Деница и кавалера фон Клаузевица, в отличном доспехе, были как раз из тех, кого называют рыцарями первого ряда – что становятся в первый ряд при атаке.

Их прибытие оказалось большой удачей. И даже не сам их вес в бою был сейчас значим, до боя еще далеко, а значимо то, что видели их солдаты. Вот это важно. Всякому солдату, кавалер это знал по себе

по старой памяти, легче дышится, если с тобой кавалерия, а тем более рыцари. Хоть и ненадежны они в бою, хоть уходят с поля боя первыми, все равно хорошо, что знать, с ног до головы закованная в железо, воюет на твоей стороне. Их прибытие в лагерь подняло боевой дух, а это сейчас самое важное.

И когда он готов был уже, улыбаясь, распахнуть объятия для прибывших, от реки послышались крики. Кавалер обернулся и увидал двух солдат, что бежали к нему от берега и кричали, указывая на реку:

– Господин, господин, вон они!

Волков только тут разглядел на воде лодку, а в ней человек шесть на веслах и пара праздных, наверное, офицеры. Один из них даже встал во весь рост, чтобы лучше все рассмотреть, все остальные тоже смотрели на приближающихся рыцарей.

– Арбалетчики! – заорал Волков. – Чего ждете?

Те, что были на стенах заставы, кричали ему в ответ:

– Не достанем, господин. Неблизко до них, ветер к нам дует.

Кавалер и сам это понимал, поморщился, увидал Роху, выходящего из-за стен заставы:

– Роха, мушкетеров сюда.

– Уже послал, – сразу ответил тот.

Но это отнимало много времени. Люди в лодке спокойно смотрели на то, что творится на берегу, не торопились убегать. Пока кто-то добежал до лагеря, пока нашел сержанта Вилли, пока тот с дюжиной мушкетеров прибежал к реке, лодка уже развернулась и поплыла вниз по течению. Пара человек пальнула им вслед, но скорее для острастки. Лодка отплыла далеко.

– Что, они видели нас? – спросил барон фон Дениц, слезая с коня.

– Да, – ответил кавалер, протягивая ему руку, – к сожалению. Я хотел, чтобы вы стали для них сюрпризом.

– Черт! Какая у вас горячая рука, друг мой. Вы не больны?

– Немного нездоровится, – соврал Волков. – Пустяки, хорошая война пойдет мне на пользу.

– Надеюсь, надеюсь, – улыбался барон. – Позвольте, я представлю вам моих людей, кавалер.

Началось знакомство с прибывшими. Всех, конечно, Волков не запомнил. Последним к нему подошел фон Клаузевиц. Волков обнял его и сказал негромко:

– Спасибо вам, друг мой, большую услугу вы мне оказали, собрав всех этих господ.

– Людей пришло бы в два раза больше, – отвечал ему Георг фон Клаузевиц со скептической миной на лице, – не повесь вы фон Шауберга на заборе. Многие господа из-за этого отказались ехать.

Волков понимающе кивнул и повторил:

– Все равно вы сделали очень много. Я не ожидал.

* * *

Все-таки госпожа Ланге была умницей. Волков и не знал, а она положила в телегу бочонок вина. Хоть и не очень хорошего, но вина. А еще, когда он собирался, велела зарезать самую большую свинью и освежеванную тушу этой свиньи тоже поместили в обозную телегу. Словно знала, что кавалеру придется встречать знатных гостей, многое другое нужное для хорошего стола положила. Умница.

Кашевары рубили свинину большими кусками и жарили ее на углях. Выбили у бочки дно, разливали вино. Но людей для такой небольшой бочки оказалось много. Офицеры, рыцари и оруженосцы быстро выпили все вино и перешли на пиво. Половина свиньи не продержалась долго, но к вечеру все перезнакомились, а как обед перешел в ужин, так превратился в совет. Ни пиво, ни вино помехой не стали. Волков пил не много и был почти трезв.

– И как же мы станем воевать? – спросил у него один из молодых рыцарей, только что прибывших из города.

Вопрос был важный, все замолчали, даже совсем молодые люди из оруженосцев и свиты господ. Только тогда Волков заговорил:

– Господа, я искренне признателен вам, что вы пришли по моей просьбе, но это не значит, что я допущу разброда и глупого многовластия. Хоть вы мне не вассалы, а я вам не сеньор, но прошу вас все решения мои принимать неукоснительно и не оспаривать их. Те, кто считает себя в деле войны опытнее меня, пусть сразу об этом скажет.

– Вряд ли есть тут кто опытнее вас, – отвечал за всех Брюнхвальд. – Думаю, что даже ротмистр Рене с вами в опыте не поспорит.

– Нет-нет, – закивал Рене, – у меня всего девять кампаний за плечами, мне с вами, кавалер, не тягаться.

Но это было и так понятно, Волков боялся, что барон начнет его старшинство оспаривать, он среди собравшихся был самым знатным, но барон тоже поддержал кавалера:

– Никто не оспорит ваше руководство. И первая победа ваша над горцами – свидетельство, что воин вы опытный.

Больше никто ничего не говорил, этим Волков был удовлетворен, он добавил:

– Отныне мои пожелания, господа, прошу воспринимать до конца кампании как пожелания отца или старшего брата. Не иначе! Кто с сим не согласен, тому надобно поутру из лагеря отъехать.

– Это мудро, – согласился барон фон Дениц.

– Да, это мудро, – повторил за ним Брюнхвальд.

И все остальные господа с этим соглашались, в знак согласия поднимали кубки с пивом. Волков тоже поднял свой кубок. Если бы не болезнь и не дрожащие пальцы, можно было считать себя счастливым человеком.

Его признали командиром. Кавалер был горд, вот только, кажется, ему требовалась новая порция микстуры, но приходилось терпеть. Ну не станет же он пить лекарства при всех! Что подумают эти знатные молодые люди, если их предводитель начнет пить лекарства. Нет, он потерпит до конца ужина.

Глава 49

На бочки были положены доски-днища из телег – получились столы. По периметру столов, на вбитых кольях, натянули полотнища от палаток, чтобы защитить сидящих от холодного ветра, – получились стены. Разожгли костры для тепла – получились камины и печи. Так пировали и совещались господа офицеры и господа кавалеры. На столах блюд и тарелок нет, на всех бы их не хватило, поэтому решено было совсем не ставить, чтобы никого не выделять. Прямо на досках положили куски жареной свинины, сыры, хлеба, рубленый лук, яблочную горчицу в плошках и пиво в простых кружках. Все без излишеств, по-военному. Все были уже сыты.

* * *

– Так что, дадим сражение тут? – спросил Рене, когда с вопросом старшинства было покончено.

– Нужно обязательно дождаться пушек, – сказал фон Финк.

– Да, дождемся орудий, тогда можно и подраться, – соглашались другие.

– Надо будет подготовить позицию, – предлагали третьи.

Волков молчал, слушал предложения и молчал. На первый взгляд казалось, что офицеры и рыцари говорят дело. Вот только, видно, нечасто дрались они с чертовыми горцами. А уж Волков-то их повидал, не раз сталкивался, знал, как они дерутся. Если на удобном месте дать им построить свою баталию в сто человек в ряд и в шесть рядов в глубину, так не остановить их потом. Ощетинятся пиками, копьями и алебардами, как железный еж, поставят арбалетчиков и аркебузиров по флангам и покатятся под барабанный бой вперед – медленно, но неотвратимо. Как двинется эта «коробка» из людей, так и будет идти безмолвно под бой барабанов да покрикивания сержантов. И эта масса народа опрокинет на своем пути всех, кого встретит. Ни арбалеты, ни аркебузы, ни даже пушки в расчет принимать горцы не станут, никакие потери их никогда не останавливали. Живые переступят через павших и своим приставным шагом продолжат путь.

Единственные, кто эту их баталию в поле останавливал, так это ландскнехты или соотечественники Рохи с их крепкими терциями.

А кто у Волкова? Солдаты Рене и Бертье? Солдаты фон Финка? Кавалер усмехнулся про себя. Горцы, наверное, и не заметили бы ни тех, ни других. Прошли бы по ним, как по пшеничному полю. Хорошие солдаты были у Брюнхвальда, только вот их меньше сорока. Нет, все то, что предлагали другие, никак для победы не годилось.

И предложения, наконец, стихли, все ждали решения командира. Те, что сидели вдалеке от Волкова, склонялись над столами, чтобы увидеть его, когда он начнет говорить. И он начал. Говорил громко, чтобы все его слышали, даже те, кто сидел на конце стола.

– Господа, коли дождемся тут горцев, так проиграем неминуемо, даже все наши молитвы Господу нас не спасут. Не допущу я, чтобы самые храбрые люди графства – а другие не посмели бы кинуть вызов свирепым горцам, – эта фраза вызвала одобрительный гул среди

рыцарей, – и лучшие мои друзья-офицеры погибли на этом холодном берегу. Не подарю я легкую победу этим горным псам. Не хочу я, чтобы вы, господа рыцари, пали на пиках и под алебардами этих мерзавцев, половина из которых еще и еретики.

Он льстил им, конечно, случись тут беда, так эти благородные господа первыми покинут поле боя, как всегда и делали благородные, оставляя солдатню на забой. Но эти его слова снова вызвали одобрение у собравшихся. И он продолжал:

– И сначала, прежде чем принять решение, я попрошу господина Гренера, – Волков ладонью вверх, как положено по этикету, указал на него, чтобы все знали, о ком идет речь, – попрошу его провести разведку.

Иоахим Гренер встал, чтобы его увидели, и поклонился присутствующим на три стороны.

– Иоахим Гренер – хозяин поместья Гренер, в котором сейчас находятся горцы, – объяснил кавалер, – нет никого, кто лучше бы знал эти места. Господин Гренер, возьмите себе десяток людей из кавалеров или благородных юношей и произведите рекогносцировку, узнайте, сколько врага пришло. Вам по силам такая моя просьба?

– По силам, кавалер, – отвечал старый кавалерист. – Я все выясню.

– Это хорошо, надобно мне знать, сколько их всего пришло и сколько у них коней, сколько из тех коней строевых, а сколько обозных.

– Отъеду до зари, кавалер, – отвечал Гренер.

– Нет, – вдруг твердо сказал Волков, – надобно мне знать это утром. Я хочу, чтобы все было ясно до завтрака. Прошу вас, добрый мой Иоахим, ехать немедля.

– Немедля? – спросил Гренер, для которого, видно, эта просьба оказалась неожиданной.

– Да, друг мой, немедля, хочу начать дело после завтрака, – все так же твердо продолжал кавалер.

– Да-да, поеду, раз так, – кивнул Гренер. – А кого же мне взять с собой?

– Любого, кого пожелаете, – сказал Волков, заканчивая с ним. – Ротмистр Рене.

– Да, кавалер. – Рене тоже встал.

– Прошу вас, дабы обезопасить нас от ночной атаки, на восточной тропе поставить пикет в тридцать человек и два секрета там же. А еще два секрета на севере и два на востоке от лагеря. И поставить в секреты лучших сержантов.

– Будет сделано, господин кавалер.

– Господин фон Финк, – продолжал Волков, – прошу вас выставить наблюдателей на реку на всю ночь, на всем протяжении лагеря.

– Как пожелаете, кавалер, – отвечал капитан, привставая с места.

– Ротмистр Роха, а вас попрошу выделить десять стрелков в пикет и по два стрелка в каждый секрет.

– Будет сделано, кавалер, – отвечал Роха. Он даже привстал, хоть с его палкой это нелегко.

– Господа, разрешите откланяться. – Теперь встал и сам Волков, он поклонился всем собравшимся. – Завтра будет нелегкий день, прошу вас всех долго не сидеть.

После он ушел, но не только потому, что завтрашний день обещал быть тяжким, но и из-за того, что с каждой минутой ему становилось хуже. Максимилиан проводил господина до шатра, а там кавалера уже ждал брат Ипполит.

– Монах, – Волков сел на кровать, – дай мне зелье такое крепкое, чтобы завтра я весь день мог просидеть в седле и не свалиться ни разу.

Монах скептически поджал губы и протянул кавалеру чашку с бурой жидкостью.

– Снотворное, – узнал Волков.

– Снотворное и потогонное, – ответил брат Ипполит. – Буду молить Господа, чтобы завтра вы хотя бы смогли встать с постели.

Утром монаху снова пришлось поить господина лекарствами. Волков, не вылезая из-под одеяла, пил всю эту мерзость, что смешивал ему брат Ипполит, а иначе не поднялся бы с постели, его заметно трясло. Максимилиан и Увалень смотрели на кавалера так, как ему не совсем нравилось. Увалень – с жалостью и испугом, а юный Брюнхвальд – удрученно или даже опечаленно. Но ни жалость, ни печаль ему были не нужны. Во-первых, он этого не выносил, а во-вторых, это были совсем не те чувства, что должны испытывать подчиненные перед большим-большим делом. Волкова неожиданно накрыло волной раздражения, и этому раздражению он был рад. Сам

внутри себя стал его распалять. Смотрел на обоих зло и сиплым слабым голосом стал им выговаривать за то, что доспех его не вычищен. То ли от лекарств, то ли от этой своей злости, но стало Волкову лучше. Юноши кинулись чистить латы, а монах помог ему одеться. Вскоре кавалер облачился в полный доспех, не считая шлема и перчаток. Поверх доспеха надел свой роскошный бело-голубой роскошный ваффенрок. Вышел из шатра с непокрытой головой и двинулся по лагерю. Ничего, что холодно, что ветер, он так и шел, неся подшлемник в руке. Все должны были видеть, что он полон сил и здоров.

За господином следовали Увалень и Максимилиан. Максимилиан нес шлем, Увалень – перчатки. Взгляд кавалера был хмур, Волков смотрел на всех взглядом таким, каким ищут в подчиненных недочеты и упущения. Солдаты при его приближении вставали, подтягивались, становились серьезны, желали ему здоровья и просили Бога беречь рыцаря.

– Храни вас Бог, господин! – кричали они ему.

Все они знали, от кого зависит их жизнь в бою, как тут не пожелать, чтобы Господь его уберег. Они смотрели на господина с уважением и даже с боязнью. Вот! Вот так подчиненные должны смотреть на своего командира. Он отвечал им кивком. Этого солдатам было достаточно. Но и встречающимся на его пути кавалерам и офицерам Волков не сильно кланялся. На их приветствия отвечал тоже кивком, хотя более долгим, но не останавливался и ничего не говорил. Только встретив фон Деница, остановился: с бароном пришлось поговорить.

Волков обошел весь лагерь, посмотрел заодно и на людей фон Финка. Хоть и не его это были люди, но, кажется, и у них кавалер пользовался уважением. Они тоже вставали в его присутствии и приветствовали его.

Обойдя весь лагерь, Волков решил завтракать. Завтракал он не в шатре, сел на улице. Так, чтобы его было хорошо видно.

На завтрак кашевар принес ему кусок вчерашней отличной жареной свинины. Молодец, сберег для господина. Также подал вареные яйца, кусок серой ливерной колбасы с луком и пиво. К завтраку Волков никого не позвал, ел один. Есть ему не хотелось совсем. Даже отличный, жирный, хорошо прожаренный на углях кусок

холодной свинины аппетита не вызывал. Но он ел, ел все, что было на столе. Иной раз давился, иной раз его едва не выворачивало, но он запивал еду пивом, заедал свежим луком и проглатывал. Было непросто, но кавалер поел как следует.

Только после этого он встал и пошел в свой роскошный шатер.

* * *

Приехал из разведки Гренер, и Волков велел всем офицерам собраться на совет. Из кавалеров он позвал только фон Деница.

Как только расселись, Иоахим Гренер заговорил:

– Они снялись. Но идут не к нам.

– Что? – как будто не расслышал Волков.

Он был застигнут врасплох этой новостью.

– Снялись и пошли по дороге на север. К Фезенклеверу, – произнес Гренер.

Стало тихо, офицеры смотрели на то, как был растерян кавалер. Молчали все, молчал Волков, молчал Гренер. Стало тихо. Только ветер трепал полотно, что закрывало господ от холода, да в кострах щелкали дрова.

Этого не могло случиться. Так не должно было происходить. Он никак не ожидал, что горцы начнут так быстро. Мало того, он никак не ожидал, что они пойдут не на него, а на север. Волков надеялся, что высадившиеся двинутся к нему, чтобы драться. Но враг не захотел давать бой, а пошел на север, во владения фон Фезенклевера, а оттуда во владения фон Деница, затем свернет на восток и уже через два дня будет в Эшбахте. Через два дня! Они окажутся в его Эшбахте!

Лицо Волкова по-прежнему было непроницаемо, но он выдавал себя тем, что сжимал и разжимал кулаки, все видели, что эта новость оказалась для него весьма нежданной.

Барон фон Фезенклевер с горцами воевать не станет, зачем ему это, да и они с ним тоже. Нечего им злить всю знать в округе, когда враг у них только один. В замок барон войско не пустит, но они с ним договорятся. Горцы пообещают не трогать его добро в его поместье, а он пообещает не трогать их обозы. Дальше фон Дениц. С ним горцы не договорятся, потому что барон сидит по левую руку от Волкова. И

бежать договариваться с врагами сейчас ему не позволит честь. Те его кавалеры, что остались в замке, ворота не откроют, но они беспрепятственно пропустят этих сволочей дальше. Конечно, покричат им что-нибудь обидное со стен, да и то не обязательно.

И что ему в этой ситуации остается? Что? Только одно. Срочно бежать в Эшбахт и ждать там. Конечно же, нужно попытаться успеть докатить до Эшбахта пушки быстрее, чем пожалуют горцы. И там придется дать сражение. Нет, совсем не дураки эти сволочи. В первый раз ему удалось их перехитрить, но на этот раз все иначе. К его глубокому сожалению, нужно побыстрее послать в Эшбахт гонца, чтобы люди уходили оттуда и уводили скот. Все, что у них есть из вещей, придется уносить, ведь все телеги он забрал в свой обоз.

Да-а, это был очень удачный ход врага, он рушил все, все, все планы. Все то, на чем Волков собирался выигрывать у них, все это осталось в стороне.

Хорошо, что его лицо с утра было угрюмо, и теперь оно не изменилось. Все тот же тяжелый взгляд из-под бровей. Даже еще более тяжелый. И этот взгляд его спасал от того, чтобы выдать растерянность.

Кавалеру хотелось остаться в одиночестве и все обдумать. И еще ему требовалось время, много времени. Но времени как раз и не оставалось. Дальше молчать было нельзя.

– Иоахим, друг мой, – наконец начал кавалер, – а сколько же их всего?

– В лагере я насчитал пятьдесят палаток, – отвечал Гренер. – Или, может, еще пара была.

Пятьдесят? Волков приободрился. Даже если палатки большие, то это пятьсот человек. Притом что офицеры живут в отдельных палатках. Но сосед его тут же разочаровал:

– Но многие спали в лодках.

– В лодках? – уточнил кавалер.

– Нет, друг мой, нет, их вовсе не так мало, – продолжал Гренер, – как они построились утром в маршевую колонну, так я посчитал штандарты, их пять!

– Пять?

– Пять. Четыре штандарта – это кантон Брегген, а один штандарт – это людишки из Фульда. Я их знамена знаю.

– Красное поле с черным медведем? – уточнил Волков.

– Точно, да. С черным, мать его, медведем, – кивал Гренер.

– И сколько же их всего?

– Не хочу ошибиться, друг мой, но их не менее семи сотен.

– Семь сотен? – тут даже хладнокровный Брюнхвальд не выдержал.

– Да, семь сотен. – Кажется, Иоахиму Гренеру надоело, что его переспрашивают после каждого слова, и он добавил: – И это без арбалетчиков, тех еще восемь десятков. Кавалерии нет совсем. Лошади только обозные. А аркебуз едва десяток будет.

Гренер закончил. Никто больше его ни о чем не спрашивал, и Волков молчал. Думал.

Кавалерии нет. Думают, что обойдутся. Не взяли, чтобы овес с собой не тащить. Ну, хоть какое-то утешение. Но все равно цифры удручающие. Семь сотен отличной горной пехоты и восемь десятков неплохих арбалетчиков – это слишком.

У Рене и Бертье едва двести человек собралось. У фон Финка, хоть он и обещал привести двести тридцать человек, всего сто девяносто солдат и восемнадцать арбалетчиков. Три десятка у Брюнхвальда. Ламбрийских арбалетчиков пятьдесят восемь вместе с ротмистром Стефано Джентиле и его офицером.

Конечно, у Рохи еще сто шестьдесят человек. Но это все стрелки, да и не самые хорошие к тому же. Стрелки были даже неопытные. В общем, в прямом столкновении Волкову против горцев и часа не простоять, даже с пушками.

– Ах да, чуть не забыл, еще человек пятьдесят в лагере осталось, – вспомнил Гренер.

– И думаете вы, друг мой, что пошли они быстрым маршем на север, в Фезенклевер? – задумчиво спросил Волков.

– Самым быстрым маршем, сосед, – отвечал Иоахим. – При двенадцати телегах в обозе они скоро пойдут.

– Что? – вдруг оживился кавалер. – У них в обозе двенадцать телег?

– Да, двенадцать.

– Это точно? – не верил Волков. – Точно у них всего двенадцать телег?

– Да, точно! – воскликнул Гренер, его действительно злило то, что после каждого слова его переспрашивают. – Я сам считал. Всего двенадцать телег у них в обозе.

У кавалера вдруг родилась надежда. Как маленький язычок пламени на ветру она колебалась, вот-вот могла потухнуть, но все же она была.

– Значит, всего двенадцать телег, – задумчиво повторил Волков.

Двенадцать телег на восемь сотен человек? Что горцы смогут увезти в них? Полная телега возьмет съестного столько, сколько двести человек съедят за день. А ведь нужно не только еду везти, требуются котлы, палатки, запасное оружие, арбалетные болты, запасные колеса и ступицы. Пусть враги идут без овса для лошадей, пусть лошади жрут зимнюю жухлую траву, все равно телег очень мало.

В общем, еды они взяли с собой на три дня, не больше. Или они собираются разбить его за три дня и поживиться в Эшбахте, или им придется грабить всех вокруг.

Волков поднял голову и в первый раз за день улыбнулся:

– Друг мой и сосед, снова буду я вас просить об одолжении.

– Да, кавалер, говорите, – кивнул Гренер.

– Надобно мне точно знать, что все ушли в Фезенклевер. Прошу вас ехать к вам в землю и убедиться.

– Сейчас? – удивился Иоахим Гренер.

– Умоляю вас отправляться немедля.

– Что ж, раз для дела надо… – сказал Гренер, вставая. Он был человек, конечно, немолодой, но еще крепкий. Может, и тяжело ему было, ночь просидев в седле, снова туда садиться. Но отказаться он не мог. – Я поеду и все узнаю.

– Прекрасно! – Волков обратился к офицерам: – А вы, господа, поднимайте солдат. Лагерь снимать не будем, обоз трогать не будем, идем через час, пусть все приготовятся. А пока помолимся, чтобы господин Гренер все удачно разведал и все обстояло именно так, как он говорит.

Пока они собирались, в лагерь приехал Гаэтан Бертье. Он сказал кавалеру:

– Пруффу я больше не нужен, он уже близко, сам свои пушки дотащит. Вечером тут будет. Я лучше с вами, кавалер, поеду, Рене говорит, что дело намечается веселое.

Он улыбался. Он всегда улыбался, этот веселый человек. Надо было ему, конечно, высказать за то, что дело не довел до конца, что оставил Пруффа. Но разве этому храброму и веселому человеку можно высказывать что-то?

– Я буду рад, что вы идете со мной, Гаэтан, – отвечал Волков.

Глава 50

Он оставил в лагере почти пятьдесят человек под руководством сержанта Жанзуана со строгим наказом – быть настороже. Половине людей – находиться за стенами заставы и следить за рекой, а второй половине – выставить караулы и секреты и делать обходы. Главное – сторожить лагерь и обозных лошадей с телегами.

Сам же скорым шагом отправился на восток, в землю Гренеров.

То с юга, с гор, то с запада дул ветер, принося то холодный дождь, то снег, земля раскисла совсем. Хорошо, что обоз не взяли с собой. Одежда и башмаки солдат промокли, но никому холодно не было. Наоборот, командир гнал всех так быстро, что всем стало жарко. Не гнать было нельзя. Волков очень, очень надеялся успеть. Он не верил, что горцы с запасом еды на три дня отважатся пойти на Эшбахт. Чересчур это самоуверенно. Поэтому они, скорее всего, вернутся. А до того, как они вернутся, нужно сделать то, что дало бы Волкову хоть какой-то шанс на победу в этой кампании. Поэтому кавалер и гнал солдат едва не бегом.

Иоахим Гренер встретил их в назначенном месте. Волкова в это тихое местечко привел сын Гренера Карл. Они тихо выехали из зарослей.

– Нет их, ушли, я проехал чуть по дороге на север, они так и направлялись по ней, – говорил Иоахим Гренер, показывая в сторону севера плетью.

– А там ваше поместье? – спросил кавалер, указывая на запад, где виднелись строения.

– Точно, оно. Сволочи как раз мимо него прошли. Греха на душу брать не стану, ничего моего не тронули. Управляющему сказали, что ко мне у них злобы нет, – продолжал сосед.

– А лагерь их где? – спросил Волков. Он сильно волновался, хотя этого никто бы не заметил. Разве что наблюдательная госпожа Ланге, но ее тут сейчас не было. Не волноваться он не мог, это был очень важный момент. – Там?

Он тоже поднял плеть. Указал на запад, на реку.

– Точно, прямо за теми ивами, миля отсюда. Стоит на холмике, а под ним лодки и баржи, – ответил Гренер.

– И вы считаете, что в лагере пятьдесят человек?

– Точно не скажу, но думаю, что так.

Все было ясно, Волков тянуть не стал, каждая минута была важна.

– Максимилиан, просите господ офицеров ко мне.

Долго ждать не пришлось, офицеры находились невдалеке, за кустами. Выехали и встали рядом.

– Господин фон Финк и господин Роха, там, – Волков указал на север, – вдоль имения господина Гренера идет дорога, я остался бы вам обязан, если бы вы перекрыли ее.

– Там удобное есть место, – заметил хозяин поместья. – Как раз промеж холмов.

– Господа, велите рубить рогатки, – продолжил кавалер, – перегородите дорогу, выставьте пикет на пятьсот шагов на север и секрет еще на пятьсот дальше.

Фон Финк и Роха внимательно слушали, фон Финк еще и кивал в знак понимания. Волков продолжал:

– Коли появится враг, так задержите его, но не упорствуйте сильно, коли начнет наседать, так отойдите. Только предупредите меня, что враг на дороге. Главным в отряде будет капитан фон Финк. Максимилиан, просите молодого господина Гренера находиться рядом с фон Финком, капитану не помешает человек, знающий эти места.

– Все выполним, кавалер, – отвечал с поклоном фон Финк.

Роха поклонился молча.

Их люди стали быстро выходить из зарослей и колоннами скорым шагом направились на север, к поместью.

– Барон! – окликнул Волков фон Деница.

– Да, кавалер.

– Прошу отправить полдюжины из молодых господ, из тех, что рассудительны, вдоль берега на запад. Мы идем на лагерь горцев, я не

хочу, чтобы где-то на пути нас неожиданно встретил неприятель. Пусть проверят наш путь.

– Я распоряжусь немедля, – пообещал барон.

– Господа офицеры, – теперь Волков обращался к остальным, – велите людям своим скорости шага не понижать. Идем на их лагерь. Очень нужно нам его взять. Сеньор Джентиле, пусть арбалетчики ваши отправятся первыми. И не колонной, а рассыпным строем, пусть болты и арбалеты держат наготове.

Волков отъехал чуть в сторону, чтобы не мешать выходящим на берег колоннам. Стоял под знаменем, пропуская солдат вперед.

Он был немного удивлен, что Брюнхвальд, Рене и Бертье вдруг, отстав от своих частей, подъехали к нему, и Брюнхвальд, видимо на правах старшего, заговорил:

– Кавалер, мы подумали и решились вас просить… – Он замолчал, видимо, не находя нужного слова.

– О чем, господа? – спросил Волков.

– Мы хотели вас просить о том, чтобы вы вперед сами не шли, – за Брюнхвальда договорил Бертье. – Нет нужды вам биться самому.

– Да-да, – подхватил Брюнхвальд. – В том нет нужды. Храбрость ваша и так всем известна, солдаты вас уважают и чтут. А коли лично нужно будет солдат увлечь, так мы сами увлечем. Вы при знамени оставайтесь.

– Именно. Лучше вам быть под штандартом. Так нам всем спокойнее, – закончил Рене.

Это было немного обидно: получается, что его офицеры считали предводителя сумасбродом или даже искателем показной славы. Но он обиды не показал и отвечал милостиво:

– Что ж, возможно, и правы вы, господа, пусть по-вашему будет. Встану у штандарта своего.

А еще Волков не показал своего волнения, хорошо, что перчатки латные надел: в них не видно, как пальцы дрожат.

*** * ***

Фон Дениц по незнанию своему отправил в дозор шестерых самых молодых господ. Среди них старшим поставил такого же

молодого. И умных в числе дозорных не оказалось. Господа, что посланы были дозором вперед, первыми добрались до лагеря врага и решили из глупой отваги своей захватить вход в лагерь. Не дожидаясь остальных, эти храбрецы кинулись с копьями на стражу, что поначалу их не заметила.

Одного из стражников им сразу удалось убить, но тут один из дозорных налетел на рогатку, сам упал наземь, ударившись крепко, а конь его тут же на рогатке и умер. Стражники сразу подняли тревогу и звали подмогу, а тому господину, что остался без коня, пришлось нелегко. Хорошо, что другие не ускакали и помогли ему отбиться от наседавших горцев. Когда арбалетчики Джентиле подоспели на помощь, так трое из искателей быстрой славы были ранены, и все они потеряли коней.

После такой глупости по-хорошему нужно было сделать выговор их командиру. Как только фон Дениц додумался ни одного взрослого с дозором не послать? Но кто будет выговаривать барону? Волков, конечно, не стал, а вот Гренеру сказал:

– Вы, сосед, приглядывайте за ним, сдается мне, что это… – он едва не сказал «турнирный воин», – не самый опытный командир в графстве.

Гренер покосился, все поняв, но только кивнул.

А в проходе, у частокола, уже началась давка. Волков думал, что Гренер ошибается, – так и оказалось. Вовсе не пятьдесят горцев осталось в лагере, а сто как минимум. Другие побежали бы сразу к лодкам и уплыли прочь, а эти нет. Решили упереться, видно, среди них офицер нашелся. Крепко встали, сержанты у них всегда хороши были, построили солдат быстро. Сразу перестраиваясь из походной колонны, на них навалился Рене, у которого людей насчитывалось вдвое больше. Но горцы и на шаг не отошли. Джентиле велел своим арбалетчикам стрелять с десяти шагов. Горцы падали, но все равно стояли. Они бы так полчаса продержались, да Брюнхвальд со своими людьми уже обошел частокол по воде и хозяйничал в лагере, а именно убивал всех, кто попадался ему под руку.

Видя, что делу конец, офицер горцев велел отступать к лодкам, ну а как враги из прохода отошли, так арбалетчики и люди Рене стали заходить к ним во фланги и бить их без всякой пощады. До лодок едва добралось человек шестьдесят, а там еще и офицер убит был, сделал

это Бертье. Пробился одним из первых к лодкам и топором разбил врагу шлем и голову. Горцы прыгали в лодки и отплывали, да и то лишь те, кого не успевали схватить, а и уплывшие еще свое получали от арбалетчиков. Так и убегали, утыканные болтами. Пленных не было, пощады никто не просил, ну, кроме лодочников. Их не убивали, многие из них оказались вообще не из кантона, а из Фринланда. Шли по найму, зачем таких убивать. У них только лодки отбирали, чтобы впредь неповадно было врагу служить. А вот из горцев милости никто не просил, на милость никто из них не рассчитывал. Плохая война.

На берегу и в воде осталось лежать пятьдесят три человека. И это из солдат, а сколько других было, так никто того не считал. Тут же на берегу нашлись три баржи и восемь лодок. А еще мешки с овсом, просом, горохом, мукой, масло в бочках, пиво, вино, солонина и сухое мясо, сухофрукты с изюмом и сыры. И палатки, котлы, телеги запасные. Даже дров и тех собрали возов пять. Всего было в достатке. Нет, не в Эшбахт отправились горцы.

– Грузите все, что сможете, в баржи! – приказал кавалер. – Только быстро: вернуться они должны.

– И просо брать? – спрашивал Бертье. Видимо, не хотел он терять время на такой невкусной еде.

– Все грузите. Но сначала ценное. Просо в последнюю очередь.

Солдаты хватали палатки, котлы, бочки, кучей накидывали их в лодки, вязали к лодкам веревки и тут же впрягались в них. И волокли вверх по течению.

Волков тем временем спешился, уселся на бочку. Максимилиан со штандартом встал за господином, тут же при конях был и Увалень. Все они смотрели, как три сотни людей грузят лодки и баржи. Внешне кавалер был спокоен, но очень волновался. Так и подмывало его вскочить и закричать что-нибудь. Хоть сам руководи погрузкой. Ведь обязательно среди этих сотен людей были те, что делали что-то не так, как надо, или медленно. Но он сидел, молчал или вздыхал над человеческой глупостью.

Набили одну баржу кое-как, тоже поволокли вверх по реке. Лодки почти все ушли уже. Грузили еще одну.

Пришел Брюнхвальд и сказал:

– Вон в той барже вода, в нее ничего грузить нельзя, потонет, как отплывет. Кажется, там дыра.

– Сжигайте, – распорядился кавалер.

– И все забрать не сможем, – продолжил Брюнхвальд. – Даже если бы баржа оказалась цела, все равно все не влезло бы.

– Все лишнее жгите.

Прибежал мужичонка, стал просить не жечь баржу, он ведь сам из Фринланда, не горец, баржа – его единственный прокорм, а у него четверо детей.

Волков дальше слушать не стал, разозлился только, и Увалень мужика того гнал взашей с тумаками.

И двух часов не прошло, как все, что можно было забрать, сложили в лодки и баржи и уволокли к себе. Оставшееся просо, как и муку, высыпали на песок. Горох сыпали в реку, пусть рыбам корм будет. Пиво сразу солдаты выпили, а все остальное подожгли.

И только когда уже выходили из дымящегося лагеря, когда языки огня стали подниматься над телегами с дровами, так только тут кавалер успокаиваться стал. Он видел довольные от пива лица солдат, видел улыбающихся офицеров и понимал, что дело вышло.

Дело не только в том, что противник ослаблен и оставлен без продовольствия, а в том, что Волков победил в очередной раз. Да, это хоть и маленькая, но победа. Солдаты все сильнее убеждаются в его умении воевать. В его офицерах крепнет понимание того, что приказы кавалера не обсуждаются. И все они верят, что он и вправду Длань Господня. Ну а иначе как ему все удается?

Дойдя до условного места, Волков отправил людей снять заслон с дороги и сказать, чтобы фон Финк и Роха побыстрее отходили.

Пока ждали их, повалил снег, такой же мокрый, как и утром. Он падал и тут же таял. Земля стала еще более вязкой. И это было как раз Волкову на руку. Вскоре из снежной пелены вышли солдаты фон Финка и Рохи. Их встречали радостными криками, а они спрашивали, как все прошло в лагере врага. Те солдаты, что были в лагере горцев, хвалились славным дельцем.

Волков поставил в арьергард Брюнхвальда и быстро пошел к себе в рыбачью деревню.

Ему бы порадоваться, да опять стала донимать хворь. Ехал, старался в седле держаться ровно и не раскачиваться, чтобы со стороны все думали, что с господином все в порядке. Даже нога так его не донимала, как этот чертов жар. Он сопел и молчал, так и ехал,

ни с кем не желая говорить. Роха подъезжал, о чем-то спрашивал, так кавалер едва отвечал ему. Фон Клаузевиц тоже, Волков ему лишь кивнул. Наверное, они подумали, что командир размышляет о чем-то или чем-то недоволен. Но он просто сосредоточился на том, чтобы не упасть.

Ему было так жарко, что хоть снимай с себя все. Но раздеваться нельзя. Так и ехал до самого лагеря. Там, собрав последние силы, слез с коня, хоть и не без помощи Максимилиана. В праздновании победы, что хотели устроить барон и господа кавалеры, участвовать вежливо отказался. Напрягся и без помощи, как ему казалось, твердой походкой дошел до шатра. Лишь когда полог сомкнулся за спиной и Волков остался с братом Ипполитом и Увальнем, лишь тогда он, не снимая доспеха и не отвязывая меча, с шумом и лязгом рухнул на кровать.

Сил у него больше не было.

– Не засыпайте, господин, – теребил его монах и фамильярно тряс его за голову, схватив за нижнюю челюсть. – Не закрывайте глаз, нужно выпить зелье. Не выпьете, так завтра встать не сможете. Не сможете встать! Слышите, что я вам говорю?

Только лишь это вернуло Волкова в сознание. Нет, конечно, он выпьет зелье, выпьет. Враг не даст ему полежать и поболеть. Приходится крепиться. К утру следует быть готовым ко всему, поэтому Волков пил. Он пил мелкими глотками мутную кисло-соленую бурду, а сам последними всполохами сознания строил планы на следующий день.

Ведь у него было много дел. Так много дел…

Глава 51

Опять зелье помогло ему. Утром кавалер нашел в себе силы встать. Мог бы дольше валяться, да пришел Максимилиан и доложил, что Пруфф наконец притащил пушки в лагерь. Пришел на заре и, несмотря на раннее утро, как всегда, был раздражен и сварлив.

Просил Волкова принять его. Максимилиан по возможности оттягивал доклад, так как господин спал, но капитан Пруфф сел возле шатра и ждал, пока кавалер проснется.

Монах помог Волкову одеться, Увалень принес теплой воды для мытья. Кавалер не спешил, ему нужно было прийти в себя. К тому же рана над обрубком уха саднила и горела.

– А ну, взгляни, что там с ухом, – велел Волков монаху, когда уже был и умыт, и одет.

– Господи! – воскликнул тот, как только взглянул на рану, и добавил: – Воспалилась! Капитану Пруффу придется подождать еще, пока буду ее вскрывать и чистить.

– Нет! – Волков знал, что ждать капитану некогда, у него есть неотложное дело. – Увалень, зовите капитана.

Пруфф был явно недоволен.

Волков смотрел на него, склонив голову набок, так как монах в это время, ничуть не заботясь встречей господ, рассматривал рану.

После низкого поклона капитан начал:

– Просьбу вашу быть к вам со всей возможной поспешностью я выполнил. Но хотел бы вам при том заметить…

Капитан Пруфф не договорил. Замолчал.

Брат Ипполит сильно стал давить на рану, чем вызвал у кавалера гримасу раздражения. Волков оттолкнул руку монаха и встал.

– Я признателен вам, капитан, что вы привезли сюда мои пушки, понимаю, каких трудов вам это стоило.

– Нет, вы не понимаете… – начал было Пруфф.

Но Волков прервал его жестом:

– Жаль, что не мог сказать вам об этом раньше, но диспозиция поменялась.

– Что это значит, кавалер? – насторожился капитан.

– Вчера нам удалось разгромить лагерь врага.

– Я об этом слышал и поздравляю вас с этой победой. Но…

– И оставить его без провианта, – продолжал кавалер.

– И что это значит?

– А это значит, что вам немедля придется везти орудия обратно.

– Что? – Пруфф выкатил глаза. Он стал похож на старого кота. – Обратно? В Эшбахт?

Кавалер едва сдержался, чтобы не усмехнуться. Но взял себя в руки и холодно ответил:

– Нет, не в Эшбахт. А к большому оврагу.

Пруфф несколько мгновений молчал.

– Если сие шутка, то мне она не кажется смешной, – сказал он с наивысшей степенью недовольства на лице.

– Мне не до шуток, капитан, – строго отвечал Волков. – Мне совсем не до шуток. Враг идет в мой дом, неужто вы думаете, будто я шучу? Нет, дорогой мой, мне нынче не до шуток. Враг где-то рядом.

– Идет в ваш дом? Где-то рядом? Вы ведь даже не знаете, где сейчас наш противник? – кривился Пруфф.

– Знаю, – спокойно ответил кавалер. – Либо он сейчас вышел из поместья Фезенклевер и направляется к замку Баль, в земли барона фон Деница, либо возвращается к реке, чтобы посмотреть, что мы там ему устроили.

– Думаю, что послезавтра они будут в вашем Эшбахте и сожгут его, – поджимая губы, произнес капитан.

– И черт с ним, – продолжил кавалер. – Еще вчера я послал туда человека с наказом ко всем, чтобы они уходили на север, к Малену, и уводили скот. Пусть горцы сожгут Эшбахт, но еды они там не найдут, а провиант закончится у них уже завтра. Не мне вам рассказывать, капитан, как ведут себя солдаты, которые пару дней не ели гороховой каши с толченым салом. И как хорошо они станут шагать и воевать, когда еды у них не будет неделю.

– И вы думаете встретить их у большого оврага, когда они пойдут обратно? – Капитан, кажется, оценил план. Недовольства и скепсиса на его лице поубавилось.

– Да, – коротко ответил Волков.

– А если они отправятся обратно по той дороге, по которой идут в Эшбахт?

– Мы встретим их здесь.

– То есть мне опять придется тащить пушки сюда от большого оврага? – Лицо Пруффа снова стало недовольным.

– Да, мой дорогой капитан, да, если они будут возвращаться не через мои земли, а через земли соседей, вам опять придется тащить пушки сюда.

– Это нелепость! – воскликнул капитан. – Вы просто издеваетесь надо мной и моими людьми!

Почему? Почему? Почему Волков должен каждому что-то объяснять, что-то доказывать и в чем-то убеждать, чему-то учить и уговаривать. Ведь это отнимает у него столько сил. Сил, которых и так мало, которые и без того сжигает его болезнь. У любого другого опустились бы руки… Но кавалеру в такие моменты, как это часто бывало, на помощь приходила злость. Злость и природное упрямство.

– Это не нелепость! – заорал он. – Это называется война! Вам бы в ваши годы пора о том знать! Вы же зовете себя капитаном, если мне не изменяет память, так и ведите себя как капитан. Выполняйте мое распоряжение!

– Не смейте на меня кричать! – Пруфф тоже вскочил. – Я вам не мальчишка-паж!

– Не паж, так идите в обоз, берите еще двух лошадей и тащите чертовы пушки на север, как вам велено!

– Это бессмысленная работа!

– Не смейте обсуждать мои распоряжения! Выполняйте! – орал Волков так, что Максимилиан прибежал с улицы посмотреть, что происходит.

Капитан ничего больше не сказал и в бешенстве выскочил из шатра.

– Максимилиан, – едва переводя дух, сказал кавалер, – проследите, что будет делать капитан. Я ему не доверяю, боюсь, как бы он не дезертировал со своими людьми.

– Да, кавалер. Прослежу.

– Только незаметно.

– Да, кавалер, – ответил оруженосец и вышел.

– Монах, так что там с моим ухом? – Волков сел на свое место.

– Надобно вскрывать и чистить, – отвечал брат Ипполит.

– Делай, – махнул рукой Волков. – Увалень, а вы распорядитесь о завтраке.

Александр Гроссшвулле молча кивнул и пошел из шатра к кашеварам.

Кажется, он и вправду был Рукой Господа. Волков и сам начинал иногда в это верить, сам себе удивлялся. А как иначе, если не чудом и Божьим промыслом можно было объяснить его удивительное предвидение. Нет, не зря он орал на Пруффа, не зря гнал его обратно, не дав ни капитану, ни его людям, ни его лошадям отдохнуть даже дня.

Пруфф злился и ругал командира сумасбродом и грубияном при многих своих подчиненных и даже при Максимилиане, не стеснялся быть непочтительным. Но прав в итоге оказался кавалер.

Еще до обеда в лагерь влетел молодой офицер из людей фон Финка. Быстро ехал, конь в мыле. Сам был так взволнован, что нашел Волкова и, не слезая с коня, говорить начал.

Волков не одернул молодого офицера за его забывчивость. Видел по лицу, что дело серьезное.

– Кавалер, я из секрета, что велел выставить капитан фон Финк!

– Ну? – Волков знал это, он сам распоряжался о том: велел поставить секрет на западе в часе ходьбы от лагеря. На дозоры и разъезды у него не было кавалерии. Ну не рыцарей же на подобные занятия посылать. Рыцари такой работой побрезгуют. – И что же?

– Горцы, кавалер!

– И сколько же их? – Волков смотрел на молодого человека, кажется, с недоверием.

– Все идут! Не знаю сколько, их большая колонна, направляются сюда. Всю колонну с холма видел, много их, тысяча, наверное.

«Тоже мне офицер. Сопляк. Всю колону видел, а сколько их, сказать не может. Даже приблизительно не сосчитал! Тысяча! Наверное! Болван! Хорошо, если седло не испачкал от страха».

– С обозом идут?

– С обозом, с обозом!

– А где остальные ваши люди, что в секрете с вами были?

– Бегут следом, они пешие, а я вперед поскакал.

– Благодарю вас, – холодно сказал Волков и задумался.

– Будем драться? – спросил Рене, который вместе с Брюнхвальдом присутствовал при этом разговоре.

Но Волков ему не ответил, он опять обратился к молодому офицеру:

– Сколько у них кавалеристов? Не сосчитали?

– Кажется… – вспоминал тот. – Кажется, вовсе не видел у них кавалерии, только офицеры верхом.

«Кажется! Он точно болван!»

Тут даже Брюнхвальд и Рене поморщились.

– Благодарю вас, – продолжал Волков, – ступайте к капитану фон Финку и скажите, чтобы срочно снимал лагерь, впрягал лошадей. Мы уходим.

– Так драться не будем сегодня? – снова спросил Рене.

– Я думал, вы шутите, ротмистр, – отвечал Волков. – Или вы вздумали умереть сегодня?

– Нет-нет, таких планов я не строю, – заверил Рене.

– Тогда бегите к своим людям, снимаем лагерь и уходим на север.

– Я тоже пойду собираться, – сказал Брюнхвальд.

– Поторопитесь, Карл, вы и ваши люди мне понадобитесь.

– Думаете поставить меня в арьергард?

– Именно, равных вам и вашим людям у меня нет, Роха будет с вами. Джентиле тоже.

– Я не очень силен в этом деле, – признался Брюнхвальд.

– Не волнуйтесь, Карл, я тоже с вами.

– Раз так… – Брюнхвальд кивнул и ушел к своим солдатам.

Враг близко! И пяти минут не прошло, как все об этом знали. Враг близко, и командир не хочет сейчас с ним драться.

Кавалер ходил по лагерю, смотрел на все, лез во все дела, ругал всех. Кого за глупость, кого за нерасторопность. Враг близко! Но за руганью, даже когда отчитывал сержантов, Волков не волновался и не спешил, он был спокоен. И хотел, чтобы все, все до последнего кашевара и обозного мужика видели его спокойствие. Никакой суеты! Спешка? Да, надо спешить! Но и намека не должно быть на панику. Ни намека! Враг близко, но командир спокоен и знает, что делает.

Лагерь собирался. Лошадей запрягали, палатки, кухни и провиант собирали в телеги. Седлали боевых коней.

Приковылял Роха, тут же за ним пришел Джентиле. Они остановились у телеги с большими ротными котлами.

– Что ты надумал? – с привычной ему фамильярностью начал Скарафаджо. – Возню затеваешь, что ли?

«Возня». Все они: и Волков, и Роха, и ламбриец Джентиле прекрасно знали, что это значит. У любого из них за плечами был десяток, а то и больше лет разнообразных войн. Они все понимали. Возней на солдатском языке называлась нудная и изматывающая тактика беспрерывных мелких стычек, беспокоящих и малокровных, но нудных, сковывающих противника атак и засад.

– Именно, – сказал Волков, – не хочу, чтобы эти собаки думали, что это будет прогулкой.

– Пойдут только стрелки и арбалетчики? – спросил Роха.

– Нет, еще с нами будет Карл.

– С нами? – переспросил Джентиле.

– Колонну поведет фон Финк, в авангарде пойдут барон и Гренер с кавалерией. Я останусь с вами, – ответил Волков.

– А, так ты останешься с нами? – сразу сменил тон Роха, теперь он был доволен.

И эта перемена в настроении старого товарища польстила Волкову. Роха ценил его как командира и не скрывал этого. Роха сразу приободрился, чем придал уверенности и ламбрийцу.

Тут прибежал к ним сержант Жанзуан, бесцеремонно встал в трех шагах от разговаривающих офицеров, стал ждать, пока на него обратят внимание.

Волков обратил, кивнул ему:

– Ну?

– Кавалер, дозволите спросить?

– Спрашивай, сержант, только быстро.

– А мне что делать?

Вопрос был непростой. Кавалер на секунду задумался. Конечно, оказалось бы правильно оставить гарнизон заставы тут.

Лодок у горцев сейчас нет, продовольствия нет. Но со временем, завтра или послезавтра, они найдут новые лодки. Втридорога, но найдут, и решат возить провиант на берег, поближе к своей армии. И тут эта застава на холме станет им очень мешать. Они ее непременно возьмут. Потратят время, день или два, угробят людей, но обязательно возьмут. И обязательно убьют всех, кто там окажется.

Жанзуан смотрел на Волкова, затаив дыхание. Видно, что очень не хотелось ему оставаться охранять заставу.

– Собирайтесь, – наконец сказал Волков, – пойдете в роту ротмистра Брюнхвальда.

Он отвернулся к офицерам, а Жанзуан все понимал, сразу не ушел:

– Спасибо вам, господин, от всех людей моих поклон вам в ноги. Храни вас Бог, господин.

– Ты еще тут? – разозлился Волков. – Бегом к Брюнхвальду, не то передумаю!

Когда лагерь был уже почти собран и первые телеги уже отправились на север, пришел Бертье и сказал:

– Лодки уже ушли, все лишнее мы в них сложили. Но вот баржи…

– Что с ними?

– Больно тяжело они груженные. После дождей и снега течение в реке сильное. Тянули их вчера не без труда. Медленно. И сегодня воды прибыло.

Волков и сам это знал:

– Ну?

– Не утянем мы их. Сержант, что тянул их вчера, говорит, что догонят нас горцы.

Очень, очень было Волкову жалко такого хорошего добра, что лежало в баржах, но отдавать столько провизии врагу категорически нельзя.

– Значит, не утянут баржи ваши люди?

– Нет, кавалер, – отвечал Бертье. – Не утянут, боюсь, догонят их чертовы собаки.

– Пробейте им днища и оттолкните от берега.

Жалко, но что еще можно тут сделать?

Тут с запада прибежали солдаты фон Финка из тех, что были в секрете, сразу нашли командира.

– Близко? – спросил их Волков.

– Близко, господин, – говорил старший, едва отдышавшись после быстрой ходьбы.

– Много их?

– Много, господин, семь сотен или больше чуть.

Вот этому немолодому солдату Волков верил больше, чем молодому офицеру.

– Спасибо, догоняйте своего командира.

Солдаты ушли, а кавалер обратился к Брюнхвальду, Рохе и Джентиле:

– Господа, пришло наше время. Надеюсь, вы готовы.

Глава 52

Стрелков с аркебузами – старшим у них был сержант Хельмут, которого все звали Хилли, – Волков рассадил по кустам, что находились севернее рыбацкой деревни, с ними оставил Брюнхвальда с его людьми. Роха с Вилли и мушкетерами встали на холм, прямо отличное для них место нашлось. По той самой тропе, по которой Волков ходил в земли Гренера, к нему шел враг и должен был выйти как раз под мушкеты. Значит, начинать мушкетерам. А потом враг получит залп из кустов от аркебузиров Хилли. А чуть северо-западнее, в зарослях у оврага, прятался Джентиле, он прикрывал остальных с фланга, а заодно должен был прикрывать отход на север. Дело обещало выйти удачным.

Волков нашел себе хорошее место. Холмик, поросший барбарисом. Там ни его, ни Максимилиана, ни Увальня с тропинки видно не было, а ему видно все.

Теперь следовало дождаться врага. Вскоре появились люди, что шли быстрым шагом. Было их шестеро.

– Это наши! – крикнул Роха, он был ближе всего к ним. – Люди фон Финка.

– В тысяче шагов за нами, – доложил один раскрасневшийся от быстрой ходьбы солдат. – Идут. Впереди отряд охранения.

– Кавалерия? – все еще сомневался по этому поводу Волков.

– Нет-нет, господин, только офицеры верхом, – заверил солдат.

– Хорошо, ступай на север за своими.

Тысяча шагов, и начнется. Кавалер ждал. Увалень и Максимилиан молчали. Волков знал, что они волнуются, хотя сам был спокоен. Если что-то его и заботило, так это его хворь. Кони от нечего делать пытались щипать с кустов оставшиеся на них листья. От реки несло

сырым холодом. А он думал о Пруффе и пушках. Это точно было Провидение. Ничем другим свое решение Волков объяснить не мог.

Ждали не так уж и долго. Не успели еще замерзнуть пальцы в латных перчатках, как на западе, там, где был Джентиле со своими арбалетчиками, послышались крики, началась суета.

– Что за дьявол?! – зло спросил Волков.

Думал уже туда отправить Увальня, но увидал ламбрийца, бегущего к нему с арбалетом. Тот добежал и сказал, не переводя духа и тяжело дыша, на ломаном местном языке:

– Сеньор капитан, дозор… Дозор выходил на нас…

– Говори на своем, – произнес Волков на ламбрийском.

– Синьор капитан, – затараторил арбалетчик, – на нас выскочил их дозор. Дюжина вместе с сержантом. Мы им накидали болтов – они отошли. Но те, что двигались по дороге, встали. Они теперь знают, что мы их ждем.

Досада, вот как это называется. И главное – винить-то некого, сам так людей расставил. Впрочем, Волков понимал, что его вины тут не было, он все правильно сделал, просто враг-то у него не абы кто. Враг-то у него сильнейший, опытнейший, закаленный своим суровым горным краем и сотнями лет почти непрерывных войн.

Кавалер видел, как на западной стороне рыбацкой деревни появились солдаты. Выходили осторожно, сомкнутыми группами, как для боя. Пики и копья вперед. Ожидали атаки. За ними россыпью арбалетчики – арбалеты взведены, все наготове.

Теперь с ними придется драться. Настроение у Волкова испортилось окончательно. Нет, драться тут он с ними не будет, он не хотел терять людей. Ни единого человека не хотел тут терять.

– Скажи ротмистру, чтобы отходил не спеша к северной тропе, – сказал кавалер ждущему его решения арбалетчику. – Но пусть не торопится, пусть идет медленно и сторожит фланг, пока вас Брюнхвальд со своими людьми не догонит.

– Да, сеньор, – сказал арбалетчик и убежал.

– Увалень!

– Да, кавалер, – отозвался оруженосец.

– Езжайте к Брюнхвальду и Рохе, скажите, пусть отходят к тропе. Но Рохе велите, пусть идет не торопясь, пусть даст Брюнхвальду его нагнать.

– Да, кавалер.

И тут Волков увидал, как с запада из кустов выехали всадники. Сначала сердце у него забилось. Кавалерия? Неужто недосмотрели дозорные? С кавалерией шутки плохи. Догонять отступающих – любимое дело всей кавалерии. Насядет на отстающих стрелков – порубит многих. Даже в кустах нелегко от них отбиться. Нет, кажется, нет. Нет! Слава Господу! Он перевел дух. Верховых оказалось всего шестеро. Офицеры. И первый среди них, видно, был самый главный. Он уверенно выехал на пригорок, стал осматривать местность. И потом рукой указывал куда-то, отдавая другим всадникам приказания.

«А не ты ли тот дурень, что проспал свой лагерь?» – усмехнулся Волков.

Нет, так нельзя. Насмехаться над противником – любимая забава солдат. Но Волков-то давно уже не солдат. Тем более что засаду-то его офицер обнаружил, а значит, правильно организовал дозоры.

Раздались выстрелы. Над кустами ветер погнал серый дым. То были мушкеты. Пустое. До врага двести шагов. Даже лошадей им не ранили. Тут же постреляли и аркебузы. Правильно, обозначили себя, дали понять, что их много. Теперь на них с ходу не кинутся, должны отойти без потерь.

Дождавшись, когда его люди стали появляться у дороги, Волков и сам поехал с холма. Уже на тропе, что вела на север, он поравнялся с Джентиле, и тот рассказал, как произошла стычка в кустах. Кавалер еще раз убедился, что враг у него опытен.

– Вы убили хоть кого-нибудь?

– Двоих, – отвечал ротмистр, не задумываясь. – И еще троим или четверым накидали болтов в спины.

– Убитых сами видели? – не отставал от него кавалер.

– Нет, но я так думаю… Думаю, что двух мы убили, – беззаботно отвечал Джентиле.

Да, что тут скажешь, не удалась засада. Не удалась. Но Волков выиграл время. Без потерь выиграл полчаса. А значит, его пушки и горцев будет разделять лишних полчаса.

* * *

Отошли на север, подыскали удобный овражек и высокий холм. Опять стали в засаду. Тут Волков почти не волновался: обойти его с флангов было практически невозможно. Он снова собирался дать пару залпов, чтобы противник перестроился из маршевых колонн в атакующие группы. И тогда кавалер снова отойдет на север. А это время. Время. Но время шло, горцы же не появлялись. И вот тут он стал волноваться.

«Неужели они остались на берегу, разбили новый лагерь, чтобы дожидаться лодок с провизией?»

Да, это было неплохое решение. Возможно, что он и сам так поступил бы в подобной ситуации. Но тогда… Нет, он не даст им спокойно ждать новых лодок на берегу. На то возня и затевается, чтобы враг ни на минуту не чувствовал себя спокойно. Нужно злить его и злить. Раздражать, убивая хоть по одному солдату за стычку. Не оставлять врага ни на минуту. Чтобы солдаты противника и его офицеры были напряжены, чтобы напряжение передалось их командиру и тот пожелал покончить с этим как можно быстрее, чтобы поторопился, сделал неосмотрительный, необдуманный ход. Например, такой, как с лагерем.

Он уже взглянул на Увальня. День давно перевалил за середину, через два часа начнет темнеть. Но Волков не собирался ждать следующего утра. Раз враг не шел к нему, так он пойдет к врагу, он пойдет обратно на юг к рыбацкой деревне.

– Увалень!

– Да, кавалер, – отозвался тот.

Волков не успел ничего сказать. Через кусты к ним продрался стрелок с аркебузой и, не дожидаясь разрешения, сипло зашептал:

– Господин, ротмистр Роха просил передать – идут!

У кавалера отлегло от сердца: нет, не так уж и умен враг, слава богу! Мог бы остаться на берегу, но полез в эти дебри дальше, прямиком в ловушку.

«Господи, лишь бы они не останавливались и шли дальше на север».

Он перекрестился. И, глядя на него, стали креститься и стрелок, и Увалень, и Максимилиан.

– Ступай на свое место, – велел Волков стрелку. – Скажи ротмистру, пусть мне присылает доклады.

Враг подошел. И началась на первый взгляд глупая игра. Неразбериха. Залп ружей, дым, крики. Ни враг не видел, где нападающие, ни люди Волкова не видели, где враг.

– Кажись, справа они, за шиповником.

Следовали выстрелы.

– Слева, оттуда летят болты, там их арбалетчики.

Снова выстрелы.

– Да справа же.

Неразбериха. Дым. Пальба. Кавалер послал Увальня к Брюнхвальду, чтобы хоть тот сказал, что происходит, но капитан ответил, что сам ничего не понимает. Враг подошел, но за кустами его не видно. Слышно было, что много, но сколько, он не знает.

Нет. Так продолжаться не могло. Это не бой, это дрянь какая-то.

– Увалень, – раздраженно говорил Волков, – скажите Рохе, чтобы отходил, это не дело. Максимилиан, скачите к Джентиле, пусть тоже отходит к Брюнхвальду сразу после Рохи.

«Если не знаешь, что происходит, лучше отойти», – разумно полагал кавалер.

Черт с ним, на севере еще будут хорошие позиции, на которых он может подождать горцев, лишь бы они шли дальше.

И опять он оказался прав. Эта его осторожность уберегла ламбрийцев от беды. Как только они отошли к тропе, так сразу из кустов на видное место вышла группа вражеских солдат в хороших латах. Их было человек шестьдесят, может, и больше, дальше Волкову было не видно. Они шли бодро и отрезали бы арбалетчиков от тропы, не уйди те за десять минут до этого.

Нападающих остановил хороший залп Рохи, Волкову даже показалось, что кто-то упал. Но арбалетчики врага тут же засыпали кусты, где были стрелки Рохи, болтами. Кавалер даже заволновался, как бы не убили кого, так густо стреляли горцы.

Нет, правильно, правильно он сделал, что решил отойти. Собаки горные даже тут слабины не давали. Снова двинулись вперед без барабанов и при этом не рассыпая строя. Отличные у них сержанты, что ни говори. Рохе с его людьми пришлось бежать к Брюнхвальду. Даже второго залпа дать не успели.

В арьергарде дозорным Волков оставил Хилли с двадцатью аркебузирами, он казался кавалеру самым умным из молодых

сержантов. А тут как раз нужен молодой, солдаты с ним такие же молодые.

– Я должен знать, где враги. Видеть их нет нужды, но слышать их ты должен. Иди быстро, но останавливайся, слушай, идут ли за тобой. Стой, слушай: лязг лат далеко слышно. Коней тоже. Встал, услышал, что идут, – дальше беги.

– Да, господин, – кивал молодой сержант, дело для него было сложное, новое, он волновался.

– И не дай себя обойти по флангу, отрезать от нас. Отрежут – вам конец, будь настороже. Случится что, так сразу ко мне вестового шли, я буду недалеко от тебя, ровно на север, – давал наставления кавалер.

– Да, господин.

– Не опозорь мою роту, – велел Роха, проезжая мимо и хлопая молодого человека по шлему.

– Не опозорю, господин.

– Справится? – спросил у Рохи Волков. – Дозор и арьергард – вещи сложные.

– Либо справится, либо сдохнет, – философски рассуждал тот.

– Не молод ли? – сомневался кавалер.

– Чего там, ты-то не младше был, когда в солдаты пошел?

– Так я в его годы и сержантом не был.

– Так пусть радуется, что он в свои годы уже сержант. Пусть старается.

Ну, вот так и поговорили.

Нашли новое место у ручья. Так себе место, не очень хорошее. Заросли кустарника тут оказались так густы, что даже зимой, когда листва наполовину облетела, в десяти шагах ничего видно не было. Враг тебя не увидит, но и ты его приближение не распознаешь. Волков решил, что при приближении горцев даст пару залпов через заросли и сразу начнет отходить, не дожидаясь сближения. Но пришел Хилли со своими дозорными и сказал:

– Они встали лагерем, господин.

– Точно? Прямо в кустах лагерь поставили? – не верил Волков.

– Сам видал, господин. Разбили лагерь вокруг большого холма.

Кавалер задумался.

– Ну, что станем делать? – спросил Роха.

Все офицеры и Хилли ждали решения командира.

– Ну так что, пойдем к их лагерю и ночью пуганем их малость или поставим тут свой лагерь и поспим чутка? – не отставал Роха.

Понятное дело, все устали, беготня, марши, тревожное ожидание, снова беготня и марши, снова ожидание. Но Волков, в отличие от других, знал главную задачу. Ему было нужно, чтобы враг добрался до большого оврага. Именно там кавалер даст ему бой. Это и есть главная задача. А Роха, как всегда, торопился.

– Да подожди ты, не торопи! – разозлился Волков. – Вечно спешишь. Дай подумать!

– Думай, думай, – примирительно согласился Скарафаджо.

Эх, знать бы мысли командира горцев, заглянуть бы ему в его горную башку и посмотреть, что там. Сейчас бы Агнес совсем не помешала.

Хотел кавалер знать, куда пойдут горцы дальше: за ним, на север, к большому оврагу, или… Вдруг такое может случиться! Ну мало ли, как бывает. Повернут к реке за провизией. Нет, конечно, такого быть не может. Не зря они сюда бежали сломя голову в надежде отомстить за разграбленный лагерь и убитых там солдат. Нет, не повернут они. Не повернут.

И Волков решил:

– Хилли, останешься тут со своими людьми в дозоре. Караул на ночь удвой, слушай их. Как двинутся на рассвете, так пошлешь ко мне вестового. Я хочу знать, куда горцы пойдут. Понял?

– Да, господин, все понял, – отвечал молодой сержант.

– А мы куда? – не унимался Роха.

– Догони колонну, нам нужно за ночь дотащить пушки до оврага.

– Значит, спать не будем? – невесело спросил Скарафаджо.

– Ты все лето спал, неужто не выспался? – усмехнулся Волков, поворачивая коня на север.

– Выспался, выспался, – бурчал Роха и, проезжая мимо Хилли, снова хлопнул его по шлему и повторил: – Смотри, не опозорь роту, Хельмут.

– Не волнуйтесь, ротмистр! – уже вслед ему кричал молодой сержант. – Не опозорю!

Глава 53

Луны нет, темень, дождь моросит холодный. Под копытами глина скользкая, кусты в рост всадника с конем. Ничего не видно, даже неба. Но Волков гнал колонну на север, чтобы догнать ушедших вперед, едва ли не на ощупь. Хворь, усталость, боль в ноге – все потом, потом. Сейчас надо оторваться от противника хотя бы на один переход. Пока жар донимал кавалера не так сильно, как день или два назад. Сейчас его мучила нога. Немудрено, он с раннего утра из седла не вылезал, вот ее и выкручивает. Но лучше нога, чем жар. От жара в голове туман, в членах слабость, а нога… Ну, нога просто болит, иной раз приступы накатывают до зубного скрежета, но это только боль. Боль можно терпеть. Он потерпит. Потом отдохнет, потом отоспится.

И еще полуночи не было, когда идущих впереди окрикнули часовые:

– А ну, стой! Кто там? Отвечай, кто идет?

– Эшбахт! А вы кто?

– Фон Финк.

О! С каким удовольствием кавалер слез с лошади, хотя и знал, что это ненадолго. Нога ниже колена ничего не чувствовала, хоть жги ее, и едва слушалась. Он уселся на бочку, вытянул ее. Пока собирали офицеров, Волков попросил Увальня снять наколенник и набедренную пластину, чтобы монах мог размять ногу. Пока брат Ипполит помогал ему, собрались офицеры.

Ночной ветер рвал пламя в лампах и факелах, офицеры были хмуры со сна. Все понимали, что не просто так их разбудили. Да, не просто так.

– До горцев два часа хода, – сухо проговорил Волков. Он знал, что им скажет дальше, и знал, что они станут ему говорить. Но продолжал, этот ритуал следовало выдержать. – Поднимайте людей, до рассвета мы должны быть у большого оврага.

– Поднимать людей? Они вымотаны. Мы даже ужин не готовили, так они устали, – говорил фон Финк после небольшой паузы.

Волков знал, что именно это ему и ответят. А еще ему сейчас скажут, что лошади тоже устали.

– Хотелось бы вам заметить, кавалер, – едко начал капитан Пруфф, – что мои лошади падают от усталости, четыре дня надрываются, и вы опять готовы гнать их в ночь.

Волков был готов к этому замечанию:

– Часть обоза бросим тут, три-четыре телеги попрячем по кустам, все ценное унесем с собой, освободившихся лошадей забирайте на смену, впрягайте в пушки.

– Но люди шли по глине… – попытался продолжить бессмысленный разговор Рене.

– Я это слышал, – повысил голос Волков. – Да-да, люди устали, они тащились по глине, они не кормлены, а лошади выбились из сил, еще я знаю, что они порвали всю сбрую, и теперь она требует ремонта. Так было всегда и везде с первого дня моей службы. Я все это слышал, Рене, слышал. – Он помолчал, поморщился, монах уж очень сильно мял ногу. – Но еще я знаю, что восемь сотен горных псов стоят в двух часах отсюда, и они в бешенстве, потому что мы разбили их лагерь и поубивали уйму их дружков. Их командир жаждет встречи с нами. Да, господа, да. Они рядом, мне не удалось их задержать. И завтра, если мы не подготовим позицию для этих ваших людей, за которых вы так переживаете, горцы втопчут их в эту самую глину. Да и вас тоже, господа, вас тоже. Надеюсь, что вы все знаете о том, что они не берут пленных для выкупа.

Кавалер замолчал, ожидая возражений, но ни один из офицеров и рыцарей ему не ответил. Все молчали, только ветер трепал пламя на факелах да шуршал остатками листвы в кустах.

– Ну, раз вы все молчите, значит, понимаете. Будите людей, господа, будите людей. У нас мало времени.

* * *

Они еле плелись. Ночью по мокрому бездорожью да с тяжеленной пушкой, с обозами да с телегами, в которых везли бочки с ядрами и картечью. Эти телеги утопали в грязи, иной раз их приходилось выдергивать людям, лошади сами не справлялись. И все это тащилось сквозь кусты со злобой, проклятиями и сквернословием.

Волков знал, что солдаты его про себя костерили, не говоря уже об артиллеристах и обозных мужиках. Он сам так же ругал и ненавидел своих командиров когда-то. Давно, правда, это было.

Но делать нечего. Пусть ругают, пусть проклинают, главное – чтобы слушались и тащили обоз и пушки на север.

Необходимо до утра добраться до оврага. Конечно, поутру, по свету, горцы эту же дорогу пройдут в два раза быстрее. Да, пройдут они быстрее, но к тому времени, когда они появятся, он уже будет на северной стороне большой канавы, что проточила в глине вода, бегущая с холмов.

Волков ничего никому не говорил, и никто с ним не заговаривал, он то и дело ездил из конца колонны в ее начало и молча следил за тем, как мучаются на этой адской ночной дороге, как кряхтят и ругаются, вытаскивая мокрые башмаки из липкой глины, его люди. Максимилиан и Увалень мрачными тенями следовали за командиром, небольшими лампами пытаясь хоть как-то освещать эту тяжкую картину.

Так и прошла вся ночь. Уже утром, за два часа до рассвета, Волков оставил колонну на Брюнхвальда и поехал вперед. До оврага было совсем недалеко.

* * *

Да, это было прекрасное место, чтобы остановить непобедимую пехоту горцев. Им тут даже построиться негде и придется атаковать не баталией, а колонной не более пятнадцати человек. Им придется спускаться с южного холма по пологому спуску в овраг и по пологому склону подниматься на северный холм, на котором Волков собирался поставить пушки. А перед северным холмом кавалер планировал поставить людей Рене. Да. Двести с лишним человек Рене как раз хорошо тут встанут. Жаль, что пик у него немного. Впрочем, восьми рядов в баталии вполне достаточно, с лихвой хватит, чтобы закрыть удобный подъем на холм. Кавалер надеялся, что сил у Рене достанет, чтобы остановить колону горцев. Обойти Рене тут негде, овраг глубок. Роха и Джентиле встанут по флангам. Засыплют наступающую колонну болтами и пулями. А еще прямо с холма по ней будут бить пушки. Сначала ядрами, потом крупной картечью, а затем, когда враги будут в ста шагах, и мелкой. Мелкая картечь вблизи – вещь страшная.

«Посмотрим, как вы сломаете тут зубы, чертовы собаки».

Волков уже представлял, как голова колонны спустится в овраг, упрется на подъеме в Рене и встанет. И будет стоять, пока пушки Джентиле и Рохи станут прореживать и прореживать их ряды.

А еще у кавалера двести человек фон Финка в резерве. И если горцы потеснят Рене и колонна врага сдвинет его с места, то фон Финк ударит в голову колонны с двух сторон сразу.

Напоследок, на всякий непредвиденный случай, останется Брюнхвальд с его отличными, но немногочисленными солдатами и более тридцати кавалеров и молодых господ. Да, Волков надеялся, что до них дело не дойдет. Но пусть лучше будут.

В общем, если горцы не обойдут его с флангов, то тут, меж холмов, он сможет их становить. Остановить и нанести тяжкий урон. Кавалер был уверен, что им придется тут его атаковать. Ведь они должны торопиться. По его подсчетам, у них уже заканчивается провизия. Они должны торопиться.

Господи, пусть они начнут дело именно здесь! Он прочел про себя «Отче наш» и перекрестился.

Многое нужно было ему увидеть. Все посмотреть своими глазами. Заглянуть в овраги, узнать, где и как глубоко. Заехать на холм, оглядеться, посмотреть проходы меж холмов, как пологи и как мокры, как тяжело будет врагу подниматься на них. Пока осматривался, пока разъезжал туда и сюда по холмам и кустам на уставшем коне, Волков не замечал в себе слабости. А как все отсмотрел, как спешился, так и пришла она. Уселся на холме, там, где посуше, ногу вытянул, снял перчатку и стал сжимать кулак, а он едва сжимается. Так пальцы слабы, что, понадобись ему сейчас меч, так кавалер не удержал бы его. А еще в глазах пятна плавают. И тихое шуршание в ушах, словно шепот отдаленный. Так и сидел он на кочке, на грани света и сумрака, что едва услышал:

– Кавалер, колонна появилась. Наши идут, – произнес Максимилиан.

– Что? Кто? – не понял он, с трудом возвращая себя в мир света из полузабытья.

– Колонна, наши идут.

– Монаха мне, – тихо скомандовал Волков.

Так тихо, что Максимилиан не расслышал и вынужден был склониться к господину:

– Что, кавалер?

– Монаха ко мне немедля, – все так же тихо отвечал ему Волков.

* * *

– Святые угодники, Святая Матерь Божья, заступница! – говорил монах, доставая из сундука банки и склянки. – Он белый, как кружева, что еретики делают, вы что же, господа, не видели? Он же едва в разумении, вы что, господа, этого не заметили? Как он с коня-то у вас не упал?

Увалень и Максимилиан молчали, оба хмурые, недобрые взгляды у обоих, они и сами в седлах едва держались при таком-то командире.

Монах тем временем намешал одно зелье, дал его Волкову выпить, приговаривал:

– Это от упадка сил. Но не поможет оно, если не ляжете отдыхать. Поспать вам нужно.

Тот пил – кажется, даже питье ему непросто давалось.

Брат Ипполит намешал другое зелье:

– Вот, а это от жара, он у вас еще не прошел.

Кавалер и то пил, а сам через край чаши уставшими глазами смотрел, как первые солдаты спускаются с южного холма к оврагу. И не нравилось ему, что идут они спокойно. Не боятся упасть, не скользят. Идут как по мостовой. Неужто глина так от утреннего холода затвердела?

– Теперь вам нужно лечь спать, – сказал брат Ипполит.

Но Волков словно не слышит:

– Монах, дай мне зелье, что сил придает, что бодрит. Оно мне сейчас больше других нужно.

Монах смотрит, и в глазах его упрямство:

– Нельзя вам, преставитесь. От усталости и хвори преставитесь. Нет у вас сил, нет жизни больше в вас для зелья такого.

– Я тебе в отцы, может, сгожусь, а сил во мне вдвое против твоего, понял? – Волков говорил резко, едва ли не грубо. – Слушай меня… Мне сейчас нужно… И нельзя мне спать. Если враг за мной идет, значит, после полудня тут будет! – Он потряс пальцем перед носом брата Ипполита. – Враг нешуточный. Понимаешь? Мне готовым быть нужно. Чтобы все видели меня не спящим, а на коне, под знаменем моим. Давай мне зелье, иначе завтра к утру мне никаких зелий уже не потребуется, да и тебе, если не убежишь, тоже…

– Я дам вам зелье. – Монах, недовольный, полез в сундук, а сам нехорошо смотрел на кавалера. – То, что Господь наделил вас силами, которые двоим полагались, так это дар большой. А вы все равно на себя ношу берете, что и троим не сдюжить. От гордыни это или от глупости – не пойму. Но убьете вы себя такой ношей.

Волков не стал с ним спорить, он просто выпил последнюю чашу, что принес ему монах.

– Обязательно поешьте жирного толченого сала с хлебом, молока топленого с маслом и медом, иначе сил у вас от зелья не прибавится. – Он помолчал. – Под доспехом не видать, но лицо у вас худое, такое худое, как было, когда вы в монастыре без памяти лежали.

Даже для того, чтобы есть, Волкову нужно было прилагать силы. Но раз монах сказал, он ел. Давился, но ел. Сидя в седле ел. Максимилиан держал крынку с толченым салом и чесноком под мышкой, доставал его оттуда, брал у Увальня ломти хлеба и густо клал, а не мазал на хлеб сало, и уже эти ломти подавал господину.

Простая солдатская еда всегда нравилась кавалеру, но теперь он едва мог проглатывать ее. Приходилось запивать, одновременно еще говорить с подъезжающими офицерами.

– Рене, – он указал куском хлеба на склон холма, – это место ваше.

– Хорошее место, – согласился ротмистр, оглядываясь.

– Прикажите рубить рогатки.

Рене опять огляделся:

– Рогатки? Но из чего их рубить, тут совсем нет деревьев?

– Рубите то, что есть, рубите кусты, какие потолще. Молодые деревья вон там есть. Чаще ставьте, глубже врывайте их, но пусть хоть что-то будет.

– Как прикажете, кавалер.

– Пруфф, тот холм ваш. – Волков указал как раз подъехавшему капитану на северный холм.

Тот поглядел на холм весьма удивленно, а потом так же удивленно воззрился на Волкова:

– Хотите, чтобы я заволок по глине полукартауну на эту гору?

– Да, и полукартауну, и обе кулеврины, и ядра, и порох, и картечь вы должны размесить на вершине холма. Это место будет очень удобно для ведения огня. Оттуда видно все.

– Как вы себе это представляете? – Усы Пруффа стали топорщиться от этой его проклятой гримасы. – Как мне затащить туда полукартауну?

Вот только спорить с ним сил у Волкова не было. Он повернулся к Бертье:

– Гаэтан, возьмите своих людей у ротмистра Рене и покажите капитану Пруффу, как втащить на холм пушку. Веревки и лошадей можете брать в обозе.

– Займусь немедля, кавалер, – отвечал Бертье.

Пруфф запыхтел, но Волков не обращал на него внимания:

– Капитан фон Финк!

– Да, кавалер, – отозвался капитан.

– Я видел шанцевый инструмент у вас в обозе.

– Да, у меня есть и кирки, и лопаты.

– Отлично. Там, – Волков поднял руку, – триста шагов на север и одна миля на юг отсюда, есть пологие места у оврага. Враг неглуп и не преминет возможностью обойти нас. Сройте пологий северный склон оврага и вкопайте на подъеме рогаток.

– Сейчас же и начну, – пообещал фон Финк.

Как хорошо, как хорошо, что никто из офицеров не стал снова рассказывать о том, что люди их не спали и что они не завтракали, что они едва стоят на ногах.

Кавалер и сам все это знал.

– А моя диспозиция уже вам ясна, кавалер? – вежливо спросил на ламбрийском Стефано Джентиле.

– Да, встанете по левую руку от ротмистра Рене.

– То есть не за ним? – удивился командир арбалетчиков.

– Да, вот тут и встанете. – Они как раз стояли на этом месте. – Я хочу, чтобы вы били врагам во фланг, в бока и ляжки, а не сверху, в шлемы и наплечники.

– Что ж, как прикажете, – без особой радости отвечал ламбриец.

Волков, как старый арбалетчик, прекрасно понимал его настроение. На южной стороне оврага сплошные заросли кустов, а тут склоны холма почти лысы. Если подойдут вражеские арбалетчики, то они будут в кустах, а ламбрийцы на склоне холма окажутся как на ладони.

Ничего, нет никого лучше ламбрийцев в стрельбе из-за большого щита. Они уже лет четыреста в этой стрельбе практикуются. Зато они будут чуть выше противника.

– Роха.

– Я тут.

– Встанешь по правую руку от Рене, первые ряды – аркебузиров, мушкетеры за ними. Ты тоже поставь рогатки перед собой, склон пологий, до тебя могут дойти.

– Я так и думал, – сказал Скарафаджо. – Еще возьму лопат у фон Финка, как он закончит, окопаю овраг перед собой.

Он развернулся, поехал к своим людям.

– Господа, – кавалер обернулся к фон Деницу, Гренеру и Брюнхвальду, – вы мой резерв. Вы, кавалеры, езжайте на западную строну холма и спрячьтесь там. Но вы, господин Гренер, найдите место, где сможете перейти овраг незаметно. Вдруг мне понадобится ударить врага на той стороне оврага.

– Не волнуйтесь, кавалер, вам нужно сохранять спокойствие, вы так серьезно относитесь ко всему… Впрочем… Ваше серьезное отношение к войне достойно восхищения. Не волнуйтесь, все будет хорошо, – заверил Волкова беспечный барон.

– Я найду проход в овраге, – обещал Гренер. – И мы будем ждать ваших пожеланий, кавалер.

И они с фон Деницем уехали.

– Ну а вы, Карл, останетесь при мне.

– Да, кавалер.

Они смотрели вслед уезжающим господам.

– Как вам барон? – спросил наконец кавалер.

– Для этих сеньоров война всегда была развлечением, – сухо ответил Брюнхвальд.

– Верно, ротмистр, верно. – Волков тронул коня. – Остаетесь за меня, Карл, я поеду погляжу, начал ли фон Финк окапывать овраг, что в миле отсюда.

– Как пожелаете, кавалер.

Глава 54

Время шло к обеду, кашевары уже вовсю дымили кострами, и по холмам, оврагам и кустам холодный ветер разносил дурманящий запах горячей еды. А вот кавалеру было не до сладостных запахов. Волков уже начал волноваться, всерьез волноваться. Вестей о противнике не было. Может, зря устроили такую суету? Усталые и невыспавшиеся солдаты рубили кусты на рогатки и дрова, срывали северные склоны оврагов, делая их более отвесными, чтобы тяжелее было по ним подниматься. А враг взял и повернул обратно на юг, к рыбацкой деревне, к реке, к провианту. И тогда вся работа, что делают сейчас люди, окажется ненужной. Волков даже представить себе не мог тех слов, которыми будут его проклинать солдаты, когда командиры скажут им, что они снимаются и идут вслед за врагом, на юг. О-о… Это будут самые тяжкие слова из тех, что знают солдаты.

Кавалер опять молился, но только про себя. Волков совсем не хотел походить на тех командиров, что публично молятся перед важным делом. Уже тогда, когда он сам был солдатом, он считал подобных офицеров шутами, а их молитвы показухой. Кому-то публичные молитвы внушали уважение, а он над ними потешался. И сам таким набожным командиром выглядеть не желал. Конечно, он молился редко. Очень редко, полагая, что докучать Господу всякой мелочью нельзя. Просить его нужно по делу, по большому и важному делу, как, например, сейчас. И просил Господа только об одном – чтобы враг не пошел на юг, а двигался сюда, к нему. Только об этом, и ни о чем другом.

Слава Господу, слава Создателю, приехал посыльный и сообщил, что сержант Хилли ищет командира. Осталось узнать, какие их ждут вести. Когда кавалер подъезжал, молодой сержант стоял рядом с Рохой и Брюнхвальдом.

Сердце у Волкова замирало, но выглядел он спокойно до самого того момента, когда Хилли, устало сняв шлем и вытерев подшлемником потное лицо, доложил:

– До них тысяча шагов… или полторы. Скоро они тут будут.

Кавалер не поленился тоже снять подшлемник, на глазах у всех перекрестился, подняв глаза к небу, шепотом благодарил Создателя и лишь после этого сказал:

– Господа, Бог за нас. Он сделал для нас почти все, нам осталось доделать немногое.

– Слава Господу! – крестился Роха.

– Слава Господу! – повторил за ним Брюнхвальд.

И все, кто находился рядом, стали повторять за ними и креститься.

* * *

Возня, маневры, переходы, ожидание – все это волнует каждого. Но ничто не волнует так, как близость врага и неминуемость сражения. Скоро, все случится скоро. Не сегодня, так завтра все построятся, встанут лицом к лицу и выяснят, кто крепче и упорнее.

И неизвестно, кто перед сражением волнуется больше: те, кто уже бывал в таких делах, или те, кто по незнанию еще не представляет, что будет.

А вот Волков не волновался. К тому времени не без большого труда сотня людей уже затащила полукартауну на холм, окопала ее, чтобы не откатилась во время отдачи. Приготовили порох, ядра, картечь, натаскали в две бочки воды и разбавили ее уксусом. Все было готово.

Волков не поленился, сам заехал на холм, посмотрел вниз, на юг, на противолежащий холм, на низину, на те кусты, откуда должен был появиться противник.

Место у Пруффа было отличным. Все как на ладони.

– Приказа не ждите, как появится хорошая цель – бейте, – велел Волков перед тем, как уехать. – Они и так знают, что у нас тут есть пушки, и без того попытаются найти другой ход, чтобы обойти эту ложбину под холмами. Не думайте ни о чем, напугайте их. Убивайте врагов при первой возможности.

– Не сомневайтесь, кавалер, – ответил капитан Пруфф опять таким тоном, словно спорил с ним.

Волков и не сомневался. Он поехал к кухням посмотреть на настроение солдат.

– Господин! – кричали ему они. – Говорят, враг рядом!

– Ешьте спокойно, он рядом. Вот только есть ему нечего, мы же забрали у него всю провизию, так что он вам завидует! – кричал Волков.

– Господин! – кричали другие солдаты. – А они сегодня начнут?

– Будь у меня еда, я бы ждал утра, – отвечал Волков. – Но кто этих горных псов знает, тем более когда они голодные. Не сомневайтесь, в любой момент они придут, чтобы заглянуть к вам в тарелки. Будьте начеку!

Люди смеялись. Они волновались, но им льстило, что командир готов отвечать на их вопросы и шутить. А он ехал дальше, чтобы словами и шутками перекинуться с другими солдатами. Ему было важно, очень важно, чтобы все до последнего кашевара в лагере видели, что их предводитель спокоен и полон сил.

Когда он приостановился у котла, за которым сидели люди фон Финка и тот что-то говорил им, прямо над головой, на холме, оглушительно звонко хлопнула полукартауна.

Ядро с шипением пролетело над ними и унеслось к южному холму, в кусты. Увалень вжал голову в плечи, Максимилиан чуть не выронил штандарт, оттого что конь испугался и затанцевал, а солдаты перестали есть, привставали и смотрели на юг. Потом с изумлением поглядели на кавалера, а один из них спросил:

– Господин, так что, началось?

Волков неодобрительно взглянул на Увальня, на Максимилиана. Его-то конь не затанцевал, и от выстрела он не вздрогнул. Конь знал, что его ездок такого не любит. Потом посмотрел на солдат и ответил:

– Доедайте и идите строиться. Кажется, начинается.

И поехал к Рене и Рохе.

– Кавалер, так что, они начали? – не терпелось узнать Максимилиану.

И он, и Увалень заметно волновались.

– Вряд ли, – отвечал он с холодной вальяжностью. – До заката три часа, а горцы только пришли и совсем не знают места. Они, конечно, голодны, ни ужинать, ни завтракать им нечем, но вряд ли начнут сразу. Нам сильно повезет, если они отважатся на атаку прямо сейчас.

Конечно, не дураки они, чтобы сломя голову кинуться с марша в атаку. Нет, они оглядятся, все рассмотрят и все обдумают.

И все почти так и случилось.

* * *

Первыми пришли к оврагу арбалетчики врага. Подошли так близко, что начали кидать в людей фон Финка, что сидели у подножия холма, болты. Те бросили еду, отошли, позвали ламбрийцев. Стрелки, как положено, пожаловали с большими щитами, основательно разместились, принесли пучки болтов и, пользуясь тем, что находятся выше, стали кидать болты в кусты, туда, где прятались арбалетчики горцев.

В довершение Пруфф, прикинув, где больше всего горцев, бахнул по тем кустам крупной картечью. Судя по крикам и возне, что там началась, даже задел кого-то.

Вот так просто и началось сражение, которое брат Семион впишет в приходскую книгу Эшбахта под названием «Славное сражение у Большого оврага».

Волков в начале дела не вмешивался. Он хотел поглядеть, как без его указаний дело пойдет, и оно пошло как надо. Все и без его указаний делали все правильно. Народ у него оказался не так уж и плох. Солдаты не трусливы, офицеры опытны.

После того как отогнали арбалетчиков, у подножия южного холма появились всадники. На сей раз всадников насчитывалось девять. Кавалер опять увидел их командира. Они осматривали его позиции.

Волков невольно улыбнулся, представляя их лица. Он был уверен, что увиденное им не понравилось. Да, это не их место, тут негде построить хорошую баталию в двадцать шеренг. Место узкое. Только колонна шириной в пятнадцать человек сможет развернуться. Так что поначалу из всех их семи сотен прекрасных пехотинцев драться получится только у первых четырех рядов, только шестьдесят человек примут непосредственное участие в сражении. А остальные просто будут стоять в колонне под огнем пушек, аркебуз, арбалетов и мушкетов. Стоять и ждать. Да и атаковать им придется в гору.

Волков хорошо видел противников, и у него не было сомнений, что и они видят его. Позади него стоял Максимилиан, держа знамя, сам кавалер был в своем прекрасном бело-голубом вафенроке, тут и слепой его увидал бы.

Снова на холме звонко бахнула полукартауна. Волков мог поклясться, что видел, как ядро величиной с самый большой апельсин полетело в сторону всадников. Но он знал, что оно ни в кого не попадет. Уж слишком это оказалось бы хорошо. Волков не увидел, куда

упало ядро, и всадники не обратили на выстрел внимания. Они продолжали рассматривать местность и переговариваться. Сейчас командиры горцев, кажется, начали понимать, что угодили в ловушку.

Кавалер не знал, что они предпримут, что им вообще делать в такой ситуации. Но он понимал, что нужно делать ему. Вернее, он понимал, что нужно ему не делать. Ему нужно не суетиться. И ждать.

Любое решение противника ухудшало его положение. Атака позиций Волкова – неминуемая неудача с потерями. Возможно, что с потерями немаленькими. Попытка обойти его, попытка двигаться вдоль оврага по кустам и бездорожью что на запад, что на восток – потеря времени и остатков провианта – голод. А их солдаты и так не жируют. Через пару дней они будут с трудом волочить ноги. Попытка вернуться к реке? Тогда Волков насядет на их арьергард. А стрелков у него в три раза больше, чем у них. Ближе к берегу кустов меньше, там и кавалерии есть где развернуться. Роха и Джентиле просто порвут арьергард противника, наседая и наседая на уходящих горцев сзади и отходя сразу, если те попробуют остановиться и дать бой.

На месте горцев кавалер прямо сейчас развернулся бы, бросил обоз и самым скорым шагом пошел к провизии, к своей земле поближе, на юг, к рыбацкой деревне. Но горцы спесивы. Они всегда мнили себя непобедимыми, они не побегут. А что они предпримут? Эх, знать бы!

Снова на холме бахнула пушка. Каждое ядро двадцать три крейцера. Пороха еще крейцеров на тридцать. И главное – с такой дистанции вероятность попасть весьма невелика. Жалко денег. Пруфф уже расстрелял талер. Кавалер вздохнул. Он знал, что артиллеристам нужно стрелять. И лучше пристреливать местность сейчас, а не тогда, когда начнется дело.

Время тянулось, а офицеры врага все не уезжали. Судя по всему, им совсем не нравилось то, что они увидали.

– Кавалер, так уже скоро темнеть начнет, они сегодня точно драку не затеют? – все еще сомневался Увалень.

Он редко задавал вопросы, кажется, волнение у молодых людей еще не утихло.

– Сейчас ляжем отдыхать. Нужно поесть и отдохнуть.

– Значит, начнут они с утра?

– Нет, они начнут ночью. Попробуют перелезть через овраг.

– А где? – удивился Максимилиан. – В каком месте?

Волков поглядел на молодого человека с укором и ответил:

– Иногда, Брюнхвальд, вы мне кажетесь умным.

– Извините, кавалер, – потупился Максимилиан.

Волков помолчал и сказал:

– Я бы заплатил пять золотых, если бы кто-нибудь мог мне об этом сказать. Пойдемте, господа, нужно дать распоряжение фон Финку и Рохе, чтобы на ночь распределили вдоль оврага секреты.

Откуда он это знал? Откуда он знал, что ночью враг попробует перебраться через овраг? Кавалер не понимал этого, просто врагу ничего другого не оставалось.

Он моментально заснул. Еще не стемнело, как Волков, поев немного, прямо в доспехе лег в телегу и заснул. Даже зелья у монаха не просил. Тот только пришел и накрыл господина одеялами от холодного ветра.

Еще до полуночи время не дошло, как его разбудили. Из секрета с запада прибежал солдат и доложил, что на той стороне оврага шум. Кони были под седлами, только подпругу подтянуть нужно.

И через три минуты он уже ехал в полной темноте на запад. Коня под уздцы вел солдат из людей Рохи. Роха был тут же, с ним еще пятьдесят стрелков. Рядом держался и Брюнхвальд со всеми своими людьми. Ехали не очень быстро: темень, хоть глаз выколи. А огонь зажигать боялись. Еще не добрались до места, как услыхали выстрелы. Били аркебузы. Одна… Другая… Чуть позже третья. А потом россыпь из десятка выстрелов. Крики, команды. Пока добрались, прогремели еще несколько выстрелов.

Но ничего страшного не произошло. Просто солдаты из секрета услышали шорохи за оврагом. Поняли, что это враг и он приближается. Подождали немного, пока шорохи усилятся. И, когда, как солдатам казалось, горцы подошли к оврагу совсем близко, начали стрелять. Стреляли не прицельно, на шум в темноту. Обратно прилетела пара арбалетных болтов, вот и все. Никого не задело. Противник отошел. Снова стало тихо, даже ветер угомонился.

Волков подождал немного, подождал, а потом из тех людей, что пришли с ним, отправил еще дальше на запад, вдоль оврага, вдруг враги двинулись туда. И стал возвращаться в лагерь.

Он только вылез из седла, как опять прибежал солдат, на сей раз с востока. И то же самое говорил – за оврагом, напротив них, кажись, шевелятся, сволочи.

Снова в седло. Это было как раз то место, которое Волкову не нравилось. Тут овраг изгибался немного, вода размыла стены. Склоны стали пологими, да еще и были совсем невысоки, по пояс мужчине.

Удобное место для атаки. Именно тут он приказал фон Финку срыть северный склон и набить вокруг него рогаток в землю.

Именно там и началась заваруха. Когда Волков подошел с помощью, выстрелы уже не смолкали. Еще на подходе к месту кавалер увидел бивуак, тут располагался секрет. За кустами горела лампа, рядом лежал человек, над ним склонился другой.

– Он ранен? – прямо через кусты спросил кавалер.

– Нет, господин, – отвечал ему солдат, вставая, – насмерть хлопнули, болт прямо в лоб, под шлем прилетел.

Вот и первый убитый.

– Максимилиан, шлем! – приказал Волков. Дело, кажется, начиналось.

Пока кавалер разговаривал и надевал шлем, люди Рохи и Брюнхвальда, звеня оружием и доспехами, обогнали его, прошли дальше.

А над оврагом летали арбалетные болты и пули. Когда кавалер подъехал к месту, к нему подошел спешившийся Брюнхвальд и сказал:

– Судя по всему, за оврагом народа немало. Они к чему-то готовятся.

– Вы видели? – спросил Волков.

– Слышал. Команды слышал.

Тут же с давно знакомым им обоим звуком и быстрым шелестом прилетел арбалетный болт, звонко щелкнул Волкова под шлем, в горжет.

Конечно, броню он пробить не смог.

– Дьявол! – выругался Брюнхвальд. – Вам лучше отъехать за кусты, кавалер, будет обидно, если ранят коня.

Это было разумное предложение. Конь кавалера стоил шесть десятков талеров.

Волков встал за кустами невдалеке, так, чтобы находиться рядом, а Брюнхвальд ушел к оврагу.

И тут кавалер услыхал команду. Голос знакомый, зычный, властный, с характерным «р», таким голосом отдавал команду Роха:

– Ребята, они целятся по фитилям, фитили прятать! И товсь! Аркебузы к плечу!

Ох, не орал бы он так, дьявол одноногий. Волков и сам был не дурак, чтобы пустить болт на звук. При осадах это являлось обычным делом. Бывало, что под стенами поутру находили вот такого вот крикуна, который думал, что темнота укроет его от смерти. А она не укрывала. И утром лежал такой с двумя болтами в животе и еще одним в ноге.

Но Роха продолжал орать:

– Аркебузы к плечу! Ребята, бери чуть ниже. Нечего нам свои пули плющить об их кирасы! Цельсь! Первый ряд, пали!

Залп аркебуз прокатился над темнотой ярким всполохом. И Волков сам, своими глазами все увидел. Всего в тридцати шагах от себя он заметил тусклый блеск железа. Ряды доспехов, ряды кирас и шлемов среди колючих ветвей кустарников.

Брюнхвальд был прав. Противник что-то тут задумывал.

– Второй ряд, видали их? – продолжал орать Роха. – А ну-ка, дайте им, псам! Цельсь, ребята, лучше! Цельсь по памяти! Пали!

Гадать, ждать и размышлять, что задумал враг, Волков не собирался. Поди угадай! Пока угадаешь, он уже перелезет через овраг. Нет, так не пойдет.

– Максимилиан! – Волков обернулся к оруженосцу. – Капитана фон Финка со всеми его людьми сюда. И пусть не медлит!

Стрельба продолжалась до самого прихода фон Финка. И как только капитан подошел, болты с той стороны оврага прилетать перестали. Все стихло. Итог всей этой суеты – один из людей кавалера убит и шесть человек ранены.

Волков оставил фон Финка на этом месте на всякий случай, а сам с Рохой и Брюнхвальдом отправился в лагерь, под холм. И только когда приехал туда, узнал, что противник совершил вылазку на позиции Рене, прямо через овраг.

– Их было человек сто, не больше, – рассказывал Бертье, у которого рука оказалась замотана окровавленной тряпкой. – Подошли очень тихо. Наши, конечно, их прозевали, но успели поднять тревогу.

Я подошел, за мной пришли арбалетчики, в общем, отбили их. Они ушли.

– Сколько убитых? – сразу спросил кавалер.

– Двое, еще шесть ранено, – сообщил Рене.

– Проведите перекличку, – сухо велел кавалер.

Как он и думал, двух солдат не хватало. Теперь горцы узнают все, что им нужно.

Что ж, враг был опытен и умел. А разве можно предполагать что-то иное?

Глава 55

Кавалер давненько не просыпался от этого звука. Бог знает, когда такое было. Звук доносится издалека. Кажется, он сливается с гомоном и шумом лагеря, становится почти неуловим, но нет, этот звук Волков ни с чем не перепутает. Даже на смертном одре его узнает.

Бум. Бум. Бум-бум-бум…

У него затекло все тело, оттого что спал в доспехе, еще чесалась спина. Он откинул одеяла, привстал на локте. Зараза, кажется, сразу закружилась голова. Уже светает. Рядом с телегой на корточках сидел брат Ипполит и опять что-то мешал в чашке.

– Почему меня не разбудили? – сразу спросил Волков, пытаясь хоть чуть-чуть размять члены. Он повертел головой, ощущая в шее застарелую боль, рана над ухом опять саднила.

– Я не дозволял вас будить. Ни к чему было. Горцы всю ночь и утро тихо сидели, только что зашевелились, – отвечал монах. – Вот. – Он встал и поднес кавалеру чашу с мутным питьем.

Волков уже знал, что это, молча взял чашку и выпил. Затем, вытерев рот, вылез из телеги, бросил коротко:

– Умыться.

У него чесались спина и бок. Но, чтобы почесать их, требовалось снять ваффенрок, кирасу, горжет, кольчугу, стеганку. Придется терпеть. Как в молодости.

Пока умывался, пришли Брюнхвальд и Гренер.

– Что, пора? – спросил Волков, беря у монаха зачерствевший кусок хлеба и стакан выдохшегося пива.

– Пора, кавалер, – ответил Карл Брюнхвальд.

Да Волков и сам знал, что пора. Там, за оврагом, барабан стал бить построение: бум-бум-бум-бум-бум, бум-бум-бум.

– Играют «в колонну стройся», – заметил Брюнхвальд.

– Я слышу, Карл, слышу. А где мои оруженосцы, где мой конь?

Они были недалеко. Уже через пару минут кавалер оказался в седле и под своим штандартом. Он ехал через лагерь, в котором царила суматоха, грыз черствый хлеб и отвечал на приветствия солдат. За ним следовали Брюнхвальд и Гренер.

Волков был спокоен, он сделал все, чтобы это сражение состоялось именно тут и на его условиях. Дело оставалось за малым – выдержать страшный удар непобедимых горских пехотинцев и разбить их.

Единственное, что волновало кавалера, так это то, что у него кружилась голова.

– Рене начал строиться, – сказал Брюнхвальд и указал рукой на склон холма. – И фон Финк уже становится в колонну.

Мимо пробежали стрелки Рохи с Вилли во главе, они тоже спешили к холму. Ламбрийцы тащили туда же свои огромные щиты и пучки болтов.

Там, на юге, барабаны все били и били «в колонну стройся».

– Гренер! – окликнул старого кавалериста Волков.

– Да, сосед.

– Я прошу вас, друг мой, я вас умоляю… – начал кавалер.

– Говорите же, сосед.

– Не дайте фон Деницу совершать сумасбродства.

– Это нелегкая задача, – не сразу ответил Иоахим Гренер.

Поэтому Волков и просил. От барона можно было ждать всего.

– Пусть дожидается моей команды и ничего без меня не делает. – Волков даже положил руку на поручень кавалериста. – Слышите, Иоахим, удержите его от сумасбродства.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Не дайте ему угробить моих людей.

– Я сделаю все, что в моих силах, сосед, – повторил Гренер и уехал.

– Карл, вы будьте при мне.

– Да, кавалер. Конечно.

Бахнула полукартауна. Началось. Большая проблема была в том, что вокруг южного холма растительности оказалось намного больше, чем на их северной стороне. Арбалетчики горцев уже пришли к оврагу, и с той стороны в левое плечо баталии Рене полетели болты.

Конечно, тут же в ответ принялись стрелять и арбалетчики Стефано Джентиле, они находились выше противника и, прячась за щитами, кидали в заросли болт за болтом, но непросто, непросто попадать в тех, кто укрыт кустами. И болты, пролетая через жесткие ветки, теряли свою грозную силу. Тем не менее после появления на склоне ламбрийцев арбалетчики врага стали вести себя заметно скромнее.

Снова бахнула полукартауна. И тут же за ней следом такие же звонкие хлопки, только более высокие. Кулеврины.

Значит, противник уже рядом. Так и есть, слева от южного холма появились люди, замелькали среди почти голых веток. А над кустами четыре штандарта кантона Брегген.

А барабаны все бьют и бьют это бесконечное «в колонны стройся».

Казалось, они так и будут тянуть, тянуть и тянуть.

Быстрее бы уже. Люди Волкова все давно построились, ждали. Это начинало раздражать кавалера. И тут, отделившись от своих людей, ротмистр Бертье развернул коня и поехал к нему.

Подъезжает и, улыбаясь, здоровается. Они не виделись с утра.

– Рад вас видеть, Гаэтан, – сухо приветствовал его Волков.

– Кавалер, – тут же по-деловому сообщил Бертье, – там флаги кантона.

– Я вижу их, ротмистр, – отвечал Волков и вдруг начал понимать.

Да, Бертье-то прав, флаги кантона тут. А где же флаги райслауферов? Лицо кавалера изменилось. Он повернулся к фон Финку:

– Капитан, вы помните то место, где я вчера велел вам срыть склон оврага и набить там поверху рогаток?

– Конечно, кавалер, ночью там была перестрелка.

– Именно. Так вот, идите туда со всеми своими людьми самым скорым шагом.

– Мне сняться с позиции? – переспросил фон Финк.

– Бегом бегите! – заорал Волков. – Роха!

– Тут я! – отозвался командир стрелков.

– Дайте капитану пятьдесят стрелков с аркебузами и хорошим сержантом.

– Выполню немедля.

А Волков стал думать, не опоздал ли он, не поздно ли послал людей к тому месту. Там, конечно, был десяток человек, но что такое десяток, когда триста опытных горцев-наемников полезут на них из оврага?

Люди фон Финка и сержант Вилли с пятью десятками стрелков быстро уходили на запад вдоль оврага.

«Быстрее, быстрее, вы, ленивые черти», – думал про себя кавалер, стараясь держать лицо спокойным. Никто не должен был видеть его волнение.

Снова ударила полукартауна, и сразу после этого противник стал выходить на склон холма. Барабан бил уже другую команду: бара-бам, бара-бам, бара-бам-пам-пам…

Ну вот, кажется, дело и начинается. Брюнхвальд вздохнул. Он тоже волновался и, как и кавалер, старался не показывать вида, но сразу заерзал в седле, когда услышал новый бой.

И Волков, и Брюнхвальд, и Бертье, и Рене, даже все солдаты знали, что значит эта команда. И она значила: «Стройся в линии». Следующая команда уже будет «Шагом вперед!». Эта команда и будет командой атаки.

Враги вышли на склон и быстро построились, хоть и неровное место было, но очень быстро. Отличные солдаты, отличные сержанты.

Пики вверх. Как много у них пик, не меньше полутора сотен. Флаги на ветру, офицеры под флагами.

Вот только, кажется… Нет ему не казалось, так и было. Они немного неправильно построились. Слишком много людей в первых линиях.

Часть из них на флангах драться не сможет, они просто окажутся в овраге, они не влезут в проход на склонах оврага.

Это и хорошо.

Снова выстрелила пушка. По лицу кавалера пробежала гримаса недовольства. Теперь он прекрасно видел, куда падает ядро. Оно недолетало. Плюхнулось перед строем врага, в десяти шагах от него, раскидав фонтаном жидкую глину.

Теперь-то что мешало попасть? Враг на виду, как на ладони. Стоит, собравшись в колонну. Чего мазать? Чего деньги зря переводить?

И тут же два хлопка, один за другим. Кулеврины.

Вот и первая кровь этого сражения.

Одно из ядер угодило в колонну. Двум солдатам, что стояли с левого фланга в первом и втором ряду, оторвало по ноге.

Минус два из восьми сотен. И это еще неизвестно, сколько врагов погибло в ночных стычках.

Раненых тут же унесли обозные, а колонна построилась. Барабанная дробь. Приготовиться. Их сержанты закричали так, что даже тут было слышно. И все… Они пошли.

Наконец-то. Начали.

– Шлем! – распорядился Волков.

Увалень тут же протянул господину шлем, помог застегнуть.

И уже через открытое забрало кавалер видел, как единым движением, словно огромное животное, колыхнулась вся эта масса из четырех сотен горских воинов. Колыхнулись пики. И – бум! – ударил барабан.

Они все сделали шаг. Словно один человек шагнул. Бум – шаг. Бум – шаг.

Взгляд отвести нельзя. Ровные линии железа. Даже пики и те торчат вверх, словно их специально рукой выравнивали. Этими людьми можно любоваться, даже понимая, что это враг.

Волков перевел взгляд на людей Рене, что стояли на склоне, и вдруг со всей остротой ощутил страх, словно он стоял среди солдат ротмистра Рене и их глазами видел надвигающуюся на них железную зверюгу, ощетинившуюся пиками, копьями и алебардами.

И эта самая железная зверюга настолько совершенна и хороша, что в ее страшном теле невозможно найти изъяна.

Бум – шаг. Бум – шаг.

Волков на своей шкуре почувствовал, как ужасающа эта приближающаяся колонна горцев.

Бум – шаг. Бум – шаг.

Она колышется после каждого шага и приближается.

Дьявол, что же молчит Пруфф? Какого черта столько дней таскали по глине и кустам пушки, если теперь в самый нужный момент они не

стреляют.

Бум – шаг. Бум – шаг.

С каждым ударом барабана враги все ближе.

Нет, не устоят люди Рене, они боятся горцев. Даже храбрец Бертье не сможет поднять их дух.

– Максимилиан, – не поворачивая головы от приближающегося врага, начал кавалер, – скачите к фон Деницу, пусть немедля, слышите, немедля переходит овраг и строится вон у тех кустов на западе. Пусть станет на левом фланге, у колонны врага, прямо на виду у них. Пусть они его заметят, но он пусть ждет, не атакует, просто встанет и ждет. Вы поняли?

Волков был уверен, что почти четыре десятка кавалеров во фланге одним своим присутствием испортят настроение кому угодно. Даже пехоте горцев. Видом они не испугают, но стоять к кавалерам боком или даже спиной никому не захочется.

– Да, кавалер, – ответил оруженосец.

– Скачите.

Мимо к телегам пронесли раненого арбалетчика, скорее всего, уже не жилец. Болт, вернее, оперение болта торчало у него из правой части живота. Даже если монах и вытащит наконечник, с дырявым животом очень легко отправиться на встречу с Богом.

У арбалетчиков было жарко, у них бой уже шел вовсю, все остальные все еще любовались отличной выучкой горцев. Ждали.

Снова на холме бахнула пушка. Ядро летит с шипением, а вот крупная картечь пролетает с ревом, переходящим в отдаляющийся вой. Страшный звук.

Именно для этого эти тяжеленные штуки и нужны. Для этого их и таскают с собой, надрывая коней и прислугу. Теперь все чаще и чаще пушки становятся участниками полевых сражений, а не только осад.

Крупная картечь с воем накрыла правый фланг колонны горцев. Пруфф стрелял на максимальной для картечи дальности и попал исключительно удачно.

Человек восемь или даже десять, что шли с самого края колонны, повалились наземь. Все враз, дружно. А за ними и на них также стали падать, держась за голову, еще столько же людей из второго ряда от края. И дальше еще падали, кто-то исчез чуть ли не из середины

колонны. Один удачный выстрел – и сразу не менее двадцати врагов валяются на земле убитые или раненые.

Обычно баталия горцев продолжала идти молча, сколько бы людей ни упало. Ряды безмолвно или под крики сержантов смыкались, и неотвратимое движение продолжалось под монотонный бой барабана. Этим они и были страшны, чертовы горцы, ничто не могло их остановить.

Но на сей раз колонна еще немного прошла – и, из-за того что правое плечо двигалось свободно, а левое натыкалось на мертвых и раненых, колонну перекосило.

Барабаны забили команду «стоять на месте». Сержанты кинулись выправлять ряды, но тут прогремел еще один удачный выстрел. На сей раз отличилась прислуга одной из кулеврин. Ядро этой пушки чуть больше яблока. Но летело оно точно в колонну, чтобы убить или покалечить там еще кого-нибудь.

И на пути его попался один из сержантов горцев. Ядро ударило его в бок и разорвало надвое, кинув останки в общую кучу мертвых горцев.

Все это видели. Если после первого удачного попадания солдаты Волкова и молчали, наверное, от неожиданности, то тут, как убило этого сержанта, над рядами покатились радостные крики и возгласы.

– Ну, дураки горные, как вам каша наша? – орали остряки.

– Как его разворотило!

– Ага, и кишки из него вон!

А кто-то, по голосу, кажется, это был Гаэтан Бертье, закричал, перекрикивая всех:

– Эшбахт! Эшбахт!

– Эшбахт! – отзывались в рядах стрелков.

– Эшбахт! – орали с холма артиллеристы.

«Эшбахт, Эшбахт, Эшбахт!» – неслось отовсюду.

Максимилиан так разволновался, так расчувствовался, что и сам хотел крикнуть, но, взглянув в лицо кавалеру, сразу раздумал. У того на лице в открытом забрале была такая кислая мина, что кислее и не придумать.

Весь вид Волкова так и говорил: «Чего? Чего орут? Дело и не началось еще даже. Еще и пик не опустили. Горцы только злее стали. Чему все радуются? Двум удачным попаданиям?»

Тем временем обозные уволокли почти всех раненых солдат с поля. Сержанты выправили строй. И снова горцы стали напоминать опасного железного зверя, ощетинившегося колючками. Барабаны забили «шаг», и колонна двинулась вперед.

Глава 56

Горцы всегда идут молча: ни крика, ни песни, ни шутки, только барабан и команды сержантов – резкие, как удары хлыста. Железное животное все ближе к оврагу. Скоро оно, не останавливаясь ни на миг, спустится к размытому дождями дну и снизу, не замедляя шага, с хрустом и железным скрежетом врежется в первые ряды людей Рене. Только послушно выполнит приказ какого-нибудь старшего сержанта: «Пики вперед».

Враги уже близко. Дошло дело и до Рохи. Характерным шипением хлопнул мушкетный выстрел. Это пристрелочно.

Видимо, результат удовлетворил Роху, капитан тут же закричал:

– Мушкеты! Товсь! Пали по готовности!

Стрелки выходят, встают ближе к оврагу, перед солдатами Рене. Там им удобнее. Ставят упоры, раздувают фитили, прицеливаются.

Послышались хлопки, и темный дым поплыл над холодной землей. Один за другим стали стрелять мушкеты. Ряд сменяет ряд, снова хлопки и дым, но враг идет как ни в чем не бывало. Или далеко еще было, или броня крепка у первых рядов горцев, или стрелки никудышные – в общем, колонна шла и шла вперед.

– Прочь, прочь, кривые уродцы! – скомандовал Роха.

Он оглянулся и посмотрел на Волкова. И кавалер глядел своему капитану прямо в глаза. Взгляд Волкова был очень выразительным.

– Аркебузы! – уже со злостью заорал Роха. – Товсь! На линию, на линию, лентяи!

Правильно злится. Если будет такая возможность, если они переживут этот день, то кавалер непременно все выскажет и ему, и этим ослам, его сержантам.

Пока мушкетеры уходят заряжать оружие, их место занимают аркебузиры. Ну, на этих еще меньше надежды. Их больше, чем мушкетеров, почти в два раза, даже с учетом того, что треть отбыла с

фон Финком. Выстрелы аркебуз много тише, но дымом от них заволокло весь склон холма.

И как ни странно, один враг упал, а еще один, из левого флага, схватился за колено и вышел из строя. Сел на землю, стал рассматривать рану.

Ну хоть что-то. Впрочем, и это никак не изменило неумолимое приближение врага.

«Дьявол, ну почему так долго заряжаются пушки».

Волков захотел пить, так захотел, словно не пил целый день, наверное, это от напряжения.

И вдруг… Он сначала не поверил своим глазам… Колонна горцев встала.

Нет, да не может такого быть, они никогда не останавливались, а тут в одной атаке встали уже во второй раз. Или ему кажется? Да нет же, стоят. И барабаны бьют: «Стоять на месте».

– Кавалеры! – радостно сказал Максимилиан, почти крича.

Сказал с облегчением. С радостью. Жаль, что шлем мешает Волкову повернуться и глянуть на оруженосца с укоризной. Но юноша прав. Там, далеко, в трех сотнях шагов от холмов, из зарослей начали выезжать кавалеры. Красавцы, даже солнца не нужно, чтобы понять, как блестят их доспехи. Даже отсюда видны роскошь их ваффенроков и яркость их плюмажей.

Место для атаки рыцарей не самое удачное, придется атаковать, притом что правое крыло будет на склоне холма, а левое почти в овраге, но лучше в его земле не найти.

Ах, какие они все-таки красавцы. Лошади в ярких попонах, на копьях длинные ленты. Выезжают один за другим, становятся сапог к сапогу, совсем рядом. В первом ряду – самые лучшие! Заглядеться можно.

«Что, собаки горные, в спеси своей высокомерной ухмылялись, поход планируя, без кавалерии шли, сэкономить хотели, думали, и так справитесь, думали, что легкая прогулка вам предстоит? Ну? И что теперь скажете?»

Волков улыбался, да, у него появилась надежда. Нет, он прекрасно понимал, что четыреста горцев легко выстоят, отразят атаку кавалеров, если встанут к атаке фронтом. Но рыцари строились как раз на левом фланге колонны. И местность позволяла им заехать колонне в тыл.

Главное, главное, главное – чтобы фон Дениц не наделал сейчас глупостей.

«Господи, помоги Иоахиму Гренеру обуздать своенравного барона!»

Пусть так и стоит. И горцы пусть так же стоят.

Бахнула на холме пушка.

«Ну наконец-то».

Не так хорошо, как в первое попадание, но опять накрыла горцев картечью. Валятся, валятся псы наземь.

И кулеврины стреляют, обе попадают. А еще мушкетеры Рохи наконец улучшили прицел.

– Ну, господа, – шепчет Волков, – продолжите атаку или так и будете стоять?

Время идет, пушки заряжаются, и мушкеты бьют все злее. Вон, один из первого ряда так и рухнул на землю и больше не пошевелился. А в первом ряду стоят люди с лучшей броней. Значит, пробивают ее мушкеты. Пробивают.

– Ну, давайте, идите вперед, позвольте фон Деницу заехать вам в спину! – снова шептал рыцарь.

Волков прекрасно знал, что кавалерам нет большего счастья, чем на всем скаку с хрустом и скрежетом врезаться в мягкий тыл колонны или баталии.

После таких атак они хвастались на пирах, кто до какого ряда проехал и сколько при этом потоптал конем врагов. Ну и скольких нанизал на копье.

– Кавалер, – заговорил Увалень, голос его срывался, он волновался тоже, – что же они теперь будут делать?

Волков секунду подумал и ответил:

– Я бы послал арбалетчиков отгонять кавалеров и стал бы отступать.

– О-о, – с уважением протянул Увалень.

И снова ударила пушка. Какое счастье. Этот звук – звук труб архангелов.

Снова колонну накрыла картечь. Снова повалились на землю горцы. Стойте-стойте, скоро тут уже некому будет стоять.

Волков опять молил Бога, прося только об одном, только об одном. Он просил, чтобы фон Дениц так и стоял, нависая над левым

флангом колонны врага. Стоял и ничего больше не предпринимал.

Волков не заметил, как на взмыленной лошади скакал вдоль оврага к нему один из посыльных фон Финка. Подлетел, осадил коня, да так, что на кавалера полетели комья мокрой глины.

– Господин, дозвольте сказать.

– Ну?! – Через забрало приходилось кричать, посыльный остановился в десяти шагах. – Говори!

– Капитан фон Финк просит помощи. На нас вышло триста горцев, уже построились, лезут через овраг. Нам их не сдержать!

Как он мог забыть про этих! Радовался, как дурак, когда падали наземь горцы. А ничего еще не кончено. Ничего.

– Господин, господин… – забубнил посыльный, не дождавшись ответа. – Что передать капитану?

Волков промолчал, затем развернулся к Брюнхвальду:

– Карл, останетесь тут вместо меня. Увалень, скачите к Рохе, скажите, чтобы послал со мной всех мушкетеров с сержантом.

– Вы заберете мушкетеров? – спросил Брюнхвальд.

– Да, попробую остановить наемников у оврага. А вам хватит аркебузиров и арбалетчиков, скоро их арбалетчики уйдут, ламбрийцы освободятся.

– Но знамя, мне кажется, лучше оставить тут, – сказал ротмистр.

Волков подумал секунду. Да, Брюнхвальд был прав. Знамя должно быть тут. Любой солдат, повернув голову, должен видеть бело-голубое полотнище.

– Максимилиан, вы с отцом останетесь со знаменем. Увалень, вы едете со мной.

– Да, кавалер, – отвечал Максимилиан Брюнхвальд.

– Да, кавалер, – отвечал Александр Гроссшвулле и уже повернулся, чтобы выполнять приказ.

– Увалень, – окликнул его Волков, – просите господина ротмистра Бертье ехать со мной. Он может там пригодиться.

– Да, кавалер.

Еще не доехав, Волков увидал двух раненых, что шли ему навстречу. Они обнялись, чтобы поддерживать друг друга, и, обливаясь кровью, шагали к лагерю.

Кавалер остановился:

– Что там?

– Тяжко, господин, у них народа на сто человек больше нашего, пик больше. Наши зацепились на самом краю оврага, но многих уже побили, – говорил один из раненых, тот, который был пободрее. – Спешите, господин.

– Увалень, провожатого им до лагеря найдите, – распорядился Волков и поскакал дальше.

Пешком бежать за всадником совсем нелегко, когда ты в стеганке, в шлеме, да еще и в кирасе. Ко всему еще тяжеленный мушкет, упор, пороховницы на перевязи, пули в мешке на поясе. Нет, совсем нелегко. Но мушкетеры старались не отставать от господина, а тот не слишком гнал коня.

До места было уже недалеко, уже хорошо слышались выстрелы.

– Вон они! – крикнул Бертье, указывая рукой на восток.

И даже через забрало Волков увидал проклятый красный штандарт с черным медведем на задних лапах. Он вызывающе реял над зарослями.

– Ребята! – заорал Бертье. – Шире шаг! Мы близко! Пойдем в дело! В бою отдышитесь!

Некоторые солдаты смеялись, едва переводя дух, и из последних сил прибавляли шаг.

Может, поэтому успели. Успели в самый последний момент.

Чертовы горцы не побоялись спуститься в овраг под пули аркебуз и под пики солдат, а оттуда полезли на линии фон Финка. Мерзавцы настырные, ничего не боящиеся гады. Лезли и лезли, нанизывая снизу солдат фон Финка на свои многочисленные пики, они карабкались наверх.

Сам фон Финк дрался среди своих людей на правом фланге. А левый его фланг совсем размяк, слишком много тут было раненых и мало длинных пик. Люди пятились. И горцы вплотную подошли к северному склону оврага, уже руками пробовали глину, цеплялись за рогатки, собирались карабкаться вверх, выжидали удобный момент.

И тут к левому флангу прискакал Бертье:

– Это что такое?! – сразу заорал он. – Выровнялись! Что это за строй? Эй, вы, с алебардами, ближе к ним идите! Не бойтесь вы этих пик!

И чтобы доказать, что пики не так уж и страшны, спрыгнул с коня и, даже не привязав его, деловито пошел прямо к оврагу, помахивая

боевым одноручным топором.

За ним уверенным шагом, кажется, подражая Бертье и в походке, и в поведении, следовал сержант Вилли, держа на плече протазан. Он повернулся к своим стрелкам и кивнул:

– Давай, ребята, шевелись, без нас тут пропадают!

Он точно подражал Бертье даже в интонациях.

Все сразу переменилось, как только появились Волков, Бертье и мушкетеры. Солдаты приободрились. Бертье выровнял левый фланг, потом отобрал пику у одного из солдат, отдав ему свой топор, и встал в строй первым.

А мушкетеры начали просто сносить фланг противника. Они подходили к краю обрыва и без упора опускали мушкет, стреляли вниз с десяти-пятнадцати шагов. Убили и ранили за первый залп трех сержантов, не считая других солдат. Волков отметил, что каждый второй выстрел вычеркивает одного врага. Он сам стоял на самом краю обрыва, только шагов на пятьдесят на запад, и все видел, все считал. Нет, теперь кавалер был в этом уверен: эти псы не перелезут овраг в этом месте.

А еще на войне бывают удачи, Бог посылает так свою милость.

В общем, Волкову страшно повезло. К обрыву с той стороны, к самому краю, подъехали капитан наемников и его знаменосец. Подъехал капитан, чтобы понять, почему его люди еще не вылезли на тот край оврага, отчего дело застопорилось и нельзя ли его подправить.

И как раз в этот момент Вилли увидал врага, молодой сержант не упустил такой возможности и заорал так, что было слышно всем:

– Стрелки, у кого заряжено оружие, по знамени пали!

И уставшие аркебузиры, и только что пришедшие мушкетеры, что были готовы, стали стрелять в знаменосца. И одна из первых пуль попала в него. Убила или нет, Волков не видел, но шлем с головы пуля сорвала. Он подлетел вверх, а сам знаменосец повалился с коня на землю мешком. Прямо на свое знамя, которое так и не выпустил из рук. И это было еще не все: несколько пуль попали в коня капитана. Раненое перепуганное животное поднялось на дыбы, и капитан едва удержался в седле.

А глупый конь, пройдя на задних ногах несколько шагов, решил вернуться в нормальное состояние, но не вышло – он слишком близко

подошел к обрыву. Его передние копыта проскользнули по сырой глине, и конь с капитаном прямо вниз головой полетели в овраг, а в них стали стрелять стрелки.

Капитан, кажется, остался жив, коня тут же добили. Но за пару мгновений до этого животное придавило ногу капитана. Тот орал что-то, но больше от злобы, нежели от боли. Барахтался в грязи, пытаясь выбраться из-под коня.

Вот это подходящее время. Вот тут он должен был себя показать. Волков даже уже вытащил ногу из стремени, чтобы спешиться, но покачнулся в седле от слабости. Нет, он не полезет в бой. Куда ему с такой слабостью, его самого придется вытаскивать потом из этого оврага, может, даже мертвым. Очень жаль, очень, очень жаль. Как хорошо бы сейчас помахать секирой. Такое славное дело уж точно позволило бы снять напряжение.

Слава богу, при нем был Бертье. Он считался охотником и записным храбрецом у солдат и у молодых людей из выезда кавалера. Так Бертье и повел себя подобающе.

– А ну-ка, ребята! – заорал он, отбрасывая пику и снова забирая у солдата свой топор. – Зарежем эту горную свинью! За мной! Кавалер даст пять талеров тому, кто ее прикончит!

Конечно, даст. Волков дал бы и больше.

Даже не посмотрев, идет ли кто за ним, храбрец спрыгнул в переполненный врагами овраг.

– Добрый господин, не хотите ли помочь ротмистру? – спросил Волков, чуть развернувшись к Увальню.

– Кто, я? – удивился тот.

– Да нет же, – едко отвечал кавалер, – брат Ипполит ему поможет, не сбегаете ли за монахом?

Увалень уловил иронию, быстро слез с коня и, бухая сапожищами, побежал к оврагу.

Глава 57

И еще три храбреца из солдат фон Финка, один из которых был сержант, спрыгнули за Бертье в овраг, и там началось дело, в котором уже не строй и выучка приносят успех, а владение оружием, сила,

ловкость и качество доспеха. И тут уже с Бертье мало кто мог справиться.

К капитану на помощь бросились солдаты, что уже находились в овраге, кто-то из его близких людей тоже спрыгнул туда. Одни из них пытались приподнять мертвую лошадь, другие схватили капитана за плечи и руки и пытались его вытащить.

Одного из тех, кто поднимал лошадь, Бертье зарубил сразу, обрушив топор на шею, вторым ударом он ранил еще одного. Лишь после того, как он ударил третьего, сбив его с ног и, кажется, ранив, на него кинулись другие горцы. Завязалась настоящая рубка, на Бертье посыпались удар за ударом. Ему на помощь пришли сержант и два солдата из людей фон Финка, но пробиться к капитану они не могли. Капитана снова начали вытаскивать из-под коня, на помощь бросились горцы, которые вышли из строя. А тут и Увалень подоспел.

Ах, этот Александр Гроссшвулле. Волков морщился, глядя на него. Он был выше Бертье на голову. Он был, кажется, выше всех, кто дрался сейчас в овраге, но вот только драться совсем не умел.

Полез туда с тесаком, еще бы с ножом сунулся. Мог бы взять у кавалера хоть его секиру, что приторочена к седлу. Впрочем, это его, Волкова, вина: следовало самому предложить дурню топор, а не отправлять его туда почти безоружным. Но Увалень оказался совсем не бесполезен в деле. Здоровенный боец в отличном доспехе даже и без особого опыта опасен. Он пропускал удары, но просто не замечал их и сам махал своим тесаком с завидной силой. Бертье стало намного легче, когда половина всех ударов горцев адресовалась теперь этому здоровяку. Тут Бертье изловчился и тяжко ранил еще одного солдата горцев, глубоко разрубив ему не защищенную броней ногу. Мастер, что тут говорить, не чета здоровенному дурню. А тому все доставалось.

Один из горцев со всего размаха, старым солдатским приемом, когда бьют из-за плеча впереди стоящего товарища, со всей силы ударил Увальня алебардой. Попал бы в голову, так, может, и убил бы, но лезвие врезалось в плечо кирасы. Увалень даже не покачнулся. Со всей силы ударил солдата, стоявшего перед ним, тесаком по шлему. Сбил шлем с головы.

Но ни Бертье, ни Увалень не могли продавить ту массу солдат, что была между ними и убитым конем, из-под которого горцы уже

вытаскивали своего капитана. Мерзавцы приподняли тушу и стали тянуть своего командира, но, видно, нога застряла в стремени, и дело не шло.

А на самом краю оврага, в десяти шагах от сечи, широко расставив ноги, стоял сержант Вилли с протазаном на плече. И пританцовывал от нетерпения, что ли. Кажется, он собирался спрыгнуть в овраг, но перед этим опасливо обернулся на Волкова. И тот, поймав его взгляд, крикнул что было силы:

– Занимайся своим делом, сержант!

Вилли кивнул. Волков продолжал смотреть на него. Да-да, молодой человек, у каждого в бою есть свое дело. Именно свое! Знаменосец держит и охраняет знамя. Командир руководит, а сержант стрелков командует своими подчиненными. И они, стрелки, что находились сейчас там, наверху, были намного важнее для Бертье, чем сержант с протазаном в овраге.

– Цельтесь лучше, ребята, не заденьте своих! – закричал Вилли, поняв взгляд и тон командира.

Жалкую горстку людей Бертье горцы давно бы смяли, если бы не стрелки, что стояли над оврагом. Они спешно перезаряжали оружие и стреляли, и стреляли, и стреляли в овраг.

Одному из храбрых ловкачей, который все наседал на смелого сержанта фон Финка, стрелок из аркебузы влепил пулю в ляжку. Горец оскалился от боли, крутанулся на месте, выронил свой тяжелый молот и стал прыгать на одной ноге, поджав раненую, а потом и вовсе встал на четвереньки и пополз, оставляя на глине кровавый след.

Еще один боец врага получил пулю из мушкета в бок. Он охнул и на мгновение опустил алебарду, схлопотав второй удар от солдата фон Финка, что бился с ним. Свалился наземь и пропустил еще один удар. Колющий удар алебарды оказался столь страшен, что пробил железо и убил горца.

Пули из мушкетов и аркебуз сыпались на горцев дождем. Но эти мерзавцы все равно не хотели отдавать своего капитана. Падали под пулями и железом, но на место павших из строя выходили новые, чтобы драться с Бертье и Увальнем и тоже пасть в овраге.

А тем временем капитану высвободили ногу из стремени, но нога оказалась сломана, сам он, видно, идти не мог. Его стали тащить к краю оврага. И этого Бертье вынести не мог, неужели он дрался зря?

Этот залитый кровью храбрец просто кинулся в кучу врагов, рубя направо и налево, чтобы добраться до уплывающего приза. Пять шагов, даже меньше, было до раненого командира горцев, еще чуть-чуть. Еще самую малость, и он врежет ему топором напоследок. Хоть один раз, но дотянется…

Но его остановили. Храбрец получил тяжкий удар алебарды по рукам, от которого ротмистр выронил топор, еще один колющий удар годендагом пробил ему кирасу у плеча. Его ударили в лицо кулаком в кольчужной перчатке, притом так сильно, что Бертье не устоял и встал на одно колено.

И со всех сторон на его голову и плечи посыпались удары. Он только и мог, что закрываться рукой и пытаться подняться. Слава богу, как это часто бывает, враги больше мешали друг другу. Был бы он один, так, наверное, не вышел бы Бертье из оврага живым, а тут к нему на помощь пришел Увалень. Он просто распихал всех врагов, что были вокруг ротмистра. Он сбивал их с ног, а уже на земле их лупили солдаты и сержант фон Финка.

Но Бертье… Кажется, он оказался упрямее самого Волкова. Внизу, стоя на колене, в грязи и среди павших бойцов, отыскал, скорее нащупал, древко пики и схватился за него.

Капитана тем временем уже подтащили к краю оврага, сверху его уже схватили за руки два солдата, тянули к себе. Тут Бертье вдруг понял, что возле него нет врагов, вскочил и, сделав всего два шага… дотянулся-таки до заветной цели. Этой длинной палкой в три человеческих роста с маленьким наконечником на конце. Дотянулся в последний момент.

Капитана тянули наверх, подсаживали снизу и тянули так, что лицо его было обращено к оврагу, к Бертье. У Бертье была всего одна возможность и всего одно место, куда он мог нанести удар. Ротмистр туда и попал. Маленькое острие пики, похожее на жало, угодило чуть выше паха и чуть ниже края дорогой кирасы. Оно легко прошло через кольчугу, через стеганку и вошло в живот капитана полностью. На ладонь.

Большего Бертье сделать не дали, его снова принялись колотить со всех сторон, снова Увальню пришлось его отбивать. Но Бертье орал при этом:

– Я достал его! Я достал его!

Он кричал это немножко смешно, со свойственным ему акцентом. Но никто сейчас не подумал бы смеяться.

– Я достал его, кавалер!

Орал он так, что перекрывал, кажется, шум боя и даже непрекращающиеся выстрелы. Все, кто был рядом, слышали его крик: и люди фон Финка, и стрелки, и Волков, и враги. Горцы озверели, они кучами покидали строй, и все, кто был рядом, кинулись на Бертье, Увальня и тех храбрецов, что находились в овраге. Но те стали отступать, отбиваясь от наседавших врагов и продвигаясь к своему склону. К своим, под свои мушкеты и аркебузы. Именно мушкеты и аркебузы их и спасли. Пули просто выкашивали горцев. Даже аркебузная маленькая пуля с десяти шагов иной раз пробивала броню, а уж кольчугу или стеганку так и запросто.

Враг отступил, храбрецам помогли выбраться из оврага. Бертье улыбался, он был страшен. Шлем измят, кираса пробита в двух местах, наручи искорежены. Рука… Левая кисть вся синяя. Из-под шлема на переносицу вытекала кровь. На щеке багровыми точками отпечаталась кольчужная перчатка врага. А он улыбался:

– С вас пять талеров, кавалер!

– Пятьдесят! – ответил Волков. – И поделите с теми, кто был в овраге.

– Конечно, конечно, – пообещал ротмистр.

Он улыбался.

Волков смотрел на него и восхищался:

– Как вы, друг мой?

– Нормально, все нормально, кавалер.

– А рука?

– Рука… – Гаэтан взглянул на свою левую руку. – Рука, кажется… Да. Кажется, кости немного поломаны. Когда пику выбивали, так попали по руке. Думаю, ваш монах исправит.

– Исправит, не волнуйтесь, он хороший лекарь, а если нет, поедете в Ланн, там живет знаменитый костоправ, не помню, как его зовут. Уж он точно все выправит. Вы сможете сидеть в седле?

– Вы шутите, кавалер? – Гаэтан Бертье засмеялся.

Этот смех был немного наигранным. Волков это прекрасно чувствовал. Бертье досталось, досталось немало, просто он никогда не покажет, что ему плохо. Волков кивнул и повернулся к Увальню.

– Александр, к вашей силе еще бы хоть чуточку умения…

– Я был плох? – спросил Увалень очень взволнованно. Видно, что мнение кавалера являлось для него важным.

– Нет, конечно, вы не были плохи, вы спасли ротмистра, без вас он бы не дошел до врага. Вы были великолепны, Александр, но с оружием вам необходимо еще позаниматься. Умей вы драться, вы бы были просто ужасающи.

Волков так спокойно разговаривал со своими людьми, потому что дело, если честно, уже было кончено. Аркебузы и особенно мушкеты выкашивали горцев. От левого их фланга, того, где как раз и находились стрелки, почти ничего не осталось. Здесь, у этой стороны оврага, у врага не осталось ни одного сержанта, офицеров тут тоже не было. Первый раз за всю свою жизнь кавалер наблюдал такую картину – когда непобедимые горцы без приказа, без строя, без знамен и барабанного боя начинали выходить из сражения. Просто поворачиваться и уходить. А некоторые при этом бросали пики. Он не мог поверить своим глазам, но это было правдой.

Вскоре позорное отступление приобрело лавинообразный характер. Теперь даже сержанты не останавливали солдат.

К Волкову подъехал фон Финк. По нему было видно, что старик и сам немного поучаствовал в деле.

– Поздравляю вас, капитан, – сказал ему кавалер, – не каждый может похвастать, что разбил горцев так, что они разбегались.

Капитан принял поздравление как должное, но ничего не сказал Волкову о том, что, не подоспей тот со стрелками и не рань их капитана, дело закончилось бы совсем не так. Напротив, фон Финк подбоченился и со всей важностью, на какую был способен, ответил:

– Прикажете догонять их, кавалер?

– Нет, никуда они без лодок не денутся, сейчас нам лучше поспешить к Рене и Брюнхвальду.

Пока они разговаривали, солдаты фон Финка и стрелки спрыгивали в овраг, добивали раненых. Никаких пленных. Пусть горцы знают, что и с ними никто церемониться не станет. Заодно солдаты обшаривали карманы мертвецов и раздевали их. Доспех-то, если ты взял его на поле боя и надел на себя, у тебя уже никто не отберет. Это твоя добыча, которую не будут считать сержанты.

– Пусть все оружие тоже заберут, – сказал Волков фон Финку, глядя на эту картину.

– Я уже распорядился, – заверил его капитан.

А смелый сержант Вилли решил вылезти на южный склон оврага и поискать что-нибудь там. И его храбрость оказалась вознаграждена.

Он обнаружил убитого знаменосца. Тот, как и положено столь уважаемому человеку, был в отличных доспехах, а под ним лежал великолепный флаг – красный, с черным медведем на задних лапах. Эти болваны, когда вытаскивали своего капитана, забыли даже про флаг.

Отличные доспехи, кошель знаменосца и знамя врага! В этот день молодой сержант стрелков Вилли для всех остальных солдат и даже сержантов сразу сделался уважаемым и состоятельным человеком.

Ах, какое же все-таки сладкое ремесло – война.

Волков перед тем, как повернуть коня на запад, еще раз заглянул в овраг. Его дно было завалено раздетыми телами врагов, их насчитывалось не менее сорока. А значит, и раненых еще столько, если не вдвое больше. С райслауферами покончено. Теперь кавалер ехал, чтобы покончить с войсками кантона. Он торопился.

* * *

Они слышали, как бьют и бьют пушки, значит, бой еще шел, а когда оказались уже близко, навстречу попался вестовой.

– Господин, – доложил тот, – ротмистр Брюнхвальд просил вам сказать, что горцы добрались до оврага и мнут его, он не выстоит.

– А кавалеры что? – зло спросил Волков.

– Кавалеры кинулись на вражеских арбалетчиков, теперь я не знаю, где они. Господин, поторопитесь! Господин Рене не выстоит. Сомнут нас еретики.

Просить было не нужно.

– Офицеры, поторопите солдат, шире шаг. Шире! – распорядился кавалер. – Вилли, Вилли, ты где?

Нагруженный трофейными доспехами, прибежал молодой сержант, таща за собой еще и знамя горцев:

– Брось ты это все, – сказал ему Волков. – Беги на помощь Рохе, Рене и Брюнхвальду.

– Нет, господин, побежать я смогу, но не брошу, ничего не брошу. Эй, ребята, на помощь ротмистру Рохе… Надобно будет пробежаться.

Он погнал стрелков вперед.

– Фон Финк, со всей возможной поспешностью… Со всей возможной… – крикнул кавалер и поскакал, обгоняя стрелков.

– Не извольте волноваться, кавалер, – вслед ему отозвался капитан, – бежим, бежим.

Рене не выдержал удара. Несмотря на страшные потери от пушек и арбалетов ламбрийцев, как только кавалеры ускакали гонять докучавших им арбалетчиков, колонна горцев двинулась вперед. Пошла быстро. Не потеряв ни секунды, спустилась по пологому склону оврага и полезла на холм. Теперь пушки могли достать только ее хвост. А голова впилась в линии Рене.

Пики в пики, хруст и ругань. Хоть и не требовалось лезть вверх, горцы лезли с таким остервенением, что линии в центре стали сразу гнуться. Рене сам кинулся выправлять дело, но не выходило. Многие, тут и там, оказались ранены. Пик у горцев было больше, доспех у них лучше, да и численно враги превосходили. Пушки били, но рвали они только хвост колонны, а остальные упрямо лезли вверх. Хотя и им доставалось от арбалетчиков, бившим по ним почти в упор. Уже через десять минут линии Рене стали смешиваться. Сержанты надрывались, орали, били людей, но ничего поделать не могли. Горцы мяли их. Тут уже и Брюнхвальд полез, не поспеши он, так центр разорвали бы уже через несколько минут. Как раз перед тем, как залезть в свалку, он послал гонца к кавалеру.

И Роха тут был, орал так, что на горле под черной щетиной надувались жилы, его люди стреляли и стреляли, быстро, как только могли, но ничего не останавливало баталию непобедимых горцев.

Брюнхвальд проклинал себя, думая, что поздно отправил посыльного к кавалеру. Он уже сам был среди солдат, помогал удерживать этих настырных чертей в овраге. Но надежд у него не оставалось. Карл думал только о сыне. Он надеялся, что у Максимилиана хватит ума уехать, а не лезть в кашу, когда горцы продавят у Рене центр. Только об этом и думал старый ротмистр.

И тут у восточного склона холма, запыхавшиеся от быстрой ходьбы, появились стрелки. Перед ними в своем роскошном бело-голубом наряде на великолепном коне и в драгоценных доспехах ехал сам кавалер Иероним Фолькоф, господин фон Эшбахт, Защитник Веры, Инквизитор.

– Эшбахт! – заорал рядом с Брюнхвальдом какой-то солдат.

Так заорал, что ротмистр вздрогнул. Вздрогнул и подхватил клич, сам крикнул, что есть силы:

– Эшбахт! Ребята, держись, тут он, тут наша Длань Господня!

– Эшбахт! – понеслось над рядами.

– Эшбахт!

– Длань Господня!

– С нами, ребята, он с нами!

И стали подбегать стрелки, становиться рядом и раскуривать еле тлеющие фитили. Хлопнул первый выстрел, за ним второй.

И все вдруг переменилось.

– Эшбахт!

– Длань Господня!

А там, на западе, перестраиваясь из походной колонны в штурмовую, шел фон Финк.

– Эшбахт! – кричали солдаты, чувствуя, как железный натиск горцев начинает слабеть.

– Длань Господня! С нами он!

И вдруг барабаны врага заиграли «приставной шаг назад».

Нет, враги не стали расходиться, как райслауферы, но поняли, что проиграли, и принялись отступать. Отступать, как положено истинным воинам, истинным горцам, не теряя строя, под знаменами и барабанами. Отступать с честью.

По ним били пушки, нанося страшные потери, стрелки Рохи, он сам, арбалетчики Джентиле вместе кинулись за врагами, словно собаки за дичью, стали перебираться на ту строну оврага, подходить к колонне поближе, чтобы стрелять и стрелять в отступающих горцев.

– Увалень! – позвал Волков устало. – Помогите снять шлем.

Александр стал помогать господину, а как шлем был снят, кавалер стянул и подшлемник, вытер им лицо.

К нему подошел Брюнхвальд:

– Кавалер, сегодня была лучшая битва, что я видел за всю жизнь.

Волков тяжело посмотрел на соратника и сказал:

– Карл, мне нужно прилечь. Вы… – Он замолчал.

– Вы ранены, друг мой?

– Нет-нет. – Волков махнул рукой. – Просто устал. Вы идите за ними, не давайте им остановиться, бросьте обоз, гоните их к реке… Главное – не давайте останавливаться. Там, – он указал на восток, – еще недобитые райслауферы. – Не допустите их соединения. Утопите их всех в реке, Карл.

– Я все сделаю, господин фон Эшбахт, – официальным тоном пообещал Брюнхвальд.

Волков тяжело слез с коня, пошел прямо к ближайшей телеге. Там с помощью Увальня влез в телегу и завалился прямо на мешки с мукой. Откуда-то пришел брат Ипполит, уже с расправленным одеялом, и, как только кавалер улегся, накрыл его, а он все повторял:

– Александр, напомните Брюнхвальду, чтобы не давал им останавливаться. Пусть гонит до реки.

– Напомню, кавалер, напомню, – обещал Увалень.